

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,
кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов,
доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,
заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маляев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Румянцев,
доктор юридических наук

Д. Субошич,
кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,
доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник
сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ
в области образования

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O. V. Ziborov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences,
Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubyshko,
Deputy Minister of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Sciences of Russia

N. V. Rumyantsev,
Doctor of Legal Sciences

D. Subošić,
PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsyarkin,
Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzееv,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker
of Education of Russia, Winner of an Award of the Government
of Russia in the Field of Science and Technology, Winner
of an Award of the Government of Russia in the Field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. G. Kadnikov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

А. И. Клименко,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавельюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

A. I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker
of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

И. А. Майбуров,

доктор экономических наук, профессор
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

I. A. Mayburov,

Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,

доктор психологических наук, профессор

И. В. Groшев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии
Правительства РФ в области образования

В. Ф. Енгальчев,

доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,

доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

Л. В. Ситников,

доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,

доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia, Winner
of an Award of the Government of Russia in the field of Education

V. F. Engalychev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. V. Sitnikov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Suhov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,

доктор политических наук, профессор
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А. Д. Иселиани,

доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Federal Migration Service of Russia

A. L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации**
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники, лауреат
премии Правительства РФ в области
образования, доктор экономических
наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ*
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. В. Пешков

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
**Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина**

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
А. П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

**Свидетельство о регистрации
№ 77-14723**

**Индекс по каталогу Агентство
«Урал-Пресс Округ» — 84629**

**Адрес редакции: 117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official**

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 6 • 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки*

АХМЕДОВ Р. М., ЭРИАШВИЛИ Н. Д. Богословско-юридическое наследие шейха Сугаипа-муллы Гойсумова – наставника и просветителя чеченского народа	10
АХТАНИНА Н. А. Эффективность административно-деликтного законодательства в сфере дорожного движения	15
ВАСЮКОВ В. Ф., СТАРЖИНСКАЯ А. Н. К вопросу об организационных и процессуальных особенностях получения электронных данных при расследовании преступлений (опыт Китайской Народной Республики).....	20
ВОРОНЦОВ А. В. О борьбе с организованной преступностью в сфере хищений и незаконного оборота культурных ценностей.....	26
ГАНДАЛОЕВ Р. Б. Ключевые концептуальные аспекты в освоении сущности и строения правового статуса личности в национальном законодательстве.....	31
ЕНДОЛЬЦЕВА А. В. Показания потерпевшего и свидетеля при производстве по уголовному делу в контексте реализации принципа законности.....	36
ЗОРИН С. Л., ПАРЫШЕВ А. И. Превышение должностных полномочий в свете нового понимания объективных и субъективных признаков.....	40
ЗЫРЯНОВ С. М. Государственный контроль (надзор) в сфере регулирования миграционных отношений или миграционный надзор	46
ИДРИСОВ Н. Т. Социологические средства обеспечения эффективной легализации уголовно-правовых запретов.....	55
КУЗЬМЕНКО Ю. А., КУЗЬМИНОВ А. Н. Мониторинг законодательства о цифровых финансовых активах, цифровой валюте	62
ЛАНГНЕР Т. С. Конституционно-правовая характеристика права и субъектов правоприменения предпринимательской деятельности.....	68
МАИЛЯН С. С., МИРОНОВ А. Л. О соотношении понятий «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие» в Российской Федерации	72
МАЛИНОВСКИЙ А. А. Права человека в Южной Африке сквозь призму решений Конституционного Суда ЮАР.....	75
ОСАВЕЛЮК А. М. Подготовка конституционной поправки 2020 года о сохранении традиционных ценностей в России	81
ПАНФИЛОВ П. О. О связи уголовно-процессуальной политики и этнокультуры уголовного судопроизводства	85
ПОБЕДКИН А. В. Доказывание как основная гарантия обеспечения законности в уголовном судопроизводстве	95

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 168

Подписано в печать 23.12.2024 г.
Цена договорная

**Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

САИДОВ З. А. Административное принуждение: вопросы доктрины и проблемы реализации.....	102
САНГАДЖИЕВ Б. В. Некоторые вопросы противодействия организованной преступности в сфере экономики в Российской Федерации	108
СЕЛИХОВА О. Г. Подразделения ГУЭБ МВД России в борьбе с коррупцией	111
СЕМЕНОВА Е. Г. Природные объекты в системе объектов недвижимости	115
СЕМЕНЦОВ В. А. Негативные последствия нарушения законности на примере двух уголовных дел	120
ТОЛСТЫХ О. В., ИСАЕВА К. В. Аспекты антитеррористической защищенности в образовательных организациях.....	125
ТРУНОВ И. Л. Проблемы конституционного судопроизводства.....	132
ШЕНШИН В. М. Войска национальной гвардии Российской Федерации — субъект стратегического планирования	142
ЯТКЕВИЧ О. Г., ХАЗОВА В. Е. К вопросу об истинности суждения в процессе доказывания	147

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Финансы

АБРАМОВ В. И. Влияние западных санкций на экономику Российской Федерации и прогнозы ее развития на 2025 год	153
АСЯЕВА Э. А. Принципы и цели «зеленого» финансирования на финансовом рынке	158
БОРИСОВА Е. В. Криптовалюта и ее влияние на экономическую безопасность	162
БОРОДИН А. И. Раскрытие нефинансовой информации и стоимость компании	166
КИКОТЬ-ГЛУХОДЕДОВА Т. В. Стратегическая оценка рисков внешнеэкономической деятельности в рамках обеспечения национальной безопасности	172
КООКУЕВА В. В. Методологические подходы к идентификации углеродных единиц	176
СЫБАЧИН С. А. Идентификация видов нелегальной деятельности на финансовых рынках	182
ЦЕРЦЕИЛ Ю. С. Систематизация моделей организации и регулирования рынка углеродных единиц в «зеленой экономике»	187

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

БУЛГАКОВ А. В. Концепт «жизненная мудрость/человеческая глупость»: теория и практика	192
--	-----

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific Editor, responsible for the
publication, the Winner of the Award
of the Government of the Russian
Federation in the field of a science
and technics, Winner of the Award of
the Government of Russia in the field
of Education, Doctor of Economic
Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor, Honorary Worker of
Education of Russia*

N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru

Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief

M. A. Andronaki

Senior editor

V. S. Klementieva

Editor

M. V. Peshkov

Executive secretary

A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:

L. S. Antonenko,

A. I. Antoshina

With participation of:

M. I. Nikitin

Design and layout:

A. P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation

The certificate of registration

№77-14723

Zip Code at the List of the Agency

«Ural-Press Okrug» — 84629

Editorial Staff address:

117997, Moscow,

ul. Akademika Volgina, d. 12

Tel. 628-57-16

vestnik.mosu.mvd@mail.ru

<https://vk.com/mosumvd.official>

BULLETIN
OF THE MOSCOW UNIVERSITY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF RUSSIA

Contents № 6 • 2024

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences

Public law (state law) sciences

Private law (civilistic) sciences

Criminal law sciences

International law sciences

AKHMEDOV R. M., ERIASHVILI N. D. The theological and legal legacy of Sheikh Sugaip-Mullah Goysumov, mentor and educator of the Chechen people	10
AKHTANINA N. A. The effectiveness of administrative and tort legislation in the field of traffic	15
VASYUKOV V. F., STARZHINSKAYA A. N. To the question of organizational and procedural peculiarities of obtaining electronic data in the investigation of crimes (experience of the People's Republic of China).....	20
VORONTSOV A. V. On combating organized crime in the field of theft and illicit trafficking of cultural property.....	26
GANDALOEV R. B. Key conceptual aspects in mastering the essence and structure of the legal status of a person in national legislation.....	31
ENDOLTCEVA A. V. Testimony of the victim and witness in proceedings of criminal case in the context of the implementation of the principle of legality.....	36
ZORIN S. L., PARYSHEV A. I. Exceeding official powers in the light of a new understanding of objective and subjective signs.....	40
ZYRYANOV S. M. State control (supervision) in the field of regulation of migration relations or migration supervision.....	46
IDRISOV N. T. Sociological means of ensuring effective legalization of criminal prohibitions	55
KUZMENKO YU. A., KUZMINOV A. N. Monitoring of legislation on digital financial assets, digital currency.....	62
LANGNER T. S. Constitutional and legal characterization of the right and subjects of law enforcement of entrepreneurial activity	68
MAILYAN S. S., MIRONOV A. L. On the relationship between the concepts of «constitutional legal proceedings» and «constitutional justice» in the Russian Federation.....	72
MALINOVSKY A. A. Human rights in South Africa through the prism of decisions of the Constitutional Court of South Africa	75
OSAVELYUK A. M. Preparation of the 2020 constitutional amendment on the preservation of traditional values in Russia	81
PANFILOV P. O. On the relationship between criminal procedure policy and the ethnoculture of criminal procedure.....	85
POBEDKIN A. V. Evidence as the main guarantee of ensuring legality in criminal proceedings	95

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)

Order № 168

It is sent for the press 23.12.2024
Contractual price

Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

Zip Code at the List of the
Agency «Ural-Press Okrug» 84629,
or on the website Scientific
electronic library:
<http://elibrary.ru>

SAIDOV Z. A. Administrative coercion: issues of doctrine and problems of implementation	102
SANGADZHIEV B. V. Some issues of combating organised crime in the sphere of economy in the Russian Federation.....	108
SELIKHOVA O. G. Divisions of the Main Department of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the fight against corruption	111
SEMENOVA E. G. Natural objects in the real estate system	115
SEMENTSOV V. A. Negative consequences of violations of the rule of law on the example of two criminal cases.....	120
TOLSTYKH O. V., ISAYEVA K. V. Aspects of anti-terrorist security in educational organizations.....	125
TRUNOV I. L. Problems of constitutional court proceedings	132
SHENSHIN V. M. National Guard Troops of the Russian Federation — subject of strategic planning.....	142
YATKEVICH O. G., KHAZOVA V. E. On the question of the truth of a judgment in the process of proof.....	147

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics

Finance

ABRAMOV V. I. The impact of Western sanctions on the economy of the Russian Federation and its development forecasts for 2025	153
ASYAEVA E. A. Principles and objectives of «green» financing on the financial market	158
BORISOVA E. V. Cryptocurrency and its impact on economic security..	162
BORODIN A. I. Non-financial reporting disclosure and company value..	166
KIKOT'-GLUKHODEDOVA T. V. Strategic assessment of the risks of foreign economic activity in the framework of national security	172
KOOKUEVA V. V. Methodological approaches to the identification of carbon units.....	176
SYBACHIN S. A. Identification of illegal activities on financial markets	182
TSERTSEIL JU. S. Systematization of models for organizing and regulating the carbon market in the «green economy»	187

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

BULGAKOV A. V. The concept of «life wisdom/human stupidity»: theory and practice	192
---	-----

Научная статья

УДК 348.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-10-14>

EDN: <https://elibrary.ru/zwzelg>

НИОН: 2003-0059-6/24-182

MOSURED: 77/27-003-2024-06-381

Богословско-юридическое наследие шейха Сугаипа-муллы Гойсумова – наставника и просветителя чеченского народа

Руслан Маратович Ахмедов¹, Нодари Дарчоевич Эриашвили²

^{1,2} Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

¹ ahmedov@list.ru

² professor60@mail.ru

Аннотация. Представлено изучение доктринальных подходов к вопросам правоприменения, правореализации исламской догматики, норм Шариата в общественно-политической и правовой реальности, в различные времена всегда по-особому интересовавших исследователей. Причиной тому то, что ученые богословы-правоведы, обучая юриспруденции, призывали к служению исламской религии и праву не только по совести, но и по велению души. К таковым ученым богословам-правоведам относится шейх Сугаип-мулла, который заслуживает особого внимания как человек, оставивший весомый научный «след» в исламском праве. Его научные труды получили свое практическое воплощение в мусульманской юридической практике Чечни, способствовали усилению роли и значения ислама в качестве идеологемы религиозного вероучения. Стали важной частью современного исламского богословия, основанного на нормах Шариата.

Ключевые слова: духовный лидер, наставник, исламские традиционные духовно-нравственные ценности, исламское право, шейх Сугаип-мулла

Для цитирования: Ахмедов Р. М., Эриашвили Н. Д. Богословско-юридическое наследие шейха Сугаипа-муллы Гойсумова – наставника и просветителя чеченского народа // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 10–14. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-10-14>. EDN: ZWZELG.

Original article

The theological and legal legacy of Sheikh Sugaip-Mullah Goysumov, mentor and educator of the Chechen people

Ruslan M. Akhmedov¹, Nodari D. Eriashvili²

^{1,2} Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia

¹ ahmedov@list.ru

² professor60@mail.ru

Abstract. The study is presented of doctrinal approaches to issues of law enforcement, the legal realization of Islamic dogma, Sharia norms in socio-political and legal reality, which have always been of particular interest to researchers at various times. The reason for this is that legal scholars, teaching jurisprudence, called for the service of the Islamic religion and law not only according to conscience, but also according to the dictates of the soul. Such scholars of theology and jurisprudence include Sheikh Sugaip Mullah, who deserves special attention as a man who has left a significant scientific «footprint» in Islamic law. His scientific works were put into practice in the Muslim legal practice of Chechnya, and contributed to strengthening the role and importance of Islam as an ideologeme of religious doctrine. They have become an important part of modern Islamic theology based on Sharia norms.

Keywords: spiritual leader, mentor, Islamic traditional spiritual and moral values, Islamic law, Sheikh Sugaip Mullah

For citation: Akhmedov R. M., Eriashvili N. D. The theological and legal legacy of Sheikh Sugaip-Mullah Goysumov, mentor and educator of the Chechen people. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):10–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-10-14>. EDN: ZWZELG.

© Ахмедов Р. М., Эриашвили Н. Д., 2024

Конец XX столетия ознаменовался глобальными преобразованиями, которые происходили в жизнедеятельности как мирового сообщества, так и на уровне региональных, национальных государств. В силу чего произошла существенная модернизация общественного устройства, идеологической системы моделирования социокультурной среды, где традиционным духовно-нравственным ценностям стала отводиться незначительная роль в качестве нормативного регулятора. Причиной этому стали агрессивно навязанные аксиологические социокультурные формы деструктивной неолиберальной идеологической установки, которые мировоззренчески разрушают исторически сложившиеся цивилизационные культуры, в том числе содержащие идеологему традиционных религий. Подобная негативная социокультурная форма мировоззренчески навязывалась населению Российской Федерации с 90-х годов конца XX века, что подрывало основы конституционного строя, порождало религиозную ксенофобию среди многоконфессионального состава страны.

В начале XXI века руководство Российской Федерации, стремясь сохранить самобытные этнокультурные особенности многонационального состава населения в условиях глобализационных процессов, в своей деятельности обозначило контуры перспективного стратегического государственного строительства, которое ориентировано на правовую защиту традиционного этнокультурного наследия. По-новому переосмыслена роль и место традиционных религиозных объединений в качестве институтов гражданского общества, участвующих в формировании, утверждении морально-нравственных ориентиров, осмысленных духовных ценностей для российского общества.

Отмеченная государственная политика нашла свое практическое воплощение в нормах отечественного законодательства. Примером тому п. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, где впервые по результатам конституционных поправок в 2020 году включена категория — Бог в качестве духовно-нравственной ценности. В последующем данная конституционная норма получила свое развитие в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и утверждению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где в п. 6 отмечено, что ислам является неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия.

Представленные государственно-правовые инициативы в рассматриваемой сфере общественных отношений способствовали тому, что среди ученых различных научных специальностей увеличилось количество научных мероприятий, исследований, публикаций по вопросу о роли и значении идеологемы

традиционного религиозного вероучения в сохранении духовно-нравственных ценностей, которые являются исторически обусловленными и детерминированными с местной социокультурной средой.

Особый интерес среди подобных научных трудов занимают исследования, которые посвящены биографии и творчеству духовных лидеров, наставников, просветителей, ставших авторитетными богословами, религиоведами и приобретшие народное признание за свои праведные и благочестивые дела. Чему, собственно, и посвящена представленная научная статья, которая лишь отчасти способна осветить те факты, события, научное творчество, которые неотъемлемо связаны с жизнедеятельностью выдающегося представителя чеченского народа, ученого, богослова, правоведа — шейха Сугаипа-муллы Гойсумова.

Шейх Сугаип-мулла Гойсумов (1837–1932 гг.) при жизни получил народное признание среди чеченской уммы за наставническую, просветительскую, юридическую деятельность. Является родоначальником алфавита чеченского языка на основе арабской графики (аджам), что позволило переводить на чеченский язык оригинальную арабскую богословско-юридическую литературу. Поэтому его научные труды стали важной частью современного исламского богословия и образования, основанного на нормах шариата и широко распространяемыми среди поклонников исламского религиозного вероучения.

Будущий исламский ученый, богослов, правовед шейх Сугаип-мулла Гойсумов с детства проявлял особый интерес и любознательность к наукам и языкам. Благодаря своему природному дару, тяге к знаниям в различных областях наук, изучению иностранных языков, наличию феноменальной памяти, шейх уже к пятнадцати годам стал хафизом, так как свободно читал, цитировал и толковал Коран. Стремление к знаниям в последующем реализовывалось на всем протяжении его земной жизни. Как приводится в хадисе Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует): «بَلِّغْ أُمَّةً لَوْ كَانَتْ أُمَّةً لَعَدَّيْهِ بِأَقْيَمِ رِجْلِ رِطِّ كَلِّسَ نَمَ» (смысл): «Вступившему на какой-нибудь путь в поисках знания Аллах (за это) облегчит путь в рай» [1, гл. 241].

Период жизни и активного творчества шейха Сугаипа-муллы совпал с периодом нестабильной общественно-политической, правовой, экономической, культурной реальности, которая сложилась на тот момент в устройстве Российского государства. Это период революционных преобразований конца XIX – начала XX вв., общественно-политических событий 1917 г., приведших к переменам в основах государственного режима в России. Смена формата общественного устройства неминуемо сказалась на мировоззренческих ценностях, которые являлись

духовно-нравственными ориентирами в жизни и деятельности человека. Как следствие, вне социокультурной среды оказалась религия как нормативный регулятор, роль которого в обществе стала считаться архаичным рудиментом. Это существенно усложнило возможность реализации религиозного обучения среди подраставшего поколения, передачи знаний, основанных на традиционных исламских духовно-нравственных ценностях и нормах шариата.

Однако, несмотря на произошедшие перемены, идеологическое переустройство общества, шейх Сугаип-мулла продолжал свою научную, наставническую, просветительскую деятельность, опирающуюся на те знания, которые им были усвоены от отца Гойсуму-моллы, его учителей шейха Ташов-Хаджи из Индеря, Умалат-шейх ал-Кастаки, Хаваж-Бахауддина, шейха Абдул-Муталлиба и других. Эти знания основаны на классическом наследии шафиитской правовой богословской школы и суфийского тариката накшбандия. Поэтому шейх Сугаип-мулла, являясь последователем богословско-юридической школы мазбаха, отдавал предпочтение методологии этой школы в своей богословской, правоприменительной, нормотворческой деятельности.

Богословско-юридическая деятельность шейха Сугаипа-моллы сопровождалась подготовкой и публикацией научных и литературных трудов, многие из которых написаны на арабском языке и содержат философские размышления. До нашего времени дошли не все научные труды и литературные произведения. Поэтому тезисно отметим те, которые смог собрать, изучить и ввести в научный оборот Ибрагимов Ризван Абубакарович [2].

В богословско-юридическом труде «Хидаят ар-Ражий ила ма'рифати хукми закати ан-Нахачи» (О правилах закята и совершенствовании этого процесса среди жителей Чечни) разъясняется процедура и особенности выплаты закята с кукурузы, не очищенной от початков. Поскольку шафиитская правовая школа (мазхаб имама аш-Шафии) придерживается классически устоявшегося мнения по обозначенному вопросу, среди богословов-правоведов неоднократно возникали различные трудности в толковании и применении этой процедуры. Шейх Сугаип-мулла представил в этом труде свою научно обоснованную богословско-юридическую позицию, тем самым внося разъяснения.

Следующим немаловажным богословско-юридическим трудом является «Факку ар-Рикъаби мин каффи ал-'икъаби» (Освобождение людей от божественного суда), который включает в себя семь разделов и заключение. Коротко раскроем его содержание по каждому разделу. Первый раздел «Объяснение условий отрицания и его характеристики» раскрывает некоторые интеллектуально-волевые качества, который должен продемонстрировать человек сомневающийся.

Философски рассуждая, шейх в своих умозаключениях приходит к выводу о том, что лишь человек, обладающий знаниями, может ставить любое событие, явление, категорию под сомнение. При этом знания должны быть полными, объективными и непротиворечивыми.

Второй раздел «Объяснение постановления о науках святых» раскрывает важность, значение трудов суфийских ученых-богословов в качестве исламских доктрин, толкующих нормы Шариата. Третий раздел работы назван «Об разъяснении вынесения шариатских постановлений на основе своего усердия муджтахидами и другими учеными». Четвертый раздел получил название «Подражание и допустимость следовать за слабой версией без колебаний». Пятый раздел книги шейх Сугаип-мулла назвал следующим образом «Как и когда заключается действующее единогласное решение в религии». Шестой раздел получил наименование «Что такое единогласное решение в религии». Седьмой раздел назван «О фетвотворческой деятельности».

Заключение своего научного труда, озаглавленное как «Объяснение истины Шариата и последствий его нарушения, благотворности и уникальности науки и ее ученых», шейх Сугаип-мулла посвятил выводам, где сформулировал ряд важнейших доктринальных богословских постулатов о важности исламского вероучения в качестве нравственно-ценностного ориентира в выборе мирского устройства бытия человека.

В труде «Факку ар-Рикъаби мин каффи ал-'икъаби» шейх размышлял о важности для исламской богословско-юридической науки для просвещения мусульман.

Подготовил ряд арабо-графических работ по грамматике, языкознанию, среди которых: «Правописание Ча, Ча, Кха, Киа, Га, Циа, Ца и их смысл»; «Намаз на чеченском языке»; «Просвещение для народа»; «Корни международного Корана»; «Словарь на пяти языках».

Много внимания шейх Сугаип-мулла, будучи главой высшего законодательного и судебного органа Мехк-кхела, кадием аула Шали, Грозненского и Веденского округов Терской области, уделял нормотворчеству в области развития исламского права. Опыт судейской деятельности позволил ему сформировать собственное видение по ряду богословско-юридических вопросов, которые неоднозначно трактовались на практике. Так, из-под пера шейха вышли фетвы по порядку поклонения (ибадат); разрешению некоторых вопросов семейно-брачных взаимоотношений; относительно пагубности вредных привычек и другие.

Отдельное исследовательское внимание заслуживают литературные произведения шейха Сугаипа-моллы, которые написаны на классическом арабском и чеченском языках в стихотворной форме. Стихи посвящены восхвалению посланника Аллаха Му-

хаммаду (да благословит его Аллах и приветствует), праведных сподвижников уммы, а также важности соблюдения и исполнения исламских традиционных духовно-нравственных ценностей. В них шейх в поэтическом стиле порицает человеческие пороки, насилие и вражду между людьми, зависть и другие смертные грехи.

Подводя некоторые выводы о результатах богословско-юридической деятельности шейха Сугаип-муллы, необходимо отметить, что шейх являлся выдающейся личностью, известным богословом, оказавшим большое влияние на развитие традиционных духовно-нравственных ценностей и правовой науки на территории Чечни. Его религиозная, просветительская, практическая деятельность, имела большое значение как для жителей Шалинского округа, где он жил и работал, так и для всего чеченского народа.

Шейх Сугаип-мулла один из тех, кто в богословских вопросах, ритуалах и обрядах придерживался наследия шафиитской правовой богословской школы и суфийского тариката накшбандийа, был наставником и пропагандистом этого тариката. Являясь приверженцем шафиитской богословско-правовой школы, шейх отдавал предпочтение методологии этой школы в правоприменительной, нормотворческой деятельности.

Научная, религиозная и юридическая деятельность шейха Сугаип-муллы осуществлялась в сложных общественно-политических условиях в регионе и в стране. Роль ислама официальными властями в Российской империи всячески принижалась, чтобы ограничить его влияние в мусульманских сообществах страны. В условиях секуляризации и атеизации общества после революции 1917 г. нарушались традиции межпоколенческой преемственности по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей и передаче исламских знаний, которые проповедовал шейх Сугаип-мулла. Тем не менее, шейх продолжал свою просветительскую, образовательную и практическую деятельность, что способствовало сохранению ислама и норм шариата среди чеченского народа в качестве регуляторов общественных отношений.

Правовая деятельность шейха Сугаип-муллы заключалась в качестве кадия и в подготовке фетв. Одним из значимых вопросов, получивших шариатское разрешение благодаря его фетве, стал вопрос о дозволенности выплаты обязательного ежегодного налога (закята) на кукурузу до ее очищения от початков.

Научное творчество шейха Сугаип-муллы сопровождалось подготовкой литературных произведений, в которых проповедовались традиционные духовно-нравственные ценности на арабском языке. Шейхом подготовлено множество поэтических произведений, в которых восхваляются пророки и праведники. По-

добные литературные труды богослова способствовали пропаганде знаний об Исламе, его сподвижниках, добродетельной жизни по законам Шариата. Его научные труды получили свое практическое воплощение в исламской юридической практике, способствовали усилению роли и значения ислама в качестве религиозной идеологии для населения, проживающего на Кавказе. Стали важной частью современной исламской доктрины в сфере образования. Поэтому не случайно его заповеди и наказания, которые адресованы будущим поколениям направлены на то, чтобы молодежь стремилась к приобретению интеллектуальных знаний, изучала языки, духовно и нравственно совершенствовалась, познавая постулаты ислама.

Шейх Сугаип-мулла погребен в селе Шали, где он начал свой творческий богословский, наставнический путь. Место упокоения выдающегося чеченского ученого, богослова, правоведа является почитаемым, куда прибывают его последователи, ученики, паломники, стремящиеся отдать дань и уважение личности, творчеству и деятельности шейха Сугаип-муллы Гойсумова.

Список источников

1. Имам ан-Навави. Рийад ас-Салихин (Хадисы Пророка Мухаммада) // URL: <https://isnad.link/book/riyadh-as-salikhin>
2. Ибрагимов Р. А. Шейх Сугаип-мулла Гойсумов : его богословские труды и вклад в распространение исламской религии : специальность – «Исламское право» : автореферат диссертации на соискание богословской степени доктора исламских наук / Ризван Абубакарович Ибрагимов; Болгарская исламская академия. Болгар, 2024. 22 с.

References

1. Imam al-Nawawi. Riyad as-Salihin (Prophet of the Hadith of Muhammad) // URL: <https://isnad.link/book/riyadh-as-salikhin>
2. Ibrahimov R. A. Sheikh Sugaip-mullah Goysumov : his theological works and contribution to the spread of Islamic religion : specialty – «Islamic Law» : abstract of the dissertation for the theological degree of Doctor of Islamic Sciences / Rizvan Abubakarovich Ibrahimov; Bulgarian Islamic Academy. Bolgar, 2024. 22 p.

Библиографический список

1. Вачагаев М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920 // URL: <https://www.litres.ru/book/m->

m-vachagaev/souz-gorcev-severnogo-kavkaza-i-gorskaya-respublika-istoriya-37943599/chitat-onlayn/?page=4&ysclid=m4ifsqrqqs598085971/

2. Духаев А. И. Эпоха шайхов. Элиста : изд-во «Джангар», 2007. 416 с.
3. Киндаров А. Г. Шейх Сугаип-мулла Гойсумов (библиографический очерк). Грозный : ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2012. 256 с.
4. Танов М. Шейх Сугаип-мулла // URL: [https://proza.ru/2021/07/06/1555?ysclid=m4ifpsw9at980862517/](https://proza.ru/2021/07/06/1555?ysclid=m4ifpsw9at980862517)

Bibliographic list

1. Vachagaev M. Union of highlanders of the

North Caucasus and the Mountain Republic. The history of the failed state. 1917–1920 // URL: <https://www.litres.ru/book/m-m-vachagaev/souz-gorcev-severnogo-kavkaza-i-gorskaya-respublika-istoriya-37943599/chitat-onlayn/?page=4&ysclid=m4ifsqrqqs598085971/>

2. Dukhaev A. I. The Era of the Shaykhs. Elista : publishing house «Dzhangar», 2007. 416 p.
3. Kindarov A. G. Sheikh Sugaip-mullah Goisumov (bibliographic essay). Grozny : FSUE Publishing and Printing complex «Grozny Worker», 2012. 256 p.
4. Tanov M. Sheikh Sugaip-mullah // URL: <https://proza.ru/2021/07/06/1555?ysclid=m4ifpsw9at980862517/>

Информация об авторах

Р. М. Ахмедов – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин и цифрового права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доктор юридических наук, доцент;

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Information about the authors

R. M. Akhmedov – Head of the Department of Public Law and Digital Law of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

N. D. Eriashvili – Professor of the Department of Public Law and Digital Law of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Educator of the Russian Federation, Laureate of the Award of the Government of the Russian Federation in Science and Technology, Laureate of the Russian Government Award for Education.

Вклад автора: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья
УДК 34:351.95
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-15-19>
EDN: <https://elibrary.ru/xpphrq>
НИОН: 2003-0059-6/24-183
MOSURED: 77/27-003-2024-06-382

Эффективность административно-деликтного законодательства в сфере дорожного движения

Наталья Анатольевна Ахтанина

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия, akhtanina@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрена эффективность института административного санкционирования за нарушения ПДД через его детальный анализ в перспективе современного развития всех процессов жизнедеятельности государства. Рассматриваются проблемные вопросы, препятствующие в полной мере реализовать потенциал данного института и не дающие оказать должного превентивного эффекта на участников дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, административная ответственность, административное правонарушение, дорожно-транспортное происшествие, средства индивидуальной мобильности

Для цитирования: Ахтанина Н. А. Эффективность административно-деликтного законодательства в сфере дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 15–19. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-15-19>. EDN: XPPHRQ.

Original article

The effectiveness of administrative and tort legislation in the field of traffic

Natalia A. Akhtanina

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia, akhtanina@inbox.ru

Abstract. The effectiveness of the institution of administrative sanction for traffic violations is considered through its detailed analysis in the perspective of the modern development of all processes of the life of the state. The problematic issues that prevent the full realization of the potential of this institution and do not allow to have a proper preventive effect on road users are considered.

Keywords: road safety, administrative responsibility, administrative offense, traffic accident, personal mobility equipment

For citation: Akhtanina N. A. The effectiveness of administrative and tort legislation in the field of traffic. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):15–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-15-19>. EDN: XPPHRQ.

Состояние защищенности населения от угроз различного характера зависит от множества всесторонних факторов, с которыми нужно бороться либо их регулировать, чтобы повысить безопасность граждан. Одним из таких факторов выступает нарушение правил дорожного движения, который может повлечь за собой негативные последствия различной тяжести. Контроль вышеназванного фактора является государственно-значимой задачей, которая определена в Стратегии безопасности дорожного движения в РФ на

2018–2024 годы, отмечающая важность охраны процесса дорожного движения от противоправных действий [1].

Одним из средств реализации вышеуказанной стратегии является институт административной ответственности, который определяет в гл. 12 КоАП РФ нарушения правил дорожного движения (далее — ПДД) в области дорожного движения [2]. Под административно ответственностью следует понимать обязанность субъектов правоотношений соблюдать

социальные нормы, а в случаях безответственного поведения, которое нарушает общественные отношения, — претерпевать определенные правоограничения [3]. В данном плане мы можем просмотреть два аспекта административно-деликтного законодательства: позитивный — обязанность следовать предписаниям, и негативный — обязанность претерпеть конкретные правовые лишения. Об эффективности данного института можно порассуждать с позиции статистических показателей или с позиции всестороннего научного анализа его состояния и мнения различных ученых по данному вопросу.

Если обратиться к официальной статистике, то в 2023 году по вине водителей из-за нарушений ПДД погибло 12330 человек, что на 3,4 % больше по отношению к 2022 году [4]. Несмотря на всю строгость санкций, указанных в КоАП, за нарушения ПДД и их обширный список, общая и частная превенция, определяющая эффективность данного института, работает, на первый взгляд, не так эффективно, как хотелось бы, что требует проработки вариантов ее повышения.

В научной среде отмечают возможность и необходимость ужесточения административной санкции за нарушение ПДД путем поднятия административных штрафов, предусмотренных в гл. 12 КоАП РФ [5]. Однако стоит отметить, что бесконечное поднятия планки административных штрафов не является рациональным решением, так как в какой-то момент эта мера перестанет иметь превентивный характер и начнет походиться на инструмент чрезмерного нарушения прав граждан. Тут, как отмечается в науке, необходимо в большей степени прорабатывать вопрос правового механизма реализации неотвратимости наказания, что должно возыметь определенный эффект на злостных нарушителей ПДД, которых не страшит увеличение суммы штрафа [6, с. 223]. Указанный подход видится верным, так как наказания не всегда реально исполняются в отношении правонарушителей, которые годами могут накапливать административные штрафы.

Так, В. И. Майоров и О. И. Бекетов говорят о том, что наиболее рациональным путем улучшения прорабатываемого института видится в дифференциации и индивидуализации ответственности за правонарушения [7]. Такое видение представляется правильным, так как будет некорректно просто поднять санкцию за нарушение конкретной нормы, охраняющей БДД, ведь для некоторых лиц определенные суммы окажутся неподъемными, что противоречит основным принципам административного законодательства.

В частности, для материально обеспеченного населения уплатить штраф, который составляют 1/1000

их дохода, не составляет труда, отчего, к примеру, несоблюдение скоростного режима является основной причиной ДТП, отчего теряется профилактическая значимость указанного института. А. И. Смоляков по указанному поводу предлагает определить законным путем корреляцию размера административного штрафа от определенного количества совершенных за конкретный период времени административных правонарушений [8]. Нужно исходить из количественных показателей грубых нарушений ПДД и увеличивать штраф в соответствии с конкретным числом противоправных действий.

По указанному направлению также одним из рациональных шагов является уделение внимания систематическому нарушению административных нарушений и введению по данному факту бальной системы за каждый деликт, которая существовала в нашей стране ранее и в которой видят необходимость в научной среде [9]. Эффективность такого нововведения можно проследить на примере Китая, в котором у каждого водителя на начало года появляется в его водительской карточке 12 баллов, за каждое правонарушения в области дорожного движения у него отнимается определенное количество, когда водитель исчерпывает их, то у него отбирается водительское удостоверение, он выплачивает штраф и сдает экзамен заново [10]. Конечно, ушлые водители могут переписать правонарушение на другое лицо, которое вписано в полис обязательного страхования, которое и не совершало его, однако иное доказать не представляется возможным. Однако все равно другие лица, на которых имеется возможность возложить ответственность за правонарушение и которые его не совершали, не бесконечны, и во всяком случае превентивная функция такого нововведения очень велика и способна повлиять в лучшую сторону на водителей.

В недавнем времени законодатель ввел новую категорию транспортного средства, которая получила большую популярность в последние годы, а именно средство индивидуальной мобильности (далее — СИМ), к ним приравниваются электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сегвеи, моноколеса и тому подобные устройства. Данные средства обрели свою популярность в связи с их простотой в использовании, возможности оперативного перемещения по городу и отсутствию обязательных разрешительных документов для их использования, что повлекло за собой большое количество ДТП с их участием, потребовавшее законодательной проработки данной категории т/с. Негативную динамику по росту данных событий отмечают в СМИ, только за первые девять месяцев 2023 г. произошло 2,6 тыс. ДТП с участием СИМ [11].

Вышеназванная проблема заслуживает отдельного более полного правового анализа необходимости обязательной сертификации и регистрации таких т/с. Если говорить про административную ответственность за нарушения, связанные с СИМ, то здесь стоит уделить внимание проработке вопроса об обязанностях лиц, которые становятся их водителями, за нарушение которых и стоит вводить административные санкции. Вхождение данных правонарушений в институт административной ответственности в большей мере на начальном этапе появления данного новшества может обеспечить превенцию этих административных правонарушений. Чтобы обеспечить предупреждение данных деликтов необходимо ввести процедуру определения водителя СИМ, то есть возможность выявить правонарушителя, которого сфотографировала камера и который скрылся с места правонарушения. Для этого надлежит ввести для каждого такого устройства номерные знаки, которые будут привязаны к владельцу или лицу, который его арендовало, что пока видится смутно из-за неготовности нашей правовой системы и системы технической эксплуатации арендованного СИМ. Однако в Москве уже прорабатывается такая возможность, и на самокатах одной из прокатной компании появились идентификационные номера в экспериментальном режиме, что говорит о положительной тенденции в данной сфере [12].

В научной среде высказывается довольная правильная мысль о том, что перед проработкой вопроса дальнейшего повышения эффективности административно-деликтного законодательства необходимо решить насущные проблемы с дорожной инфраструктурой. В особенности отмечается, что при выполнении обгона или опережения в местах, где имеются дорожные неровности, недочеты по дорожному полотну, отсутствие разметки случаи нарушения ПДД учащенные [13, с. 94–98]. В таких условиях водители будут находиться в состоянии неопределенности, отчего и институт административного санкционирования не будет работать должным образом. Именно этот фактор, который является одним из многих, кажется мелочью, которая оправдывает водителей, однако такие условия ни коем образом не могут способствовать правомерному поведению участников дорожного движения, которые будут вынуждены отойти от ПДД и совершить правонарушение, что, конечно же, является неправильной, но вынужденной мерой.

Стоит отметить, что институт административного санкционирования имеет проблему с определением и назначением наказаний, что препятствует его наиболее совершенному становлению. Так, когда правонарушение зафиксировано специальными устройствами

автоматической фиксации правонарушений, размер налагаемого административного штрафа должен быть минимальным. Однако в данном случае выбор наказания не зависит от характера совершенного правонарушения или личности правонарушителя, что препятствует реализации основных принципов административного права. А если мы говорим про правонарушения в сфере БДД, то здесь стоит отметить, что правонарушитель, совершивший наиболее опасное нарушение ПДД, также привлекается к административному штрафу, а это ограничивает применение соразмерного административного наказания.

Вышеназванное положение допускает следующую несправедливую ситуацию: к примеру, если конкретное административное правонарушение альтернативно наказывается лишением водительского удостоверения либо наложением штрафа, и оно было выявлено средствами автоматической фиксации, то налагается административный штраф. Данную проблему следует решать посредством пересмотра критериев назначения наказания с помощью указанных технических средств для наиболее высокой эффективности института административной ответственности в системе профилактики ДТП. Также не должно быть упрощенной процедуры, когда речь идет об административных правонарушениях в области БДД, за которые следует лишение водительского удостоверения.

Вышеназванная проблема ведет к ощущению нарушителем своей вседозволенности в плане нарушений ПДД, а также к подрыву авторитета власти и закона в глазах участников дорожного движения. Сознание лицом правонарушения и степень его наказания играет большую роль в действенной системе административной ответственности. Для наиболее полного осознания лицом самого нарушения необходима его дифференциация, что затруднительно при использовании автоматических средств фиксации правонарушений.

Стоит уделить внимание следующему факту: обеспечение безопасности дорожного движения сложный процесс, который требует привлечение огромного ресурса во благо общества, поэтому на данном этапе исторического развития усилий только государственного аппарата недостаточно для ее решения недостаточно. Для этого со стороны Госавтоинспекции следует привлекать общественные организации и простых граждан, дабы обеспечить профилактику аварийности на дорогах в полной мере.

Так, в Государственной думе призвали разработать приложение «Народный инспектор», действие которого будет направлено на фиксацию обычными гражданами нарушений ПДД. После фиксации данные о нарушении будут направляться в подразделения Го-

савтоинспекции, где и будут рассматриваться уполномоченными лицами. Правовая проработка указанного вопроса необходима для обеспечения всестороннего и полного взаимодействия между гражданами и правоохранительными органами по обеспечению БДД, что будет отвечать основным принципам деятельности полиции. Это также позволит повысить качество выявления нарушений ПДД и снизить аварийность на дорогах.

Таким образом, в стремительно растущем процессе дорожного движения и все большей вовлеченности граждан России, мы можем проследить, что растет количество ДТП, которые негативно сказываются на состоянии защищенности населения и причиняют ущерб государству. В борьбе с данной проблемой выступает административно-деликтное законодательство, эффективность которого по статистике ДТП находится не лучшей позиции, что связано с малой проработанностью и отставанием от современных трендов законодательства в данной области. В моем понимании для повышения эффективности данного института необходимо рассмотреть следующие вопросы: индивидуализация и дифференциация наказаний за нарушение ПДД; введение балльной системы нарушений ПДД; регламентация СИМ и введение административной ответственности, связанной с их эксплуатацией; проработка применения принципа соразмерности наказания; вовлечение граждан и организации в профилактику административных правонарушений через мобильные приложения и возможность через них фиксировать административные правонарушения.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы» от 8 января 2018 г. № 1-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.01.2018. № 5. Ст. 774.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.
3. Хачатуров Р., Липинский Д. Общая теория юридической ответственности // Litres: электронная библиотека. 2022. С. 17–21.
4. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения // URL: <http://stat.gibdd.ru/>
5. Тыжинов А. А. Эффективность административной ответственности в области дорожного

движения // Проблемы применения законодательства об административной ответственности. 2020. С. 71–74.

6. Афанасьева О. Р. Эффективность административного наказания за административные правонарушения в области дорожного движения // Электронный научный журнал «Транспортное право и безопасность». 2021. № 4 (40). 2021. № 4. С. 223–234.
7. Майоров В. И., Бекетов О. И. Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения : современные тенденции и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 563–567.
8. Смоляков А. И. Проблемные вопросы индивидуализации наказания за совершение административных правонарушений в области безопасности дорожного движения // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 99–103.
9. Ахтанина Н. А. К вопросу об административной ответственности за систематические нарушения в области дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2020. № 1. С. 40–46.
10. Симорот С. Ю., Фатикзянова В. А. Сравнительный анализ привлечения водителей к ответственности за нарушение ПДД на примере России и Китая // Основные тенденции развития правовой науки. 2020. С. 337–340.
11. Буранов И. Аварийность с электросамокатами выросла в России втрое // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6311731/>
12. Азарова Н. В. Проблемные аспекты вопроса об административной ответственности в сфере дорожного движения // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 94–98.
13. Абрамов А. В. Москве начали выставлять самокаты с номерами, по которым смогут «штрафовать» камеры // URL: <https://ria.ru/20230320/dtp-1859121692.html/>

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation «On approval of the Road Safety Strategy in the Russian Federation for 2018–2024» № 1-r dated January 8, 2018 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 29.01.2018. № 5. Art. 774.
2. Code of the Russian Federation on Administrative

- Offenses № 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on 18.03.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1. Art. 1.
3. Khachaturov R., Lipinsky D. General theory of legal responsibility // Litres: electronic library. 2022. P. 17–21.
 4. Information on indicators of road safety // URL: <http://stat.gibdd.ru/>
 5. Tyzhinov A. A. Efficiency of administrative responsibility in the field of traffic // Problems of application of legislation on administrative responsibility. 2020. P. 71–74.
 6. Afanasyeva O. R. Effectiveness of administrative punishment for administrative offenses in the field of traffic // Electronic scientific journal «Transport Law and Safety». 2021. № 4 (40). 2021. № 4. P. 223–234.
 7. Mayorov V. I., Beketov O. I. Administrative responsibility in the field of road safety : current trends and prospects // Siberian Law Review. 2019. Vol. 16. № 4. P. 563–567.
 8. Smolyakov A. I. Problematic issues of individualization of punishment for administrative offenses in the field of road safety // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (49). P. 99–103.
 9. Akhtanina N. A. On the issue of administrative responsibility for systematic violations in the field of traffic // Management of road safety activities: status, problems, ways of improvement. 2020. № 1. P. 40–46.
 10. Simorot S. Yu., Fatikzyanova V. A. Comparative analysis of bringing drivers to responsibility for traffic violations on the example of Russia and China // The main trends in the development of legal science. 2020. P. 337–340.
 11. Buranov I. Accident rate with electric scooters has tripled in Russia // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6311731/>
 12. Azarova N. V. Problematic aspects of the issue of administrative responsibility in the field of traffic // Legal science. 2023. № 7. P. 94–98.
 13. Abramov A. V. Moscow began to exhibit scooters with numbers according to which cameras can be «fined» // URL: <https://ria.ru/20230320/dtp-1859121692/>

Информация об авторе

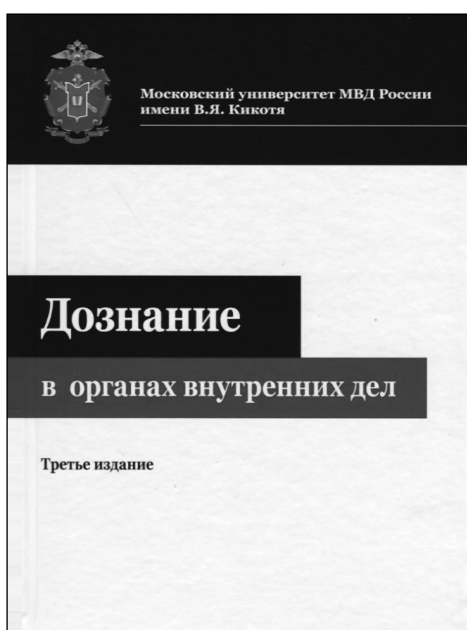
Н. А. Ахтанина — кандидат юридических наук.

Information about the author

N. A. Akhtanina — Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья
УДК 343.985.5
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-20-25>
edn: <https://elibrary.ru/ybdzyk>
НИОН: 2003-0059-6/24-184
MOSURED: 77/27-003-2024-06-383

К вопросу об организационных и процессуальных особенностях получения электронных данных при расследовании преступлений (опыт Китайской Народной Республики)

Виталий Федорович Васюков¹, Анна Николаевна Старжинская²

¹ Московский государственный университет международных отношений МИД России (МГИМО), Москва, Россия, vvf0109@yandex.ru

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, starzhinskaya1983@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы собирания и использования электронных данных в уголовном судопроизводстве Китая. Уделяется внимание отдельным вопросам правового регулирования обращения с электронными данными в китайской юрисдикции. С учетом отсутствия возможности внесения регулярных дополнений в уголовно-процессуальное законодательство Китайской Народной Республики, сформировалась устойчивая практика урегулирования формирующихся проблем с использованием принятых на межведомственном уровне императивных норм. Подчеркивается важность адаптации существующих норм к новым вызовам, возникающим в деятельности правоохранительных органов при противодействии преступности.

Ключевые слова: электронные данные, собирание, изъятие, следственное действие, доказательство

Для цитирования: Васюков В. Ф., Старжинская А. Н. К вопросу об организационных и процессуальных особенностях получения электронных данных при расследовании преступлений (опыт Китайской Народной Республики) // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 20–25. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-20-25>. EDN: YBDZYK.

Original article

To the question of organizational and procedural peculiarities of obtaining electronic data in the investigation of crimes (experience of the People's Republic of China)

Vitaly F. Vasyukov¹, Anna N. Starzhinskaya²

¹ Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO), Moscow, Russia, vvf0109@yandex.ru

² All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, starzhinskaya1983@mail.ru

Abstract. The issues of collection and use of electronic data in criminal proceedings in China are being considered. Attention is paid to certain issues of legal regulation of electronic data handling in Chinese jurisdiction. Taking into account the absence of the possibility to make regular additions to the criminal procedure legislation of the People's Republic of China, a stable practice of settling emerging problems using imperative norms adopted at the interagency level has been formed. The importance of adapting the existing norms to new challenges arising in the activities of law enforcement agencies in combating crime is emphasized.

Keywords: electronic data, collection, seizure, investigative action, evidence

For citation: Vasyukov V. F., Starzhinskaya A. N. To the question of organizational and procedural peculiarities of obtaining electronic data in the investigation of crimes (experience of the People's Republic of China). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):20–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-20-25>. EDN: YBDZYK.

Стремительное развитие информационных технологий преобразовало сеть Интернет в движущую силу развития, а жизнь людей с каждым днем стала претерпевать кардинальные изменения. Вместе с тем технологический прогресс значительно упростил не только повседневную жизнедеятельность. Использование цифровых устройств повлекло за собой значительное изменение в организации и тактике получения информации следователем при расследовании уголовных дел. Подобная тенденция прослеживается в большинстве юрисдикций, где электронные данные стали объектом изучения как следов преступлений, в последующем трансформирующихся в доказательства по уголовному делу. Не стала исключением политика Китайской Народной Республики (далее — КНР), согласно которой такие данные стали рассматриваться в гражданском и уголовном судопроизводстве как доказательства.

Учитывая возрастающую роль цифровых данных в расследовании уголовных дел, особенно о киберпреступлениях, считаем целесообразным рассмотреть действующие нормы КНР как юрисдикции, в которой при судопроизводстве на всех стадиях активно используются информационные технологии (блокчейн, искусственный интеллект, аналитика больших данных и пр.).

Использование электронных данных¹ в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств имеет в КНР сравнительно недолгую историю, которую условно целесообразно разделить на два периода — до и после их нормативного закрепления. До 2012 года в Уголовно-процессуальном кодексе КНР (далее — УПК КНР) электронные данные не выделялись в качестве самостоятельного вида доказательств, несмотря на то, что правоприменитель их уже значительное время повсеместно использовал при доказывании. Однако упоминание об электронных данных можно найти в различных ведомственных документах.

Так, в ст. 197 Положений о порядке рассмотрения уголовных дел органами общественной безопасности (в редакции 1998 года) определяется, что «при проведении осмотра на месте по делам, связанным с компьютерными преступлениями, компьютеры и связанные с ними устройства должны быть немедленно выключены и взяты под охрану» [1, с. 232].

Безусловно, в условиях все постоянно увеличивающегося темпа внедрения в жизнь граждан КНР информационно-телекоммуникационных технологий и электронных устройств, деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью сформировала потребность в получении электронных данных из данных устройств у свидетелей, потерпевших и

подозреваемых. В таких условиях китайские ученые, обоснованно подвергая критике действующие на тот момент нормы уголовно-процессуального законодательства, предложили различные варианты дополнения закона новыми деликтами [2, с. 46].

Знаковым событием стали дополнения в положения ст. 48 УПК КНР, в соответствии с которыми перечень видов доказательств был расширен новым видом — «электронные данные» (电子数据)². При этом, что понимается под этим термином, какие именно данные следует относить к этой категории, законодатель не отразил в новелле. Также остались вне фокуса внимания организационные и процессуальные вопросы получения электронных данных при проведении следственных действий. В связи с этим китайскими правоведами отмечено, что, преодолевая отставание от практики, законодатель упустил очень важные процессуальные аспекты, которые могут способствовать возникновению сложностей у правоприменителя [3, с. 177].

Одновременно с этим Верховный народный суд КНР опубликовал рекомендации, направленные на предупреждение и исправление судебных ошибок в уголовных делах (далее — Рекомендация № 11-2013). В документе предусмотрены такие требования к доказательствам, в том числе проведение их экспертизы.

Так, в Рекомендации № 11-2013 указано, что предметы и средства, имеющие отношение к делу, не должны приобщаться в качестве доказательств без опознания, экспертизы или определения происхождения другим способом.

В свою очередь доказательства, которые были получены с использованием специальных технических средств и не были подвергнуты проверке судом в соответствии с установленной процедурой, не могут признаваться основанием для вынесения приговора (кроме доказательств, проверка которых может угрожать жизни и здоровью, а также может иметь другие тяжелые последствия, и доказательств, полученных народным судом в рамках своих полномочий)³.

Закономерно, что в этих условиях у следственных и прокурорских работников возникает потребность в разъяснении положений ст. 48 УПК КНР. В этой связи Верховный Народный Суд КНР совместно с Верховной Народной прокуратурой КНР и Министерством общественной безопасности КНР опубликовывают 4 мая 2014 года рекомендации «Некоторые вопросы применения уголовно-процессуального законодательства в делах о киберпреступности» [4, с. 132]. Однако, несмотря на имеющиеся разъяснения, в китайской следственной практике с явной периодичностью воз-

¹ Отметим, что в Уголовно-процессуальном кодексе Китайской Народной Республики используется именно такая формулировка термина — «электронные данные». Поэтому при рассмотрении китайской юрисдикции нами будет использоваться указанный термин.

² В редакции кодекса от 2018 года аналогичный перечень был изложен в ст. 50 УПК КНР.

³ Рекомендации Верховного Народного Суда КНР по предупреждению ошибок в уголовных делах // URL: https://cnlegal.ru/civil_criminal_administrative_procedure/china_supreme_court_false_decisions_prevention/

никали прецеденты, связанные с недостаточной проработкой алгоритмов собирания, хранения и изъятия электронных данных как доказательств по уголовным делам.

Одним из таких прецедентов стало дело о деятельности очень популярной среди китайцев медиаплатформы Qvod Player, насчитывающей в 2014 году более 300 миллионов пользователей. Феноменальность для китайского общества этого случая заключалась в том, что медиаплатформа стала площадкой распространения порнографического материала. И это произошло в условиях, когда на территории Китая располагается одна из сложнейших и самых развитых в мире систем фильтрации трафика сети Интернет.

Следует напомнить, что с 2003 года все внутренние интернет-ресурсы в обязательном порядке проходят регистрацию и проверку, а иностранные — подвергаются контролю со стороны специального централизованного фильтра, так называемого «Золотого щита». Также фильтрация встроена в действующие в стране зарубежные поисковые системы Google, Bing, Yahoo и т. д.

Резонанс, созданный делом Qvod Player, самым непосредственным образом коснулся проблем, которые долгое время накапливались в вопросе собирания и использования в уголовном процессе электронных доказательств.

Дело в том, что изначально четыре сервера, принадлежавшие компании Qvod Player, на которых было обнаружено более 21 тысячи видеороликов порнографического характера, были изъяты в рамках административного производства, которое было инициировано на основании сообщений граждан. Соответственно, указанные серверы при изъятии надлежащим не были осмотрены и опечатаны. После возбуждения уголовного дела серверы неоднократно передавались различным следственным подразделениям, при этом контроль за сохранностью целостности корпусов, в условиях исключающих доступ к электронным данным, не осуществлялся.

Еще одним важным упущением в расследовании стало привлечение к исследованию сведений на серверах специалистов из коммерческой организации без соответствующей аккредитации [5, с. 93]. Более того, эти специалисты были приглашены из компании Wenchuang Dongli, долгое время конкурирующей с Qvod Player.

Интересен и тот факт, что именно представители Wenchuang Dongli неоднократно сообщали об использовании на ресурсах Qvod Player запрещенного контента. В результате, команда адвокатов, защищавших руководство Qvod Player по уголовному делу, основной упор линии защиты выстроили именно на вопросах оценки надлежащего собирания и использования в доказывании электронных данных.

Принимая во внимание, что ключевым доказательством в данном деле являлись электронные дан-

ные, относительно которых еще не сложилась на тот момент судебная практика, а сторона защиты выбрала тактику оспаривания допустимости именно этих доказательств. Все это в комплексе не могло не отразиться на решении суда.

По результатам судебного рассмотрения дела четыре руководителя Qvod Player были приговорены к тюремному заключению сроком от трех до трех с половиной лет за распространение порнографии с использованием сети Интернет. Среди них к уголовной ответственности был привлечен Ван Синь — исполнительный директор Qvod Player, который в соответствии с приговором Пекинского районного народного суда Хайдянь получил самый длительный срок и был оштрафован на 1 миллион юаней.

К слову, для китайского правосудия указанное наказание за подобные преступления является достаточно мягким.

С учетом проблем, возникших при доказывании по делу Qvod Player Верховным Народным Судом КНР совместно с Верховной Народной прокуратурой КНР и Министерством общественной безопасности КНР в 2016 году опубликовываются «Положения, регулирующие сбор, извлечение, проверку и оценку электронных данных при рассмотрении уголовных дел» (далее — Положения 2016), в которых термин «электронные данные» раскрывается как «данные, сформированные в ходе происшествия, хранящиеся, обрабатываемые и передаваемые в цифровой форме и способные доказывать обстоятельства дела»¹.

К электронным данным в соответствии со ст. 2 Положений 2016 необходимо относить информацию, опубликованную на веб-страницах, в блогах, микроблогах, чатах, на сетевых дисках и других веб-платформах. Также к ним относятся сведения о переписке в текстовых сообщениях на мобильных телефонах, электронной почте, мгновенных сообщениях, группах рассылки и других сетевых приложениях; о регистрации пользователей, сведения о подтверждении личности, записи об электронных транзакциях, записи о сообщениях, журналы регистрации и другая подобная информация. В рассматриваемый термин также включаются документы, изображения, аудио- и видеоматериалы, цифровые сертификаты, компьютерные программы и другие подобные электронные файлы.

При этом к категории электронных доказательств не должны относиться сведения, зафиксированные в цифровой форме, но в которых содержатся, например, признательные показания, заявления потерпевших, показания свидетелей, доводы подозреваемых или обвиняемых и др.

Таким образом, китайский законодатель опреде-

¹ Provisions Concerning the Collection, Extraction, Review, and Judgment of Electronic Data in the Handling of Criminal Cases // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/provision-on-collection-and-review-of-digital-information-in-criminal-cases/>

лил, что электронные данные как доказательства по уголовному делу могут быть получены при осмотре «исходных» электронных носителей, обнаруженных на месте происшествия, либо при поисковых мероприятиях у правонарушителя.

Стоит отметить, что достаточно подробно в Положениях 2016 приводятся способы собирания электронных данных следственными подразделениями. К таким способам относятся:

- а) непосредственное изъятие оригинального носителя информации;
- б) непосредственное копирование данных;
- в) осмотр компьютерной сети с использованием удаленного доступа;
- г) фиксация данных посредством распечатывания информации на бумаге, фото- или видеосъемки.

В качестве приоритетного способа Положения 2016 определяют метод непосредственного изъятия оригинального носителя информации. Так, согласно ст. 8, изъятый носитель должен быть опечатан таким образом, чтобы не допустить возможность «добавления, удаления или изменения информации». При этом в протоколе следственного действия должны быть отражены характеристики упаковки. В ситуациях, когда необходимо изъять мобильное устройство или носитель с функцией беспроводной связи, должны применяться меры по блокированию передачи данных (например, экранирование сигнала или отключение питания).

Отдельно обратим внимание на то, что нормами Положений 2016 (ст. 9) определяются случаи, когда сбор электронных данных может осуществляться даже при отсутствии возможности изъятия «исходного носителя информации». В частности, к таким случаям документ относит: 1) отсутствие возможности извлечь и опечатать оригинальный носитель информации; 2) данные не хранятся на носителе; 3) оригинальный носитель находится в другой юрисдикции; 4) любые иные обстоятельства, при которых оригинал носителя информации не удастся изъять.

Между тем, в ситуациях, «когда в соответствии с законом невозможно изъять исходный носитель информации, вторым по эффективности методом обозначается метод непосредственного получения электронных данных в режиме реального времени в ходе проведения следственного действия. При этом в протоколе необходимо указывать причину отсутствия возможности изъятия исходного носителя информации, места хранения исходного носителя информации или источника электронных данных» [6, с. 37].

Заслуживает интерес возможность так называемой «заморозки» обнаруженных электронных данных, которые представляют интерес для следствия, но их объем слишком велик для извлечения. Также процедуре «заморозки» подвергаются данные, на извлечение которых потребуется значительное количество времени. В таких ситуациях решение о возможности

дальнейшего извлечения данных должно приниматься с учетом существующей угрозы блокировки учетной записи пользователя, либо удаленного изменения «размороженной» информации.

Если при проведении следственного действия определяется, что информация хранится не на электронном носителе, а удаленно, то допускается получение электронных данных с использованием подключения к сети Интернет.

В соответствии с Положением 2016 устанавливаются процессуальные гарантии, обеспечивающие законность и надежность собирания электронных данных. К числу таких гарантий относится обязательное составление протокола, в котором фиксируются основания, объект, содержание, время, место, методы и порядок проведения процедуры. Протокол сопровождается описанием электронных данных, включающей категорию, формат файлов и контрольные сведения, обеспечивающие проверку целостности данных. Протокол и описание подписываются следователем и владельцем (или провайдером) этих данных; отказ от подписания фиксируется в протоколе с указанием подписи понятого.

Еще одним документом, в котором были регламентированы процедуры получения электронных данных в КНР, стали «Правила получения электронных данных по уголовным делам, возбужденным органами общественной безопасности» от 1 февраля 2019 г. (далее — Правила 2019)¹.

Согласно ст. 6 Правил 2019, сбор или изъятие электронных данных должен выполняться группой сотрудников, состоящей из двух или более следователей. При необходимости к проведению следственного действия может быть привлечен специалист, который может производить любые действия с электронными данными только под непосредственным контролем следователя.

В соответствии со ст. 12 Правил 2019, изъятые оригинальные носители информации подлежат подробной фиксации в присутствии очевидца (понятого) и владельца (или поставщика) указанных носителей. На месте изъятия составляется протокол в трех экземплярах, в котором указывается наименование, серийный номер, количество, характеристики и источник происхождения носителей. Описание заверяется подписями или печатями следователей, владельца (поставщика) и очевидца (понятого). Один экземпляр передается владельцу (поставщику), второй направляется ответственному лицу правоохранительного органа, а третий приобщается к делу.

При этом если установить личность владельца (поставщика) оригинального носителя информации невозможно или владелец (поставщик) отказывается подписать документ или поставить печать, соот-

¹ Rules of Obtainment of Electronic Data as Evidence by Public Security Authorities in Handling Criminal Cases // URL: <https://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=29804&lib=law/>

ветствующие записи вносятся в протокол, который удостоверяется подписью или печатью очевидца невозможно по объективным причинам, информация о сложившихся обстоятельствах фиксируется в соответствующем протоколе, а весь процесс изъятия оригинального электронного носителя фиксируется с использованием видеосъемки.

Статьей 18 Правил 2019 нормативно закреплены следующие условия изъятия электронных данных на месте происшествия:

1) изъятые данные не должны храниться на оригинальном носителе;

2) запрещается устанавливать новую прикладную программу в целевую систему. При необходимости установить программное обеспечение в целевую систему, в протоколе указываются сведения об использовании такого программного обеспечения и электронного устройства;

3) выполненные операции должны быть подробно и точно описаны в соответствующем протоколе.

Правила 2019 разрешают китайским правоохранительным органам собирать и извлекать электронные данные, оригинальный носитель которых находится за пределами Китая или в удаленной компьютерной информационной системе, путем «онлайн-извлечения». Соответствующие положения разрешают китайским властям получать доступ к данным, хранящимся в «оффшорных» системах при проведении расследования преступлений.

Следующий этап развития процессуальных правил, касающихся сбора электронных данных, произошло с публикацией 26 августа 2022 г. документа под названием «Мнения по некоторым вопросам применения уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел об информационно-сетевых преступлениях» (далее — Мнения 2022)¹.

В соответствии с положениями указанного документа уголовные дела, связанные с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных сетей, должны возбуждаться и расследоваться органами общественной безопасности по месту совершения преступления. В отдельных ситуациях следователи уполномочены возбуждать и проводить расследование таких преступлений по месту проживания подозреваемых.

При этом местом совершения преступления, связанного с информационной сетью, может признаваться: (1) локализация серверов онлайн-сервисов, использовавшихся в противоправной деятельности; (2) местонахождение сетевых провайдеров; (3) расположение систем информационной сети, подвергшихся атаке, и их администраторов; (4) местоположение систем информационной сети, использовавшейся в ходе

совершения преступления; (5) локация, где был нанесен материальный ущерб потерпевшему.

В случаях, если преступления, связанные с информационными сетями, осуществляются в несколько этапов, органы общественной безопасности имеют право возбуждать уголовное дело и проводить расследование, как по месту совершения преступления, так и по месту жительства подозреваемых или месту жительства лиц, которые им содействовали.

Однако, если преступление, связанное с информационными сетями, было совершено в нескольких местах, возбуждение уголовного дела и проведение предварительного расследования осуществляются органом общественной безопасности, который первым зарегистрировал сообщение о преступлении, либо органом общественной безопасности по основному месту совершения преступления.

При этом, возникающие противоречия в вопросах подследственности, в соответствии с п. 3 Мнений 2022 разрешаются посредством ведомственных консультаций, проводимых с соблюдением принципов, способствующих установлению фактических обстоятельств дела и отправлению правосудия. В ситуациях, когда консенсус посредством консультаций не может быть достигнут, решение о подследственности принимается вышестоящим органом общественной безопасности.

При расследовании особо тяжких преступлений, совершаемых в сфере информационных сетей, которые характеризуются наличием особых обстоятельств, либо когда передача полномочий по проведению предварительного расследования органу общественной безопасности другого региона (провинции, автономного района или города центрального подчинения) обусловлена необходимостью обеспечения полноты установления фактических обстоятельств дела и беспристрастности судопроизводства, а также в случаях совершения преступлений в сфере информационных сетей за пределами государственной территории, территориальная подследственность определяется Министерством общественной безопасности КНР по согласованию с Верховной народной прокуратурой КНР и Верховным народным судом КНР.

Согласно п. 14 Мнений 2022 при получении органами общественной безопасности электронных данных у провайдеров интернет-услуг составляется письменное уведомление об истребовании доказательств с указанием соответствующей информации о перечне данных, подлежащих истребованию. При этом подобное уведомление могут быть представлены следователем провайдеру интернет-услуг в электронной форме. В случаях необходимости получения электронных данных в различных регионах электронный запрос может быть передан через информационную систему органа общественной безопасности. При этом направленные запросы и документы, приобщенные к ним,

¹ Opinions on Several Issues in the Application of Criminal Procedures in Handling Cases of Information Network Crimes // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/cybercrime-procedures/>

должны заверяться соответствующей цифровой подписью, либо иными средствами обеспечения подлинности.

Провайдеры могут предоставлять органам общественной безопасности электронные данные в цифровом формате. В таком случае должна быть обеспечена целостность электронных данных. При этом составляется сопроводительное письмо с указанием номера, цифровой печатью филиала провайдера, а также описанием способов обеспечения целостности электронных данных.

Таким образом, обеспечение законности получения электронных данных в Китае при расследовании преступлений регулируется «Положениями 2016», «Правилами 2019» и «Мнениями 2022». При этом китайский законодатель четко определил, какие типы данных считаются электронными доказательствами, и установил процедуры их сбора и извлечения. Важнейшими методами являются изъятие оригинальных носителей информации и их опечатывание, а также копирование данных и осмотр компьютерных сетей. В случаях, когда изъятие электронных носителей невозможно, предусмотрены альтернативные методы получения электронных данных, в том числе их «заморозка» или фиксация в реальном времени. Приведенные меры направлены на обеспечение достоверности и сохранности электронных доказательств в уголовном процессе. Также проанализированные нормативные акты регулируют вопросы подследственности в случае расследования трансграничных преступлений и устанавливают порядок разрешения споров между

различными территориальными органами общественной безопасности. Такая проблематика присуща уголовным делам о преступлениях в сфере информационных технологий, по которым чаще всего и возникает необходимость изъятия, хранения и оценки электронных данных.

Список источников / References

1. Liu M. Analysis of the Standardized Text of Public Security Electronic Data Forensics // Journal of People's Public Security University of China (Social Science Edition). 2021. Vol. 1. № 4. P. 231–239.
2. Xie D. Reflection and Reconstruction of Remote Inspection Rules for Electronic Data Networks // Criminal Law. 2020. № 1. P. 45–49.
3. Weiqiu L., Wei P. Concept and Authentication of Digital Evidence // Journal of Beijing University of Aeronautics and Astronautics. 2016. № 2. P. 178–184.
4. Tonghui Z., Yuqing W. Due Process Regulation of Electronic Data Collection // Journal of Soochow University. 2020. № 1 P. 130–135.
5. Pinxin L. The Authentication of Electronic Evidence: from the QVOD Case // Peking University Law Journal. 2017. № 1. P. 92–104.
6. Чжюань Г., Сюньвэнь Ч. Электронные доказательства в Китае // Право и цифровая экономика. 2024. № 1. С. 35–51. (6. Zhiyuan G., Xiongwen C. Electronic Evidence in China // Law and Digital Economy. 2024. № 1. P. 35–51).

Информация об авторах

В. Ф. Васюков — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного университета международных отношений МИД России (МГИМО), доктор юридических наук, профессор;

А. Н. Старжинская — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. F. Vasyukov — Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO), Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. N. Starzhinskaya — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences.

Вклад автора: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья
УДК 34:351.95
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-26-30>
EDN: <https://elibrary.ru/ttxycw>
НИОН: 2003-0059-6/24-185
MOSURED: 77/27-003-2024-06-384

О борьбе с организованной преступностью в сфере хищений и незаконного оборота культурных ценностей

Андрей Вячеславович Воронцов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, aumvd@mvd.ru

Аннотация. Рассмотрены правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в сфере хищений и незаконного вывоза из России культурных ценностей; исследованы особенности организованных групп в указанной сфере; и предложен комплекс мер по организации борьбы с их преступной деятельностью.

Ключевые слова: архивный фонд, национальный библиотечный фонд, культурные ценности, музейный фонд, органы внутренних дел, организованная преступность, Российская Федерация, хищения предметов, имеющих особую ценность

Для цитирования: Воронцов А. В. О борьбе с организованной преступностью в сфере хищений и незаконного оборота культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 26–30. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-26-30>. EDN: TTXYCW.

Original article

On combating organized crime in the field of theft and illicit trafficking of cultural property

Andrey V. Vorontsov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, aumvd@mvd.ru

Abstract. The legal and organizational foundations of the fight against organized crime in the field of theft and illegal export of cultural property from Russia are considered, the features of organized groups in this area are examined and a set of measures to combat their criminal activities is suggested.

Keywords: archival fund, national library fund, cultural values, museum fund, internal affairs agencies, organized crime, Russian Federation, theft of objects of special value

For citation: Vorontsov A. V. On combating organized crime in the field of theft and illicit trafficking of cultural property. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):26–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-26-30>. EDN: TTXYCW.

Положения ст. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в число национальных интересов включают укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народов России [1]. В основе духовно-нравственных начал

нашей страны лежат культурные ценности, которые передают из поколения в поколение материальную и духовную жизнь нашего народа, многовековую историю нашей Родины.

Нормами ст. 5 Закона РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»

«культурные ценности» определяются как движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение [2]. Согласно законодательству России указанные ценности, как особо ценное движимое имущество, включают: предметы и коллекции Музейного фонда РФ, документы Архивного фонда РФ, кино-, фото- и иных аналогичных фондов, документы и книжные памятники национального библиотечного фонда (свыше 1 млрд. экз.), находящихся в оперативном управлении государственных и муниципальных учреждений культуры [3; 4; 5; 6].

В 2809 государственных, муниципальных и частных музеях нашей страны хранится свыше 71 млн. культурных ценностей [7]. Также, они используются для отправления религиозных обрядов в культовых учреждениях более чем 31 тыс. религиозных организаций 60 различных конфессий России (41,9 тыс. православных церквей, 14,5 тыс. мечетей, а также дацаны, костелы, синагоги и др.) [8]. Определенное количество культурных ценностей сосредоточено в частных коллекциях.

В настоящее время мировой легальный рынок культурных ценностей составляет около 70 млрд. \$ в год. Их незаконный оборот входит в число криминальных интересов организованной преступности в связи с высокой доходностью и возможностью отмывания денежных средств. По данным ЮНЕСКО ежегодный оборот этой отрасли «теневого» рынка оценивается в свыше 2 млрд. \$, управления ООН по наркотикам и преступности — 3,4-6,3 млрд. \$, некоторых экспертных оценок — до 10 млрд. \$ [9]. Наша страна, обладающая значительными запасами культурных ценностей, представляет несомненный интерес для организованной преступности. Так, например, только в странах Западной Европы действуют более 40 организованных групп (далее — ОГ) контрабандистов, специализирующихся по России [10].

Предметом хищения, предусмотренного ст. 164 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), могут быть вещи или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, которая определяется на основании искусствоведческого экспертного заключения. При экспертной оценке определяющим фактором является их значимость для истории, науки и культуры, а не стоимость в денежном выражении [11]. Уголовная ответственность за указанное преступление была впервые введена в 1994 г. по ст. 147.2 УК РСФСР. Через год после введения УК РФ по ст. 164 УК РФ было зарегистрировано 91 преступление, которые достигли своего максимума в 2000 г. (128), но в последние годы число регистри-

рованных преступлений данного вида пошло на спад (2020 — 15, 2022 — 5, 2023 — 3) [12].

Хотя общее количество преступлений, регистрируемых по ст. 164 УК РФ, не очень велико, материальный ущерб от ряда из них может быть особо крупным. Так, в 1994 г. в г. Санкт-Петербурге участниками ОГ под началом Д. Якубовского были похищены из Российской национальной библиотеки древнееврейские рукописи VI–VII вв., стоимость которых оценивалась экспертами в сумму, сравнимую с годовым бюджетом Израиля [13].

Изучение официальной статистики позволяют сделать вывод о том, что определенная часть хищений культурных ценностей России остается вне поля зрения правоохранительных органов. Так, например, в июле 2006 г. сверкой наличия коллекции фонда драгоценных металлов и камней в Государственном музее Эрмитаж выявлено отсутствие 226 музейных экспонатов. У задержанных за совершение хищений экспонатов лиц (Н. Г. и Н. Н. Завадские и М. Ю. Шепель) было изъято только 35 предметов из числа похищенного. Одной из причин несвоевременного выявления факта хищений явилось отсутствие с 1978 г. полной сверки экспонатов музея [9].

По нашему мнению, латентность хищений и незаконного оборота культурных ценностей обусловлена следующими причинами:

- отсутствие систематизированных каталогов имеющегося имущества в ряде государственных и муниципальных учреждений культуры, религиозных и иных организаций, хранящих культурные ценности;
- отсутствие показателя раскрытия хищений культурных ценностей в системе оценки работы органов внутренних дел РФ;
- принятие процессуальных решений об отказах в возбуждении уголовных дел из-за незнания заявителями и сотрудниками территориальных органов (далее — ТО) МВД России истинной ценности похищенного, в том числе из-за сложности получения экспертного заключения;
- отсутствие у жертвы преступления документов, подтверждающих право собственности на похищенные культурные ценности;
- принятие преступниками мер по сокрытию следов преступления (замена оригинала подделкой, поджог хранилища, запугивание материально ответственных лиц, списание якобы пришедшего в негодность имущества, укрытие предметов от учета, убийство частного коллекционера и т. п.).

Как правило, ОГ, занимающиеся хищениями и незаконным оборотом культурных ценностей, по своему составу немногочисленны и хорошо законспирированы, они даже используют свой жаргон. Образовательный и культурный уровень участников этих групп значительно выше по сравнению с другими категориями преступников. Их участники имеют налаженные межрегиональные или международные связи, что значительно затрудняет процесс противодействия их преступной деятельности.

В сфере хищений и незаконного оборота культурных ценностей наиболее характерными видами ОГ, по нашему мнению, являются:

- состоящие из числа ранее судимых за различные хищения лиц, специализирующиеся на совершении хищений культурных ценностей [10];
- состоящие из числа искусствоведов, реставраторов, художников, служащих различных учреждений культуры (архивов, библиотек, музеев и т. п.), а также представителей религиозных организаций [10];
- состоящие из скупщиков краденного (владельцы антикварных салонов, частные коллекционеры, ювелиры и др.), специализацией которых является скупка и перепродажа похищенных предметов антиквариата [10];
- контрабандистов, участвующих не только в незаконном обороте антиквариата, но и других запрещенных к обороту предметов [10];
- управляемые уголовными авторитетами («воры в законе», «положенцы» и «смотрящие»), установившими контроль над антикварной отраслью «теневого рынка» в крупных, портовых и приграничных городах;
- созданные для проведения несанкционированных раскопок в местах древних поселений, захоронений и мест военных сражений («копатели»).

Одной из функций Министерства культуры (далее — Минкультуры) России является регистрация фактов пропажи, утраты, хищения культурных ценностей, организация и обеспечение оповещения государственных органов и общественности в РФ и за ее пределами об этих фактах [14]. В 2012 г. в этом ведомстве был создан и ведется электронный «Реестр пропавших, утраченных, похищенных культурных ценностей» [15], который на сегодняшний день включает около 23 тыс. наименований [9].

Автоматизированный банк данных «Антиквариат» Главного информационно-аналитического центра (далее — ГИАЦ) МВД России включает свыше 77 тыс. наименований похищенных культурных цен-

ностей, в числе которых: иконы (45 тыс. экз.), монеты и денежные знаки (11 тыс.) ордена и медали (6 тыс.), старинные и редкие книги (5 тыс.), картины, акварели и графика, архивные документы и антикварное оружие [16].

В Международной организации уголовной полиции (далее — МОУП) Интерпол действует база данных «Украденные произведения искусства», которая включает описания и фотографии более чем 52 тыс. предметов искусства, похищенных в различных странах [9; 10].

С 1992 по 2012 гг. в структуру Главного управления уголовного розыска (далее — ГУУР) МВД России входил специализированный отдел, сотрудники которого занимались борьбой с незаконным оборотом культурных ценностей, но в ходе реформы полиции данное подразделение было упразднено, а вместо него была создана небольшая группа. На сегодняшний день в большинстве территориальных органов (далее — ТО) МВД России по субъектам РФ подобные подразделения отсутствуют.

Решение вопроса борьбы организованной преступности (далее — БОП) в сфере хищений и незаконного оборота культурных ценностей невозможно без организации совместной работы правоохранительных органов на региональном уровне. На наш взгляд, в субъектах РФ, на территории которых расположено значительное количество учреждений культуры и культовых учреждений целесообразно инициативно создавать постоянно действующие межведомственные группы и следственные группы по БОП в указанной сфере. В их состав необходимо включать представителей руководства ТО Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России и ФТС на региональном уровне, органа культуры администрации субъекта РФ и ведущих религиозных концессий региона. В ТО МВД России подобных субъектов РФ необходимо инициативно создавать специализированные оперативные подразделения по БОП в сфере хищений и незаконного оборота культурных ценностей.

Перед руководителями указанных ТО МВД России по субъектам РФ, на наш взгляд, сегодня стоят следующие первоочередные задачи:

- включение вопросов БОП в сфере хищений и незаконного оборота культурных ценностей в план основных организационных мероприятий и план коллегий ТО МВД России;
- создание на базе информационных центров (далее — ИЦ) ТО МВД России на региональном уровне единого видео- или фото-каталога культурных ценностей, находящихся в учреждениях

культуры, религиозных организациях и частных коллекциях на территории субъекта РФ;

- нанесение на культурные ценности с помощью невидимого химического состава буквенно-цифрового кода, отражающего субъект РФ, район и обозначение учреждения, в котором они находятся;
- установление рабочих контактов с руководителями учреждений культуры и искусства региона в целях обсуждения формы и порядка получения искусствоведческих экспертных заключений, составления, согласования и утверждения списка экспертов;
- подготовка методических рекомендаций, содержащих порядок действий сотрудников полиции в случае обнаружения факта хищения или незаконного оборота культурных ценностей;
- обновление оперативных позиций в среде лиц, ранее судимых за совершение преступлений, связанных с культурными ценностями;
- обучение сотрудников оперативных и следственных подразделений ТО МВД России на региональном уровне организации БОП в указанной сфере (с учетом специфики субъекта РФ).

Необходимо понимать, что от ТО МВД России на районном уровне во многом зависит своевременность установления и фиксации фактов хищения и незаконного оборота культурных ценностей, оперативность и качество проведения первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, можно отметить, что задача БОП в сфере хищения и незаконного оборота культурных ценностей, не решена. Подтверждением этому являются данные АБД «Антиквариат» ГИАЦ МВД России, Минкультуры России и МОУП Интерпол о большом количестве похищенных культурных ценностей. Необходимые для организации работы в этой сфере оперативные подразделения ТО МВД России отсутствуют. Руководители ТО МВД России по-прежнему делают упор на количественные показатели раскрытия различных видов хищений, игнорируя при этом сохранение культурного и исторического наследия народа нашей страны.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/>
2. Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных

ценностей» // URL: <http://www.consultant.ru/>

3. Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // URL: <http://www.consultant.ru/>
4. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» // URL: <http://www.consultant.ru/>
5. Федеральный закон Российской Федерации от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/>
6. Федеральный закон Российской Федерации от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/>
7. URL: <http://www.culture.gov.ru/>
8. URL: <http://www.minjust.gov.ru/>
9. Репецкая А. Л. Уголовный промысел, связанный с незаконным оборотом культурных ценностей : характеристика и противодействие в современных условиях // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 6. С. 502–513.
10. Гриб В. Г. Особенности личности преступников и иных участников, посягающих на хищения и незаконный вывоз культурных и иных ценностей // Образование и право. 2020. № 11. С. 272–276.
11. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // URL: <http://www.consultant.ru/>
12. URL: <http://www.stat.api/>
13. Харламов В. С., Медведев А. Д. Ретроспективный взгляд на противодействие «антикварной» преступности // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 4–11.
14. Постановление Правительства РФ от 20 июля 2011 г. № 590 «Об утверждении Положения о Министерстве культуры Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/>
15. Приказ Минкультуры России от 25 июня 2012 г. № 630 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Министерством культуры Российской Федерации государственной услуги «Регистрация фактов пропажи, утраты, хищения культурных ценностей, организация и обеспечение оповещения государственных органов и общественности в Российской Федерации и за ее пределами об этих фактах» // URL: <http://www.consultant.ru/>

16. Гаврилов Ю. За годы в России похитили более 77 тысяч культурных ценностей // Российская газета от 7 января 2020 г.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // URL: <http://www.consultant.ru/>
2. Law of the Russian Federation of April 15, 1993 № 4804-1 «On the export and import of cultural property» // URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Law of the Russian Federation of October 9, 1992 № 3612-1 «Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture» // URL: <http://www.consultant.ru/>
4. Federal Law of the Russian Federation of December 29, 1994 № 78-FZ «On Librarianship» // URL: <http://www.consultant.ru/>
5. Federal Law of the Russian Federation of May 26, 1996 № 54-FZ «On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums of the Russian Federation» // URL: <http://www.consultant.ru/>
6. Federal Law of the Russian Federation of October 22 2004 № 125-FZ «On Archival Affairs in the Russian Federation» // URL: <http://www.consultant.ru/>
7. URL: <http://www.culture.gov.ru/>
8. URL: <http://www.minjust.gov.ru/>
9. Repetskaya A. L. Criminal trade related to the illicit trafficking of cultural property : characteristics and counteraction in modern conditions // All-Russian Journal of Criminology. 2023. Vol. 17. № 6. P. 502–513.
10. Grib V. G. Personality traits of criminals and other participants who encroach on theft and illegal export of cultural and other valuables // Education and Law. 2020, № 11. P. 272–276.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2002 № 29 «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» // URL: <http://www.consultant.ru/>
12. URL: <http://www.stat.апн/>
13. Kharlamov V. S., Medvedev A. D. A retrospective look at countering «antique» crime // Russian Law: Education, Practice, Science. 2023. № 1. P. 4–11.
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 20, 2011 № 590 «On Approval of the Regulations on the Ministry of Culture of the Russian Federation» URL: <http://www.consultant.ru/>
15. Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated June 25, 2012 № 630 «On Approval of the Administrative Regulations for the provision by the Ministry of Culture of the Russian Federation of the State service «Registration of facts of loss, loss, theft of cultural property, organization and provision of notification to government agencies and the public in the Russian Federation and abroad about these facts» URL: <http://www.consultant.ru/>
16. Gavrilov Yu. Over the years, more than 77,000 cultural objects have been stolen in Russia // Rossiyskaya Gazeta, January 7, 2020.

Информация об авторе

А. В. Воронцов — профессор кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Vorontsov — Professor of the Department of Organization of Operative Search Activity of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-31-35>

EDN: <https://elibrary.ru/qnesxd>

НИОН: 2003-0059-6/24-186

MOSURED: 77/27-003-2024-06-385

Ключевые концептуальные аспекты в освоении сущности и строения правового статуса личности в национальном законодательстве

Руслан Баширович Гандалоев

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, russud@bk.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор **С. А. Белоусов**

Аннотация. Рассматриваются основные концептуальные подходы к пониманию содержания и структуры правового положения личности в отечественном праве. Важным аспектом является определение того, как конституция устанавливает правовое положение личности, ее права и обязанности. Конституция, закрепляющая основные права и свободы человека и гражданина, а также механизмы защиты этих прав, является фундаментом для понимания правового статуса личности. Проводится анализ основных нормативных актов, регулирующих правовое положение личности, позволяет выделить ключевые права и обязанности. Статья также касается вопросов правовой защиты личности, включая защиту прав человека и гражданина, а также международные аспекты правового статуса. Изучены методы и работа органов, ответственных за защиту прав и свобод личности, таких как суды; приведены примеры из судебной практики.

Ключевые слова: правовой статус личности, гражданство, социальная справедливость, права человека, правовая теория, социально-правовой подход, российское право, правоспособность и дееспособность граждан, социально-правовой подход, гражданство, правовая культура, правосознание личности, защита социальных интересов, обеспечение социального равновесия и прогресса, социальная ответственность государства, равноправное общество

Для цитирования: Гандалоев Р. Б. Ключевые концептуальные аспекты в освоении сущности и строения правового статуса личности в национальном законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 31–35. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-31-35>. EDN: QNESXD.

Original article

Key conceptual aspects in mastering the essence and structure of the legal status of a person in national legislation

Ruslan B. Gandaloev

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, russud@bk.ru

Scientific supervisor: Doctor of Legal Sciences, Professor **S. A. Belousov**

Abstract. The main conceptual approaches to understanding the content and structure of the legal status of a person in Russian law are considered. An important aspect is to consider how the Constitution defines the legal status of an individual, his rights and obligations. The Constitution, which enshrines the fundamental rights and freedoms of man and citizen, as well as mechanisms for protecting these rights, is the basis for understanding the legal status of an individual. The analysis of the main normative acts regulating the legal status of an individual is carried out, which allows us to identify key rights and obligations. The article also deals with issues of legal protection of the individual, including the protection of human and civil rights, as well as international aspects of legal status. In addition, the methods and work of the bodies responsible for the protection of individual rights and freedoms, such as the courts, are studied, examples from judicial practice are given.

© Гандалоев Р. Б., 2024

Keywords: legal status of the individual, citizenship, social justice, human rights, legal theory, socio-legal approach, Russian law, legal capacity and capacity of citizens, socio-legal approach, citizenship, legal culture, legal awareness of the individual, protection of social interests, ensuring social balance and progress, social responsibility of the state, an equal society

For citation: Gandaloev R. B. Key conceptual aspects in mastering the essence and structure of the legal status of a person in national legislation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):31–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-31-35>. EDN: QNESXD.

Правовое положение личности является центральным элементом правовой системы любого государства, определяя взаимодействие между индивидом и государством. В российском праве существует ряд концептуальных подходов к пониманию этого феномена, который включает в себя права, свободы, обязанности и ответственность личности.

Рассмотрим ключевые концепции, которые помогают определить содержание и структуру правового положения личности.

Правовой статус (правовое положение) гражданина традиционно рассматривается как совокупность прав, свобод, обязанностей и гарантий, предоставляемых государством. В соответствии с этой концепцией, правовой статус включает:

1) Права и свободы: основные права и свободы, закрепленные в Конституции РФ [1], такие как право на жизнь, свободу, достоинство, равенство (ст. 20, 21, 22), свобода мысли, слова, вероисповедания, передвижения (ст. 28, 29, 27), право на участие в управлении государством, включая право голоса (ст. 32), социальные права: на образование, здравоохранение, социальное обеспечение (ст. 43, 41, 39), экономические права: право на труд, собственность, предпринимательскую деятельность (ст. 37, 35, 34).

2) Обязанности: обязательства граждан перед государством и обществом, включая уплату налогов и сборов (ст. 57), соблюдение законов РФ (ст. 15), защита Отечества (ст. 59), включая воинскую обязанность и службу в армии.

3) Гарантии: механизмы, обеспечивающие реализацию прав и свобод, такие как судебная защита, право на обращение в международные органы по защите прав человека (ст. 46.1).

Но не только Конституция определяет правовой статус гражданина. Россия является участником многих международных договоров, которые также регулируют правовое положение личности:

1) Международный пакт о гражданских и политических правах обеспечивает право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, запрещает пытки, дискриминацию [2].

2) Конвенция о правах ребенка устанавливает пра-

ва на образование, здравоохранение, защиту от насилия, право на имя и гражданство и т. д. [3].

Возвращаясь к отечественному законодательству, Гражданский кодекс РФ [4] определяет правоспособность и дееспособность граждан (ст. 17–26), регулирует имущественные и личные неимущественные права. Трудовой кодекс РФ [5] устанавливает права на труд, отдых, защиту от неправомерного увольнения, а также обязанности исполнять трудовые функции (ст. 21–22). Семейный кодекс РФ [6] определяет права и обязанности в семейных отношениях, включая защиту материнства и детства, право на брак и расторжение брака.

Исходя из вышесказанного, анализ основных нормативных актов выявляет, что правовое положение личности в России включает широкий спектр прав и свобод, которые обеспечивают достойное качество жизни, личную свободу и развитие. Обязанности, в свою очередь, направлены на поддержание общественного порядка, защиту интересов государства и общества. Взаимосвязь прав и обязанностей создает баланс, необходимый для гармоничного функционирования общества и развития государства. При этом важно отметить, что эти нормы постоянно развиваются и адаптируются к меняющимся реалиям, что подчеркивает динамичность правового положения личности в современном мире.

Следующее, о чем следует сказать, это то, что правовая ответственность является неотъемлемой частью правового порядка, обеспечивая защиту прав и интересов общества и государства от нарушений законодательства. Рассматривая вопрос ответственности личности за нарушение законов, важно учитывать различные аспекты правоприменительной практики, включая уголовное, гражданское и административное законодательство. В частности, административная ответственность направлена на обеспечение общественного порядка, дисциплины в управлении и защиту прав граждан, общества и государства. Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) [7] устанавливает административные правонарушения, их составы и виды административных наказаний. В некоторых случаях, при повторности правонарушений или при наличии отягчающих обстоятельств,

административное нарушение может быть перекалифицировано в уголовное преступление. Уголовное, гражданское и административное законодательство взаимодействуют, создавая систему мер, обеспечивающих ответственность за различные виды правонарушений. Правоприменительная практика каждой из этих сфер требует внимательного подхода, учитывающего как права нарушителя, так и интересы общества, что подчеркивает необходимость баланса между защитой прав личности и обеспечением правопорядка.

Приведем примеры из судебной практики. По делу № 1-442/2022 Октябрьский районный суд г. Иркутска 19 августа 2022 года [8] вынес решение, согласно которому нельзя собирать информацию о человеке без его согласия. Суд признал мужчину виновным в нарушении неприкосновенности частной жизни и нарушении тайны переговоров и назначил штраф 40000 руб., а житель Иркутска захотел следить за своей знакомой. Для этого нанял человека, чтобы тот соорудил и доставил прослушивающее устройство. Исполнитель поместил микрофон в фигурку купидона и решил спрятать его в букет — якобы доставка от поклонника. Это нарушает законные права и свободы гражданина, в связи с чем и было назначено наказание. Гораздо более суровое наказание понес гражданин, который разместил в соцсети объявление о сдаче квартиры-студии. Он сдал квартиру девушке, но разместил в вытяжке средство слежения, которое и было обнаружено. Октябрьский районный суд по делу № 1-363/2022 от 29 сентября 2022 года [9] присудил 1,5 года лишения свободы, сложив наказания по двум статьям: за систему слежения и за незаконный сбор сведений о частной жизни. Ранее мужчина уже был осужден условно за мошенничество на 4 года. Испытательный срок еще не закончился, поэтому суд отменил условное осуждение и добавил еще один срок в общее наказание. В итоге мужчине придется пробыть в колонии общего режима 4 года и 6 месяцев. Саму систему слежения уничтожили. Осужденный пробовал обжаловать решение дважды: в апелляционном и кассационном судах. Но приговор остался неизменным.

По другому делу № 1-154/2021 от 12 марта 2021 года [10] Управляющая салоном сотовой связи из Санкт-Петербурга решила подзаработать. Вопреки запретам о неразглашении конфиденциальной информации в трудовом договоре, она продала посторонним людям детализацию звонков семи абонентов. Куйбышевский районный суд города Санкт-Петербурга признал женщину виновной и штрафовал на 101 000 руб. Трое потерпевших предъявили требования о компенсации морального вреда. Каждый получил по 10 000 руб. Государство гарантирует и охраняет тайну

переписки и телефонных переговоров. Операторы сотовой связи должны ее обеспечить — предупредить сотрудников об уголовной ответственности за разглашение данных. В этой истории сразу семь потерпевших, суд квалифицировал поступок управляющей как преступление средней тяжести. Она раскаялась и признала вину только в ходе следствия и никак не попыталась заглазить вину перед абонентами до суда. Поэтому штраф для нее выше, чем в других случаях.

Таким образом, никто не вправе подслушивать, подглядывать и выспрашивать подробности чужой жизни, чтобы потом фиксировать ее на фото-, аудио- или видеоносители. Нельзя копировать задокументированные сведения без согласия их владельцев, похищать их или получать от кого-либо.

Также рассмотрим теорию правового статуса в виде действующей и активно развивающейся категории, она выявляет нормативно-правовое положение личности, трансформируется относительно социальных-экономических, политических и прочих условий.

В данном случае, учитываются факторы:

- развитие правового статуса, согласно производящимся изменениям в обществе и законодательстве. Стоит сказать, что правовой статус личности может активно трансформироваться под влиянием отдельных событий. Относительно некоторых исторических периодов существенно трансформировалось понимание прав и обязанностей личности, при установлении определенных политических режимов, в частности, присутствующей сегодня демократии или, скажем, абсолютизма. Каждая историческая эпоха привносила в себя определенные особенности использования прав личности и организации правоприменительной практики. Совершенствование экономики, а также происходящие изменения в рамках социальной структуры, формирования совершенно новых общественных институтов спровоцировали важность плодотворной адаптации процесса нормативно-правового регулирования. При налаженном совершенствовании инновационных и информационных технологий, были созданы совершенно иные факторы проявления правового статуса личности, которые были связаны с обеспечением доступа к информации и охраной данных личности. При этом изменение идеологии государства и политического строя — прямо влияли на имеющийся у личности правовой статус. Все политические изменения могли как сужать, так и расширять права и свободы личности [11];

- изменение нормативно-правового положения, которое отмечается в трансформации статуса граждан, относительно осуществляемой работы или прямой деятельности, различий в пологовозрастных группах.

В некотором роде, данный подход позволяет активно изучать обособленные взаимоотношения между личностью и процессом всестороннего обеспечения социальной справедливости. Здесь он выражается во взаимосвязи общественных положений и устоев с имеющимся у гражданина социальным статусом.

Данный статус помогает выявлять следующие особенности:

- действующую обязанность государственных органов и властей в вопросах обеспечения соблюдения всех присутствующих у граждан прав, интересов, так, чтобы имелась возможность поддерживать социальное равновесие. При этом социальные права граждан отмечаются неотъемлемыми, государство должно охранять их и реализовывать мероприятия по установлению оптимальных условий для организации жизнедеятельности. В данном случае граждане наделяются правом помогать в позитивном изменении государства, всестороннем принятии взвешенных решений, затрагивающих процесс создания инклюзивного общества, признающего приоритет прав и интересов;
- установление границ социальной ответственности исходит из возможности обеспечения прав граждан на получение медицинской и социальной помощи, а также своевременного обучения, развития собственных навыков, раскрытия прав.

Сегодня можно сказать, что социальный статус человека подчеркивает его принадлежность к государству, а также тем положениям и принятому «равновесию», которого придерживается население. Права в демократическом государстве являются неотъемлемыми, защищаются государством.

Статус личности не только поддерживается, но и устанавливается со стороны государства. Граждане, имеют права и обязанности, которые могут приобретаться и иностранными лицами, не имеющими гражданства. Подобный институт гражданского общества сегодня обеспечивает не только процесс приобретения гражданства, но и условия его утраты. Государство должно обеспечивать охрану лиц от без гражданства, обеспечение защиты прав граждан страны за пределами и выезде на другое место жительства.

Сегодня личность должна пропагандировать свободное установление собственного статуса, границы кото-

рого определяются государством, однако, рассматривается возможность осуществления его лишь в масштабах осуществления правовой культуры. В ней содержится определенный запас знаний, направлений обеспечения уважения к личности, осведомления ее о своих правах и возможностях осознания присутствующей социальной ответственности. Она, в частности, достигается с помощью взаимодействия общественных групп, населения, личностей — индивидов и государства.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что содержание и структура правового положения личности в отечественном праве формируются под влиянием различных концептуальных подходов, отражающих исторические, социально-экономические и культурные особенности развития общества. Современные вызовы, такие как глобализация, цифровизация и социальные изменения, требуют постоянной адаптации и уточнения этих подходов. Важно понимать, что правовой статус — это не статичная характеристика, а динамичная и многогранная система, призванная обеспечивать баланс между индивидом и государством, способствовать социальной справедливости и обеспечению прав человека.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря

- 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Октябрьского районного суда г. Иркутска по делу № 1-442/2022 от 19 августа 2022 года // URL: https://journal.tinkoff.ru/media/delo-no-1-442_2022.jksd3xd4nzqr.pdf/
 9. Решение Октябрьского районного суда г. по делу 1-363/2022 от 29 сентября 2022 года // URL: https://journal.tinkoff.ru/media/delo-no-1-363_2022.f2vjcjn4jk4s.pdf/
 10. Решение Куйбышевского районного суда города Санкт-Петербурга по делу № 1-154/2021 от 12 марта 2021 года // URL: https://journal.tinkoff.ru/media/delo-no-1-154_2021.k2uypmptdzgh.pdf/
 11. Омарова З. Н., Магомедов Г. Б. Социальные права человека в современных условиях цифровых технологий // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part one) № 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on 08.08.2024, as amended. dated December 31, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
 5. Labor Code of the Russian Federation № 197-FZ of December 30, 2001 (as amended on 13.12.2024) // LRS «ConsultantPlus».
 6. Family Code of the Russian Federation № 223-FZ of December 29, 1995 (as amended on 23.11.2024) // LRS «ConsultantPlus».
 7. Code of Administrative Offences of the Russian Federation № 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on December 13, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
 8. The decision of the Oktyabrsky District Court of Irkutsk in case № 1-442/2022 dated August 19, 2022 // URL: https://journal.tinkoff.ru/media/delo-no-1-442_2022.jksd3xd4nzqr.pdf/
 9. The decision of the Oktyabrsky District Court in the case 1-363/2022 dated September 29, 2022 // URL: https://journal.tinkoff.ru/media/delo-no-1-363_2022.f2vjcjn4jk4s.pdf/
 10. The decision of the Kuibyshevsky District Court of St. Petersburg in case № 1-154/2021 dated March 12, 2021 // URL: https://journal.tinkoff.ru/media/delo-no-1-154_2021.k2uypmptdzgh.pdf/
 11. Omarova Z. N., Magomedov G. B. Social human rights in modern conditions of digital technologies // Constitutional and municipal law. 2019. № 10.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».
2. International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the General UN Assembly) // LRS «ConsultantPlus».
3. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989)

Информация об авторе

Р. Б. Гандалоев — соискатель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат политических наук.

Information about the author

R. B. Gandaloev — Candidate of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy, Candidate of Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-36-39>

EDN: <https://elibrary.ru/plcchl>

НИОН: 2003-0059-6/24-187

MOSURED: 77/27-003-2024-06-386

Показания потерпевшего и свидетеля при производстве по уголовному делу в контексте реализации принципа законности

Алла Васильевна Ендольцева^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, allaend2015@mail.ru

² Московский государственный университет международных отношений МИД России (МГИМО), Москва, Россия

Аннотация. В статье высказывается мнение ее автора по поводу дефиниций «показания потерпевшего», «показания свидетеля». Рассматриваются некоторые ситуации, когда потерпевший и свидетель вправе отказаться от дачи показаний с анализом правовых последствий таких фактов. Приводятся точки зрения других авторов по обсуждаемым вопросам, формулируются выводы относительно изложенного.

Ключевые слова: показания потерпевшего, показания свидетеля, отказ от дачи показаний, доказательство, законность

Для цитирования: Ендольцева А. В. Показания потерпевшего и свидетеля при производстве по уголовному делу в контексте реализации принципа законности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 36–39. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-36-39>. EDN: PLCCHL.

Original article

Testimony of the victim and witness in proceedings of criminal case in the context of the implementation of the principle of legality

Alla V. Endoltceva^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, allaend2015@mail.ru

² Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO), Moscow, Russia

Abstract. The article expresses the opinion of the author about the definitions «testimony of the victim», «witness testimony». Some situations are considered where the victim and witness have the right to refuse to give evidence with an analysis of the legal consequences of such facts. The views of other authors on the issues discussed are presented, and conclusions are drawn regarding the above.

Keywords: testimony of the victim, witness testimony, refusal to give evidence, proof, legality

For citation: Endoltceva A. V. Testimony of the victim and witness in proceedings of criminal case in the context of the implementation of the principle of legality. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):36–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-36-39>. EDN: PLCCHL.

Показания потерпевшего, как и показания свидетеля, являются среди доказательств, пожалуй, самыми распространенными, они присутствуют практически в каждом уголовном деле. После признания лица потерпевшим от преступления следователь (дознатель) производит его допрос, разъясняя его процессуальные права и обязанности и предупреждая о том, что потерпевший не вправе отказываться от дачи показаний или давать заведомо ложные показания (п. 2 ч. 5 ст. 42 УПК РФ). Такая обязанность основана на

положениях уголовного закона, отраженных в ст. 307 и 308 УК РФ, которые в полной мере касаются и свидетеля.

Показания потерпевшего являются нередко источником получения первоначальной информации: где, когда и как произошло преступное деяние, об очевидцах произошедшего, размере и значимости для причиненного ему вреда. Если потерпевший знаком с лицом, совершившим преступление, то будут иметь значение любые правдивые сведения о подозреваемом, представ-

ляющие интерес для следствия, как и информация о его взаимоотношениях с правонарушителем. Кроме того, потерпевший может назвать известные ему обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Изложенное имеет отношение и к показаниям свидетеля. Для расследования (предварительного и судебного) особенно ценно, когда свидетель является очевидцем совершения преступного деяния, поскольку сведения, сообщенные им на допросе, являются так называемыми прямыми доказательствами. Свидетель, кроме сведений о самом деянии, нередко может дать характеристику личности как подозреваемого, так и потерпевшего, если они ему известны, а также сообщить о своих взаимоотношениях с ними, что немало важно для объективной оценки свидетельских показаний.

Таким образом, показания потерпевшего и свидетеля имеют довольно широкий круг обстоятельств, о которых они предоставляют информацию, его границами является относимость: они должны иметь значение для уголовного дела. Как считают авторы, «относимыми показания... будут в том случае, если они содержат сведения об обстоятельствах, связанных с предметом доказывания; об обстоятельствах, выступающих в качестве вспомогательных фактов» [5, с. 222]. Помимо относимости показания этих лиц как доказательства должны обладать свойствами достоверности и допустимости.

При оценке показаний потерпевшего или свидетеля необходимо учитывать, что сведения, сообщенные ими, могут отличаться от объективной действительности. С одной стороны, потерпевший и (или) свидетель может бояться воздействия на него или его родственников со стороны подозреваемого, которого на основании его показаний будут обвинять в совершении преступления, и поэтому может что-то не договаривать, что-то «смягчать». С другой стороны, потерпевший может чрезмерно «усердствовать», желая, чтобы назначенное преступнику наказание было более строгим или чтобы получить большую материальную выгоду, увеличивая размер вреда, причиненного ему преступлением. Показания свидетеля могут быть недостоверными в силу особых отношений с подозреваемым или с потерпевшим (родственных, дружеских, любовных и пр.). «В ходе расследования уголовных дел постоянно приходится сталкиваться с умышленным искажением фактов, замалчиванием информации свидетелями и потерпевшими», — отмечают исследователи [4, с. 136].

Поэтому обвинение не может быть основано только на показаниях участников уголовного судопроизводства. Такое мнение высказывают многие авторы [1; 2; 7]. Поэтому как показания потерпевшего, так и показания свидетеля нуждаются в проверке. Проверка показаний включает в себя анализ полученной информации и ее сопоставление с уже имеющимися по делу доказательствами, в том числе необходимо сопоставить показания потерпевшего или свидетеля, полученные при их допросе, со сведениями, которые они сообщили при участии в других следственных

действиях, а также со сведениями, сообщенными ими первоначально при получении с них процессуальным путем объяснений в ходе проверки сообщения о преступлении.

Рассматривая вопросы заявленной проблематики, нельзя не обратиться к пониманию показаний в контексте уголовно-процессуального закона. В соответствии с ч. 1 ст. 78 УПК РФ показаниями потерпевшего являются сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с предписаниями ст. 187–191 и 277 УПК РФ. Практически аналогичное понятие закреплено и в ч. 1 ст. 79 УПК РФ «Показания свидетеля».

Правила допроса четко регламентированы в УПК РФ. Одним из таких правил в соответствии с ч. 1 ст. 189 УПК РФ является то, что перед допросом следователь выполняет требования, предусмотренные ч. 5 ст. 164 УПК РФ: допрашиваемому разъясняются его права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Потерпевший и свидетель предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Соблюдение следователем и дознавателем обозначенных и других требований закона позволяет признать сведения, которые сообщили потерпевший и свидетель в ходе их допроса показаниями, допустимыми к доказыванию обстоятельств дела.

Возникает вопрос: можно ли данный термин (показания) распространить и на сведения, сообщенные потерпевшим или свидетелем, как и другими участниками уголовного процесса, при производстве иных следственных действий. Отметим здесь, что некоторые авторы высказывают такое мнение: «изложенные не в ходе допроса объяснения потерпевшего по тем или иным обстоятельствам дела, не имеют какой-либо доказательственной силы и значения» [6, с. 88–89]. Вполне можно с этим согласиться, но только кроме случаев, когда «объяснения» даны потерпевшим в ходе следственного действия и зафиксированы в протоколе.

При регламентации порядка проведения того или иного следственного действия законодатель использует разные термины относительно сведений, которые сообщают его участники. Так, при проведении очной ставки допрашиваемым лицам (одним из которых может быть потерпевший или свидетель) в соответствии с ч. 2 ст. 192 УПК РФ поочередно предлагается дать *показания* по тем обстоятельствам, для выяснения которых проводится очная ставка, которые записываются в протокол очной ставки в той очередности, в какой они давались. При этом в протоколе этого следственного действия будут отражены все показания участников очной ставки, даже те сведения, которые они ранее не сообщали при проведении допроса. Будут ли они иметь доказательственное значение? Да, если они получены в соответствии с требованиями закона.

Согласно положениям ст. 194 УПК РФ (проверка показаний на месте) в целях установления новых об-

стоятельств, имеющих значение для уголовного дела, показания, ранее данные потерпевшим или свидетелем, могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием. При этом они могут сообщить новые сведения, которые также будут отражены в протоколе, т. е. закреплены надлежащим образом как *показания*, и при законности производства данного следственного действия, будут также иметь доказательственное значение и, как мы полагаем, при этом нет необходимости проводить дополнительный допрос таких лиц.

Вместе с тем, при проведении предъявления для опознания опознающий должен объяснить, по каким приметам или особенностям он опознал лицо или предмет, предъявленный к опознанию (ч. 7 ст. 193 УПК РФ). В протоколе этого следственного действия, как это указано в ч. 9 ст. 193 УПК РФ, по возможности дословно излагаются *объяснения* опознающего. Возникает вопрос: почему законодатель здесь использует слова «объяснить», «объяснение», а не «показания» как в выше представленных случаях? Возможно потому, что приметы или особенности личности опознаваемого опознающий ранее сообщил в своих показаниях на допросе, однако он может при опознании сообщить и какие то новые обстоятельства, относящиеся к личности подозреваемого или к совершенному им преступлению. Полагаем, что применение здесь слова «объяснение» не верно, так как, по сути, в протоколе и этого следственного действия отражаются показания лица как сведения, имеющие значение для расследования и последующего рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Вернувшись еще раз к требованиям ч. 5 ст. 164 УПК РФ, подчеркнем то обстоятельство, что они распространяются на производство всех следственных действий, а не касаются только допроса. Мы имеем в виду, что и при производстве любого следственного действия, где получается законным способом вербальная информация, потерпевший и свидетель предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний и им разъясняются положения ст. 51 Конституции Российской Федерации. Поэтому по своей юридической природе показания потерпевшего или показания свидетеля, данные ими на допросе, ничем не отличаются от их показаний при производстве других следственных действий.

По нашему мнению, любые сведения, имеющие значение для уголовного дела, сообщенные потерпевшим или свидетелем при производстве любого следственного действия при соблюдении названных и других правил, закрепленных в УПК РФ, можно считать показаниями, допускаемыми в качестве доказательств по уголовному делу. Считаем, что положения ч. 1 ст. 78 и ч. 1 ст. 79 УПК РФ суживают понимание показаний, являющихся доказательствами по уголовному делу. Полагаем, что при допросе потерпевшего и допросе свидетеля в судебном заседании (ст. 277, 278 УПК РФ) они могут давать показания относительно

любых сведений, представленных им органам предварительного расследования при производстве различных следственных действий (а не только на допросе).

Учитывая изложенное, предлагаем законодателю изменить редакцию ч. 1 ст. 78 УПК РФ на следующую: «1. Показания потерпевшего — сведения, сообщенные им на допросе и других следственных действиях, проведенных в установленном настоящим Кодексом порядке в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде». Полагаем, что аналогичные изменения в силу вышесказанного следует произвести в редакциях и других статей УПК РФ: ч. 1 ст. 79 «Показания свидетеля», ч. 1 ст. 76 «Показания подозреваемого», ч. 1 ст. 77 «Показания обвиняемого».

Заострим внимание еще на одном обстоятельстве — праве потерпевшего и свидетеля на отказ от дачи показаний против своего супруга (супруги) и близких родственников, имеющем конституционно-правовую природу. Здесь важно обратить внимание на то, в каком порядке осуществляется уголовное преследование: публичном, частно-публичном или частном. Если это дело частно-публичного обвинения, возбужденное на основании заявления самого потерпевшего в отношении его супруга или близкого родственника и не подлежащее прекращению в связи с примирением сторон, то его отказ на допросе от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ вполне можно расценивать как противодействие правосудию, в связи с чем вряд ли к нему применимо примечание к ст. 308 УПК РФ об освобождении лица от уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против своего супруга и близких родственников. Законодателю следует это учесть и внести изменение в редакцию названной нормы уголовного закона [3, с. 53].

Что касается права на отказ от дачи показаний против самого себя, отметим, что такое право не предусматривает, чтобы потерпевший мог при этом давать ложные показания, чтобы правоохранители ничего не узнали о его противоправном поведении, способствовавшем совершению в отношении него преступного деяния. Поэтому если потерпевший осознанно будет давать ложные показания, которые создадут препятствия следователю (дознавателю), суду в установлении истины по уголовному делу, то это уже будет иметь правовое значение — в его действиях может усматриваться состав преступления, предусмотренный ст. 307 УК РФ.

Если же дело публичного обвинения по факту совершения преступления, а не на основании заявления потерпевшего, и производство по нему происходит не по его воле, он имеет право отказаться от дачи показаний в отношении своего супруга (супруги) или близкого родственника, не желая участвовать в их уголовном преследовании. В этом случае отказ потерпевшего от дачи показаний правомерен, а побуждение его к предоставлению сведений незаконными действиями должностных лиц является уголовно-наказуемым деянием (ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний»). Добытые таким путем сведения не будут

иметь силы доказательств в силу их недопустимости.

Признание показаний потерпевшего или свидетеля недопустимыми происходит вследствие ограничения или лишения их прав, которыми они обладают, а также нарушения порядка получения сведений, на которых строится доказательственная база. Поэтому, в контексте надлежащей реализации должностными лицами уголовного процесса положений принципа законности при производстве по уголовному делу, законодателю и правоприменителю необходимо учитывать разные ситуации, при которых лицо дает показания или отказывается от их предоставления, определить те важные моменты правового характера, которые влияют на оценку законности действий и решений должностных лиц, на допустимость или недопустимость полученных по делу доказательств, от чего зачастую зависит «судьба» уголовного дела.

Список источников

1. Беседин Г. Е. Оглашение показаний свидетеля, потерпевшего и подсудимого в уголовном процессе России : история и современность // Российский судья. 2023. № 7. С. 56–60.
2. Горбунов Д. В. Показания потерпевшего в уголовном процессе // Общество и право. 2019. № 2(48). С. 210–214.
3. Ендольцева А. В. Отказ потерпевшего от дачи показаний : баланс частных и публичных интересов // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 50–54.
4. Карпенко О. А. Сущность дачи заведомо ложных показаний как приема противодействия расследованию преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2(28). С. 133–137.
5. Корнеева А. Н. Оценка относимости показаний потерпевшего // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 220–224.
6. Османова Л. С. Показания потерпевшего как средство уголовно-процессуального доказыва-

ния // В сборнике : Уголовное производство : процессуальная теория и криминалистическая практика. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 87–90.

7. Осодоева Н. В. Что следует понимать под существенными противоречиями при оглашении показаний потерпевших (свидетелей) в судебном следствии по уголовным делам // Российский судья. 2021. № 9. С. 18–22.

References

1. Besedin G. E. The announcement of the testimony of a witness, victim and defendant in the criminal process of Russia : history and modernity // Russian judge. 2023. № 7. P. 56–60.
2. Gorbunov D. V. Testimony of a victim in a criminal trial // Society and law. 2019. № 2(48). P. 210–214.
3. Endoltseva A. V. The victim's refusal to testify : a balance of private and public interests // Criminological Journal. 2023. № 2. P. 50–54.
4. Karpenko O. A. The essence of giving deliberately false testimony as a method of countering the investigation of crimes // Bulletin of the Kakhzan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(28). P. 133–137.
5. Korneeva A. N. Assessment of the relevance of the victim's testimony // Society and law. 2010. № 2 (29). P. 220–224.
6. Osmanova L. S. Victim's testimony as a means of criminal procedural proof // In the collection : Criminal proceedings : procedural theory and criminalistic practice. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. 2018. P. 87–90.
7. Osodoeva N. V. What should be understood by significant contradictions when reading out the testimony of victims (witnesses) in the judicial investigation of criminal cases // Russian judge. 2021. № 9. P. 18–22.

Информация об авторе

А. В. Ендольцева — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры правового регулирования Московский государственный университет международных отношений МИД России (МГИМО), доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Information about the author

A. V. Endoltseva — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Legal Regulation of the Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-40-45>

EDN: <https://elibrary.ru/ndjqgu>

НИОН: 2003-0059-6/24-188

MOSURED: 77/27-003-2024-06-387

Превышение должностных полномочий в свете нового понимания объективных и субъективных признаков

Сергей Леонидович Зорин¹, Алексей Игоревич Парышев²

^{1,2} Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия

¹ slzorin@mail.ru

² aip@msal.ru

Аннотация. Представлена уголовно-правовая характеристика преступления в виде превышения должностных полномочий. Рассматривается превышение должностных полномочий с анализом элементов ее состава. В основу данного исследования положен метод комплексного анализа данных видов преступлений и судебной практики Кировской области. Данный анализ дается путем раскрытия спорных вопросов, которые возникают при квалификации данных деяний в связи с отсутствием понятия «служба в правоохранительных органах», а также с различной мотивацией у субъекта. На основании вышеизложенного, автором предлагается внесение изменений в действующее законодательство в виде включения в примечание к ст. 285 УК РФ термина «службы в правоохранительных органах», а также еще более жесткого разграничения мотивов корыстной заинтересованности и иной личной заинтересованности в ст. 286 УК РФ, признавая при этом мотив корыстной заинтересованности более опасным.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, государственная служба, явный выход за пределы полномочий, мотив, корыстная заинтересованность, иная личная заинтересованность

Для цитирования: Зорин С. Л., Парышев А. И. Превышение должностных полномочий в свете нового понимания объективных и субъективных признаков // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 40–45. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-40-45>. EDN: NDJQGU.

Original article

Exceeding official powers in the light of a new understanding of objective and subjective signs

Sergey L. Zorin¹, Aleksey I. Paryshev²

^{1,2} Volga-Vyatka Institute (Branch) of the University named after O.E. Kutafin (MSLA), Kirov, Russia

¹ slzorin@mail.ru

² aip@msal.ru

Abstract. The criminal and legal characteristics of a crime in the form of abuse of official authority is being presented. Abuse of office is considered with an analysis of the elements of its composition. This study is based on the method of complex analysis of these types of crimes and judicial practice in the Kirov region. This analysis is given by disclosing controversial issues that arise in the qualification of these acts due to the lack of the concept of «service in law enforcement agencies», as well as with different motivations of the subject. Based on the above, the author proposes amendments to the current legislation in the form of including the term «law enforcement services» in a note to Article 285 of the Criminal Code, as well as an even stricter distinction between motives of self-interest and other personal interests in Article 286 of the Criminal Code, while recognizing the motive of self-interest as more dangerous.

Keywords: abuse of authority, public service, manifest exceeding of authority, motive, self-interest, other personal interest

For citation: Zorin S. L., Paryshev A. I. Exceeding official powers in the light of a new understanding of objective and subjective signs. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):40–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-40-45>. EDN: NDJQGU.

© Зорин С. Л., Парышев А. И., 2024

В современных условиях охрана интересов общества и государства приобретает первостепенное значение. Ее актуальность, вероятно, обеспечивается тем, что защита всех свобод человека все более очевидно может стать одной из доминант социального прогресса, основой которого, безусловно, будет общечеловеческий интерес, приоритет социальных ценностей. Подлинный прогресс, конечно же, невозможен, без должного соблюдения прав, свобод и гарантий человека, тем более что Конституция Российской Федерации, предусматривает в ст. 18, что они регламентируют смысл, содержание и исполнение законов, деятельность законодательной и исполнительной ветвей власти, местного самоуправления и реализуются правосудием. Однако, преступления в виде превышения должностных полномочий, предусмотренные ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, подрывают авторитет власти и органов местного самоуправления, дискредитируется право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества [6, с. 54]. Таким образом, необходимо изучить проблемы квалификации и правоприменительную практику данного преступления, отразить спорные вопросы объективных и субъективных элементов состава преступления в виде превышения должностных полномочий.

Родовым объектом превышения должностных полномочий, соответственно, выступают общественные отношения, направленные на нормальное функционирование государственных ветвей власти в Российской Федерации. Таким образом, видовой объект данного преступления можно определить, соответственно, как нормальная, легальная и соответствующая интересам развития общества функционирование аппарата публичной власти, который олицетворяет государственные органы всех ветвей власти, а также муниципальные органы, правильная работа их индивидуальных звеньев либо отдельных предприятий, принадлежащих государству или муниципалитету, организаций и учреждений. Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ внесены изменения в примечание ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), касающиеся уточнения таких определений как «должностное лицо», что дает основания включить в видовой объект также нормальную деятельность внебюджетных фондов и при определенных условиях хозяйственных и акционерных обществ.

В соответствии со ст. 2 ФЗ РФ «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27

мая 2003 года система государственной службы состоит из следующих видов государственной службы: государственная гражданская служба (служба в федеральных органах и службы в субъектах Федерации); военная служба; государственная служба иных видов, также указывается, что данная государственная служба иных видов представляет собой вид федеральной государственной службы. Однако, данный закон не имеет понятия «государственная служба иных видов», и ничего не может сказать о видах этой службы. Федеральный же закон от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ употребляет уже другую дефиницию, т. е. «федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью». Также в настоящее время не имеется перечня типовых должностей данной федеральной государственной службы иных видов. В УК РФ также отсутствует термин «служба в правоохранительных органах». Данное обстоятельство является весьма значительным упущением, поскольку указанная правоохранительная деятельность обладает особой спецификой. Из множества ее характерных черт можно выделить самый существенный отличающий ее от других (иных) видов государственной службы — она призвана защищать права и законные интересы граждан, юридических лиц, Российскую Федерацию от противоправных посягательств [8].

На основании вышеизложенного следует включить в примечание 1 к ст. 285 УК РФ после слов «других войсках и воинских формированиях», «службы в правоохранительных органах».

По конструкции состав преступления является материальным, а значит, содержит три обязательных признака объективной стороны: деяние, последствия в результате причинения преступления и наличие причинной связи между деянием и данными наступившими последствиями. Деяние возможно только в виде активного действия. На это указывает в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Таким образом, в объективную сторону как составной части состава преступления превышения должностных полномочий будет входить: действия должностного лица, явно выходящие за пределы предоставленного лицу по службе полномочий; причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам граждан или юридических лиц, либо охраняемым законом интересам социума или государства; наличием детерминирующей связи между явным и незаконным

выходом должностного лица за свои пределы должностных полномочий и наступившими в содержании статьи последствиями.

В настоящее время в науке уголовного права сформировалось два подхода в отношении такой черты как «явность выхода за пределы полномочий». По мнению Айдаева С. Г., следует признать, что признак явности имеет объективное содержание. В обоснование данного довода он утверждает, что незнание должностным лицом какого-либо федерального закона или должностной (служебной) инструкции не является фактором, препятствующим квалификации его действий в качестве превышения должностных полномочий [1, с. 18].

Ученый, внесший наибольший вклад в исследование данного состава преступления Б. В. Волженкин полагает, что должностное лицо в этом случае должно понимать, что явно для него самого выходит за соответствующие пределы имеющихся у него полномочий [3, с. 157]. Егорова Н. А. комментирует, что «явный выход за так называемые пределы должностных полномочий может трактоваться как очевидное, порой дерзкое поведение. Явный — значит, во-первых, видимый, открытый, во-вторых, совершенно понятный с первого взгляда, то есть беспорный» [4, с. 65].

По мнению других ученых, таких как А. Я. Светлов данный признак имеет субъективное содержание, поскольку должностное лицо, зная объемы своей служебной и властной компетенции, явно превышает ее [7, с. 173].

На наш взгляд, следует согласиться с авторами, которые придерживаются объективного подхода явного выхода должностного лица за пределы своих полномочий. Во-первых, незнание закона не может освобождать от ответственности, так государственный или муниципальный служащий может быть недавно принят на работу и не разобравшись во всех тонкостях своих полномочий, однако данный факт может быть лишь смягчающим обстоятельством при назначении ему наказания, но никак не обстоятельством, освобождающим от уголовного преследования и наказания. Во-вторых, само лицо может не осознавать, что совершает данное преступление, так как по его убеждению оно действует из «благородных» намерений, например, поднять и сделать более высокими показатели своей работы, то есть лицо ложно понимает государственные или общественные интересы, но оно также подлежит ответственности по ст. 286 УК РФ.

Субъективная сторона рассматриваемого нами состава преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ,

выражается прямым или косвенным умыслом. Мотивы и цели могут при этом выступать в определенных случаях в качестве особо квалифицирующих признаков.

Так, Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ч. 3 ст. 286 УК РФ была дополнена таким признаком как совершение деяния из корыстной или иной личной заинтересованности.

Таким образом, законодатель различил такие составы преступлений как превышение должностных полномочий и злоупотребление должностными полномочиями. В случае применения ст. 285 УК РФ факкультативный признак — мотив выступает в образе обязательного признака рассматриваемого нами состава преступления — это корыстная или иная личная заинтересованность. Субъект данного преступления действует «вопреки интересам службы» согласно диспозиции данной статьи. Так, Ш. и И. в конце 2019 года, превышая свои должностные полномочия, действуя умышленно, незаконно согласовали приемку и последующую поставку 20 некачественных специальных средств фото- и видеофиксации нарушений ПДД (дорожных камер). По данным СК РФ по Кировской области, состояние оборудования явно не соответствовало техзаданию заключенного муниципального контракта, что влекло односторонний отказ от исполнения контракта.

Камеры поставили по нацпроекту «Безопасные и качественные автомобильные дороги». В итоге из-за совместных и согласованных действий И. и Ш. Муниципальному казенному учреждению «Управление дорожной и парковой инфраструктуры г. Кирова» был причинен материальный ущерб в размере свыше 21 млн рублей. Данное деяние было совершено из иной личной заинтересованности, в частности у лица было желание представить результаты своей работы в хорошем свете и заручиться поддержкой руководителя в решении изложенного вопроса.

Ш. занимал руководящую должность, он являлся главой администрации города Кирова, и это значит, что он направлял деятельность Муниципального казенного учреждения «Управление дорожной и парковой инфраструктуры г. Кирова» (далее — МКУ УДПИ). Между тем, И. был руководителем данного учреждения. Ленинский районный суд города Кирова признал, что камеры, которые поставила компания «Универсал-М», согласно контракту, должны быть соответствующего качества. Если же товар не соответствует требованиям, то поставщик обязан за свой счет починить либо заменить оборудование.

Для приемки оборудования был назначен специалист МКУ УДПИ С., который постановил, что оборудование соответствует необходимым требованиям. Согласно заявлению суда, Ш., боясь для себя негативных последствий из-за невыполнения показателей, через П. передал И., чтобы последний в любом случае принял камеры. И., дабы выполнить указания Ш., также боясь негативных последствий для себя, подписал накладную и обеспечил приемку оборудования, которое не соответствовало техзаданию. Суд установил, что Ш. никаких окончательных решений не озвучивал, но делал так, чтобы работники сами принимали все решения. Таким образом, действия Ш. и И. были квалифицированы по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 285 УК РФ и ч. 3 ст. 285 УК РФ [9].

В статье же 286 УК РФ корыстная или иная личная заинтересованность выступает в качестве особо квалифицирующего признака. Также превышение же должностных полномочий возможно и по другим мотивам, например, продвижение по службе, улучшение показателей своей работы. Не всегда возможен и корыстный мотив, поскольку субъект часто не получает за соответствующие действия денежные суммы или какие-либо иные преференции.

Так, по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ была дана квалификация действиям обвиняемых, которые в декабре 2019 года превысили полномочия, т.е. поменяли состав и оказали свое влияние на членов комиссии, которая принимала оборудование и при оценке технического состояния 74 камер фото- и видеофиксации нарушений ПДД. Поставку камер организовали в рамках госконтрактов национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (далее — БКАД). Но качество оборудования не отвечало техническому заданию. Госконтракты были расторгнуты, а Российской Федерации в лице КОГБУ «Центр стратегического развития информационных ресурсов и систем управления» нанесен материальный ущерб в размере 93417199,82 рубля.

Помимо этого, из-за поступков обвиняемых в дорожный фонд субъекта РФ (Кировской области) не поступили запланированные денежные средства в объеме 90 млн. рублей. Это были выплаты административных наказаний в виде штрафа за нарушения ПДД, которые должны были записывать новые видеокамеры, но этого не произошло.

Министерство информтехнологий и связи является учредителем данного центра и осуществляет его координацию. Министерство информтехнологий и связи является также распорядителем бюджетных

средств на дороги региона, в том числе установку камер фиксации ПДД. Осенью 2019 года «Центр стратегического развития информационных ресурсов и систем управления» (далее — ЦСР) разместило контракт на закупку камер фото- и видеофиксации ПДД. Два контракта было заключено с «Айти Флагман», один — с Национальным Центром Информатизации. Компании поставили 74 единицы камер: «Автодория 3.0», «СКАТ-ПП» и «КОПЕРНИК». Однако приемочная комиссия установила факт несоответствия камер техзаданию, после чего поставщику направили претензии. Составлен акт выемки несоответствия камер техническому заданию, таким образом, приемка каким образом не могла быть осуществлена. П. занимал пост министра информационных технологий и связи Кировской области, ему стало известно, что показатели национального проекта «БКАД» и регионального проекта «Общесистемные меры» не выполнены и П. опасался, что из-за этого будут негативные последствия.

Находясь в отпуске в Санкт-Петербурге, П., желая добиться выполнения показателей и повысить свой авторитет как руководителя, решил обеспечить приемку камер, не соответствующих техзаданию. Он изменил состав приемочной комиссии, ранее созданной П.-ко, заменил ряд сотрудников ЦСР на сотрудников министерства, чтобы большинство проголосовало за приемку камер. Желая, чтобы служащие министерства приняли положительное решение, он оказал на них влияние. П. решил привлечь П.-ко и по телефону он дал ему указание осуществить приемку камер с последующей оплатой оборудования. П.-ко, чувствуя себя обязанным П. за назначение на эту должность, осознавая, что П. может создать ему неприятности, согласился. В последующем он принял участие в совещании, где сообщил о возможности наступления неблагоприятных последствий для Министерства в случае неприемки. П.-ко после совещания с П. дал незаконное устное указание о внесении изменений в приказы о создании комиссии, исключив из состава сотрудников ЦСР и заменив их на работников министерства. Он дал поручение О., который исполнял обязанности директора ЦСР, указание подписать документы. Сам П.-ко был на больничном в то время. После отказа О. подписать указы П.-ко дал незаконное указание работнику подготовить акты приемки и обеспечить подписание их задним числом. В итоге члены приемочной комиссии поставили свои личные подписи о том, что камеры соответствуют техническому заданию. Большинство голосов было обеспечено положительное заключение.

Далее, П.-ко, находясь в поликлинике, куда обратился О. из-за ухудшения здоровья, дал тому на подпись подписанные всеми членами приемочной комиссии акты приемки. В результате О. тоже поставил подписи. По итогу, П.-ко и П. обеспечили незаконную приемку камер [10].

Таким образом, действия данных должностных лиц не были квалифицированы по п. «е» ст. 286 УК РФ, т. е. из корыстной или иной личной заинтересованности, только потому что данные изменения были внесены в УК РФ позднее, хотя при возбуждении данного уголовного дела следователь вменил данный пункт обвиняемым, который впоследствии был отменен судом. Однако, личная заинтересованность в данном уголовном деле все же просматривается. Так, комплексы надо было принять до конца 2019 года, то есть времени выполнить показатели уже почти не было — все это происходило в декабре 2019 года. П. опасался за негативные последствия в виде срыва национального проекта, желал добиться высоких показателей своей работы и повысить свой авторитет как руководителя, а П.-ко чувствовал себя обязанным П. за назначение на свою должность. Налицо «иная личная заинтересованность» в виде «ложно понимаемых интересов службы».

Корыстная заинтересованность как мотив данного преступления состоит в том, что лицо получает какие-либо выгоды материального (имущественного) характера. Под иной же личной заинтересованностью понимаются любые устремления, направленные на получение выгоды неимущественного характера.

Не отрицая наличия у данных должностных лиц карьерных побуждений можно подчеркнуть, что их реализацию они связывали с достижением по отдельным направлениям положительных результатов в своей служебной деятельности. Тем более что в настоящее время контракты на поставку оборудования частично были расторгнуты, и средства в различные бюджеты были частично возвращены.

По мнению ряда авторов, стабильная работа организации — это далеко не всегда личная заинтересованность руководителя [5, с. 60]. Личная заинтересованность как мотив превышения должностных полномочий отсутствует, когда субъект не видит возможности достижения не связанными с превышением действиями надлежащих показателей эффективности служебной деятельности. Тем более что это обстоятельство не исключает квалификацию действий виновного по ст. 286 УК РФ [2]. Таким образом, иная личная заинтересованность может выражаться и в так

называемых «благородных» намерениях. Учитывая вышеизложенное, предлагается внести изменения в ч. 3 и ч. 4 ст. 286 УК РФ с тем, чтобы из п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ убрать мотив «корыстной заинтересованности» и перенести его в ч. 4 ст. 286 УК РФ. На наш взгляд, данные положения будут способствовать усилению ответственности лица, превышающего должностные полномочия из корыстной заинтересованности, а также будут способствовать более эффективной борьбе с коррупцией.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время в УК РФ отсутствует понятие «служба в правоохранительных органах», что является значительным упущением. Предлагается внести данное понятие в примечание 1 к ст. 285 УК РФ. Также следует согласиться с авторами, которые придерживаются объективного подхода явного выхода должностного лица за пределы своих полномочий и, наконец, стоит признать, что мотив иной личной заинтересованности обладает меньшей общественной опасностью, чем корыстная заинтересованность, поэтому следует внести изменения в действующее уголовное законодательство с целью усиления ответственности лица, превышающего должностные полномочия из корыстной заинтересованности.

Список источников

1. Айдаев С. Г. Превышение должностных полномочий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.
2. Борков В. Н. Конкуренция мотивов при превышении должностных полномочий // Законность. 2024. № 1. С. 35–36.
3. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М. : Юрист, 2000. 367 с.
4. Егорова Н. А. Преступления против интересов службы. Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1999. 188 с.
5. Ляскало А. Н. Корыстная и иная личная заинтересованность как мотивы невыплаты заработной платы : проблемы судебного толкования // Уголовное право. 2019. № 4.
6. Пименов Н. А. Обеспечение противодействия коррупции : учебник. М. : Кнорус, 2018. 290 с.
7. Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. Киев : Наук. думка, 1978. 303 с.
8. Шайхатдинов В. Ш. К вопросу о государственной службе иных видов // Бизнес, менеджмент и право. 2016. № 3/4 (35/36). С. 55–56.

9. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 23 сентября 2024 г. № 1-11/2023 // URL: <http://www.sudact.ru/>
 10. Определение Кировского областного суда от 5 октября 2022 г. № 22-1997/2022 // URL: <http://www.sudact.ru/>
5. Lyaskalo A. N. Selfish and other personal interests as motives for non-payment of wages : problems of judicial interpretation // Criminal law. 2019. № 4.
 6. Pimenov N. A. Ensuring anti-corruption : textbook. Moscow : Knorus, 2018. 290 p.
 7. Svetlov A. Ya. Responsibility for official crimes. Kiev : Nauk. Dumka, 1978. 303 p.
 8. Shaikhatdinov V. S. On the issue of public service of other types // Business, management and law. 2016. № 3/4 (35/36). P. 55–56.
 9. Verdict of the Leninsky District Court of Kirov № 1-11/2023 dated September 23, 2024 // URL: <http://www.sudact.ru/>
 10. Definition of the Kirov Regional court № 22-1997/2022 dated October 5, 2022 // URL: <http://www.sudact.ru/>

References

1. Aidaev S. G. Abuse of official authority : abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. M., 2004. 26 p.
2. Borkov V. N. Competition of motives in case of abuse of office // Legality. 2024. № 1. P. 35–36.
3. Volzhenkin B. V. Official crimes. Moscow : Yurist, 2000. 367 p.
4. Egorova N. A. Crimes against the interests of the service. Volgograd : Volgogr. jurid. Institute of the

Информация об авторах

С. Л. Зорин — доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Волго-Вятского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;

А. И. Парышев — доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. L. Zorin — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the Volga-Vyatka Institute (Branch) of the University named after O.E. Kutafin (MSLA), Candidate of Legal Sciences;

A. I. Paryshev — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Volga-Vyatka Institute (Branch) of the University named after O.E. Kutafin (MSLA), Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-46-54>

EDN: <https://elibrary.ru/ndldxx>

НИОН: 2003-0059-6/24-189

MOSURED: 77/27-003-2024-06-388

Государственный контроль (надзор) в сфере регулирования миграционных отношений или миграционный надзор

Сергей Михайлович Зырянов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, zyryanov.s@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2592-9695

Аннотация. Рассматривается реформа государственного контроля, проводимая Правительством РФ в последние десять лет, которая кардинально изменила представления о роли и месте контрольно-надзорной деятельности в механизме правового регулирования самого широкого спектра общественных отношений. Эти изменения отразились на регламентации нормотворческой, разрешительной и административно-юрисдикционной деятельности органов исполнительной власти. При этом унифицировать контрольно-надзорную деятельность не удалось, напротив, наблюдается усиливающаяся центристремительная тенденция, выражающаяся в том, что отдельные виды государственного контроля (надзора) все более обособливаются, приобретают черты особого вида контроля (надзора), не входящего в предмет регулирования законодательства о контроле (надзоре).

Цель исследования — анализ законодательных новелл и проектируемых подходов к регламентации миграционного контроля (надзора) как особого вида контроля. Методология исследования обусловлена спецификой предмета и включает общенаучные методы познания (анализ, синтез, сравнение). Применение избранных методов исследования наиболее важных аспектов миграционного контроля (надзора) позволяет охарактеризовать формируемое нормативное правовое регулирование данного вида деятельности как недостаточно системное, вовлекающее в контрольно-надзорные отношения множество смежных отношений, возникающих в связи с реализацией МВД России разрешительных и правоприменительных полномочий. Миграционные отношения как предмет регулирования законодательства о правовом положении иностранных граждан различаются в зависимости от того, кто — иностранный гражданин, принимающая сторона или иные (третьи) лица, у которых возникают соответствующие обязанности — оказывается субъектом этих отношений.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), механизм правового регулирования, обязательное требование, контрольное (надзорное) мероприятие, профилактика нарушений обязательных требований, иностранный гражданин, принимающая сторона, административное принуждение

Для цитирования: Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор) в сфере регулирования миграционных отношений или миграционный надзор // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 46–54. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-46-54>. EDN: NDLDX.

Original article

State control (supervision) in the field of regulation of migration relations or migration supervision

Sergey M. Zyryanov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, zyryanov.s@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2592-9695

Abstract. The reform of state control carried out by the Government of the Russian Federation over the past ten years has radically changed the perception of the role and place of control and supervisory activities in the mechanism of legal regulation of the widest range of social relations. These changes have affected the regulation of the rule-making, permitting, administrative and jurisdictional activities of the executive authorities. At the same time, it was not possible to unify control and supervisory activities, on the contrary, there is a growing centripetal tendency, which is expressed

© Зырянов С. М., 2024

in the fact that certain types of state control (supervision) are becoming more and more justified, acquiring the features of a special type of control (supervision), which is not included in the subject of regulation of the legislation on control (supervision).

The purpose of the study is to analyze legislative innovations and projected approaches to the regulation of migration control (supervision) as a special type of control. The methodology of the research is determined by the specifics of the subject and includes general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, comparison). The application of the selected methods of studying the most important aspects of migration control (supervision) allows us to characterize the formed legal regulation of this type of activity as insufficiently systematic, involving in control and supervisory relations many related relations arising in connection with the implementation of licensing and law enforcement powers by the Ministry of Internal Affairs of Russia. Migration relations as a subject of regulation of legislation on the legal status of foreign citizens differ depending on who — a foreign citizen, the receiving party or other (third) persons who have relevant obligations — is the subject of these relations.

Keywords: state control (supervision), the mechanism of legal regulation, mandatory requirement, control (supervisory) measure, prevention of violations of mandatory requirements, foreign citizen, receiving party, administrative coercion

For citation: Zyryanov S. M. State control (supervision) in the field of regulation of migration relations or migration supervision. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):46–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-46-54>. EDN: NDLDXX.

В механизме реализации миграционной политики контроль (надзор) (далее в статье – миграционный надзор) играет роль проводника, связывающего нормативное правовое регулирование (нормирование) и разрешительную деятельность с обеспечением соблюдения требований правовых норм (правоприменением). В этой конструкции миграционный надзор работает в двух направлениях: в одном направлении он предоставляет правоприменителю информацию о нарушениях требований правовых норм, в обратном направлении сообщает субъектам нормотворчества (условно законодателю, понимая под ним всех субъектов, осуществляющих нормативное правовое регулирование в сфере миграции — Правительство РФ и федеральные органы исполнительной власти) о выявленных в ходе правоприменения дефектах правового регулирования. В результате правоприменитель получает возможность корректировать свою деятельность, разрабатывать более эффективные подходы и выбирать средства воздействия, а законодателю устанавливать новые требования, усиливать или смягчать ответственность.

Резкая активизация миграционных процессов в России началась со второй половины 1980-х гг.

Круг субъектов миграционных отношений расширился и охватил практически все сферы экономики и общества. В сферу внешней миграции попали перемещения граждан бывших союзных республик. Активизировались миграционные процессы вблизи российских границ. Значительная стихийность этих процессов создает социальную напряженность, усиливает угрозы проникновения в Россию членов криминальных, террористических и экстремистских организаций.

Потребовалось создать принципиально новые организационно-правовые механизмы. За короткий срок

было сформировано миграционное законодательство миграции. В нем фактически сформировались Общая и Особенная части, а также особые производства, его положения определяют полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, права и обязанности лиц, пригласивших или принимающих иностранных граждан и лиц без гражданства, подробнейшим образом описывают статусы разнообразных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в зависимости от целей прибытия, от их происхождения, гражданства (подданства), от продолжительности пребывания в России, их родственных связей, рода занятий и квалификации, и даже от их поведения — правомерного или противоправного. Процессуальная часть миграционного законодательства регламентирует разрешительную, контрольно-надзорную и административно-юрисдикционную деятельность.

Формирование организационно-правового механизма не завершено. С одной стороны, наблюдается постоянное и неуклонное ужесточение режима пребывания иностранных граждан, усиление мер ответственности за его нарушения, касающихся, в том числе и представителей принимающей стороны, работодателей. С другой стороны, полномочия по регулированию миграционных отношений время от времени переходят от одного органа исполнительной власти к другому. Можно вспомнить Федеральное агентство по делам национальностей, Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики, Федеральную миграционную службу. В настоящее время эти полномочия сконцентрированы в МВД России, что, как представляется, во многом определяет правоохранительный уклон в регулировании миграционных отношений.

О том, какую роль контроль (надзор) играет в ме-

ханизме правового регулирования сказано немало [1; 2, с. 228–240; 3 и др.]. Все сказанное имеет непосредственное отношение к регулированию миграционных отношений [4, с. 221–243].

В этой связи стоит отметить, что в отечественном праве сохраняется неопределенность в части обозначения контрольно-надзорной деятельности. Советские ученые сформулировали критерии разграничения контроля и административного надзора [5; 6; 7; 8], однако в постсоветский период развития административно-правовой теории выработанные советскими учеными критерии разграничения контроля и административного надзора начали подвергаться сомнению, а в специальной литературе данный вид административной деятельности стали обозначать как контроль, контроль (надзор) [9; 10; 11 и др.]. В специальной литературе можно встретить термины «контроль», «контроль (надзор)» и «административный надзор, содержание которых может существенно различаться. Например, контролем иногда называют собственно регулирование миграционных отношений либо его элементы, например, в качестве средства контроля рассматривается дактилоскопическая регистрация [12; 13]. Разумеется, регистрация не является инструментом контроля. Применительно к сбору отпечатков пальцев корректнее было бы говорить об учете, поскольку дактилоскопическая регистрация не относится к разрешительной деятельности [14; 15]. Данные, собираемые в ходе дактилоскопической регистрации, используются криминалистами в целях раскрытия преступлений.

Вместе с тем в законодательстве закрепился легальный термин «контроль (надзор)», и Правительство РФ добилось значительных успехов по унификации терминологического аппарата. В соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [16], под контролем (надзором) понимается оценка соблюдения обязательных требований, что следует считать основным содержанием контрольно-надзорной деятельности. Федеральный законодатель отнес к контролю (надзору) также профилактику нарушений обязательных требований и применение мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и восстановлению законности, но эти элементы имеют несколько иную правовую природу.

Приложение данной дефиниции к дактилоскопической регистрации указывает нам на то, что в процессе миграционного надзора оценивается соблюдение требования о прохождении дактилоскопической регистрации, равно как и множества других требований, адресованных мигрантам, принимающей стороне, работодателям и другим обязанным субъектам.

Что касается административного надзора, то этот

термин, ранее употреблявшийся в двух самостоятельных значениях [17, с. 57–71; 18], в действующем законодательстве используется исключительно в смысле, придаваемом ему Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [19], как установление судом персональных ограничений прав и свобод граждан, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы. Поэтому, предложение вернуть термину его административно-правовое значение, сделанное в проекте федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания в Российской Федерации) иностранных граждан и лиц без гражданства» (ID проекта 02/04/03-21/00113698) (далее — законопроект) [20], с одной стороны, заслуживает внимания, но, с другой стороны, вносит еще большую сумятицу в терминологический аппарат.

Теоретические разработки проблем контроля (надзора) или административного надзора, основанные на современном материале, позволили выработать основные положения, которые были использованы законодателем при реформировании законодательства о контроле (надзоре) — определить объекты и предмет, сформулировать цели надзорной деятельности, раскрыть содержание статуса субъектов, структурировать контрольно-надзорное производство, предложить критерии оценки результативности и эффективности [21; 22; 23; 24; 25 и др.].

Основной стимул к совершенствованию контрольно-надзорной деятельности всегда исходил из понимания необходимости снижения административной нагрузки на экономическую деятельность хозяйствующих субъектов и противодействия коррупции в контрольно-надзорных органах. На эти угрозы неоднократно указывал Президент РФ в своих посланиях¹, в целях противодействия этим угрозам Правительство РФ разрабатывало и вносило в Государственную Думу законопроекты, направленные на все более строгую и более широкую регламентацию контрольной (надзорной) деятельности. В результате этих усилий в 2001 г. был принят первый законодательный акт, регулирующий контрольно-надзорные отношения [26], затем, в 2009 г. его сменил более совершенный Федеральный закон № 294-ФЗ [27] и, наконец, в 2021 г. вступил в силу законодательный акт — Федеральный закон №

¹ Послание Президента РФ от 6 марта 1997 г. «Порядок во власти — порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)»; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)»; Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». В Послании от 1 марта 2018 г. Президент РФ отметил, что формально количество разного рода проверок снижается, но фактически бизнес коренных изменений не видит, и потребовал, чтобы появление контролеров на предприятиях стало исключением, для чего перевести всю систему контроля и надзора на рискориентированный подход.

248-ФЗ, в котором нашли отражение новеллы современной регуляторной политики, в том числе, рискориентированный подход к организации проведения плановых и внеплановых проверок¹, перенос центра тяжести на профилактику нарушений обязательных требований, введение механизмов оценки эффективности и результативности контрольно-надзорной деятельности и др. В целях приведения актов отраслевого законодательства, содержащего положения о контроле (надзоре) в соответствие Федеральному закону № 248-ФЗ в 2021 г. был принят закон-спутник, которым внесены изменения более чем в сто законов Российской Федерации и федеральных законов [29].

Современная система федерального законодательства о контроле (надзоре) довольно сложна, она включает (на переходный период до конца 2024 г.) два основных федеральных закона — № 294-ФЗ и № 248-ФЗ, федеральные законы о видах контроля (надзора) и утверждаемые Правительством РФ положения о видах контроля. Кроме того, законодатель сделал исключение для отдельных видов государственного контроля (надзора), при осуществлении которых необходимо руководствоваться положениями иных законодательных нормативных правовых актов.

Миграционный контроль в настоящее время выведен из-под действия Федерального закона № 248-ФЗ и до конца 2024 г. осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 294-ФЗ. Предполагается, что после принятия законопроекта контрольно-надзорная деятельность в сфере миграции будет называться миграционным надзором и будет регулироваться отдельным федеральным законом.

Однако в настоящее время в сфере миграции различаются два вида контроля (надзора), имеющие разные предметы. Причем требования, соблюдение которых оценивается, адресованы разным лицам: в одной плоскости необходимо выделить, с одной стороны, иностранных граждан и российских граждан, с другой стороны, коммерческие и некоммерческие организации; в другой плоскости разнесены собственно мигранты (иностранные граждане и лица без гражданства) и принимающая сторона (российские граждане, иностранные граждане, юридические лица) плюс лица, оказывающие услуги мигрантам (образование, здравоохранение, культура, туризм, спорт и т. д.). Выделенные нами группы крайне неоднородны: разные требования предъявляются к гражданам государств ЕАЭС, к гражданам государств, с которыми действует безвизовый режим или, напротив, визовый режим, к иностранным гражданам, прибывающим в Россию с разными целями, к соотечественникам и к высоко-

квалифицированным работникам (экспатам). Разные требования предъявляются к принимающей стороне и к субъектам, оказывающим услуги мигрантам.

Поэтому деятельность, предметом которой является оценка соблюдения требований миграционного законодательства (миграционный контроль (надзор)), подлежит дифференциации уже на этапах постановки целей, выбора стратегий, подходов, форм и методов и нормативной правовой регламентации контрольно-надзорной деятельности.

До 31 декабря 2025 г. федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 294-ФЗ. В ч. 4 ст. 1 Федерального закона № 294-ФЗ данный вид контроля (надзора) упомянут как вид контроля (надзора), которого другими федеральными законами могут устанавливаться особенности организации и проведения проверок, определения вида, предмета, установления оснований проведения проверок, их сроков и периодичности, необходимости согласования внеплановых проверок с органами прокуратуры и порядка направления уведомлений об их проведении контролируемым лицам.

Роль такого «другого» федерального закона играет Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 115-ФЗ) [30], который, в отличие от федеральных законов № 294-ФЗ и № 248-ФЗ, предусматривает два вида контроля: за пребыванием и проживанием иностранных граждан в Российской Федерации (статья 39) и федерального государственного контроля (надзора) за трудовой деятельностью иностранных работников (статья 32). Законоположения конкретизируются в Положении [31] и в Административном регламенте [32], которые регламентируют одновременно оба эти вида контроля (надзора).

Федеральный государственный контроль (надзор) за трудовой деятельностью мигрантов осуществляется в отношении работодателей и не включает в себя профилактику и иные виды контрольных (надзорных) мероприятий, предусмотренных Федеральным законом № 248-ФЗ. Он осуществляется в традиционных формах плановых и внеплановых проверок. Интересно, что административной ответственности за незаконное осуществление трудовой деятельности по ст. 18.10 КоАП РФ подлежат не только работодатели, но и работники. На этом основании можно сделать вывод, что правонарушения, совершаемые мигрантами, выявляются не в ходе проведения проверок по этому виду контроля (надзора).

Другими словами, законодателю не удалось четко разграничить два вида контроля (надзора). Подзаконные акты (Положение и Административный регламент) создают единую регламентацию, несмотря на то, что они имеют разную законодательную основу.

¹ Стоит заметить, что внедрение рискориентированного подхода началось в 2015 г. с принятием Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 246-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [28].

Вследствие этого возникает неопределенность правового положения контролируемых лиц — иностранных граждан и лиц без гражданства, представителей принимающей стороны — прежде всего в части распространения на них гарантий, установленных Федеральным законом № 294-ФЗ. С одной стороны, ст. 30 Федерального закона № 115-ФЗ отсылает к Правительственному Положению, в котором, в свою очередь, дается ссылка на Административный регламент, но, с другой стороны, ст. 30 и 31 Федерального закона № 115-ФЗ предусматривают фактически единственную меру принуждения, которая может применяться контрольным (надзорным) органом — депортацию иностранного гражданина или лица без гражданства, в то время как ст. 32 Федерального закона № 115-ФЗ, отсылая к Федеральному закону № 294-ФЗ, предусматривает применение целого комплекса мер принуждения. Что касается гарантий прав контролируемых лиц, то надо признать, что Административный регламент воспроизводит соответствующие положения Федерального закона № 294-ФЗ. Вероятно, отмеченная несогласованность регламентации применения мер административного принуждения обусловлена принципиальными различиями подходов к проверке законности нахождения иностранного гражданина на территории Российской Федерации и соблюдения работодателем требований к осуществлению им трудовой деятельности. Разные подходы требуют применения разных методов контроля (надзора). Так, выявление нарушений порядка пребывания (проживания) на территории Российской Федерации преимущественно осуществляется в ходе проверок разрешительных и удостоверяющих личность документов, в том числе в процессе охраны общественного порядка. То есть, административных процедур, сходных с процедурами рейдового осмотра и постоянного рейда. Выявление фактов нарушения требований к осуществлению трудовой деятельности полагается преимущественно на документальные проверки, изучение отчетов, уведомлений, запросов и других материалов.

Таким образом, механизм государственного контроля (надзора) в сфере миграции остается противоречивым и далеко не совершенным. Разделение на два вида федерального государственного контроля (надзора) при анализе их содержания оказывается искусственным, не случайно оно существует лишь в положениях Федерального закона № 115-ФЗ, но отсутствует как в более общем Федеральном законе № 294-ФЗ, так и в подзаконных нормативных правовых актах. При этом в сложившейся правоприменительной практике можно выявить два других вида контроля (надзора). Первый осуществляется в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, его предметом является законность нахождения контролируемых лиц на территории Российской Федерации и наличие у них документов, удостоверяющих личность, и разреши-

тельных документов. Такой контроль (надзор) входит в осуществляемую полицией деятельность по охране общественного порядка. Второй вид контроля (надзора) осуществляется в отношении принимающей стороны, работодателей и лиц, оказывающих иностранным гражданам различные услуги, преимущественно путем получения от них определенных сведений.

Устранить недостатки регулирования контрольно-надзорной деятельности призван разрабатываемый МВД России уже упоминавшийся ранее законопроект. Он создает новые механизмы обеспечения соблюдения требований участниками миграционных правоотношений и формулирует цель данной деятельности, вынося ее в название раздела VI — Обеспечение безопасности и правопорядка в сфере миграции, придавая ей специфическую «полицейскую» окраску. В ст. 95 законопроекта цель административного надзора раскрывается иначе — законность и правопорядок.

Можно предположить, что, по мнению разработчиков, законность (или безопасность) и правопорядок обеспечиваются, во-первых, своевременным выявлением иностранных граждан, не имеющих или утративших законные основания для пребывания (проживания) на территории Российской Федерации и осуществления на ее территории отдельных видов деятельности; во-вторых, применением к таким лицам и к иным лицам, нарушающим установленные требования, юридических мер принуждения. В этом проявляется формализация подходов к обеспечению законности и правопорядка — угроза данным ценностям в буквальном толковании этой конструкции исходит не от фактического поведения, намерений, планов, а от самого факта незаконного пребывания.

В законопроекте административный надзор понимается расширительно — он охватывает оценку соблюдения требований в сфере миграции иностранными гражданами и лицами без гражданства, российскими организациями, индивидуальными предпринимателями и гражданами. При этом оценка соблюдения работодателями трудовых прав мигрантов в предмет административного надзора не включается. Не интересуют разработчика и проблемы регулирования миграционных отношений, стимулирование или ограничение миграционных потоков, изменение их направленности или качественного состава.

Законопроект включает в содержание административного надзора ряд разнородных мероприятий, как надзорных по характеру, так и относящихся к другим функциям регулирования — предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений; применение мер принуждения; проведение дактилоскопической и геномной регистрации; ведение реестров недобросовестных приглашающих лиц и недобросовестных работодателей, списка недобросовестных принимающих лиц; розыск мигрантов (установление местонахождения).

К мерам профилактического характера законопроект относит информирование иностранных граждан о юридически значимых событиях, соглашение о лояльности установление персонального режима контролируемого пребывания в отношении отдельных иностранных граждан. Все эти меры носят индивидуальный характер: информирование (об истекающем сроке действия разрешения, о необходимости внесения платежей, представления сведений и т. д.) предполагается осуществлять в личном кабинете мигранта на портале Госуслуг и в мобильном приложении; соглашение о лояльности будет заключаться при въезде в Российскую Федерацию; режим контролируемого пребывания будет устанавливаться в отношении мигрантов, утративших право нахождения в Российской Федерации и обязанных выехать в установленный срок.

Административный надзор за законностью пребывания (проживания иностранных граждан, по тексту законопроекта, включает возможность применения мер административного принуждения, существенно отличающихся от мер принуждения, предусмотренных федеральными законами № 294-ФЗ и № 248-ФЗ. Законопроект устанавливает возможность применения четырех мер административного принуждения: высылку, решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, ограничение выезда и помещение иностранного гражданина в специальное учреждение. Последние две меры не являются самостоятельными и носят обеспечительный характер. При этом выдача предписаний об устранении выявленных нарушений миграционных требований в законопроекте упоминается как право органов внутренних дел, но не связывается с осуществлением административного надзора.

В действующей системе регулирования существуют две сходные по своему содержанию, по основаниям применения, порядку осуществления и по последствиям меры административного принуждения — депортация и административное выдворение. Первая мера предусмотрена федеральными законами № 114-ФЗ и № 115-ФЗ и применяется в административном порядке в отношении иностранных граждан, утративших право нахождения на территории Российской Федерации. Вторая мера является мерой административной ответственности, применяемой судьями в отношении иностранных граждан, совершивших предусмотренные КоАП РФ противоправные деяния, в том числе выражающиеся в нахождении на территории Российской Федерации в отсутствие законных оснований (ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ). Указанное разделение открывает перед должностными лицами органов внутренних дел (полиции) довольно широкую дискрецию, позволяющую произвольно применять депортацию или административную ответственность в отношении иностранного гражданина, не выехавшего из России

по истечении установленного срока пребывания.

Законопроектом предусматривается объединить эти меры и назвать их высылкой, при этом сохранив их разделение (видимо это специфика регулирования миграционных отношений) на меру административного пресечения, применяемую в административном порядке на основании решений уполномоченных должностных лиц МВД России, и на меру административной ответственности, применяемую на основании выносимых судьями постановлений по делам об административных правонарушениях. Тем самым сохранена и свобода усмотрения уполномоченных сотрудников органов внутренних дел.

Несмотря на сходство двух видов высылки, законопроект предусматривает разные механизмы ее осуществления. По смыслу законопроекта высылка как административное наказание будет исполняться Федеральной службой судебных приставов, а высылка как мера пресечения — органами внутренних дел. При этом если возникнет необходимость помещения высылаемого иностранного гражданина в специальное учреждение, будут задействованы общие для обоих видов высылки процедуры, установленные КАС РФ, что, однако не повлияет на подведомственность исполнительного производства — последний этап высылки (перевозка в аэропорт и посадка на борт воздушного судна) будет осуществляться либо судебными приставами-исполнителями, либо должностными лицами органов внутренних дел в зависимости от вида высылки.

Обобщение изложенного говорит о том, что существующее нормативное правовое регулирование контроля (надзора) в сфере миграции далеко от идеала, однако орган контроля (надзора) предлагает новые законодательные решения с учетом «ведомственных интересов» [33], они не обеспечивают должную подотчетность, подконтрольность, транспарентность контрольно-надзорной деятельности, сохраняют избыточную усмотрительность при применении мер административного принуждения.

Список источников

1. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор) : монография. М., 2023.
2. Разрешительная деятельность в механизме государственного управления : монография. М., 2024.
3. Зырянов С. М. Современное представление о месте государственного контроля (надзора) в механизме правового регулирования в спектре реформирования регуляторной политики // Публичное право сегодня. 2023. № 2 (16). С. 55– 67.
4. Миграционная правовая политика России : тенденции и пути развития : монография. М., 2024.

5. Студеникина М. С. Государственные инспекции в СССР. М., 1987.
6. Студеникина М. С. Государственный контроль в сфере управления. М., 1974.
7. Денисов Р. И. Административный надзор в сфере дорожного движения. М., 1981.
8. Разаренов Ф. С. О сущности и значении административного надзора в советском государственном управлении // Вопросы административного права на современном этапе. 1963. С. 69–78.
9. Грецкая А. С. Контроль в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции (административно-правовой аспект) : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
10. Колязина А. В. Государственный контроль и надзор в жилищно-коммунальном хозяйстве : дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018.
11. Балдина А. С. Административно-правовое регулирование кадрового обеспечения федеральных контрольно-надзорных органов исполнительной власти : дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018.
12. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова и др. ; отв. ред. И. С. Власов, Н. А. Голованова. М. : ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2012. 496 с.
13. Кашеев С. В. Зарубежный опыт правового регулирования въезда в страну и выезда из нее иностранных граждан // Международное публичное и частное право. 2006. № 1 . С. 42–43.
14. Разрешительная система в Российской Федерации : научно-практическое пособие. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРФ-М, 2015. 928 с.
15. Разрешительная деятельность в механизме государственного управления : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2023. 716 с.
16. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.
17. Правовое регулирование государственного контроля : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Анкил, 2012. 480 с.
18. Зырянов С. М. О соотношении административного надзора с другими видами контрольно-надзорной деятельности // Полицейское право. 2007. № 2 (10). С. 61–65.
19. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2037.
20. URL: <https://regulation.gov.ru/>
21. Мартынов А. В. Проблемы правового регулирования административного надзора в России. Административно-процессуальное исследование. Монография. М., 2010. 548 с.
22. Зубарев С. М. Система контроля в сфере государственного управления : монография. М., 2019. 152 с.
23. Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Оценка результативности государственного контроля с позиций бизнеса: ключевые тенденции // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 32–53.
24. Зырянов С. М. Административно-правовой статус сотрудника контрольно-надзорного органа // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 100–110.
25. Стахов А. И. Ключевые элементы структуры административного контрольно-надзорного производства, осуществляемого в России // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 117–127.
26. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3436.
27. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
28. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 246-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4372.
29. Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 24 (ч. 1). Ст. 4188.
30. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-

ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

31. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2012 г. № 1162 «Об утверждении Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 47. Ст. 6511.
32. Приказ МВД России от 28 июня 2022 г. № 468 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции» // СПС КонсультантПлюс.
33. Интересы в механизме публичной власти : монография / под ред. Ю. А. Тихомирова. М. : ИЗИСП, 2023.

References

1. Zyryanov S. M. State control (supervision) : monograph. Moscow, 2023.
2. Licensing activities in the mechanism of public administration : monograph. Moscow, 2024.
3. Zyryanov S. M. Modern understanding of the place of state control (supervision) in the mechanism of legal regulation in the spectrum of regulatory policy reform // Public Law today. 2023. № 2 (16). P. 55–67.
4. Migration legal policy of Russia : trends and ways of development : monograph. Moscow, 2024.
5. Studenikina M. S. State inspections in the USSR. Moscow, 1987.
6. Studenikina M. S. State control in the field of management. Moscow, 1974.
7. Denisov R. I. Administrative supervision in the field of traffic. Moscow, 1981.
8. Razarenov F. S. On the essence and significance of administrative supervision in Soviet public administration // Issues of administrative law at the present stage. 1963. P. 69–78.
9. Gretskaya A. S. Control in the sphere of alcohol and alcohol-containing products turnover (administrative and legal aspect) : diss. ... cand. legal sciences. M., 2015.
10. Kolyazina A. V. State control and supervision in housing and communal services : diss. ... cand. legal sciences. Saratov, 2018.
11. Baldina A. S. Administrative and legal regulation of staffing of federal control and supervisory bodies of executive power : diss. ... cand. legal sciences. Nizhny Novgorod, 2018.
12. Migration and crime : a comparative legal analysis : monograph / V. Y. Artemov, I. S. Vlasov, N. A. Golovanova et al. ; ed. by I. S. Vlasov, N. A. Golovanova. Moscow : IZiSP, KONTRAKT, 2012. 496 p.
13. Kashcheev S. V. Foreign experience of legal regulation of entry into and exit from the country of foreign citizens // International public and private law. 2006. № 1. P. 42–43.
14. The licensing system in the Russian Federation : a scientific and practical guide. Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRF-M, 2015. 928 p.
15. Permissive activity in the mechanism of public administration : a monograph. Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2023. 716 p.
16. Federal Law № 248-FZ of July 31, 2020 «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (part 1). Art. 5007.
17. Legal regulation of state control: a monograph. Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Ankil, 2012. 480 p.
18. Zyryanov S. M. On the relationship of administrative supervision with other types of control and supervisory activities // Police law. 2007. № 2 (10). P. 61–65.
19. Federal Law № 64-FZ of April 6, 2011 «On Administrative Supervision of persons Released from places of deprivation of liberty» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2037.
20. URL: <https://regulation.gov.ru/>
21. Martynov A. V. Problems of legal regulation of administrative supervision in Russia. Administrative and procedural research. Monograph. Moscow, 2010. 548 p.
22. Zubarev S. M. Control system in the field of public administration : monograph. Moscow, 2019. 152 p.
23. Yuzhakov V. N., Dobrolyubova E. I., Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. Assessment of the effectiveness of state control from a business perspective : key trends // Issues of state and municipal management. 2020. № 2. P. 32–53.
24. Zyryanov S. M. Administrative and legal status of an employee of a control and supervisory authority // Journal of Russian Law. 2019. № 9. P. 100–110.
25. Stakhov A. I. Key elements of the structure of administrative control and supervisory proceedings carried out in Russia // Russian Law Journal. 2021. № 3. P. 117–127.
26. Federal Law № 134-FZ of August 8, 2001 «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs during State Control

- (Supervision)» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 33 (Part 1). Article 3436.
27. Federal Law № 294-FZ of December 26, 2008 «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (part 1). Article 6249.
 28. Federal Law № 246-FZ of July 13, 2015 «On Amendments to the Federal Law «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 29 (part 1). Article 4372.
 29. Federal Law № 170-FZ of June 11, 2021 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 24 (Part 1). Article 4188.
 30. Federal Law № 115-FZ of July 25, 2002 «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032.
 31. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 13, 2012 № 1162 «On Approval of the Regulations on the Implementation of Federal State Control (supervision) in the field of migration» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 47. Art. 6511.
 32. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 28, 2022 № 468 «On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the implementation of Federal State control (supervision) in the field of migration» // LRS «ConsultantPlus».
 33. Interests in the mechanism of public power : a monograph / edited by Yu. A. Tikhomirov. Moscow : IZiSP, 2023.

Библиографический список

1. Берендст Э. Опыт системы административного права. Том первый. Обзор истории административного права и истории его литературы. Выпуск 1-й. Ярославль, 1898. 262 с.
2. Елистратов А. И. Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М. : Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917. 294 с.
3. Кобалевский В. Л. Советское административное право. Харьков, 1929.
4. Студеникин С. С. Советское административное право. М., 1945. 420 с.
5. Советское административное право. Учебник. Части Общая и Особенная / под ред. докт. юрид. наук, проф. М. И. Еропкина. Киев, 1978.

Bibliographic list

1. Berendts E. The experience of the administrative law system. Volume one. An overview of the history of administrative law and the history of its literature. Issue 1. Yaroslavl, 1898. 262 p.
2. Elistratov A. I. Basic principles of administrative law. 2nd ed., ispr. and add. M. : G. A. Lehman and S. I. Sakharov, 1917. 294 p.
3. Kobalevsky V. L. Soviet administrative law. Kharkov, 1929.
4. Studenikin S. S. Soviet administrative law. Moscow, 1945. 420 p.
5. Soviet administrative law. Textbook. Parts General and Special / ed. by Dr. jurid. M. I. Eropkin, Professor. Kiev, 1978.

Информация об авторе

С. М. Зырянов — главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. M. Zyryanov — Senior Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-55-61>

EDN: <https://elibrary.ru/nbnvxu>

НИОН: 2003-0059-6/24-190

MOSURED: 77/27-003-2024-06-389

Социологические средства обеспечения эффективной легализации уголовно-правовых запретов

Наиль Талгатович Идрисов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара,
Россия, nail070@mail.ru

Аннотация. Рассматривается современное уголовное правотворчество характеризуется перманентной новеллизацией, при этом основным направлением реформирования уголовного права законодатель избрал изменение запрещающих норм особенной части УК РФ. Однако зачастую вновь объективированные запрещающие нормы уголовного права не демонстрируют необходимого уголовно-правового результата. Представляется, что основная проблема заключается в несоблюдении законодателем механизмов легитимации социальной информации, содержание которых составляют социологические средства. Статья содержит авторское видение процесса уголовного правотворчества, а также анализ социологических средств изъятия необходимой для общественного прогресса социальной информации, проверки ее качества и допустимости. Автором применен информационный подход, который позволил выявить три этапа уголовного правотворчества. Статья содержит обоснование необходимости разработки индекса легитимности уголовно-правовых запретов, а также основные показатели такого индекса.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет, запрещающая норма уголовного права, социологический тест, социологический опрос, уголовное право, социологическое моделирование

Для цитирования: Идрисов Н. Т. Социологические средства обеспечения эффективной легализации уголовно-правовых запретов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 55–61. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-55-61>. EDN: NBNVXU.

Original article

Sociological means of ensuring effective legalization of criminal prohibitions

Nail T. Idrisov

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia, nail070@mail.ru

Abstract. Modern criminal law-making is characterized by permanent novelization, while the legislator chose to change the prohibiting norms of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation as the main direction of reforming criminal law. However, often newly objectified prohibiting norms of criminal law do not demonstrate the necessary criminal-legal result. It seems that the main problem lies in the legislator's failure to comply with the mechanisms of legitimization of social information, the content of which consists of sociological means. The article contains the author's vision of the process of criminal lawmaking, as well as the analysis of sociological means of withdrawing social information necessary for social progress, checking its quality and admissibility. The author applied an informational approach, which allowed to identify three stages of criminal lawmaking. The article contains the justification of the need to develop an index of legitimacy of criminal law prohibitions, as well as the main indicators of such an index.

Keywords: criminal law prohibition, prohibiting norm of criminal law, sociological test, sociological survey, criminal law, sociological modeling

For citation: Idrisov N. T. Sociological means of ensuring effective legalization of criminal prohibitions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):55–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-55-61>. EDN: NBNVXU.

© Идрисов Н. Т., 2024

Генезис запрещающей уголовно-правовой нормы на сегодняшний день представляет таинство в законодательной деятельности правотворческого органа. Однако легализация властной социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения индивида, погружаемой в запрещающую норму уголовного права в процессе правотворческой деятельности, имеет для общества системообразующее значение, а также влечет обязательность такой информации для индивидов и должностных лиц правоприменительных органов. Вследствие этого у первых изменяются сознательные психические установки (паттерны), определяющие социальное поведение, а у вторых — изменяется содержание профессиональной деятельности по реализации новой нормы уголовного права (в форме квалификации преступлений или назначения наказания). Важное должно быть явным.

Таинство состоит не в самой процедуре формализации такой информации в тексте закона. Уголовное правотворчество строго регламентировано, несмотря на отсутствие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Парадокс современной правовой системы состоит в том, что легализация уголовно-правового запрета требует фиксации транслируемого информационного кода в тексте кодифицированного федерального закона. Однако процедура такой фиксации регулируется многочисленными подзаконными актами. Например, постановлением Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 (в ред. от 13 марта 2015 г.) утверждены Основные требования к концепции проектов федеральных законов, в п.3 которых названы требования к содержанию и структурным характеристикам концепции как прообраза закона¹. Письмом Министерства юстиции РФ от 23 февраля 2000 г. утверждены Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов². Распоряжением руководителя Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18 ноября 2003 г. №вн2-18/40 (в редакции от 15 марта 2021 г.) утверждены Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, рекомендованные Советом Государственной Думы³.

Представляется, что таинством в современном уголовном правотворчестве является экспликация смысла и содержания социальной информации, подлежащей легализации. Каким образом правотворец определяет какая властная информация, в каком объеме и в какое время подлежит легализации, посредством нормы уголовного права?

Предписания о необходимости определения смысла и содержания социальной информации, которая подлежит легализации в процессе законодательства, на наш взгляд, ограничиваются положением письма Министерства юстиции РФ от 23 февраля 2000 г.: «Приступая к работе над законопроектом, важно всесторонне оценить необходимость издания закона»⁴. Безусловно, такое неинформативное предписание не может пролить свет на глубинные процессы уголовного правотворчества.

Применение информационного подхода к законодательству влечет вывод о триединстве уголовной правотворческой деятельности, включающей: 1) поиск социальной информации, необходимой, с одной стороны, для гарантирования уголовно-правовой охраны общественных отношений, с другой — способствующей индивидуальному и общественному развитию, 2) определение качества обнаруженной социальной информации, 3) обеспечение легитимированной социальной информации свойством властности, включая эффективную перманентную трансляцию этой информации формальным источником уголовного права.

1. Поиск социальной информации, востребованной обществом.

Социальный и антропологический генезис предполагают перманентный процесс накопления социальной информации внутри социальной системы. В процессе социального взаимодействия индивидов в социальной системе непрерывно функционируют алгоритмы программирования человеческого поведения [15, с. 207]. Именно с этой точки зрения как нельзя лучше просматривается разность биологических и социальных истоков поведения человека, в том числе криминального. При этом позитивное социальное программирование индивида — это прямой путь к саморегуляции, такому способу существования человека, при котором угроза или реальное воздействие на субъекта репрессивными средствами, как способ гарантирования социальной дисциплины, уходит на второй план, а целостность социальной системы и ее эффективное развитие основывается на личном выборе лица, на его свободе.

Накопленная человечеством в результате бесконечных социальных транзакций индивидов информация, выступает источником новых социальных практик, которые, будучи востребованными и одобряемыми обществом (легитимными), подлежат легализации в правовой системе, обеспечивая новые алгоритмы социального взаимодействия индивидов. Тем самым создается непрерывный информационный процесс социального бытия: эволюционным образом

¹ URL: https://base.garant.ru/183600/#block_1000

² URL: https://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_84394.html

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379680/

⁴ URL: https://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_84394.html

сформированные алгоритмы социального взаимодействия определяют содержание правилосообразной сферы сознания индивида и, отражаясь в поведении, генерируют новую социальную информацию. Затем наиболее востребованные и соответствующие актуальным интересам общества социальные установки при помощи норм права легализуются законодателем, создавая новые алгоритмы социального взаимодействия и изменяя социальное и индивидуальное сознание. При этом в специальной литературе обосновано, что социальное развитие связано с сознанием, формируя надбиологические информационные механизмы [17, с. 31].

Источником социальной информации, которая может быть легализована путем уголовного правотворчества, является некая предметная среда, являющаяся хранилищем сведений и знаний, накопленных человечеством. Такую предметную среду именуют информационной матрицей общества [10, с. 110].

Информационная матрица общества является структурированным источником социальной информации, при этом эффективность социального управления посредством норм уголовного права зависит от глубины, объективности, всесторонности «погружения» законодателя в такую матрицу и качества трансляции властной социальной информации адресатам при помощи уголовно-правовой нормы. С. Л. Диманс и В. Ф. Левичева верно пишут: «Законы никогда не возникают с нуля, а несут на себе печать всего предыдущего общественного опыта» [8, с. 32].

Информационная матрица общества включает каждого индивида и является системой невидимых социо-информационных каналов связи, выполняющих функцию «вход», то есть доставку информации в правилосообразную сферу сознания индивида, и функцию «выход», транслируя информацию о поведении субъекта. Посредством данных каналов связи социальная информация передается адресатам опосредованно (то есть без личного контакта источника информации и его реципиента). Индивидуальные психофизиологические свойства индивида определяют паттерн поведения, соответствующий либо не соответствующий транслируемой социальной информации. В последующем совершаемый поведенческий акт образует в информационной матрице уникальный информационный поток [10, с. 111].

Таким образом, источником социальной информации, подлежащей легализации в процессе уголовного правотворчества, является информационная матрица общества.

Установив источник информации, подлежащей легализации посредством норм уголовного права, пра-

вотворец применяет инструментарий, позволяющий фрагментировать информационный поток в матрице и определить необходимую социальную информацию в необходимом объеме. Реализация данной задачи гарантирует актуальность, востребованность и легитимность норм права.

Поиск и изъятие необходимой социальной информации невозможны правовыми средствами, такой процесс должен быть обеспечен универсальным средством измерения социальных явлений. По мнению советских социологов права, определение социальной обусловленности права, взаимовлияния социальных процессов и права осуществляется при помощи конкретных социальных исследований» [14, с. 8]. В современной социологии права аналогичной точки зрения придерживаются В. А. Бачинин [2, с. 18] и С. А. Иванов [9, с. 36].

На наш взгляд, средствами измерения социальных явлений являются инструменты и методы, которые используются для сбора эмпирических данных о социальных объектах, процессах и отношениях. Согласно теории социального измерения, основным объектом социологического измерения является латентная переменная. С. С. Дембицкий определяет латентную переменную как «изучаемый феномен, или конструкт, который отображает измерительная шкала» [7, с. 107]. В процессе уголовного правотворчества латентной переменной, включенной в социальную информацию, являются установки и знания, способные определять поведение индивидов.

Измерительным инструментом, преодолевающим латентную переменную социальных феноменов, является социологический тест. Понятие «социологический тест» введено В. Аванесовым, определяющим данное средство социального измерения в двух значениях: как систему отобранных социологическими методами высказываний, предъявляемых респондентам целью получения надежной и валидной информации об интересующих признаках и как систему высказываний, позволяющих получить обоснованное отображение интересующей эмпирической системы с отношениями в числовую систему с отношениями [1, с. 141].

Целью социологического тестирования в целях уголовного правотворчества является измерение уровня или наличия определенных характеристик у индивидов или групп, имеющих значение для уголовно-правового регулирования социального взаимодействия (например, степень социальной агрессии, уровень одобрения девиантных поведенческих актов, шкала измерения социальной дистанции и др.). Структура тестов предполагает серию заданий или вопро-

сов, на которые индивид должен ответить, ответы затем оцениваются по определенной шкале или системе баллов. Тесты обычно основаны на психологических или социологических теориях и имеют стандартизованные процедуры проведения и интерпретации, что обуславливает надежность и валидность получаемой социальной информации.

Примером социологического теста, имеющего значение для формирования властной социальной информации, подлежащей легализации, является «Интегральный индекс социального самочувствия», который разработан Е. Головахой и Н. Паниной [6, с. 23–24]. Данный тест основан на определении 11 сфер социальной жизни, качество каждой определяется 4 индикаторами. По результатам этого социологического тестирования определяется массовое эмоционально-оценочное состояние индивидов, что может способствовать экспликации наиболее эффективной для целей социального управления информации, погружаемой в нормы уголовного права.

Другим измерительным инструментом социальной информации, подлежащей легализации в процессе уголовного правотворчества, является социологические опросы. В отличие от социологических тестов, опросы преследуют цель собрать информацию об убеждениях, мнениях и характеристиках групп индивидов. Социологические опросы включают различные типы вопросов (открытые, закрытые, шкалированные) и используются для изучения широкого круга социальных явлений. Например, по результатам всероссийского инициативного телефонного опроса мнения 1602 респондентов, которым задали вопрос: «Вы бы скорее поддержали смертную казнь или скорее не поддержали восстановление смертной казни?», получены данные, согласно которым 52 % россиян поддержали бы восстановление смертной казни в России, 41 % респондентов не поддержали и еще 7 % затруднились с ответами. 1 % респондентов отказались отвечать. При этом социологи по результатам этого опроса установили, что доля готовых поддержать восстановление смертной казни значимо выше среди мужчин и людей старше 44 лет¹.

На наш взгляд, результатом социологических исследований, сопряженного с извлечением социальной информации для уголовного правотворчества, должен стать индекс легитимности легализуемой социальной информации. Данный индекс должен включать следующие показатели:

- уровень общественной поддержки (насколько широкие слои населения поддерживают легализацию данной информации);

- интенсивность общественной поддержки (насколько сильно выражена поддержка или неприятие легализации);
- распределение мнений по различным социальным группам (выявление специфики отношения к легализуемой социальной информации у разных демографических, социальных, экономических и иных релевантных групп);
- согласованность с базовыми ценностями общества (насколько легализация данной информации соответствует фундаментальным принципам, моральным нормам и убеждениям, преобладающим в обществе);
- соответствие принципам и иным нормам права (насколько легализация согласуется с действующим законодательством и обеспечивает системность правового материала и преемственность);
- влияние на социальную стабильность и общественный порядок (оценка потенциальных последствий легализации для социальной гармонии, безопасности, стабильности).

Таким образом, первый этап уголовного правотворчества с позиций информационного подхода предполагает формирование эмпирической информационной основы легализуемых социальных практик при помощи социологических исследований. Легализация уголовно-правового запрета без учета социологических измерений фактически лишает его свойства легитимности и ведет к чрезвычайно опасной для общества практике негласного, теневого правотворчества, выражающего интересы узкого круга лиц и разрушающего основы социальной справедливости.

2. Определение применимости и качества изъятой социальной информации

На этом этапе встает вопрос о границах учета общественного мнения, как системы социальных знаний и сведений, в процессе уголовного правотворчества. Представляется, что законодатель должен знать общественное мнение, но не слепо руководствоваться им. Аналогичной точки зрения придерживается И. Г. Веселов [4, с. 88].

Определение качества изъятой социальной информации и эффективность применения социологических исследований для целей уголовного правотворчества гарантируется объективными и субъективными методами. Субъективными методами являются такие качества правотворца, которые позволяют отграничить «зерна от плевел» и выявить истинное значение социальной информации, ее качество и применимость. В социологии права обосновано, что законодателю нужны не мнения, а актуальные и применимые зна-

¹ URL: <https://russianfield.com/deathpenalty2>

ния глубинных социальных процессов [12, с. 209–210].

Объективными способами подтверждения качества и применимости изъятых социальной информации для целей уголовного правосудия являются разнообразные средства социолого-правового характера:

1. Социологическое моделирование.

По мнению О. А. Велько, моделированием в социологии является такой метод исследования социальных явлений и процессов с помощью моделей, воспроизводящих особенности структуры, поведения, а также свойства оригинала и последующее их экспериментальное или мысленное исследование [3, с. 8]. Моделирование является сложной исследовательской технологией, позволяющей правотворцу создать модель поведения индивидов и их групп, в случае легализации той или иной социальной информации. Основным методом моделирования при определении применимости социальной информации, подлежащей легализации, является модель рационального выбора [13, с. 8].

Моделирование позволяет определить перспективные индивидуальные и социальные установки поведения индивида и результат влияния легализованной социальной информации на порядок социального взаимодействия индивидов. При этом модель рационального выбора при легализации социальной информации предполагает, что индивидуальные и социальные паттерны поведения обусловлены выгодой индивида, которая в уголовно-правовой сфере обратно пропорциональна вероятности привлечения к уголовной ответственности и тяжести уголовного наказания.

2. Анализ уголовно-правовой статистики. О важности статистических методов исследования правовой материи пишут, например, И. А. Кайбичев и Е. И. Кайбичева [11, с. 9]. Данные о преступности, ее видах, распространенности, тяжести последствий, характеристиках преступников (возраст, пол, социальное положение) предоставляют количественную основу для понимания социальных проблем и определения необходимости уголовно-правового вмешательства. Источники такой информации включают статистику правоохранительных органов, судов и других государственных структур.

А. П. Суходолов, С. В. Иванцов, Т. В. Молчанова, Б. А. Спасенников предложили BIG DATA как новый метод криминологического изучения и измерения организованной преступности, в основе которого лежат статистические показатели преступности. Эти вторые приходят к выводу: «Только объективный криминологический и статистический анализ состояния преступности способен помочь в выработке адекватных мер по контролю над общественно опасными поведе-

нием» [16, с. 722–723].

3. Экспертные оценки являются важными инструментами проверки применимости предполагаемой к легализации социальной информации. Мнения специалистов в области уголовного права, криминологии, социологии, психологии и других смежных дисциплин позволяют на профессиональном уровне провести аналитическую работу по определению качества легализуемой социальной информации. Научные исследования, проводимые экспертами, позволяют выявить причины и условия преступности и определить эффективность различных мер ее противодействию.

Применимость и качество легализуемой в процессе уголовного правосудия социальной информации позволяют определить также такие инструменты как мониторинг СМИ и социальных сетей, изучение международного опыта, анализ обращений граждан.

3. Обеспечение легитимированной социальной информации свойством властности, включая эффективную перманентную трансляцию этой информации источником уголовного права.

Гарантирование качественного восприятия социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения индивида является важнейшей задачей правосудия [18, с. 6]. Онтологическим свойством права вообще и уголовно-правовых норм в частности является их формальная определенность, предполагающая объективацию такой социальной информации на специальных материальных носителях. Следует отметить, что в результате такой объективации, социальная информация становится властной. Под властной социальной информацией мы понимаем систему данных (сведений) о социальной реальности, обладающую потенциалом влияния на действительность, формирующую убеждения, поведение и решения индивидов и определяющую субъектов управления социальными процессами. Погружение социальной информации в уголовно-правовую норму наделяет государственные веления соответствующим побудительным оператором к исполнению индивидами. Таким оператором являются меры уголовно-правового принуждения. Характер и содержание таких мер определяются в процессе пенализации социальной информации, которая наряду с криминализацией, образует единый процесс легализации социальной информации в процессе уголовного правосудия.

Отметим, что обязательность легализованной властной информации обеспечивается и формальными критериями, поскольку, транслируемая при помощи системы кодов (текста), такая информация закрепляется в законе. Закрепление в законе текста позволяет транслировать властную социальную инфор-

мацию постоянно, однако качество такой трансляции зависит от уровня юридической техники законодателя. С. С. Витвицкая пишет: «Что отражать в уголовном законодательстве — это вопрос уголовной политики, формируемой на основе криминологических данных. Вопрос законодательной техники — как это отражать» [5, с. 95].

Таким образом, эффективность уголовного право-творчества напрямую зависит от способностей и возможностей законодателя применять социологические методы для извлечения необходимой социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения индивида под угрозой применения мер уголовно-правового принуждения. Применение данных методов является не только способом легитимации норм уголовного права, но и обеспечивает актуальность, применимость и качество транслируемой властной социальной информации в целях гарантирования социальной дисциплины.

Список источников

1. Аванесов В. Тесты в социологическом исследовании. М. : Наука, 1982.
2. Бачинин В. А. Основы социологии права и преступности. СПб. : Ид-во С.-Петербур. ун-та, 2001.
3. Велько О. А. Социолого-математическое моделирование как метод социальных исследований // Социологических альманахов. 2021. № 12. С. 7–14.
4. Веселов И. Г. О роли социологических исследований в законодательной деятельности Государственной Думы // Правовое государство: теория и практика. 2015. №2 (40). С. 87–93.
5. Витвицкая С. С. К вопросу о законодательной технике в уголовном праве // Известия ВУЗОВ. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 4. С. 95–98.
6. Головаха Е., Панина Н. Интегральный индекс социального самочувствия (ИСИС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. К. : Ин-т социологии НАН Украины, 1997.
7. Дембицкий С. С. Комплексные измерительные инструменты в социологии // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 102–124.
8. Диманс С. Л., Левичева В. Ф. Люди и нормы: институты VS неформальные практики. М. : Ключ-С, 2018.
9. Иванов С. А. Использование отдельных социологических методов в юридических исследованиях: проблема достоверности // Вестник

Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 36–38.

10. Игнатъев В. И., Розанов Ф. И. Информационный обмен как фундаментальный механизм социального взаимодействия // Идеи и идеалы. 2011. № 2 (8). С. 106–116.
11. Кайбичев И. П., Кайбичева Е. А. Индекс преступлений в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. №2. С. 9–13.
12. Лапаева В. В. Социология права. М. : Норма., 2011.
13. Остром Э. Теория рационального выбора коллективного действия. Бихевиористский подход. Обращение Президента американской политологической ассоциации, 1997 // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 1. С. 5–52.
14. Право и социология / Отв. ред. д-р юрид. наук Ю. А. Тихомиров и канд. юрид. наук В. П. Казимирчук; АН СССР. Ин-т государства и права. М. : Наука, 1973.
15. Розанов Ф. И. Общая теория социальных систем (Часть III): законы, теоретически положения и базовые методологические принципы // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 7 (51). С. 205–222.
16. Суходолов А. П., Иванцов С. В., Молчанова Т. В., Спасенников Б.А. BIG DATA как современный криминологический метод изучения и измерения организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13 № 5. С. 718–726.
17. Урсул А. Д. Культура, информация, эволюция // Вестник Челябинской академии культуры и искусств. 2010. № 4 (24). С. 31–35.
18. Фролова Е. А., Лесив Б. В. Источники и формы права: современный взгляд на основные теоретические положения // Право. Журнал высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1. С. 4–38.

References

1. Avanesov V. Tests in sociological research. Moscow: Nauka, 1982.
2. Bachinin V. A. Fundamentals of the sociology of law and crime. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2001.
3. Velko O. A. Sociological and mathematical modeling as a method of social research // Sociological Almanac. 2021. № 12. P. 7–14.
4. Veselov I. G. On the role of sociological research

- in the legislative activity of the State Duma // The rule of law: theory and practice. 2015. № 2 (40). P. 87–93.
5. Vitvitskaya S. S. On the issue of legislative technique in criminal law // *Izvestiya VUZOV. The North Caucasus region. Social sciences.* 2005. № 4. P. 95–98.
 6. Golovakha E. Integral index of social well-being (ISIS): the construction and application of a sociological test in mass surveys. Golovakha, N. Panina, K. : Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 1997.
 7. Dembitsky S. S. Complex measuring instruments in sociology // *Sociological Journal.* 2017. Vol. 23. № 3. P. 102–124.
 8. Dimans S. L., Levicheva V. F. People and norms: institutions VS informal practices. M. : Klyuch–S, 2018.
 9. Ivanov S. A. The use of certain sociological methods in legal research: the problem of reliability // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2017. № 3. P. 36–38.
 10. Ignatiev V. I., Rozanov F. I. Information exchange as a fundamental mechanism of social interaction // *Ideas and ideals.* 2011. № 2 (8). P. 106–116.
 11. Kaibichev I. P., Kaibicheva E. A. Index of crimes in the Russian Federation // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2014. № 2. P. 9–13.
 12. Lapaeva V. V. *Sociology of law.* M. : Norm., 2011.
 13. Ostrom E. Theory of rational choice of collective action. The behaviorist approach. Address by the President of the American Political Science Association, 1997 // *Issues of state and municipal management.* 2010. № 1. P. 5–52.
 14. *Law and Sociology* / Ed. Dr. Jurid. Sciences Yu. A. Tikhomirov and PhD. jurid. Sciences V. P. Kazimirchuk; USSR Academy of Sciences. Institute of State and Law. M. : Nauka Publ., 1973.
 15. Rozanov F. I. General theory of social systems (Part III): laws, theoretical provisions and basic methodological principles // *Modern studies of social problems (electronic scientific journal),* 2015. №7 (51). P. 205–222.
 16. Sukhodolov A. P., Ivantsov S. V., Molchanova T. V., Spasennikov B. A. BIG DATA as a modern criminological method of studying and measuring organized crime // *All-Russian Journal of Criminology.* 2019. Vol. 13. № 5. P. 718–726.
 17. Ursul A. D. Culture, information, evolution // *Bulletin of the Chelyabinsk Academy of Culture and Arts.* 2010. № 4 (24). P. 31–35.
 18. Frolova E. A., Lesiv B. V. Sources and forms of law: a modern view on the main theoretical provisions // *Right. Journal of the Higher School of Economics.* 2024. Vol. 17. № 1. P. 4–38.

Библиографический список

1. Карбонье Ж. *Юридическая социология.* М. : Прогресс, 1986.
2. Кузьмина Е. С., Кузьмин И. А. Социологические методы в юриспруденции (на примере социально-правовых исследований юридической ответственности) // *Социология и право.* 2016. № 1 (31). С. 59–66.
3. Мейхью Л. *Социология права* // *Американская социология: перспективы, проблемы, методы* / под ред. Г. В. Осипова. М. : Прогресс, 1972.

Bibliographic list

1. Carbonnier J. *Legal Sociology.* Moscow: Progress, 1986.
2. Kuzmina E. S., Kuzmin I. A. Sociological methods in jurisprudence (on the example of socio-legal studies of legal responsibility) // *Sociology and Law.* 2016. № 1 (31). P. 59–66.
3. Mayhew L. *Sociology of Law* // *American sociology: perspectives, problems, methods* / edited by G. V. Osipov. M. : Progress, 1972.

Информация об авторе

Н. Т. Идрисов — доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. T. Idrisov — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.
The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-62-67>

EDN: <https://elibrary.ru/lvmffx>

НИОН: 2003-0059-6/24-191

MOSURED: 77/27-003-2024-06-390

Мониторинг законодательства о цифровых финансовых активах, цифровой валюте

Юлия Алексеевна Кузьменко¹, Александр Николаевич Кузьминов²

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, julkuzmenko@yandex.ru

² Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия, mr.azs@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются последствия дуально-виральной формы механизма взаимодействий участников рынка цифровых услуг, которая проявляется в проявлении новых форм их предоставления, отличающихся нематериальностью, высоким уровнем персонализации, что отражается на соответствующих системах правил и стандартов, характерных для цифровой экономики. Развитие таких цифровых технологий выявили потребность в актуализации правоприменительной практики в отношении финансового права. Цифровая экономика сопровождается противоречивыми тенденциями: роста доступности технологий и вовлеченности большого числа потребителей в нее, с одной стороны, и усиление поляризации общества в вопросах готовности к технологиям и наличия соответствующих механизмов защиты — с другой. В ответ на развитие финансовых операций в режиме реального времени появляются мошенники, пользующиеся цифровой неграмотностью некоторых представителей общества. В статье авторы рассматривают вопросы, затрагивающие уже реализованные подходы правового регулирования цифровых активов и валют в гражданском, уголовном и отраслевом праве. Формулируют проблемы в области правового регулирования цифровой валюты и цифровых активов. Акцентируют внимание на возможных юридических и финансовых рисках. Резюмируют о становлении радикально нового финансового института, требующего комплексной финансово-экономической и правоприменительной платформы.

Ключевые слова: цифровые активы, финансовые активы, блокчейн, законодательство, валюта, киберпреступность, киберриски, финансовый институт

Для цитирования: Кузьменко Ю. А., Кузьминов А. Н. Мониторинг законодательства о цифровых финансовых активах, цифровой валюте // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 62–67. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-62-67>. EDN: LVMFFX.

Original article

Monitoring of legislation on digital financial assets, digital currency

Yulia A. Kuzmenko¹, Alexander N. Kuzminov²

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, julkuzmenko@yandex.ru

² Branch of the Moscow S.Y. Witte University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia, mr.azs@mail.ru

Abstract. Consequences of the dual-viral form of the mechanism of interaction of participants in the market of digital services are considered, which is manifested in the manifestation of new forms of their provision, characterized by immateriality, high level of personalization, which is reflected in the relevant systems of rules and standards characteristic of the digital economy. The development of such digital technologies has revealed the need to actualize law enforcement practice in relation to financial law. The digital economy is accompanied by contradictory trends: the increasing availability of technology and the involvement of a large number of consumers in it, on the one hand, and the increasing polarization of society in terms of technology readiness and the availability of appropriate protection mechanisms, on the other. In response to the development of real-time financial transactions, fraudsters appear, taking advantage of the digital illiteracy of some members of society. In the article the authors consider the issues affecting the already realized approaches of legal regulation of digital assets and currencies in civil, criminal and sectoral law. They

© Кузьменко Ю. А., Кузьминов А. Н., 2024

formulate problems in the field of legal regulation of digital currency and digital assets. They emphasize possible legal and financial risks. Summarize the emergence of a radically new financial institution that requires a comprehensive financial, economic and law enforcement platform.

Keywords: digital assets, financial assets, blockchain, legislation, currency, cybercrime, cyber risks, financial institution

For citation: Kuzmenko Yu. A., Kuzminov A. N. Monitoring of legislation on digital financial assets, digital currency. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):62–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-62-67>. EDN: LVMFFX.

С развитием современных технологий и внедрением онлайн-платформ для проведения финансовых операций в реальном времени, финансовая сфера претерпевает значительные преобразования. Данное явление обуславливает необходимость модернизации существующих платежных систем и создания новых, более эффективных решений, что, в свою очередь, отвечает на возрастающую зависимость общества от цифровых технологий. Примерами таких технологий являются мобильные приложения, онлайн-банкинг и платежные сервисы.

Пандемия COVID-19 сыграла роль значительного катализатора этих трансформаций, заставив многие компании перейти на удаленный режим работы, что потребовало новых финансовых механизмов. Безналичные платежи заняли лидирующую позицию в условиях социального дистанцирования, а объем онлайн-транзакций значительно возрос, в то время как использование наличных денежных средств сократилось до минимальных уровней [1]. Технологические гиганты продолжают внедрять инновационные решения, направленные на улучшение скорости, безопасности и удобства платежей. Технология блокчейн, используемая в криптовалютах, обеспечивает высокий уровень безопасности и исключает посредников, ускоряя и удешевляя финансовые операции. Дополнительно, биометрическая аутентификация и искусственный интеллект усиливают безопасность транзакций и предотвращают мошенничество, обеспечивая персонализированный подход к финансовым услугам [2].

Государственные инициативы также играют важную роль в адаптации к новым финансовым реалиям. Центральные банки разрабатывают и тестируют цифровые валюты (CBDC), которые предлагают безопасные и надежные средства платежа, контролируемые государством. Тем не менее, данные изменения ведут к новым вызовам, среди которых вопросы кибербезопасности становятся приоритетными, поскольку увеличивающийся объем онлайн-транзакций привлекает внимание кибермошенников. В ответ на это происходит усиление мер по защите данных и предотвращению несанкционированного доступа. Глобальная ситуация, возникшая в результате пандемии 2020 г., наглядно продемонстрировала острую необходимость разработки и внедрения надежных и оперативных де-

нежных систем во всех государствах и регионах отдельно взятой страны [3]. Эти системы должны быть способны эффективно и своевременно решать все вопросы, связанные с денежными операциями в режиме реального времени.

В ответ на вызовы пандемии на законодательном уровне все чаще обсуждаются вопросы создания альтернативных систем денежного обращения, включая разработку и внедрение цифровой валюты как нового финансового инструмента.

Проблемы правового регулирования цифровых активов и валют также находят отражение в науке уголовного права, что подчеркивает актуальность данных вопросов [4]. Введение и принятие Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] представляет собой значительный шаг в правовом регулировании цифрового пространства в России. Данный закон создает необходимую правовую основу для обращения цифровых активов и валют, что способствует повышению прозрачности и стабильности финансовых операций. Закон также четко определяет ключевые понятия, такие как «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта», что облегчает регулирование отношений, связанных с выпуском, учетом и обращением этих активов.

Внедрение данного законодательства является важным этапом в адаптации экономики к новым цифровым реалиям и свидетельствует о стремлении Российской Федерации к интеграции современных технологий в финансовую систему.

Под цифровой валютой следует понимать довольно интересный и уникальный тип платежных средств, существование которой в настоящее время имеет место быть в формате электронной информации в рамках конкретной информационной системы. Эту информацию возможно применять для того, чтобы осуществлять инвестиции и платежи. Однако, в настоящий момент они не признаны в виде традиционной валюты для осуществления стандартных операций. Помимо всего прочего, она не нашла свое подтверждение со стороны международных и государственных компаний.

Характерная особенность данной валюты — это то, что не имеется того или иного физ. или юр. лица,

которое бы несло ответственность перед субъектом, который является держателем этой информации. В качестве исключения стоит отметить узлы и операторов информационных систем, у которых существуют обязательства по обеспечению соблюдения правил, касающихся выпуска и записи данной информации, которая хранится в электронном виде.

Выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов осуществляется только путем добавления записей в информационную систему на основе распределенного реестра;

Права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в систему записи о зачислении ему таких активов (право на внесение таких записей возникает только у индивидуальных предпринимателей и юридических лиц);

Сделки с цифровыми финансовыми активами заключаются через операторов обмена цифровых финансовых активов, которыми могут являться банки, организаторы торговли и иные юридические лица;

Закон предусматривает возможность заключать сделки по купле-продаже цифровых финансовых активов, а также обмену одного вида цифровых финансовых активов на такие же активы другого вида. Закон допускает совершение и иных сделок, но при этом их не конкретизирует (это могут быть, например, предоставление в качестве обеспечения обязательств, дарение и др.).

Рис. 1. Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов / Fig. 1 Features of legal regulation digital financial assets

На территории Российской Федерации у цифровой валюты существует некоторый правовой статус, который накладывает ограничения на ее применение в виде средств для платежа. Кроме того, в законодательстве Российской Федерации существуют данные о том, что имеют место быть конкретные условия для судебной защиты, а в следствие вводится запрет на то, чтобы цифровая валюта подлежала рекламе в виде методы для осуществления оплаты [6].

В рамках ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указано, что существует два различных типа активов. Первыми являются финансовые цифровые активы, под которыми подразумеваются некоторые цифровые права. Кроме того, также существует и валюта в цифровом виде. Первый тип имеет отличия от второго именно тем, что за ним имеется определенный субъект, который их выпустил. Данный субъект берет на себя обязательство по выполнению требований, которые закрепляются этими финансовыми цифровыми активами.

Основываясь на нормах ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [7], в которой прописаны типы объектов гражданских право, можно отметить, что финансовые цифровые активы — это один из подвидов цифровых прав. Однако в данной статье отсутствует определение термина «цифровая валюта», которую возможно классифицировать в виде другого имущества. Нужно обратить внимание на то, что этот закон необходимо доработать для того, чтобы определение было более четким. Кроме того, он нуждается в доработке с целью регулирования правового статуса двух типов валюты — цифровой валюты и цифровых финансовых активов [8].

Итак, проведенное исследование норм законодательства в области правового регулирования цифровой валюты и цифровых активов позволяет говорить о том, что в данной сфере существует ряд проблематик. Опишем их на рисунке ниже.

Динамика правоприменительной практики в отношении цифровых валют иллюстрирует трансформацию правового статуса криптовалюты от состояния неопределенности к признанию ее в качестве имущества. Объем судебных решений, таких как отмена первоначального отказа арбитражного суда, служит свидетельством того, что законодательство демонстрирует готовность адаптироваться к требованиям цифровых инноваций. Тем не менее, отсутствие унифицированной правоприменительной практики подчеркивает настоятельную необходимость глубокого осмысления и дальнейшего нормативного регулирования в данной области, что открывает новые перспективы для более четкого определения правового статуса цифровых активов, что, в свою очередь, может способствовать их интеграции в экономическую систему и повышению уровня защиты прав владельцев.

Введение цифровых денег и криптовалют в финансовую систему сопровождается как значительными возможностями, так и серьезными рисками, что подчеркивает необходимость глубокого осознания потенциальных угроз, связанных с этой новой финансовой эрой. Несмотря на стремительную интеграцию цифровых средств расчетов в повседневные финансовые операции граждан, их применение обременено множеством недостатков, требующих особого внимания.

Наиболее заметной проблемой является угроза распространения вредоносных программ и мошенничества, которые активно профилируют с ростом популярности цифровых активов. Существующие вирусы, программы-вымогатели и тактика фишинга создают значительные риски для безопасности пользователей, что делает цифровые деньги уязвимыми для кражи и мошеннических действий. В условиях наличия технологий защиты пользователи вынуждены проявлять повышенную бдительность, чтобы минимизировать риски утечки средств.

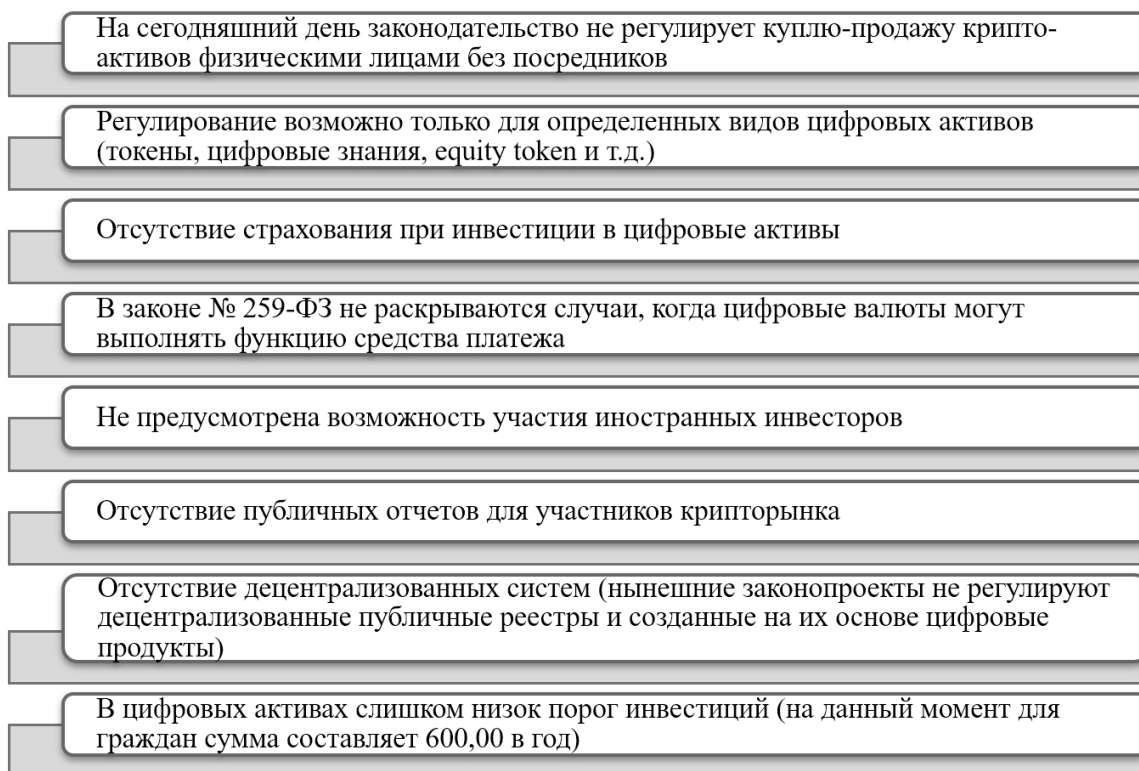

Рис. 2. Проблемы правового регулирования цифровых активов и цифровой валюты / Fig. 2 Problems of legal regulation of digital assets and digital currency

Дополнительно, инциденты кибератак на платформы, использующие цифровые деньги, становятся все более частыми. В странах, стремящихся к активному внедрению криптовалют и цифровых активов, кибератаки достигают значительного масштаба, вызывая обоснованные опасения среди инвесторов и пользователей, что акцентирует важность разработки надежных систем защиты информации и активов, а также усиления мер кибербезопасности на уровне как государств, так и частных организаций.

Юридические риски также представляют собой значительную проблему из-за отсутствия четкого законодательного регулирования. Инвесторы в цифровые активы остаются без адекватной правовой защиты, что делает их уязвимыми к возможным финансовым потерям. Отсутствие механизмов страхования вкладчиков ставит под сомнение безопасность их инвестиций и может служить серьезным барьером для привлечения новых участников на рынок.

Проблема потери секретного кода к биткоин-кошельку дополнительно иллюстрирует риски, связанные с владением цифровыми активами. Этот аспект подчеркивает важность надежного управления и хранения конфиденциальной информации. Утрата доступа к коду приводит к необратимой потере накопленных средств, что представляет собой серьезный вызов для пользователей. Следовательно, цифровые деньги и криптовалюты открывают новые горизонты

для финансовых транзакций и инвестиций; однако их использование сопряжено с множеством рисков. Для обеспечения безопасного и успешного взаимодействия с цифровыми активами необходим комплексный подход, включающий развитие технологий защиты, совершенствование законодательного регулирования и повышение уровня финансовой грамотности пользователей [9]. В процессе интеграции цифровых денег в общество следует акцентировать внимание на важности повышения осведомленности о рисках, что впоследствии будет способствовать созданию стабильной и безопасной финансовой среды. Итак, можно прийти к выводу о том, что мир развивается стремительными темпами. Изо дня в день он меняется. В связи с этим, главный фактор, который касается каждого социума, человека и государства, должен развиваться вместе с ним. Здесь подразумеваются денежные средства, которые не существуют сегодня исключительно в виде бумаг. За большой промежуток времени они получили намного большую роль, нежели инструмент для осуществления оплат [10].

Под цифровой валютой стоит рассматривать радикально новый финансовый институт, интерес к которому увеличивается изо дня в день. Цифровая валюта — это тип финансового актива, представленный в цифровом формате, который может быть использован в качестве средства обмена, хранения стоимости или единицы учета, функционирующий на основе техно-

логии блокчейн или других современных информационных технологий. Для того, чтобы данный вопрос регулировался в полном объеме, требуется, чтобы все положения нашли свое закрепление на уровне действующего законодательства. Сегодня можно с уверенностью заявить о том, что Российская Федерация относится к тем государствам, которое стремится соответствовать все новшествам, а поэтому в исследуемом вопросе она сделала значительный шаг вперед.

Список источников

1. Воронина А. В. Цифровизация как направление перманентной индустриализации отечественной экономики // Научные труды Московского университета имени С.Ю. Витте: Сборник научных статей. Том Выпуск 6. Москва : Московский университет им. С.Ю. Витте, 2019. С. 29–36.
2. Батчаев Ш. А. Актуальные проблемы гражданско-правового регулирования цифровых финансовых активов // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 255–258.
3. Буланкина Н. Н., Воронина А. В., Казакова И. Н. Цифровизация — стимулирующий фактор развития цифровой экономики отдельного региона // Инновационные векторы науки в условиях глобальной цифровизации и информационной безопасности : Материалы международной научно-практической конференции, Краснодар, 26 апреля 2024 года. Краснодар: Российское энергетическое агентство, 2024. С. 120–124.
4. Перетолчин А. П. Генезис и перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. №. 3. С. 752–774.
5. Федеральный закон от 31 июня 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 11.03.2024; с изм. и доп. от 01.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кузьменко Ю. А. Правовое регулирование осуществления налогового контроля в условиях цифровой трансформации экономики // Вопросы экономики и права. 2023. № 178. С. 26–31.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Кузьминов А. Н., Терновский О. А. Data-mining в обеспечении экономической безопасности производственных подразделений УИС // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 10. С. 121–123.
9. Шевченко М. В., Воронина А. В. Применение аналитических процедур при реализации стратегии частного инвестирования // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 10. С. 281–284.
10. Белоногов А. В., Рузметов С. А. Проблемы финансово-правового регулирования цифровой валюты в денежной системе Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 25 (367). С. 259–262.

References

1. Voronina A.V. Digitalization as a direction of permanent industrialization of the domestic economy // Scientific works of the S.Y. Witte Moscow University : Collection of scientific articles. Volume Issue 6. Moscow : S.Y. Witte Moscow University, 2019. P. 29–36.
2. Batchaev S. A. Actual problems of civil law regulation of digital financial assets // Young scientist. 2020. № 21 (311). P. 255–258.
3. Bulankina, Voronina A.V., Kazakova I. N. N. Digitalization — a stimulating factor in the development of the digital economy of a particular region // Innovative vectors of science in the context of global digitalization and information security : Proceedings of the international scientific and practical conference, Krasnodar, April 26, 2024. Krasnodar: Russian Energy Agency, 2024. P. 120–124.
4. Peretolchin A. P. Genesis and prospects for the development of legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. № 3. P. 752–774.
5. Federal Law of June 31, 2020 № 259-FZ «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (ed. of 11.03.2024; with amendments and additions of 01.07.2024) // LRS «ConsultantPlus».
6. Kuzmenko Yu. A. Legal regulation of tax control in the context of digital transformation of the economy // Economic and legal issues. 2023. № 178. P. 26–31.
7. The Civil Code of the Russian Federation. Part One of November 30, 1994 № 51-FZ // NW RF. 1994. № 32. Article 3301.
8. Kuzminov A. N., Ternovsky O. A. Data-mining in ensuring the economic security of production units of the UIS // Competitiveness in the global world: economics, science, technology. 2024. № 10. P. 121–123.
9. Shevchenko M. V., Voronina A. V. Application of analytical procedures in the implementation of private investment strategy // Competitiveness in

the global world: economics, science, technology.
2024. № 10. P. 281–284.
10. Belonogov A. V., Ruzmetov S. A. Problems of

financial and legal regulation of digital currency in
the monetary system of the Russian Federation //
Young scientist. 2021. № 25 (367). P. 259–262.

Информация об авторах

Ю. А. Кузьменко — доцент кафедры финансового права Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета, кандидат юридических наук, доцент;

А. Н. Кузьминов — профессор кафедры экономики и менеджмента филиала Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, доктор экономических наук, доцент.

Information about the authors

Yu. A. Kuzmenko — Associate Professor of the Department of Financial Law of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

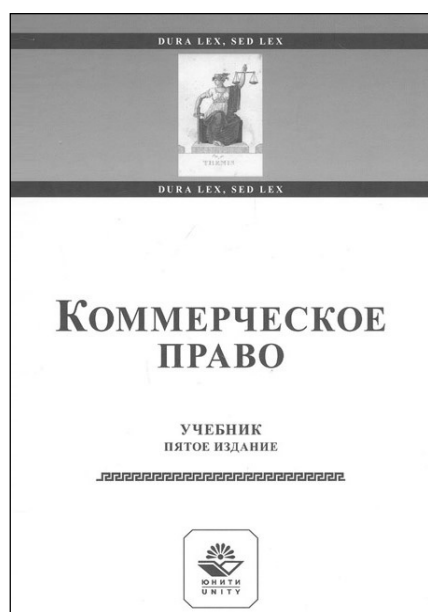
A. N. Kuzminov — Professor of the Department of Economics and Management of the Branch of the Moscow S.Y. Witte University in Rostov-on-Don, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Коммерческое право. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Н.Д. Эриашвили. 671 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены понятие, принципы и субъекты коммерческого права, а также механизм правового регулирования коммерческой деятельности в условиях рыночной экономики. Представлены особенности договорной политики коммерческих организаций, классификация договоров, отражающих взаимоотношения сторон при заключении коммерческих сделок, вопросы регулирования налоговых отношений, а также административной и уголовной ответственности за преступления в сфере коммерческой деятельности. Раскрыто участие нотариуса в юридических действиях общества с ограниченной ответственностью и его участников. Учтены последние юридические акты, относящиеся к коммерческой деятельности организаций.

Для студентов, аспирантов, преподавателей экономических и юридических вузов, для предпринимателей и юристов-практиков.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-68-71>

EDN: <https://elibrary.ru/jklelx>

НИОН: 2003-0059-6/24-192

MOSURED: 77/27-003-2024-06-391

Конституционно-правовая характеристика права и субъектов правоприменения предпринимательской деятельности

Татьяна Сергеевна Лангнер

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mohowatiana@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены конституционные и гражданско-правовые основы возникновения права на предпринимательскую деятельность в России, а также коллизионные вопросы правоприменения существующих норм права субъектами предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: конституционные права человека в Российской Федерации, предпринимательская деятельность, Конституция Российской Федерации, гражданско-правовая характеристика субъектов предпринимательства, конституционная характеристика субъектов предпринимательства

Для цитирования: Лангнер Т. С. Конституционно-правовая характеристика права и субъектов правоприменения предпринимательской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 68–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-68-71>. EDN: JKLELX.

Original article

Constitutional and legal characterization of the right and subjects of law enforcement of entrepreneurial activity

Tatiana S. Langner

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

Mohowatiana@yandex.ru

Abstract. The constitutional and civil law foundations of the emergence of the right to entrepreneurial activity in Russia, as well as conflict of law issues of the legal application of existing norms of law by business entities, are considered.

Keywords: constitutional human rights in the Russian Federation, entrepreneurial activity, the Constitution of the Russian Federation, civil law characteristics of business entities, constitutional characteristics of business entities

For citation: Langner T. S. Constitutional and legal characterization of the right and subjects of law enforcement of entrepreneurial activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):68–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-68-71>. EDN: JKLELX.

В юридической научной литературе уживаются два мнения о принадлежности предпринимательской деятельности к личным и экономическим правам [1, с. 6].

Прежде чем приступить к анализу предпринимательской деятельности с юридического аспекта, предлагаем принять во внимание следующие общеизвестные характеристики:

- предпринимательская деятельность оказывает

существенное влияние как на экономику, так и на юриспруденцию, то есть данное понятие находится на рубеже взаимосвязанных отраслей;

- в сравнении с другими правовыми и экономическими терминами, термин «предпринимательская деятельность» является исконно русским, устойчивым словосочетанием, которое означает: «затевать, решаться исполнить

© Лангнер Т. С., 2024

какое-либо новое дело, приступить к совершению чего-либо значительного» [2, с. 476].

Статья 34 Конституции РФ дает емкое толкование термина. Углубленное изучение данного процесса предполагает необходимость в определении его содержания. Под содержанием стоит понимать систему базовых признаков, сосредоточенных в рамках единой концепции, которая, разумеется, самостоятельно не воспринимается и не проявляется во всех элементах современной жизни.

Основным признаком предпринимательской деятельности является свобода экономической деятельности, отраженной в ст. 8 Конституции РФ [3, ст. 3], так же этот признак лежит в основе конституционного строя Российской Федерации. Данное закрепление подчеркивает заинтересованность нашего государства, России, в развитии рыночной экономики, в основе которой лежит здоровая конкуренция, многообразие форм собственности, защита этой собственности, свободе распоряжаться своим имуществом.

Пункт 2 ст. 17 Конституции РФ «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [3, ст. 17], закрепляет неотделимость основных прав и свобод от обладателя — человека.

Предпринимательская деятельность — это «возможность каждого определять вид и меру свободного использования своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской деятельности, а также пользоваться получаемым в результате этого предпринимательским доходом» [1, с. 6]. Таким образом, каждый человек обладает конституционным правом на осуществление предпринимательской деятельности, т. е. данный вид правоотношений является базовым и неотделим от своего обладателя.

Представляется интересным, что предпринимательская деятельность в научной литературе раскрывается посредством 2 терминов: «свобода» и «право». Наиболее распространено применение термина «свободы» предпринимательской деятельности (гл. 2 Конституции РФ). Широкое применение обоих терминов связано с взаимозаменяемостью последних имеющих практически идентичное значение. Под правом личности понимается свобода выбирать что-то. В то время как «свобода» может быть рассмотрена как с философской точки зрения, так и с юридической:

- способность человека действовать по своему волеизъявлению независимо от предпочтений и пожеланий третьих лиц (состояние человека);
- возможность реализовать конкретное право,

осуществив действие в рамках правового поля (субъективное право человека).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что «субъективное право» на предпринимательскую деятельность является средством реализации способности человека применить свои права в реальности.

Практическое применение конституционного права на предпринимательскую деятельность законодательно не ограничивается конкретными сферами, более того может относиться к немаржинальным.

Статья 34 Конституции Российской Федерации определяется как вид экономической деятельности, однако помимо такого определения вводится ограничение на защиту основного принципа рыночной экономики — конкуренцию.

Предпринимательство — один из видов деятельности человека, который закреплен как в Основном законе Российской Федерации, так и в гражданско-правовом законодательстве России.

Основной закон Российской Федерации определяет право лица, занимающегося предпринимательской деятельностью, однако характеристики самого «предпринимателя» в нем нет.

Статьи 19, 23, 24, 30, 33, 44, 45, 46 Конституции Российской Федерации гарантируют субъекту предпринимательской деятельности защиту своих прав в рассматриваемой сфере при взаимодействии с публичными организациями, в том числе с организациями, где один из акционеров Российская Федерация.

В соответствии с законодательством Российской Федерации физические, юридические, а также общественные организации являются субъектами предпринимательской деятельности. Законодательство Российской Федерации позволяет «юридическим лицам» заниматься предпринимательством без государственной регистрации лица в Едином государственном реестре юридических лиц, то есть не брать на себя права и обязанности субъекта данных правоотношений. Данное утверждение находит свое отражение в нормах Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», который дарует незарегистрированным субъектам правоотношений гражданскую правосубъектность, что противоречит нормам гражданского законодательства Российской Федерации [4, ст. 3]. Данные лица не могут иметь счетов, имущества, прав и обязанностей, что является существенными условиями для гражданско-правовых правоотношений.

Следовательно, незарегистрированные юридические лица, в соответствии с нормами Гражданского

кодекса Российской Федерации, не имеют законных оснований для занятия предпринимательской деятельностью.

Хотелось бы обратить внимание на коммерческие и некоммерческие организации, которые активно принимают участие в развитии российского предпринимательства. Некоммерческие организации по своему правовому статусу не могут извлекать финансовую выгоду из своей деятельности, однако они принимают активное участие в предпринимательской деятельности. Основная задача любой некоммерческой организации — безвозмездное оказание помощи в решении общественно значимых проблем. В ст. 24 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» указано, что данные лица «вправе заниматься предпринимательской деятельностью для достижения своих уставных целей». Таким образом, предпринимательская деятельность для некоммерческих организаций — это способ достижения поставленных целей и задач.

Физические лица имеют сложности в правоприменении в сфере предпринимательства, которые связаны с формулировкой ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной незапрещенной законом экономической деятельности» [3, ст. 34], то есть в зависимости от вида деятельности определяется, является ли носителем данного права субъект правоотношений (не субъект определяет свою деятельность, а деятельность определяет своих правоприменителей).

Абзац 2 ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации вводит хаос в определение круга физических лиц, обладающих правом заниматься предпринимательской деятельностью. С одной стороны, физическое лицо имеет основание на занятие предпринимательской деятельностью только «с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя», с другой стороны, — есть отдельная группа лиц, которой проходить государственную регистрацию нет необходимости, то есть они являются «специальным субъектом особого рода правовых отношений» [5, ст. 23].

В российском законодательстве существует загадочный и обширный по своему значению термин «иная экономическая деятельность». В широком смысле под иной экономической деятельностью стоит понимать как «сознательную деятельность человека по производству экономических благ и услуг» [6, с. 1121].

В зависимости от критериев классификации, мож-

но выделить разные виды: «предпринимательскую, финансовую, посредническую, доверительное управление имуществом, представление одним лицом другому лицу определенных прав либо принятие одним лицом перед другим обязательств по поводу конкретных действий на возмездной основе» [7, с. 159], исходя из способа осуществления можно выделить следующие виды экономической деятельности: «активную, пассивную экономическую деятельность» [7, с. 159–160].

При исследовании конституционных и гражданско-правовых норм российского законодательства становится возможным предположить. Что «иные» формы экономической деятельности могут быть как активными, так и пассивными (арендодатель жилого помещения), однако последние не освобождаются от обязательств — выплата налогов.

Предпринимательская деятельность — это перспективная и интересная деятельность для правовой науки и правоприменителя, но для ее корректного развития стоит пересмотреть ряд нормативных правовых актов Российской Федерации. Для более глубокой проработки предпринимательской деятельности с точки зрения правового явления необходима конкретизация и уточнение уже существующих коллизионных теоретических и практических вопросов.

Список источников

1. Илюхина Ю. Ю. Конституционно-правовые гарантии реализации права на предпринимательскую деятельность в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / под ред. Л. В. Беловинского. М. : ОЛМА-Пресс Образование, 2004.
3. Конституция Российской Федерации // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/c07038c724cae52fe849aad193a0eac08bda5f93/
4. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/4c61669d856cd975921fb776ecb059f605b9290a/
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ecba25c5ee75edc02f685823ed10abe2b0d7b887/

6. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А. Г. Грязновой. М. : Финансы и статистика, 2004.
7. Сидоров В. А., Кузнецова Е. Л., Болик А. В. Общая экономическая теория : учебник для студентов высших учебных заведений. Майкоп, 2017.
1. Plyukhina Yu. Yu. Constitutional and legal guarantees of the realization of the right to entrepreneurial activity in modern Russia : abstract diss. ... cand. legal. sciences. Saratov, 2011.
2. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: Selected article / Edited by L. V. Belovinsky. M. : OLMA-Press Education, 2004.
3. Constitution of the Russian Federation // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/c07038c724cae52fe849aad193a0eac08bda5f93/
4. Federal Law № 82-FZ dated May 19, 1995 «On Public Associations» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/4c61669d856cd975921fb776ecb059f605b9290a/
5. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated November 30, 1994 № 51-FZ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ecba25c5ee75edc02f685823ed10abe2b0d7b887/
6. Financial and credit encyclopedic dictionary / under the general editorship of A. G. Gryaznova. M. : Finance and Statistics, 2004.
7. Sidorov V. A., Kuznetsova E. L., Bolik A. V. General economic theory : textbook for students of higher educational institutions. Maykop, 2017.

References

Информация об авторе

Т. С. Лангнер — старший юрисконсульт правового отдела Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

T. S. Langner — Senior Legal Adviser of the Legal Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Актуальные проблемы теории государства и права. Учеб. пособие. Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова ; под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного. 4-е изд., перераб. и доп. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства.

Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-72-74>

EDN: <https://elibrary.ru/kbnofb>

НИОН: 2003-0059-6/24-193

MOSURED: 77/27-003-2024-06-392

О соотношении понятий «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие» в Российской Федерации

Самвел Суменович Маилян¹, Артур Левонович Миронов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ gambuch@yandex.ru

² arturmironov@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства о соотношении понятий «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие» в Российской Федерации обосновано несколько суждений: понятия «судопроизводство» и «правосудие», а также неустоявшиеся и поэтому трудно соотносимые; «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие» недопустимо отождествление понятий «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие»; положения Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г. позволяют утверждать о наличии в Российской Федерации лишь конституционного судопроизводства (ч. 3 ст. 3).

Ключевые слова: судопроизводство, конституционное судопроизводство, правосудие, конституционное правосудие, «вопросы права», «вопросы факта», доказывание

Для цитирования: Маилян С. С., Миронов А. Л. О соотношении понятий «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие» в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 72–74. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-72-74>. EDN: KBNOFB.

Original article

On the relationship between the concepts of «constitutional legal proceedings» and «constitutional justice» in the Russian Federation

Samvel S. Mailyan¹, Artur L. Mironov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ gambuch@yandex.ru

² arturmironov@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation on the relationship between the concepts of «constitutional court proceedings» and «constitutional justice» in the Russian Federation, several judgments are substantiated in the article: the concepts of «legal proceedings» and «justice» are not well-established and therefore difficult to correlate; the concepts of «constitutional court proceedings» and «constitutional justice» are not well-established and therefore difficult to correlate; the identification of the concepts of «constitutional court proceedings» and «constitutional justice» is not acceptable; the provisions of the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the Constitutional Court of the Russian Federation» dated July 12, 1994 allow us to assert that there is only constitutional court proceedings in the Russian Federation (Part 3 of Article 3).

Keywords: judicial proceedings, constitutional proceedings, justice, constitutional justice, «questions of law», «questions of fact», proof

For citation: Mailyan S. S., Mironov A. L. On the relationship between the concepts of «constitutional legal proceedings» and «constitutional justice» in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):72–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-72-74>. EDN: KBNOFB.

© Маилян С. С., Миронов А. Л., 2024

Предметом данной статьи является соотношение понятий «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие» в Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.

Исследование правовой природы конституционного судопроизводства в Российской Федерации остается актуальной и дискуссионной темой, что обусловлено недостаточной проработанностью терминологии в отечественном законодательстве. В данной работе обосновываются ключевые аспекты, касающиеся соотношения понятий «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие», а также рассматриваются правовые позиции, выработанные в научной и судебной практике.

Г. А. Жилин подчеркивает, что конституционное судопроизводство, как способ реализации судебной власти Конституционным Судом РФ, соответствует природе конституционного нормоконтроля. Согласно его мнению, эта деятельность урегулирована нормами процессуального права и охватывает возникающие правоотношения между судом и другими субъектами в целях защиты конституционных прав и свобод граждан. Жилин отмечает: «Конституционное судопроизводство представляет собой средство реализации судебной власти в рамках правосудия, закрепленного за Конституционным Судом» [1].

В свою очередь, Н. С. Райкова акцентирует внимание на двойственной сущности судопроизводства. Она указывает, что, с одной стороны, это деятельность суда и иных участников процессуальных правоотношений, направленная на разрешение конкретных дел, а с другой — такая деятельность осуществляется в строго регламентированной законом форме. Этот подход позволяет выделить ключевые структурные элементы судопроизводства, обеспечивающие его функциональную целостность [4].

М. А. Малина обращает внимание на нравственные аспекты правоприменительного процесса. По ее мнению, эмпатия судьи является важным условием конституционализации правосудия. Она утверждает: «Соответствие правоприменительного процесса и «букве», и «духу» Конституции России предполагает внедрение гуманистических и справедливых принципов в процесс рассмотрения дел, особенно уголовных». Такой подход, по ее мнению, обеспечивает не только юридическую, но и моральную обоснованность принимаемых решений [3].

Несовершенство законодательной базы также отмечает Н. Н. Ковтун. Он указывает на необходимость дальнейшей проработки терминологии и методологического аппарата для четкого разграничения понятий «конституционное правосудие» и «конституционное судопроизводство», что позволяет избежать правовой неопределенности [2].

Другие аспекты конституционного судопроизводства освещает А. Г. Стовповой. Его исследования

касаются анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ в контексте рассмотрения норм, регулирующих стадию возобновления производства по уголовным делам на основании новых или вновь открывшихся обстоятельств. Автор приходит к выводу, что судебные ошибки, выявленные в таких случаях, должны быть исправлены, так как их игнорирование несовместимо с концепцией защищенности прав и законных интересов граждан [5].

Неопределенность суждений о соотношении понятий «конституционное правосудие» и «конституционное судопроизводство» во многом предопределена несовершенством законодательства Российской Федерации.

Ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации¹: устанавливает перечень видов судопроизводства, включая конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное. Однако специфика конституционного судопроизводства раскрывается в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой, таких как Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г. Особое значение имеет положение ч. 3 ст. 3 указанного закона, где говорится, что Конституционный Суд решает исключительно вопросы права, оставляя вопросы факта в компетенции судов общей юрисдикции.

Детализация процедур конституционного судопроизводства изложена в Регламенте Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 1995 г., который регулирует внутреннюю деятельность этого органа. Тем не менее отсутствие единой методологической основы для определения места Регламента в системе нормативных актов создает дополнительные трудности для понимания его юридической природы².

Таким образом, вопросы разграничения понятий «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие» требуют дальнейшего изучения. Можно выделить несколько ключевых проблем:

1. Существующие определения понятий «судопроизводство» и «правосудие» остаются неустоявшимися, что затрудняет их соотношение.

2. Понятия «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие» также требуют дальнейшей теоретической и практической проработки.

3. Недопустимо отождествление этих двух терминов, так как они отражают различные аспекты судебной деятельности.

4. Законодательство Российской Федерации позволяет говорить о наличии в стране исключительно конституционного судопроизводства, что закреплено в ч. 3 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, требуется комплексный подход

¹ РГ. 1993. 25 декабря; ...; 2020. 4 июля.

² СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; ...; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6118.

к совершенствованию нормативной базы и научного анализа для повышения правовой определенности в сфере конституционного судопроизводства.

Список источников

1. Жилин Г. А. Конституционное судопроизводство в механизме судебной защиты прав // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4. С. 1–5.
2. Ковтун Н. Н. Как высший орган конституционного правосудия разобрался в вопросах перевода обвиняемых в психиатрической стационар // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 31–37.
3. Малина М. А. Эмпатия в деятельности судьи — необходимое условие конституционализации российского правосудия // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С. 33–36.
4. Райкова Н. С. Сущность конституционного судопроизводства // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 5.
5. Стовповой А. Г. Возобновление производства по уголовному делу по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в контексте рос-

сийского конституционного судопроизводства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 27–33.

References

1. Zhilin G. A. Constitutional legal proceedings in the mechanism of judicial protection of rights // Journal of Constitutional Justice. 2011. № 4. P. 1–5.
2. Kovtun N. N. As the supreme body of constitutional justice figured out the issues of transferring the accused to a psychiatric hospital // Criminal proceedings. 2019. № 1. pp. 31-37.
3. Malina M. A. Empathy in the activity of a judge is a necessary condition for the constitutionalization of Russian justice // Criminal proceedings. 2022. № 2. P. 33–36.
4. Raikova N. S. The essence of constitutional legal proceedings // Journal of Constitutional Justice. 2008. № 5.
5. Stovpovoy A. G. Resumption of proceedings in a criminal case on new or newly discovered circumstances in the context of Russian constitutional court proceedings // Journal of Constitutional Justice. 2015. № 2. P. 27–33.

Информация об авторах

С. С. Маилян — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

А. Л. Миронов — докторант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. S. Mailyan — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

A. L. Mironov — Doctoral Student of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-75-80>

EDN: <https://elibrary.ru/iqwsoe>

НИОН: 2003-0059-6/24-194

MOSURED: 77/27-003-2024-06-393

Права человека в Южной Африке сквозь призму решений Конституционного Суда ЮАР

Алексей Александрович Малиновский

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия, dr.malinovsky@yandex.ru

Аннотация. Представлены научно-практические исследования незападных правовых порядков, к которым относится правовая система Южно-Африканской Республики. Данная страна входит в число государств – членов БРИКС, что усиливает необходимость ее всестороннего изучения. Правовая система ЮАР относится к смешанным юрисдикциям. В ней нашли свое отражение черты африканского обычного, римско-голландского и англо-американского права. Этот факт затрудняет понимание сущности основных институтов права ЮАР.

Предпринята попытка, исследуя институт прав человека в ЮАР, показать действие механизма правового регулирования, который направлен на регламентацию сложных полиюридических отношений. Особо подчеркивается роль прецедентного права по совершенствованию института прав человека, разрешению юридических коллизий между обычным правом, конституционным законодательством и международным правом. Активная правотворческая роль Конституционного Суда, который функционирует в Южной Африке по американскому образцу с учетом национальной специфики, должна стать отдельным предметом юридического познания.

Ключевые слова: смешанная правовая семья, обычное право, прецедентное право, правотворческая роль суда, судебный активизм

Для цитирования: Малиновский А. А. Права человека в Южной Африке сквозь призму решений Конституционного Суда ЮАР // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 75–80. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-75-80>. EDN: IQWSOE.

Original article

Human rights in South Africa through the prism of decisions of the Constitutional Court of South Africa

Alexey A. Malinovsky

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, dr.malinovsky@yandex.ru

Abstract. Scientific and practical studies of non-Western legal systems, which include the legal system of the Republic of South Africa, are presented. This country is one of the BRICS member states, which increases the need for its comprehensive study. The legal system of South Africa belongs to mixed jurisdictions. It reflects the features of African customary, Roman-Dutch and Anglo-American law. This fact complicates the understanding of the essence of the main institutions of South African law.

The article attempts, by examining the institution of human rights in South Africa, to show the action of the mechanism of legal regulation, which is aimed at regulating complex polylegal relations. Particular emphasis is placed on the role of case law in improving the institution of human rights, resolving legal conflicts between customary law, constitutional legislation and international law. The active law-making role of the Constitutional Court, which functions in South Africa according to the American model, taking into account national specifics, should become a separate subject of legal knowledge.

Keywords: mixed legal family, customary law, case law, law-making role of the court, judicial activism

For citation: Malinovsky A. A. Human rights in South Africa through the prism of decisions of the Constitutional Court of South Africa. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):75–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-75-80>. EDN: IQWSOE.

© Малиновский А. А., 2024

При толковании законодательства и при разработке общего права или обычного права судом должны учитываться дух, буква и цели Билля о правах (ст. 39 Конституции ЮАР)

Проблема необходимости всесторонней защиты прав человека и гражданина признается в Южно-Африканской Республике на всех уровнях. И законодатель, и правоприменитель, памятуя о массовых нарушениях прав коренных жителей в тяжелые времена апартеида, прилагают максимум усилий в данной сфере. С принятием в 1996 г. современной и достаточно передовой (по всем юридическим канонам) Конституции, провозглашающей и гарантирующей все основные права и свободы человека и гражданина, в Южно-Африканской Республике последовательно проводятся правовые реформы, социально-экономические преобразования, направленные на улучшение качества жизни всех ее граждан [1]. Разд. 2 Конституции именуется «Биллем о правах», в котором торжественно провозглашаются основные права и свободы. Как указывается в ст. 7 Конституции, этот Билль является краеугольным камнем демократии в Южной Африке. Он включает права всего народа и утверждает демократические ценности человеческого достоинства, равенства и свободы. Страна должна уважать, защищать, оказывать содействие в осуществлении прав, отмеченных в Билле о правах [3, с. 891]. Согласно ст. 39 Конституции Билль о правах не отменяет существования других прав и свобод, признанных общим правом или обычным правом или законодательством, в тех пределах, в которых они отвечают Биллю.

Специфика правовой системы ЮАР, состоит в том, что законодатель, провозгласив основные права и свободы, не занимается активным правотворчеством в данной сфере. Более того, некоторые права и свободы вообще установлены нормами обычного и прецедентного права. Главную роль во всестороннем развитии и совершенствовании института прав человека играет Конституционный Суд ЮАР, который в отсутствие кодексов и специального законодательства делает это путем расширительного толкования Конституции и судебного нормотворчества [7; 2; 5].

Кратко остановимся на наиболее значимых вопросах прав человека в ЮАР, изложенных в знаковых судебных решениях.

Социально-экономические права в ЮАР Достаточно остро стоит в ЮАР проблема обеспеченности граждан жильем и землей [13]. Формальная провозглашенность данных социально-экономических прав упирается в невозможность их практической реализации из-за финансовых трудностей государства и бедности граждан. Конституционный Суд принял ряд решений, позволяющих гражданам осуществлять свои права в этой сфере. В частности, в деле *Government of the Republic of South Africa v Grootboom* [2000] Суд указал, что лица, находящиеся в тяжелых жизненных

условиях, имеют право на предоставление жилья от правительства. Таким образом, Конституционный Суд ЮАР попытался на правовом уровне хоть как то гарантировать право человека на жилище и решить проблему бездомности.

В знаковом деле *Alexkor v Richtersveld Community* [2003] Суд постановил, что признание права на землю за коренными народами, которое гарантируется обычным правом конституционно. Здесь надо иметь в виду, что право на землю для любого коренного народа Африки включает в себя не только возможность заниматься охотой земледелием и скотоводством на конкретной территории, но и историческую среду обитания, право жить по заветам предков, воспитывать детей на основании автохтонных норм обычного права, чтить память умерших вождей. История свидетельствует, если любое племя лишит малой родины, то через поколение оно погибает (ассимилируется с другими этносами или вымирает).

В решении *Port Elizabeth Municipality v Various Occupiers* [2004] Суд указал, что выселение людей с пустующих, но самовольно занятых земель неконституционно. По мнению Конституционного Суда ЮАР, местные суды, рассматривая дела подобного рода, должны привносить элементы милосердия и сострадания в формальные предписания закона, продвигать конституционные идеи заботливого общества, основанного на добрососедстве его членов¹.

Недостаточность финансирования многих социальных проектов, различные экономические трудности Южно-Африканского государства заставляют Конституционный Суд быть сдержанным в своих решениях, направленных на устранение любых ограничений фундаментальных прав человека. Так, в деле *Soobramoney v Minister of Health, KwaZulu-Natal* [1997] Конституционный Суд обосновал следующую позицию: Малоимущие граждане имеют право только на неотложную бесплатную медицинскую помощь. Необеспеченные больные не вправе претендовать на длительное дорогостоящее бесплатное лечение за счет государства, даже, если отсутствие такого лечения в скором времени приведет к смерти. В условиях ограниченного финансирования здравоохранения осуществление дорогостоящего лечения одного пациента нарушит право на медицинскую помощь других пациентов. В рамках данного дела Суд предложил строго различать понятия «право на жизнь» и «право на неотложную медицинскую помощь» с одной стороны и «право на охрану здоровья» с другой. На основании данного решения, с учетом ограниченного количества больниц и врачей, неоказание

¹ URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/2004/7.html>

медицинской помощи безнадежно больному человеку признано конституционным.

В ЮАР последовательно проводится политика, гарантирующая равенство в сфере прав человека и запрет на любую дискриминацию. Особенно это касается иностранцев и лиц без гражданства, которые составляют значительную часть населения ЮАР. В деле *Larbi-Odam v MEC for Education (North-West Province)* [1997] Конституционный Суд указал, что *политика правительства, запрещающая трудоустройство лиц, не имеющих Южно-Африканского гражданства на постоянную работу, является неконституционной, поскольку в таких случаях имеет место дискриминация по признаку гражданства*. Это решение поставило законодательный барьер в сфере нелегального получения гражданства с целью трудоустройства, уравнило граждан ЮАР, иностранцев и лиц без гражданства в трудовых правах.

Не обходит вниманием Конституционный Суд и проблему защиты прав ВИЧ-инфицированных, по числу которых ЮАР является лидером. В деле *Hoffmann v South African Airways* [2000] Суд указал, что *отказ работодателя от приема на работу ВИЧ-инфицированного сотрудника является дискриминацией по признаку здоровья. Наличие у человека ВИЧ-заболевания не делает его инвалидом либо нетрудоспособным. Такой больной имеет право на труд и ограничения его трудовых прав только на основании наличия ВИЧ-заболевания неконституционны*. Мудрость вышеуказанного решения состоит не только в том, что Суд подчеркнул необходимость устранения формальной дискриминации в сфере трудовых прав ВИЧ-инфицированных, но и в том, что данный правовой механизм сместил заботу о больных трудящихся с государства на работодателей.

Конституционный Суд ЮАР выступил за легализацию немедицинского употребления марихуаны. В знаковом прецеденте *Minister of Justice and Constitutional Development v Prince* [2018] было принято решение о том, что *криминализация хранения, использования или выращивания каннабиса совершеннолетними лицами исключительно для личного потребления противоречит Конституции. Совершеннолетнее лицо имеет право употреблять каннабис в личных целях, а законы, запрещающие делать это должны быть отменены*. В настоящее время употребление марихуаны совершеннолетними законно на всей территории государства.

Политические права в ЮАР. Политические права в целом гарантированы Конституцией ЮАР в полном объеме. Конституционный суд своим судебным толкованием постоянно расширяет их фактическое содержание. В деле *New Nation Movement NPC and Others v President of the Republic of South Africa and Others* [2020] Конституционный Суд указал, что *избирательное законодательство, запрещающее беспартийным гражданам избираться в представительные органы власти, противоречит Конституции, поскольку дискриминирует лиц по политической при-*

надлежности. В настоящее время любой гражданин вправе избираться самостоятельно, без организации собственной политической партии или вступления в ранее зарегистрированную политическую партию.

В деле *South African National Defence Union v Minister of Defence & Another* [1999] Суд признал, что *запрет для вступления в профсоюзы для военнослужащих является неконституционным, т. к. лишает их права на объединение в ассоциации*. В тоже время Суд отметил, что запрет на участие военнослужащих в любых забастовках (в том числе и организованных профсоюзами) является законным, поскольку отвечает интересам национальной обороны.

Брачно-семейные права в ЮАР. Данная сфера отношений долгое время испытывала влияние традиционных Южно-Африканских ценностей, английского прецедентного права и римско-голландских правовых институтов [6]. Поэтому глава семейства являлся единственным полноправным субъектом брачно-семейных отношений. Соответственно, все другие субъекты (жены и дети) были существенно ущемлены в правах. С принятием Конституции ЮАР, Конституционный Суд последовательно боролся с любой дискриминацией в этой сфере.

В деле *Bhe and Others v Magistrate, Khayelitsha and Others; Shibi v Sithole and Others; SA Human Rights Commission and Another v President of the RSA and Another* [2004] Конституционный Суд постановил, что *женщины наряду с мужчинами имеют право быть полноценными наследниками имущества*. Суд признал Закон об управлении чернокожими 1927 г. и нормы обычного права дискриминирующие наследственные права женщин неконституционными. В данном руководящем прецеденте Суд юридически уравнил наследственные права женщин и мужчин.

Другая проблема состояла в том, что браки, заключенные по законам шариата (мусульманские браки, заключаемые на основании коранических предписаний) не были признаны законодательством ЮАР. Поэтому муж в мусульманском браке («никах») с формально-юридической точки зрения по Закону о переживших супругов и по Закону об алиментах не является законным супругом своей жены. Соответственно, женщина, являющаяся женой по мусульманскому праву, не имеет права быть законной наследницей своего умершего мужа по праву ЮАР. Конституционный Суд в деле *Daniels v Campbell NO and Others* [2004], исходя из принципов равноправия и справедливости, распространил правила наследования в «классическом светском браке» и на мусульманских жен. Суд провозгласил, что *отныне женщина, вышедшая замуж по мусульманским обрядам, имеет право наследовать имущество умершего супруга, который не оставил завещания*. Однако в этом прецеденте речь шла только о моногамных мусульманских браках.

Решением по делу *Hassam v Jacobs NO and Others* [2009] Суд распространил данное правило и на полигамные браки. Конституционный суд отметил, что *лишение мусульманских жен права наследования имуще-*

ства мужа является несправедливой дискриминацией по признаку религии, семейного положения и пола и, следовательно, противоречит Конституции ЮАР.

Руководящим прецедентом в данной сфере брачно-семей считается дело *Women's Legal Centre Trust v President of the Republic of South Africa* [2022], в котором Конституционный Суд обобщив предшествующую судебную практику в сфере мусульманских брачно-семейных отношений, постановил, что законодательство о браке и разводе, об алиментах, о наследовании является неконституционным в той части, в которой оно не признает законности браков (в том числе и полигамных), заключенных по мусульманскому праву. Супруги, находящиеся в браке, заключенном по нормам шариата, должны иметь те же права, что и супруги, зарегистрировавшие светский брак. Легальное определение брака как официально зарегистрированного союза между одним мужчиной и одной женщиной неконституционно, поскольку дискриминирует граждан по признаку вероисповедания¹. Комментируя вышеуказанное решение отметим, что, правовая система Южной Африки первоначально заимствовала институт брака из римского права, в котором брак (согласно дефиниции Модестина) есть союз мужа и жены, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права. Таким образом, в своем решении Конституционный Суд не только опрокинул римскую дефиницию брака, но и юридически отменил рецепцию данного института в правовой системе ЮАР.

Большое внимание Конституционный суд, а вслед за ним и законодатель уделяют регламентации нетрадиционных семейных отношений. Революционным считается дело *Minister of Home Affairs and Another v Fourie and Another* [2005], в котором Конституционный Суд установил, что право на заключение однополного брака полностью соответствует Конституции. На основе данного прецедента был принят Закон о гражданском союзе, который вступил в силу 30 ноября 2006 г., сделав Южную Африку пятой страной в мире, признавшей однополые браки [8]. На примере этого прецедента хорошо виден механизм правообразования: Конституционный Суд рассматривает конкретный казус, выносит прецедентное решение, которое потом законодатель возводит в закон. Конституционность принятого таким образом закона уже презюмируется.

В деле *Du Toit and Another v Minister for Welfare and Population Development and Others* [2002] Суд постановил, что законодательство, запрещающее однополым парам усыновлять детей, противоречит Конституции. Однополые партнеры, заключившие брак, должны быть уравнены в правах с традиционными супружескими парами, в том числе, и в вопросах усыновления детей.

Продолжая свою прецедентную практику в данной сфере, Конституционный суд в деле *J v Director General, Department of Home Affairs* [2003] постановил,

что ребенок, рожденный путем искусственного оплодотворения у лесбийской пары, должен рассматриваться как законный, и что партнер, который не был биологическим родителем, имеет право считаться естественным родителем и быть записанным в свидетельстве о рождении ребенка.

В прецеденте *Gory v Kolver NO* [2007] констатировалось, что партнер в однополом брачном союзе имеет право наследовать имущество своего умершего супруга. Законодательство, ограничивающее это право неконституционно, поскольку дискриминирует лиц по признаку сексуальной ориентации. С точки зрения российского правоведа трудно признать вышеуказанную судебную практику передовой и прогрессивной. Однако на этих примерах хорошо виден механизм правовой экспансии — навязывания нетрадиционных (западных) ценностей традиционному (африканскому) сообществу путем судебного активизма в конкретной стране ее высшим судебным органом.

Права детей в ЮАР. Южно-Африканская Республика проводит политику охраны и защиты прав детей, провозглашенную на международном уровне Конвенцией ООН о правах ребенка 1982 г. [9]. В деле *S v Williams and Others* [1995] Конституционный Суд проанализировал практику назначения судами по уголовным делам несовершеннолетним преступникам исправительных телесных наказаний в виде палочных ударов. По мнению Суда, телесные наказания несовершеннолетних преступников противоречат Конституции, поскольку их применение нарушает право преступника на человеческое достоинство и защиту от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство наказания. Попутно Суд отметил, что данный вид наказания не должен применяться и к совершеннолетним преступникам. В результате в 1997 г. парламентом был принят Закон об отмене телесных наказаний. Такой подход, как мы уже убедились, является классическим для правовой системы ЮАР — сначала проблема решается на уровне прецедента, а затем, законодатель возводит прецедентную норму в закон.

Эволюцию подходов к правам ребенка можно проследить, анализируя прецеденты и законодательство в этой сфере. Так, в решении по делу *Christian Education South Africa v Minister of Education* [2000] указывалось, что Закон о школах Южной Африки 1996 г., запрещающий телесные наказания учащихся в образовательных учреждениях, соответствует Конституции, несмотря на то, что телесные наказания детей разрешены религиозными нормами (в частности, христианским учением) и некоторыми обычаями. Право родителей использовать телесные наказания для воспитания детей в домашних условиях подтверждается и не оспаривается. Со всей очевидностью можно утверждать, что практика телесного наказания детей, действовавшая в ЮАР, заимствована из викторианской Англии и была рецептирована коренными жителями ЮАР как на общеправовом уровне, так и на уровне семейных традиций религиозного воспитания. Таким образом, Суд первоначально лишь частично решил данную

¹ URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/2022/23.html>

проблему, оставив за родителями право о «разумном телесном наказании» детей и запретив «палочную систему воспитания» в школах.

Однако, позднее в деле *Freedom of Religion South Africa v Minister of Justice and Constitutional Development and Others [2019]* Конституционный Суд указал, что *положения общего права об «умеренном и разумном наказании детей в воспитательных целях» не соответствуют Конституции и международному праву. Отныне родители должны подвергаться уголовному преследованию за нанесение побоев своим детям. Решение вызвало массовые протесты и разделило общество на ярых сторонников и противников телесных наказаний детей.* Таким образом, в настоящее время телесные наказания детей в воспитательных и пенитенциарных целях запрещены как противоречащие Конституции ЮАР.

Конституционный Суд последовательно проводит политику борьбы с дискриминацией детей на всех уровнях, руководствуясь международно-правовыми стандартами. В решении *Centre for Child Law v Director General: Department of Home Affairs and Others (CCT 101/20) [2021]* Суд констатировал, что *дети, рожденные вне брака, имеют те же права, что и дети, рожденные в законном браке. Дискриминация внебрачных детей неконституционна.* В деле *Centre for Child Law v Director of Public Prosecutions, Johannesburg and Others (CCT210/21) [2022]* указывалось, что *права ребенка имеют наивысшую ценность в соответствии с международным правом и Конституцией ЮАР. Законодательные акты, ущемляющие права ребенка неконституционны.*

Признавая законность и социальную дозволенность однополых сексуальных отношений Конституционный Суд в деле *Geldenhuys v National Director of Public Prosecutions and Others [2009]* решил, что Закон о сексуальных преступлениях 1957 г. устанавливающий минимальный возраст сексуального согласия с 16 лет для гетеросексуальных отношений и с 19 лет для гомосексуальных отношений является неконституционным, поскольку дискриминирует лиц по признаку возраста. Отныне единый возраст сексуального согласия для всех видов секса устанавливается с 16 лет.

В тоже время, в целом ряде прецедентов прослеживается и влияние традиционного Южно-Африканского обычного права на права детей [11]. В частности, многие местные обычаи допускали любые добрачные сексуальные отношения между мальчиком и девочкой, за исключением тех, которые приводят к беременности. Однако данные сексуальные отношения были законодательно запрещены. В деле *The Teddy Bear Clinic for Abused Children and Another v Minister of Justice and Constitutional Development and Another [2013]* Верховный Суд констатировал, что *криминализация традиционных добровольных сексуальных отношений (включая, объятия, поцелуи и интимные ласки) между детьми от 12 до 16 лет противоречит праву детей на их нормально сексуальное развитие и является неконституционной.* В вышеуказанных прецедентах можно

заметить определенный парадокс. С одной стороны Конституционный суд признает допустимость и законность гомосексуальных отношений, с другой — ратует за «гетеросексуальный подростковый секс», поскольку таковой традиционно способствовал «нормальному сексуальному развитию» и поэтому нашел свое отражение в африканском обычном праве.

Подведем итог. Решения Конституционного Суда ЮАР как в содержательном плане (в качестве инструмента развития Конституции), так и в процессуальном аспекте (в форме судейского активизма) неоднозначно оцениваются как Южно-Африканскими, так и западными правоведами [10].

Противники судебного активизма критикуют Конституционный Суд ЮАР за неоднократное и грубое нарушение принципа разделения властей, поскольку многие решения Суда представляют собой оригинальные прецеденты (в терминологии английского права). Такие прецеденты не вытекают из расширительного толкования Конституции, а являют собой судебное правотворчество в «чистом виде», когда Суд творит право опираясь не на закон, а на свои предыдущие решения, а также на сходные прецеденты стран общего права. Именно таким образом Суд легализует права человека, не предусмотренные Основным законом страны, что вызывает вопросы о конституционности таких прав. Возникает опасность нарушения Конституции ЮАР самим Конституционным судом в результате судебного правотворчества.

Сторонники судебного активизма поддерживают Конституционный Суд в его стремлении, даже в обход медлительного и консервативного парламента, защитить фундаментальные права и свободы человека и гражданина, наполнить их современным содержанием, а также юридически признать и гарантировать естественные права автохтонных народов, проживающих в Южной Африке [12; 4].

Список источников

1. Ильин А. И. Конституция ЮАР 1996 года и права человека и гражданина // Московский журнал международного права. 2003. № 2. С. 106–120.
2. Комлев Е. Ю., Конюхов В. В. Правовые основы организации судебной системы в Южно-Африканской Республике // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 3. С. 29–33.
3. Конституции государств Африки и Океании: сборник. Том 3. Южная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019.
4. Мюррей Вессон. Равенство и достоинство в практике органов конституционного правосудия Канады и ЮАР // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 37–49.
5. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2017. 784 с.

6. Рыбалкина И. Г. Особенности семейно-брачных отношений в Африке // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 244–261.
7. Сорокина Е. Судебный активизм в практике Конституционного суда Южно-Африканской Республики // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 103–123.
8. Тищенко С. М. Базовые ценности населения Южно-Африканской Республики в условиях глобальных трансформаций: дис. ... канд. социол. наук. М., 2014.
9. Чикумбирике Ликсон. Соотношение международного и национального права в практике африканских государств (На примере Зимбабве и ЮАР): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
10. Daniel H. Erskine. Judgments of the United States Supreme Court and the South African Constitutional Court as a Basis for a Universal Method to Resolve Conflicts Between Fundamental Rights // Journal of Civil Rights and Economic Development Volume 22. Winter 2008. Issue 3. Article 2.
11. Klare K. E. Legal culture and transformative constitutionalism // South African Journal on Human Rights. 1998. Vol. 14. № 1. P. 146–188.
12. Klaaren J. Constitutional Citizenship in South Africa // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8. № 1. P. 94–110.
13. Murray W. Equality and social rights: An exploration in light of the South African Constitution // Public law. 2007. P. 748–769.
4. Murray Wesson. Equality and dignity in the practice of the constitutional justice authorities of Canada and South Africa // Comparative Constitutional Review. 2008. № 4 (65). P. 37–49.
5. Justice in the modern world: a monograph / edited by V.M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. 2nd ed., add. and reprint M. : Norma, 2017.
6. Rybalkina I. G. Features of family and marriage relations in Africa // Bulletin of Anthropology. 2022. № 3. P. 244–261.
7. Sorokina E. Judicial activism in the practice of the Constitutional Court of the Republic of South Africa // Comparative Constitutional Review. 2023. № 5 (156). P. 103–123.
8. Tishchenko S. M. Basic values of the population of the Republic of South Africa in the context of global transformations: diss. ... cand. sociol. sciences. Moscow, 2014.
9. Chikumbirike Lixon The correlation of international and national law in the practice of African states (On the example of Zimbabwe and South Africa): diss. ... cand. legal sciences. M., 1999.
10. Daniel H. Erskine Judgments of the United States Supreme Court and the South African Constitutional Court as a Basis for a Universal Method to Resolve Conflicts Between Fundamental Rights // Journal of Civil Rights and Economic Development Volume 22. Winter 2008. Issue 3. Article 2.
11. Klare K. E. Legal culture and transformative constitutionalism // South African Journal on Human Rights. 1998. Vol. 14. № 1. P. 146–188.
12. Klaaren J. Constitutional Citizenship in South Africa // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8. № 1. P. 94–110.
13. Murray W. Equality and social rights: An exploration in light of the South African Constitution // Public law. 2007. P. 748–769.

References

1. Ilyin A. I. The Constitution of South Africa of 1996 and human and civil rights // Moscow Journal of International Law. 2003. № 2. P. 106–120.
2. Komlev E. Yu., Konyukhov V. V. The legal foundations of the organization of the judicial system in the Republic of South Africa // Education. Science. Scientific staff. 2024. № 3. P. 29–33.
3. Constitutions of the states of Africa and Oceania:

Информация об авторе

А. А. Малиновский — заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений МИД России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Malinovsky — Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-81-84>

EDN: <https://elibrary.ru/ikkrwi>

НИОН: 2003-0059-6/24-195

MOSURED: 77/27-003-2024-06-394

Подготовка конституционной поправки 2020 года о сохранении традиционных ценностей в России

Алексей Михайлович Осавелюк

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
osaveluk@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ научной литературы, содержания ст. 67.1, включенной в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., федерального законодательства, принятого до 2020 г. и в развитие конституционных новелл, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам понимания светского государства и свободы вероисповедания; раскрывается процесс подготовки включения в Основной Закон ст. 67.1 и ее влияние на сохранение и дальнейшее развитие традиционных ценностей в России.

Особое внимание уделено анализу изменений понятия светского государства, содержания права на свободу вероисповедания, а также закрепления прав родителей и лиц их заменяющих на религиозное воспитание и религиозное образование своих детей. Показана эволюция изучения теологии и других богословских наук в светских вузах, а также основ конституционного строя России в образовательных организациях религиозных организаций.

Делается вывод о том, что конституционной поправкой и обновленным законодательством созданы условия для расширения возможностей изучения богословских дисциплин в светских вузах и основ конституционного строя России в духовных семинариях, что способствовало: существенному расширению представления о праве, его содержании и взаимодействии с нормами религии и нравственности в регулировании социальных отношений; расширению сфер взаимодействия Церкви, институтов гражданского общества и государства на основе принципа солидарности.

Ключевые слова: светское государство, свобода вероисповедания, теология, религиозное образование

Для цитирования: Осавелюк А. М. Подготовка конституционной поправки 2020 года о сохранении традиционных ценностей в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 81–84. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-81-84>. EDN: IKKRWI.

Original article

Preparation of the 2020 constitutional amendment on the preservation of traditional values in Russia

Alexey M. Osavelyuk

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russia, osaveluk@mail.ru

Abstract. The analysis of scientific literature, the content of Article 67.1, included in the Constitution of the Russian Federation in 2020, federal legislation adopted before 2020 and in the development of constitutional amendments, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the understanding of the secular state and freedom of religion are presented; the process of preparing the inclusion of Article 67.1 in the Basic Law and its impact on the preservation and further development of traditional values in Russia is revealed.

Special attention is paid to the analysis of changes in the concept of a secular state, the content of the right to freedom of religion, as well as the consolidation of the rights of parents and persons replacing them with religious upbringing and education of their children. The evolution of the study of theology and other theological sciences in secular universities, as well as the foundations of the constitutional system of Russia in educational organizations of religious organizations is shown.

© Осавелюк А. М., 2024

It is concluded that, it is concluded that the constitutional amendment and updated legislation have created conditions for expanding the possibilities of studying theological disciplines in secular universities and the foundations of the constitutional system of Russia in seminaries, which contributed: significant expansion of the understanding of law, its content and interaction with the norms of religion and morality in regulating social relations; expanding the spheres of interaction of the Church, institutions civil society and the state on the basis of the principle of solidarity.

Keywords: secular state, freedom of religion, theology, religious education

For citation: Osavelyuk A. M. Preparation of the 2020 constitutional amendment on the preservation of traditional values in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):81–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-81-84>. EDN: IKKRWI.

Вводная часть. С включением по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина в Конституцию РФ в 2020 г. ст. 67.1 в отечественной конституционно-правовой науке справедливо обсуждается вопрос о появлении в законодательстве России демократического содержания права на свободу вероисповедания в России [1; 2, с. 92; 3, с. 9; 4, с. 31–50]. Вместе с тем, как нам представляется, не меньшего внимания ученых заслуживает вопрос о том, какие причины привели к включению в Конституцию России указанной статьи. Ведь принятию самой Конституции, а затем включению в нее ст. 67.1 предшествовал почти столетний период, в течение которого безраздельно господствовала официальная идеология марксизма-ленинизма под «руководящей ролью и ядром политической системы — КПСС». Не было ни одного учебного заведения, в котором бы не изучалась марксистско-ленинская философия, а также история КПСС и научный коммунизм и т. д.

Описание проблемы. Вместе с тем, наряду с указанным выше господством в России атеизма, как отмечал Г. В. Мальцев, в орбиту религиозных отношений, их регулирования церковным правом «втянуто множество организаций и лиц, находящихся в пределах территории государства, однако, оно, право церкви, действует и экстерриториально. Каноническая территория Русской Православной Церкви значительно больше территории Российской Федерации...» [1, с. 514].

Другими словами, подспудно, вопреки официальной идеологии созревала, и активно развивалась, ждала проявления своего часа, традиционная вера наших предков, возобновление которой готовилось многими учеными, законодателями и судьями Конституционного Суда Российской Федерации. Об этом свидетельствуют, например, публикации многих известных ученых в области теории права и конституционного права [2; 3; 4; 5, с. 28–34; 6; с. 57–76; 7, с. 13–18].

Постановка задач. В связи с вышеизложенным, считаем необходимым устранить указанную правовую дилемму и сформулировать правовое обоснование позиции, которая предлагает единообразно регулировать текущим законодательством и трактовать содержание указанной статьи Конституции и развивающего ее положения федерального законодательства.

Обоснование методов. Для наиболее полного и эффективного решения поставленных нами задач мы использовали формально-юридический метод для уяснения сути содержания конституционных положений. Для исследования эффективности правового регулирования и реализации отношений в указанной сфере текущим законодательством использовали сравнительно-правовой метод.

Основная часть — решение поставленных задач. В целях решения поставленной задачи были проанализированы основные источники права, посвященные регулированию указанной деятельности: Конституция РФ, Федеральные законы от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.), «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹, от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «Об образовании в Российской Федерации»², Приказ Министра образования и науки России № 49 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 033400 Теология (квалификация (степень) «магистр»)»³, постановления Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 30-П⁴, от 23 сентября 2014 г. № 24-П⁵ и др.

Анализ содержания указанных источников права показал, что в соответствии с изменениями, включенными в 2013 и в 2015 гг. в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» законодательно было расширено понимание свободы вероисповедания и способов ее реализации. В частности, в соответствии с новой редакцией ст. 5 Закона по просьбе родителей и с согласия детей, «обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, на основании решения их коллегиального органа управления могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы»⁶.

¹ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

² СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

³ URL: <https://rg.ru/documents/2014/05/14/magistratura-dok.html>

⁴ СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7324.

⁵ СЗ РФ. 2014. № 40. (Часть III). Ст. 5489.

⁶ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

П. 2 ст. 87 Федерального закона от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹, посвященной особенностям изучения основ духовно-нравственной культуры народов России, особенностям получения теологического и религиозного образования «выбор одного из учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), включенных в основные общеобразовательные программы, осуществляется родителями (законными представителями) обучающихся».

Одним из важнейших изменений, которые были внесены в данный Закон в 2023 г., является расширение определения содержания понятий «воспитание» и «единство обучения и воспитания», направленные на развитие положений новой ст. 67.1 Конституции России и направленных на развитие социокультурных, духовно-нравственных и других ценностей у обучающихся.

Важным в данном контексте является вопрос о преподавании религиозных дисциплин в светских учебных заведениях. С введением с 2020 г. в действие конституционной поправки на всех уровнях публичной власти, в законодательстве и правоприменительной практике появился более демократичный и справедливый подход к пониманию светского государства, активное участие родителей и лиц их заменяющих не только в получении детьми общего среднего образования, что было зафиксировано в ст. 43 Конституции России, но и религиозного образования в государственных и муниципальных образовательных организациях.

Если в 2017 г. отделения теологии существовали примерно в 40 вузах России, то в настоящее время в России более 60 вузов, в том числе более 20 государственных, выдают дипломы бакалавров и магистров теологии.

Соответствующие изменения в указанной сфере произошли и в образовательных организациях Русской Православной Церкви Московского Патриархата. В соответствии с ними в данных образовательных организациях наряду с богословскими учебными предметами преподаются наиболее значимые светские юридические учебные дисциплины. Одной из учебных дисциплин так называемого светского цикла являются основы конституционного строя России. Поскольку основу материала осваиваемого по данной дисциплине составляют принципы, содержащиеся в главе первой Конституции Российской Федерации. Другими словами, принципы, имея высшую юридическую силу, выстраивают иерархию правовых норм, обеспечивая тем самым устойчивый и эффективный правопорядок в отношениях в сфере свободы совести и вероисповедания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что включение ст. 67.1 в Конституцию было подготовлено изменениями законодательства, постановлениями Конституционного Суда РФ и публикациями многих известных ученых. Кроме того, конституционная но-

велла в сочетании с обновленным законодательством позволяет не только уйти от понимания светского государства как чуть ли не синонима атеистическому государству, которое во многом оставалось в России по принятию поправки 2020 г., но и более широкому и демократическому пониманию права на свободу совести и вероисповедания, их реализации.

Заключение.

Таким образом, можно заключить следующее:

- поправка в Конституцию 2020 г. об укреплении традиционных ценностей России была в значительной степени подготовлена изменениями текущего законодательства, правовыми позициями Конституционного Суда РФ и активной позицией многих известных ученых;
- указанные изменения позволяют не только обогатить теоретические знания по основам российской конституции и развить соответствующие практические навыки у обучающихся в духовных образовательных организациях, а у студентов светских образовательных организаций — познания в теологии и других религиозных дисциплин. Кроме того, в целом изменила и существенно расширила наше представление о праве, его содержании и потенциальных возможностях в сфере регулирования социальных отношений;
- существенно расширились сферы взаимодействия Церкви, институтов гражданского общества и государства на основе принципа солидарности, закрепленного, опять-таки, в 2020 г. в ст. 75.1 Конституции Российской Федерации.

Список источников

1. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : СГУ, 2008. С. 514, 515.
2. Бабурин С. Н. Наша цель — достойная жизнь каждого в справедливом обществе при единой государственности народов исторической России. М. : Книжный мир, 2012.
3. Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000.
4. Осавелюк А. М. Государство и церковь. М. : Изд-во РГТЭУ, 2010.
5. Осавелюк А. М. О некоторых проблемах канона в церковном праве // Государство и право. 2015. № 4. С. 28–34.
6. Осавелюк А. М. К вопросу об определении понятия и о месте церковного права в системе права // Право и жизнь. 2015. № 200 (2). С. 57–76.
7. Осавелюк А. М. О роли церковного права в развитии национальных традиций // Актуальные проблемы современного законодательства. 2015. № 3. С. 13–18.

¹ СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

References

1. Mal'tsev G. V. Moral Foundations of Law. M. : Saratov State University, 2008. P. 514, 515.
2. Baburin S. N. Our Goal is a Dignified Life for Everyone in a Just Society with a Single State of the Peoples of Historical Russia. M. : Knizhny Mir, 2012.
3. Mal'tsev G. V. Five Lectures on the Origin and Early Forms of Law and State. M., 2000.
4. Osavelyuk A. M. State and Church. M.: Publishing House of the Russian State Trade and Economic University, 2010.
5. Osavelyuk A. M. On Some Problems of Canon in Church Law // State and Law. 2015. No. 4. P. 28–34.
6. Osavelyuk A. M. On the issue of defining the concept and the place of church law in the legal system // Law and Life. 2015. № 200 (2). P. 57–76.
7. Osavelyuk A. M. On the role of church law in the development of national traditions // Actual problems of modern legislation. 2015. № 3. P. 13–18.

Информация об авторе

А. М. Осавелюк — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. M. Osavelyuk — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Гражданский процесс. Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-85-94>

EDN: <https://elibrary.ru/inrjek>

НИОН: 2003-0059-6/24-196

MOSURED: 77/27-003-2024-06-395

О связи уголовно-процессуальной политики и этнокультуры уголовного судопроизводства

Павел Олегович Панфилов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, panfilov071@mail.ru

Аннотация. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований прослеживается связь уголовно-процессуальной политики и этнокультуры уголовного судопроизводства. На основе анализа зарубежного опыта (как негативного, так и позитивного) реформирования уголовно-процессуальных моделей демонстрируется недопустимость игнорирования этнокультурных особенностей при реализации уголовно-процессуальной политики. Автор делает вывод о том, что этническое разнообразие в пределах многонационального государства является существенным фактором, который усложняет построение эффективных правовых моделей в уголовном судопроизводстве, а также их реализацию на практике. Уголовно-процессуальная политика может быть эффективной только в случае, если уголовно-процессуальные модели обеспечивают необходимый и достаточный уровень правовой определенности, справедливости судебных решений с учетом этнокультурных традиций государствообразующего народа. Предлагается корректировка программных документов, направленных на защиту российских духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, этнокультура, уголовное судопроизводство, духовно-нравственные ценности, справедливость

Для цитирования: Панфилов П. О. О связи уголовно-процессуальной политики и этнокультуры уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 85–94. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-85-94>. EDN: INRJEK.

Original article

On the relationship between criminal procedure policy and the ethnoculture of criminal procedure

Pavel O. Panfilov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, panfilov071@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of domestic and foreign studies, the paper demonstrates the relationship between criminal procedure policy and the ethno-culture of criminal justice. Based on the analysis of foreign experience (both negative and positive) in the reform of criminal procedure models, the inadmissibility of ignoring ethnic and cultural characteristics in the implementation of criminal procedure policy is demonstrated. The author concludes that ethnic diversity within a multinational state is a significant factor that complicates the construction of effective legal models in criminal proceedings, as well as their implementation in practice. A criminal procedure policy can be effective only if criminal procedure models provide the necessary and sufficient level of legal certainty and fairness of judicial decisions, taking into account the ethnocultural traditions of the state-forming people. It is proposed to adjust the program documents aimed at protecting Russian spiritual and moral values.

Keywords: criminal procedure policy, ethnoculture, criminal justice, spiritual and moral values, justice

For citation: Panfilov P. O. On the relationship between criminal procedure policy and the ethnoculture of criminal procedure. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):85–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-85-94>. EDN: INRJEK.

© Панфилов П. О., 2024

Поиск правовых моделей, которые бы способствовали решению задач, стоящих перед обществом и государством, характерен для всех исторических этапов развития социума. Право и государственно-правовые институты в своем становлении впитывали в себя, подобно иным явлениям, определяющую ментальность общественного развития, «определенный характер, свойственный продукту определенной социокультурной среды, данному народу» [13, с. 26].

В связи с этим в теории права выделяют культурологический подход, который в исследованиях связывают с этнокультурными факторами, подлежащими учету как на уровне создания законов, так и на уровне применения норм права [23]. Роль культурологического и этнологического аспекта в уголовной политике в той или иной степени обосновывалась А. Э. Жалинским, А. А. Рёрихт [16, с. 46], А. В. Бриллиантовым [11, с. 36], О. Н. Бибином [10, с. 49], и была точно концептуализирована В. В. Кулыгиным: «эффективность реализации уголовно-правовых запретов и предписаний зависит не столько от таких очевидных факторов, как численность работников правоохранительных органов, уровень их профессиональной подготовки и технической оснащенности, сколько от адекватности этих запретов и предписаний, имеющих архетипичную природу, стандартам поведения, формирующимся в определенной этнокультурной среде на протяжении исторически длительного периода времени» [22, с. 4].

Для правил поведения, которые регулируют уголовно-процессуальные отношения идея, обозначенная В. В. Кулыгиным также справедлива. Так, например, И. Е. Адаменко ставит вопрос о духовно-нравственном содержании уголовного процесса, которое определяется духовно-нравственными основами, заложенными в том или ином обществе, а также обосновывает позицию о том, что на ментальном уровне системообразующим основанием уголовно-процессуальной деятельности являются культура российского народа и дух уголовного судопроизводства, обусловленный духовно-нравственными основами российской общности [7, с. 16]. Масштабируя идею И. Е. Адаменко, следует обратить внимание на совершенно точное замечание Л. В. Головки о том, что наличие исторических, культурных сравнительно-правовых факторов предопределяет уникальность уголовно-процессуальной системы у каждого государства [14, с. 4]. При этом как Л. В. Головка, ссылаясь на Б. Матё [24, с. 74], пишет о том, что единственным носителем легитимности выступает народ [14, с. 449], так и А. В. Победкин применительно к России обращает внимание на то, что уголовное судопроизводство должно в полной мере удовлетворять потребности российского народа [28, с. 31], и

предлагает, ссылаясь на А. В. Агутина, выстраивать общественные отношения и правовую систему на присущих именно России «ценностях», видя в этом единственный эффективный путь возрождения государства [5].

Таким образом, с учетом идей, обозначенных выше исследователями, целесообразна постановка вопроса об этнокультуре уголовного процесса.

Этнокультурные особенности права того или иного государства в науке в целом никем не оспариваются. Как отмечает В. Д. Зорькин: «в каждой ценностной системе есть своя, исторически выстроенная и, как правило, базирующаяся на многовековом религиозном фундаменте (и укорененная в культуре) совокупность морально-нравственных норм. Эта совокупность норм принимается и поддерживается (через семейное и общественное воспитание, образование, общественную и государственную культурную политику) большинством граждан данного государства. А отклонения от этой совокупности норм воспринимаются и отторгаются массовым сознанием как «повреждение нравов. Всегда в человеческой истории правовые нормы по факту только юридически оформляли фундаментальные ценностные и морально-нравственные установки общества, для которого предназначалось законодательство» [17]. Не исключение и нормы уголовно-процессуального права, которые регулируют сферу применения наиболее строгих мер принуждения со стороны государства. В этой сфере «право и правоприменение может быть эффективным лишь в том случае, если закон и норма его юридического толкования созвучны общественным представлениям о справедливости» [18].

Обозначенные тезисы характерны не только для отечественного уголовного судопроизводства, в них отражены идеи, свойственные для уголовного судопроизводства государств по всему миру.

Так, например, американский и хорватский исследователь Мирьян Дамашка, выделяя «иерархическую» (континентальную) и «координационную» (англо-американскую) модели уголовного процесса отмечает в них некоторые особенности уголовно-процессуальной деятельности, обусловленные различными подходами граждан соответствующих государств к пониманию справедливости, правопорядку и закону. Так, исследователь пишет, что из-за различий в структуре органов государственной власти и особенностях организации судопроизводства в англо-американской и континентальной системах права, объективные ролевые ожидания от англо-американских государственных служащих со стороны населения и участников уголовного судопроизводства значительно отличаются от тех, которые сложились в континентальных системах [37, с. 521].

В связи с этим М. Дамашка выделяет некоторые

поведенческие черты¹ уполномоченных должностных лиц при реализации функций, связанных с отправлением правосудия, в странах континентального права: принятие решение в рамках предусмотренных инструкций; отношение к правоприменению как к технической деятельности по выполнению строго определенного алгоритма; при необходимости действовать в условиях неопределенности решение должно быть принято или согласовано с руководителем как можно более высокого уровня и др. [37, с. 507–508]. В свою очередь в англо-американской системе, пишет М. Дамашка, идеальное должностное лицо — это не столько профессиональный эксперт, сколько «мудрый специалист по решению проблем, в соответствии с ценностями общества» [37, с. 532–539].

Некоторые обозначенные черты континентальной системы отечественные исследователи находят в российской юрисдикции. Так, о проблемах буквального толкования закона и негативных последствиях отрицания возможности применения уголовно-процессуального закона по аналогии пишет А. В. Победкин [27, с. 19]. На перегруженность уголовно-процессуального закона «техническими правилами» указывает С. Б. Россинский [31, с. 44].

При этом различие англо-американской и континентальной модели уголовного процесса М. Дамашка выстраивает на идеологическом уровне, обращая внимание на то, что в основе англо-американской модели лежит концепция классического английского либерализма, для которого характерны идеи о том, что общество лучше обходится без государства, которое может вмешиваться в общественные отношения исключительно в период кризисов. В континентальной системе власть распределялась по горизонтали (в уголовном процессе это суд, прокурор, следователь), а в англо-американской системе это децентрализация и распределение власти еще и по вертикали, возможность принятия значимых процессуальных решений обвиняемым (например, сделка с правосудием, возможность защищать себя самого, принятие решение о суде присяжных и т. д.). Предполагается, что обвиняемый знает, что для него лучше, в связи с этим ни одно должностное лицо не имеет права навязывать ему свои взгляды [37, с. 532–539] (в том числе, например, назначить защитника, если обвиняемый от него отказался). Обозначенные различия на идеологическом уровне фактически предопределяют сложности, кото-

¹ Эти черты, по его мнению, начинают формироваться при получении юридического образования и подготовке к занятию той или иной должности в сфере правосудия. М. Дамашка приводит в пример систему образования в США, где изучение системы и содержания различных отраслей права не осуществляется ввиду того, что такая деятельность признается не имеющей отношения к реальным практическим проблемам и имеет сомнительную ценность. Вместо этого обучающиеся в ходе занятий обсуждают политические вопросы, прилагая мысленные усилия для их решения под руководством специалиста [37, с. 521–523].

рые могут возникнуть при распределении власти по вертикали в государствах континентальной модели. Так, о проблемах, которые возникают при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, отказе обвиняемым от защитника и принятии решения о рассмотрении дела в суде присяжных, написан не один десяток исследований разного уровня.

На идеологическую полярность англо-американских и континентальных правовых моделей, обусловленную особенностями различных этнокультурных ценностей, в них заложенных, обращает внимание британский исследователь Р. Воглер, который не считает совпадением, что Англия как «первая индустриальная нация» стала первой, где появилась и начала развиваться состязательная модель уголовного процесса в период «коммерциализации» общественных отношений, в том числе в сфере уголовного судопроизводства [39, с. 144].

Идея о том, что правовые системы государств, в условиях различных способов организации системы государственного аппарата, политического устройства, а также господствующей идеологии, отличаются друг от друга, конечно, не нова. Так, в 1905 г. Адемар Эсмен предложил разделить «первоначальные правовые системы» на романскую (французскую), германскую, англосаксонскую, славянскую и исламские семьи [34]. Современные авторы на основе классификаций М. Мальмстрёма, К. Цвайггерта, Х. Кётца, Р. Давида выделяют романскую, германскую, скандинавскую правовые семьи, а также семью общего права, исламского права, индусского права, социалистического права и другие [25, с. 75].

Между тем, как верно отвечают и российские и зарубежные исследователи, основная проблема большинства этих классификаций заключается в том, что они основаны на анализе особенностей позитивного права, не учитывают реальную правоприменительную практику, касаются исключительно частного права, а также имеют явную западоцентричность [39, с. 4] (например, все постсоветские государства «скопом» введены в романо-германский тип правовых семей без учета протекающих в них уже более 30 лет процессов [25, с. 76]). Не лишены тех же недостатков и попытки классифицировать типы национальных уголовно-процессуальных систем на французскую, германскую, английскую и шариатскую (мусульманскую) [20, с. 193; 32, с. 13–17].

Нельзя не согласиться с Р. Воглером в суждении о том, что не существует универсального глобального шаблона для процедуры уголовного правосудия. Хотя задачи уголовного процесса во всех государствах в основном одинаковы, способы их решения настолько разнообразны и функционально отличаются друг от друга, что не поддаются универсальной классификации [39, с. 4]. Это разнообразие обусловлено не только

политической целесообразностью, уровнем развития правовой науки или действующим политическим режимом, многое предопределено и этнокультурными особенностями сообщества, проживающего на территории того или иного государства.

Объективная реальность и общественно-политические процессы, происходящие в различных государствах, прямо демонстрируют, что игнорирование этнокультурных особенностей при реализации уголовно-процессуальной политики становится причиной невозможности обеспечить решение задач уголовно-процессуальной деятельности, формирования недоверия граждан к органам государственной власти, а также государственных переворотов, революционной смены правительств и политических режимов.

Западноевропейские государства уже длительное время используют уголовный процесс и правосудие как инструмент внешней политики в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке, однако не всегда успешно, что обусловлено игнорированием этнонациональных представлений об устройстве системы правосудия.

Так, например, Агентство США по международному развитию (USAID), деятельность которого в России запрещена с 1 октября 2012 г. [19], реализует проекты по продвижению американских ценностей на территории Латинской Америки. Результатом политики данного Агентства стали реформы по переходу к состязательному процессу в Чили, Венесуэле, Никарагуа и других государствах. Между тем, реализуемая в конце 90-ых годов политика USAID по принятию и опубликованию нового УПК Сальвадора, который должен был обеспечить закрепление процессуальных гарантий прав и свобод граждан в рамках состязательного процесса, вызвала неприятие со стороны должностных лиц органов полиции и прокуратуры. В результате реформы уголовного процесса правоохранительные органы Сальвадора не могли принимать эффективные меры по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, что привело к росту преступности [39, с. 172–174].

Как отмечают зарубежные исследователи, процесс реформ происходил в Латинской Америке слишком быстро, в результате не было уделено внимание глубоким культурным преобразованиям, которые требуются в условиях такого перехода для государств, где опыт состязательного правосудия отсутствовал. Это привело к тому, что население и должностные лица правоохранительных органов встречали новые правила враждебно, игнорировали их [39, с. 172–174].

Однако еще более серьезные сложности наблюдаются в соотношении уголовно-процессуальной политики западноевропейских государств и этнокультурных особенностей в странах шариата.

Особенность норм шариата состоит в регулировании им всех аспектов общественной жизни, в свя-

зи с этим реализация западноевропейских моделей в судопроизводстве, неизбежно влекла аксиологические конфликты. Как отмечается в зарубежной юридической литературе, период модернизационных реформ середины XIX века (период Танзимата) в Османской империи¹, вызывал глубокое недовольство среди мусульман, поскольку он шел вразрез с их ценностями и мировоззренческими установками, постулируемыми в нормах шариата [38, с. 279–291; 39, с. 116–117].

За более чем вековую историю реализации западными государствами уголовно-процессуальной политики на Ближнем Востоке некоторые зарубежные исследователи предсказывали исчезновение исламского права по всему миру [36, с. 1193]. Однако данные прогнозы не оправдались, возрождение исламской оппозиции в 1970-ых гг. привело к развитию правосудия на основе норм шариата, которое на этнокультурном уровне представлялось населению символом свободы, процветания и приверженности истинному исламу [39, с. 120]. В данном случае векторы, которые столкнулись: политическая целесообразность (вытеснение положений закона в угоду экономических интересов или политической ситуации) и этнокультура уголовного процесса (ценности и модели, принятые в обществе, нашедшие отражения в нормах шариата).

Таким образом, замещение этнокультурных традиций в уголовном процессе на инородные, не исключает возникновение тенденций, связанных с обратным процессом по борьбе за статус-кво соответствующих этнокультурных традиций, а в некотором роде является их триггером.

Особая роль использования этнокультурных особенностей уголовного судопроизводства при реализации политических целей в практической плоскости была продемонстрирована движением «Талибан»². Благодаря правильно выстроенной системе правосудия, продвигая «традиционные исламские ценности» и противопоставляя себя Западу [33], движение с середины 90-ых годов прошлого века до 2021 года прошло путь от группировки, не превышающей по численности двух тысяч человек, до установления контроля над всем Афганистаном [35, с. 11].

Как отмечает французский исследователь Адам Бачко, талибы использовали правосудие и закон в ка-

¹ Был обусловлен развитием торгово-экономических связей Османской империи с европейскими государствами и включал в себя реформирование правосудия на началах «справедливого и публичного судебного разбирательства дел в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях, а также равенства представителей всех религий в применении этих законов».

² Запрещенная в России террористическая организация. Между тем, официальный представитель МИД России заявила, что Россия собирается развивать сотрудничество с Афганистаном, где у власти находится признанное в России террористическим и запрещенное движение «Талибан», но для этого необходимо снять с движения соответствующий статус. Закон, который вводит механизм исключения организаций из списка террористических по состоянию на 17 декабря 2024 г. принят Государственной Думой, см. об этом [15].

честве ресурса в конфликте с превосходящими в военном и технологическом отношении странами Запада.

В части этнокультурных особенностей суды талибов опирались на законы шариата и правила взаимодействия в сельской общине, которые были распространены на процедурные правила судебного разбирательства (распределение мест в зале суда в соответствии со статусом, сидение на подушках, особенности речи, отсутствие юридического представительства) [35, с. 220].

Во-первых, в сельской местности большинство населения, получали базовое образование, учась в медресе¹ и, следовательно, имели некоторое представление об исламском праве.

Во-вторых, хотя правительственные судьи также выносили решения на основе исламского права, при рассмотрении дел и принятии процессуальных решений регулярно обращались к теоретико-правовым конструкциям ханафитской школы (ст. 130 Конституции Афганистана 2004 года), однако особенности этого права были неясны населению, две трети которого были неграмотными. Осуществление правосудия на основе законов шариата сделало лояльными к талибам даже тех, кто был против данного движения [35, с. 218–220].

В-третьих, талибы учитывали мультинациональный состав населения Афганистана и обеспечили многонациональный состав судей, назначив в северные провинции узбекских, таджикских и туркменских судей, которые опирались при отправлении правосудия на религиозных лидеров из различных этнических групп [35, с. 230].

Таким образом, политика талибов в сфере правосудия была успешной, поскольку удалось обеспечить необходимый уровень правовой определенности и справедливости судебных решений с учетом этнокультурных традиций полиэтнического афганского народа.

Обозначенные примеры, позволяют констатировать, что этнокультура уголовного процесса создается не уголовно-процессуальной политикой, а теми ценностями и мировоззренческими установками, которые существуют в этносе. Этнокультурные установки менее восприимчивы к изменениям, характеризуются повышенным уровнем неприятия к их нарушениям, а их закрепление происходит не на уровне закона, а на уровне общественного сознания. Ю. М. Антонян обращает внимание на то, что «...национальный характер связан с историческим, в том числе бессознательным коллективным опытом, иногда тысячелетним ... Такой характер стабилен, более того, он весьма консервативен, не очень пластичен, плохо приспосабливается к новым условиям...» [9, с. 107]. В связи с этим уголов-

но-процессуальная политика должна выстраиваться с учетом этнокультурных представлений общества о формах и методах справедливого рассмотрения и разрешения уголовных дел, эффективного противодействия преступности.

Обозначенный тезис касается и уголовно-процессуальной политики реализуемой в Российской Федерации. Этнокультурная составляющая уголовного процесса при реализации уголовно-процессуальной политики была недооценена в советский период, что подтверждается отсутствием среди ее элементов, называемых в исследованиях того периода [8; 12, с. 19], этнокультурного компонента. В связи с этим неудивительно, что и в Концепции судебной реформы [4] ее авторы пренебрегли связью с этнокультурными особенностями народа, его духовно-нравственными ценностями, за что и подвергаются обоснованной критике [28, с. 30].

И. Е. Адаменко, обосновывая неэффективность действующего уголовно-процессуального регулирования, приводит следующий тезис: американская доктрина уголовно-процессуальной деятельности отдает предпочтение не правовым, а духовно-нравственным основаниям американского народа в рамках протестантской культуры. Они образуют фундамент доктрины прав личности. Именно доктрина прав личности представляет собой мировоззренческий уровень духовно-нравственных оснований уголовно-процессуальной деятельности в американском обществе. В этом смысле она является видимой (осознаваемой) частью социокультурной системы, а ее невидимой частью — менталитет американского народа [7, с. 16].

Таким образом, перенос в отечественную доктрину элементов зарубежных уголовно-процессуальных доктрин (а значит и зарубежных духовно-нравственных ценностей) приводит к неэффективности отечественной правовой модели.

Следует отметить, что данная проблема появилась в отечественном уголовном процессе «не сегодня и не вчера». Проблемы этнокультуры отечественного уголовного процесса поднимались в трудах А. Ф. Кони. Еще в 1924 г. он обращал внимание на то, что при заимствовании с Запада института государственных обвинителей составители Судебных уставов стояли перед трудной задачей создания должностного лица, действующего в обстановке публичного столкновения и обмена убежденных взглядов. При этом ни один из типов государственного обвинителя, существовавших на тот момент во Франции, Германии и Англии для русского уголовного судопроизводства, по обоснованному мнению А. Ф. Кони, не подходил: немецкий прокурор того времени был, в сущности, докладчиком тщательно составленной записки, в которой мертвая догматика часто занимала место красноречивого голоса жизни; речь английского обвинителя не подходила в силу особенностей процедуры, поскольку была

¹ Учебное заведение, которое выполняет функцию средней общеобразовательной школы.

разделена целым перекрестным допросом на две отдельные и независимые одна от другой части, причем в первой обвинитель говорил о том, что он будет доказывать, а во второй делал выводы из того, что он, по его мнению, доказал на судебном следствии; для французского прокурора была свойственна приподнятая фразеология и полемический задор, которые не подходили природе русского человека, участие же французского прокурора в судебных прениях зачастую превращалась в запальчивую травлю подсудимого [21, с. 7–8].

Основные черты слагавшегося русского типа обвинителя, по мнению А. Ф. Кони, были: спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приемов обвинения, чуждая и возбуждению страстей, и искажению данных дела, и, наконец, что весьма важно, полное отсутствие лицедейства в голосе, в жесте и в способе держать себя на суде, а также простота языка, свободного от вычурности. Этой характеристике вторили и составители Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — Устав), которые в наставлении прокурору указывали, что в речи своей он не должен ни представлять дел в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого; ни преувеличивать значение доказательств и улики или важности преступления. Прокурор приглашался сказать свое слово даже в опровержение обстоятельств, казавшихся, при предании суду, сложившимися против подсудимого, причем в оценке и взвешивании доказательств он вовсе не был стеснен целями обвинения [21, с. 7–8].

Современному законодателю в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств поступить в соответствии с положительным примером составителей Устава не удалось, в связи с этим на повестке — острая необходимость выработки форм насыщения уголовного судопроизводства традиционными отечественными духовно-нравственными ценностями [27, с. 19], которые составляют основу этнокультуры уголовного процесса.

Однако возникает обоснованный вопрос относительно системы этих ценностей [27, с. 19], сложности формирования которой обусловлены этнокультурным многообразием государства. Носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ Российской Федерации (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ). С учетом приведенных в начале данного исследования позиций Л. В. Головки, Б. Матё, А. В. Победкина, легитимность уголовного процесса может быть обеспечена только в случае воплощения в уголовном процессе ценностей, поддерживаемых всем *многонациональным* (курсив — авт.) народом. Этническое разнообразие в пределах многонационального государства обуславливает определенную сложность

построения правовых моделей, по которым должны жить граждане одной страны. Не является исключением уголовное судопроизводство, где возможности применения мер государственного принуждения, существенно ограничивающих базовые права и свободы, лишь обостряют проблемы вызываемые полиэтничностью.

С такими сложностями при построении правовых моделей в сфере уголовного судопроизводства не сталкиваются ни Великобритания, ни Франция, ни Германия, ни даже США. Президент Российской Федерации В. В. Путин еще в 2012 г. совершенно точно отмечал, что «Историческая Россия — не этническое государство и не американский «плавильный котел», где, в общем-то, все так или иначе — мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство, в котором создавались условия и возможности для развития всех народов и этносов ... Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации — русский народ, русская культура ...» [30]. Проявлением слов Президента России в праве выступает, например, государственный язык Российской Федерации [1], которым на всей многонациональной территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ). В Стратегии государственной национальной политики [2] ставится знак равенства между многонациональным народом и российской нацией, традиционные духовно-нравственные ценности которой закреплены в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3].

Среди этих ценностей, есть и те, которые, безусловно, образуют этнокультуру уголовного процесса России, в том или ином виде, их пока еще можно найти в действующем уголовно-процессуальном законе: жизнь, достоинство, права и свободы человека, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений.

Так, например, легитимность уголовного судопроизводства, обеспечение которой в настоящее время приобретает особую значимость, определяется прежде всего ощущением жителями страны справедливости производства по уголовным делам [27, с. 23–24]. Именно к «дефициту демократической легитимности» [14, с. 454] может привести игнорирование данной ценности. Об опасности такого дефицита для существования государства прямо предостерегает Л. В. Головки [14, с. 454], а соответствующие жизнен-

ные примеры, подтверждающие эту опасность, приведены были выше.

А. В. Победкин верно пишет, что справедливость требует публичности — правильного установления обстоятельств по уголовному делу, выявления виновных, привлечения их к ответственности, обеспечения прав и законных интересов личности, а также указывает, что игнорирование публичности в уголовном процессе не может быть справедливым [27, с. 25]. В этой части следует отметить, что справедливость может быть и личной (при разрешении правового конфликта между отдельными субъектами правоотношений), которая «имеет право» с публичной не совпадать и даже ей противоречить. Именно во имя личной, а не публичной справедливости в уголовном судопроизводстве существуют такие фискальные процессуальные институты как прекращение уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ), прекращение уголовного преследования в связи с возмещением вреда (ст. 28.1 УПК РФ) [26, с. 199]. В этой связи нельзя не согласиться с тезисом о том, что современный уголовный процесс страдает от концептуального противоречия между традиционными отечественными духовно-нравственными ценностями (среди которых справедливость, приоритет духовного над материальным, коллективизм и др.) и сущностной характеристикой общественных отношений в капиталистическом обществе (власть материального, индивидуализм, максимальное удешевление как самоцель, приоритет личного над общественным и т. д.) [27, с. 21—22].

Несмотря на наличие обозначенных проблем и закрепление в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей справедливости как составляющей традиционных ценностей, в числе направлений решения проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей (п. 19 Основ) совершенствование системы правовых основ отправления правосудия не указывается, что, представляется, значительным упущением в контексте продемонстрированной значимости выстраивания уголовно-процессуальной политики с учетом этнокультурных особенностей уголовного судопроизводства.

В качестве выводов обозначим следующее.

Этнопольтура уголовного процесса определяется ценностями и мировоззренческими установками, которые формировались исторически в границах нации или этноса, закреплены в обычаях и традициях либо на уровне общественного сознания, характеризуются стабильностью, невосприимчивостью к попыткам их изменения, повышенным уровнем неприятия к их нарушению в обществе.

Идеологические отличия англо-американской и континентальной систем организации уголовного судопроизводства, обусловленные особенностями различных этнокультурных ценностей, определяют проблемы, которые могут возникнуть при переносе отдельных процессуальных механизмов между государствами, относящимися к различным системам.

Игнорирование этнокультурных особенностей при реализации уголовно-процессуальной политики приводит к невозможности правоохранительных органов обеспечить решение задач уголовно-процессуальной деятельности, формирует недоверие граждан к правосудию, способствует революционной смене правительств и политических режимов.

Замещение этнокультурных традиций в уголовном процессе на инородные, не исключает возникновение тенденций, связанных с обратным процессом по борьбе за статус-кво соответствующих этнокультурных традиций, а в некотором роде является их триггером.

Этническое разнообразие в пределах многонационального государства является существенным фактором, который усложняет построение эффективных правовых моделей в уголовном судопроизводстве, а также их реализацию на практике.

Уголовно-процессуальная политика может быть эффективной только в случае, если уголовно-процессуальные модели обеспечивают необходимый и достаточный уровень правовой определенности, справедливости судебных решений с учетом этнокультурных традиций государствообразующего народа.

В число способов обеспечения российских духовно-нравственных ценностей необходимо включить совершенствование системы правовых основ отправления правосудия по уголовным делам, что и отразить в соответствующих программных документах.

Список источников

1. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации» // Российская газета. № 120. 7 июня 2005 г.
2. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 24 декабря 2012 г. № 52. Ст. 7477.
3. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14 ноября 2022 г. № 46. Ст. 7977.

4. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31 октября 1991 г. № 44. Ст. 1435.
5. Агутин А. В. К вопросу о внешних условиях формирования мотивации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 71–76.
6. Агутин А. В. Ценностно-смысловое ядро и либеральное мировоззрение российского уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 46–52.
7. Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018.
8. Алексеев Н. С., Даев В. Г. Уголовно-процессуальная политика Советского государства на современном этапе // Правоведение. 1977. № 5. С. 97–104.
9. Антонян Ю. М. Психология терроризма // Научный портал МВД России. 2012. № 3(19). С. 106–110.
10. Бибик О. Н. Культурологический подход к исследованию права и государства // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 43–51.
11. Бриллиантов А. В. Изменения законодательства о наказании // Российская юстиция. 2004. № 5. С. 35–40.
12. Владимиров В. А., Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. М, 1979.
13. Володина Л. М. Проблемы организации и функционирования судебной власти // Администратор суда. 2006. № 1. С. 25–29.
14. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М. : Издательский Дом «Городец», 2022.
15. Госдума приняла закон о возможности отмены запрета «Талибана». РБК // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6761652c9a794719c4886b26>
16. Жалинский А. Э., Рёрихт А. А. Введение в немецкое право. М., 2001.
17. Зорькин В. Д. Право против хаоса // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=73>
18. Зорькин В. Д. Право силы и сила права // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=71>
19. Комментарий официального представителя МИД России А. К. Лукашевича о прекращении деятельности в Российской Федерации Агентства США по международному развитию (USAID). Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1625294/
20. Козьявин А. А. Основы теории социального назначения и функций уголовного процесса: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 03090068 «Юриспруденция». Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013.
21. Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры (из воспоминаний судебного деятеля). Петроград, 1924.
22. Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2003.
23. Куприянова А. В. К вопросу о культурологическом подходе к изучению права // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 10. С. 3–8.
24. Матьё Б. Право против демократии? М., 2021.
25. Оксамытный В. В. Сравнительное правоведение: учебник. М. : КНОРУС, 2023.
26. Панфилов П. О., Шишов В. В. Взаимообеспечение и противостояние частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 196–201.
27. Победкин А. В. Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1(69). С. 17–27.
28. Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства: монография. М. : Юрлитинформ, 2024.
29. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. М. : Юрлитинформ, 2013.
30. Путин В. В. Россия: Национальный вопрос» // Независимая газета. 2012 // URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
31. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России. 2021. № 6. С. 42–47.
32. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб. : Альфа, 2001.
33. Что такое «Талибан»? История возникновения исламистской организации. РБК // URL: <https://www.rbc.ru/base/31/10/2024/672366c49a7947441edb5746>
34. Эсмен А. Основные начала государственного права / соч. А. Эсмена; пер. с фр. Н. Кончев-

- ской; под ред. и с предисл. М. М. Ковалевского. М. : К. Т. Солдатенков, 1898-1899.
35. Baczko Adam. *The Taliban Courts in Afghanistan: Waging War by Law* (Translated by Henry W. Randolph). Oxford, 2023.
 36. Bonderman D. *Modernization and Changing Perspectives in Islamic Law* // *Harvard Law Review*. № 81(6). 1968.
 37. Damaška Mirjan. *Structures of Authority and Comparative Criminal Procedure* // *The Yale Law Journal*. 1976. Vol. 84: 480.
 38. Mardin E. *The Development of the Shari'a under the Ottoman Empire*, in Khadduri M. and Liebesny H. (eds) *Law in the Middle East*. Washington, Middle East Institute, 1955.
 39. Vogler Richard. *A World View of Criminal Justice*. Ashgate, 2006.

References

1. Federal Law № 53-FZ of June 1, 2005 (as amended on 28.02.2023) «On the State Language of the Russian Federation» // *Rossiyskaya Gazeta*. № 120. June 7, 2005.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012. № 1666 (as amended on 15.01.2024) «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. December 24, 2012. № 52. Art. 7477.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 № 809 «On approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. November 14, 2022. № 46. Art. 7977.
4. Resolution of the Supreme Council of the RSFSR dated October 24, 1991 № 1801-1 «On the Concept of judicial reform in the RSFSR» // *Vedomosti of the Council of People's Commissars and the Supreme Council of the RSFSR*. October 31, 1991. № 44. Art. 1435.
5. Agutin A. V. *On the issue of external conditions for the formation of motivation in the implementation of criminal procedural activities* // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. № 2. P. 71–76.
6. Agutin A. V. *The value-semantic core and the liberal worldview of Russian criminal justice* // *Bulletin of Economic Security*. 2019. № 1. P. 46–52.
7. Adamenko I. E. *Criminal procedural activity: system-forming foundations and components: abstract of the diss. ... doct. legal sciences*. Nizhny Novgorod, 2018.
8. Alekseev N. S., Daev V. G. *Criminal procedural policy of the Soviet state at the present stage* // *Jurisprudence*. 1977. № 5. P. 97–104.
9. Antonyan Yu. M. *Psychology of terrorism* // *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. № 3(19). P. 106–110.
10. Bibik O. N. *Cultural approach to the study of law and the state* // *Journal of Russian Law*. 2009. № 5. P. 43–51.
11. Brilliantov A. V. *Changes in legislation on punishment* // *The Russian justice system*. 2004. № 5. P. 35–40.
12. Vladimirov V. A., Lyapunov Yu. I. *Soviet criminal policy and its reflection in current legislation*. Moscow, 1979.
13. Volodina L. M. *Problems of the organization and functioning of judicial power* // *Court administrator*. 2006. № 1. P. 25–29.
14. Golovko L. V. *The state and its criminal proceedings: a monograph*. Moscow: Gorodets Publishing House, 2022.
15. *The State Duma adopted a law on the possibility of lifting the ban on the Taliban*. RBC // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6761652c9a794719c4886b26>
16. Zhalinsky A. E., Roerich A. A. *Introduction to German law*. Moscow, 2001.
17. Zorkin V. D. *The right of ownership* // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=73>
18. Zorkin V. D. *The law of force and the force of law* // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=71>
19. *Comment by the official representative of the Russian Foreign Ministry, A. K. Lukashevich, on the termination of the activities of the United States Agency for International Development (USAID) in the Russian Federation*. The official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1625294/
20. Kozyavin A. A. *Fundamentals of the theory of social purpose and functions of the criminal process: a textbook for students studying in the field of training 03090068 «Jurisprudence»*. South-Western State University. Kursk, 2013.
21. Koni A. F. *Techniques and tasks of the prosecutor's office (from the memoirs of a judicial figure)*. Petrograd, 1924.
22. Kulygin V. V. *Ethnoculture of criminal law : abstract of the diss. ... doct. of legal sciences*. Far Eastern State University. Vladivostok, 2003.
23. Kupriyanova A. V. *On the issue of a culturological*

- approach to the study of law // State power and local self-government. 2016. № 10. P. 3–8.
24. Mathieu B. Is law against democracy? Moscow, 2021.
 25. Oxamytny V. V. Comparative jurisprudence: textbook. Moscow : KNORUS, 2023.
 26. Panfilov P. O., Shishov V. V. Mutual support and confrontation of private and public interests during release from criminal liability // Bulletin of Economic Security. 2021. № 2. P. 196–201.
 27. Pobedkin A. V. Justice of criminal proceedings as a condition of its legitimacy // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1(69). P. 17–27.
 28. Pobedkin A. V. The main provisions of the Criminal Procedure Code of Russia as a system of guarantees for the publicity of criminal proceedings: monograph. Moscow : Yurlitinform, 2024.
 29. Pobedkin A. V. Criminal procedure: a state outside the law: a monograph. Moscow : Yurlitinform, 2013.
 30. Putin V. V. Russia: The National Question // Nezavisimaya Gazeta. 2012 // URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
 31. Rossinsky S. B. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the embodiment of the «high» purpose of the criminal procedure form or a «memo» for illiterate law enforcement officers? // Laws of Russia. 2021. № 6. P. 42–47.
 32. Smirnov A. V. The adversarial process. St. Petersburg: Alpha, 2001.
 33. What is the Taliban? The history of the Islamist organization. RBC // URL: <https://www.rbc.ru/base/31/10/2024/672366c49a7947441edb5746>
 34. Esmen A. The basic principles of state law / op. by A. Esmen ; translated from French by N. Konchevskaya ; ed. and with a preface by M. M. Kovalevsky. Moscow : K. T. Soldatenkov, 1898–1899.
 35. Adam Bachko. Taliban trials in Afghanistan: Waging War according to the Law (translated by Henry W. Randolph). Oxford, 2023.
 36. Bonderman D. Modernization and changing perspectives in Islamic law // Harvard Law Review. № 81(6). 1968.
 37. Lady Miryan. Power structures and comparative criminal procedure // Yale Law Journal. 1976. Volume 84: 480.
 38. Mardin E. The development of Sharia in the Ottoman Empire, in the book by Khadduri M. and Libesni H. «Law in the Middle East» (ed.). Washington, Middle East Institute, 1955.
 39. Vogler Richard. The worldview of criminal justice. Ashgate, 2006.

Информация об авторе

П. О. Панфилов — доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

P. O. Panfilov — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-95-101>

EDN: <https://elibrary.ru/ialrsc>

НИОН: 2003-0059-6/24-197

MOSURED: 77/27-003-2024-06-396

Доказывание как основная гарантия обеспечения законности в уголовном судопроизводстве

Александр Викторович Победкин

Академия управления МВД России, Москва, Россия, apobedkin71@mail.ru

Аннотация. Рассматривается значение полноценного доказывания для обеспечения режима законности уголовного судопроизводства и, как следствие, его легитимности. Подчеркивается, что легитимность уголовного судопроизводства обеспечивается доверием населения к его результатам и властным участникам. Само по себе соблюдение требований закона легитимность не обеспечивает. Мало того, процессуальная форма, лишенная процессуальных гарантий, не стимулирует строгое следование правоприменителем нормативным предписаниям. Основным содержанием уголовного судопроизводства является доказывание, которое в первую очередь должно быть обеспечено гарантиями как правосудия, так и защиты прав и законных интересов участников судопроизводства. Обосновывается вывод, согласно которому снижение уровня уголовно-процессуальных гарантий, традиционно свойственных доказыванию, прослеживаемое в отечественном судопроизводстве, отрицательно сказывается на режиме законности.

Ключевые слова: принцип законности, легитимность уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное доказывание, процесс доказывания, процессуальные гарантии

Для цитирования: Победкин А. В. Доказывание как основная гарантия обеспечения законности в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 95–101. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-95-101>. EDN: IALRSC.

Original article

Evidence as the main guarantee of ensuring legality in criminal proceedings

Alexander V. Pobedkin

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, apobedkin71@mail.ru

Abstract. The importance of full-fledged evidence for ensuring the regime of legality of criminal proceedings and, as a consequence, its legitimacy is considered. It is emphasized that the legitimacy of criminal proceedings is ensured by public confidence in its results and power participants. Compliance with the requirements of the law alone does not ensure legitimacy. Moreover, the procedural form, deprived of procedural guarantees, does not stimulate the strict adherence of law enforcers to normative prescriptions. The main content of criminal proceedings is the proof, which, first of all, should be provided with guarantees of both justice and protection of rights and legitimate interests of participants of proceedings. The conclusion is substantiated, according to which the decrease in the level of criminal procedural guarantees, traditionally inherent in proving, traced in domestic proceedings, adversely affects the regime of legality.

Keywords: principle of legality, legitimacy of criminal proceedings, criminal procedural proof, process of proof, procedural guarantees

For citation: Pobedkin A. V. Evidence as the main guarantee of ensuring legality in criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):95–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-95-101>. EDN: IALRSC.

© Победкин А. В., 2024

Легитимность уголовного судопроизводства в любой стране определяется доверием населения к органам, его осуществляющим, и результатам. Обеспечение такого доверия в современной России — ключевая задача [1, с. 17–27]. Резервы положительно влияния на уровень доверия жителей страны к уголовному судопроизводству за счет технических новаций, организационных мероприятий, судя по всему, практически исчерпаны [2, с. 67–74]. Тем более изначально упречны попытки решить организационные проблемы за счет процессуальной формы, наращивая тенденцию к ее упрощению. Очевидно, что отказ от формальностей, не несущих нагрузки процессуальных гарантий, заслуживает одобрения. Однако процессуальные гарантии — традиционная ценность отечественного уголовного процесса, они кристаллизовались не только посредством правоприменительной практики, которая, как известно, в нашей стране на определенных этапах зачастую имела мало общего с социальным назначением отечественного уголовного судопроизводства, но и через глубокие и качественные научные исследования, которые во многом и стали реакцией научного сообщества на игнорирование процессуальных гарантий в период репрессий. В 60–70-х гг. XX в. в науке советского уголовного процесса активно исследуются проблемы правового положения личности, процессуальных гарантий как правосудия так и обеспечения прав человека, статуса отдельных участников судопроизводства [3; 4; 5; 6].

В УПК РСФСР 1960 г. удалось добиться едва ли не образцовой сбалансированности процессуальных гарантий различных видов. Этот советский кодекс сочетал и новые подходы к процессуальным гарантиям как ценности, и традиционное отношение населения страны к корневым духовно-нравственным ценностям — справедливости, истине, коллективизму, гуманности, гласности, ответственности судей перед населением и др. Конечно, относительно длительный период его применения объясняется не только этим, но и этим тоже. Законность как режим строгого следования требованиям норм права (о чем, как ни странно, в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) умалчивается) сама по себе не способна обеспечить легитимность, если процессуальная форма утрачивает свойство носителя социально одобряемых ценностей и превращается в формальную процедуру, не только не насыщенную необходимыми гарантиями, но и ориентированную на идеи, не свойственные российскому менталитету. Соблюдение требований бездушного, исключительно инструктивного закона [7, с. 101–111; 8, с. 42–47] — законность, которая не воспитывает, а напротив, вызывает раздражение населения, формирует отношение к должностным лицам, ведущим процесс, как к представителям чуждой корпорации.

К соблюдению требований закона должностными

лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, сегодня, действительно, можно предъявить претензии. Причин тому несколько. Некоторые авторы, склоняющиеся к апологетизации содержания УПК РФ, основную причину видят в том, что правоприменитель не принял охранительный смысл уголовного процесса, заложенный, прежде всего, в его назначении (ст. 6 УПК РФ) [9, с. 84–93]¹. Вряд ли с такой аргументацией можно согласиться. Основная причина многочисленных нарушений уголовно-процессуального закона — в еще развитом правовом нигилизме, непонимании правоприменителем значения процессуальной формы. К сожалению «правовой барьер» еще предстоит преодолеть [11]. Вместе с тем, серьезной причиной является и сама процессуальная форма, та недостаточная требовательность, которая предъявляется ею к правоприменителю.

Закон, в котором последовательно снижается уровень гарантий, неизбежно оказывает негативное влияние на осознание их важности должностными лицами, применяющими такой закон. Нигилистическое отношение к закону в такой ситуации провоцируется самим законом, который, напротив, должен выполнять и воспитательную функцию. Применительно к УПК РФ положение усугубляется и тем, что ряд упрощений, которым оказались подвергнуты процессуальные процедуры, оказались вызванными даже не организационными причинами, а идейными соображениями западного толка, которым не легко прижиться в стране, веками жившей другими ценностями. Многие из них составляли ядро доказывания и в советском уголовном процессе второй половины XX в.

В отечественной доктрине как дореволюционного, так и советского периодов в качестве основного содержания уголовного процесса обосновывалось уголовно-процессуальное доказывание, учение о котором достигло высшей точки развития в 60–80 гг. прошлого века [12].

Необходимость правильного установления обстоятельств по уголовному делу, как основное условие справедливости, как кульминация законности представлялась само собой разумеющейся. Именно на такое установление (которое в УПК РСФСР 1960 г. называлось достижением истины, вызвавшей отторжение специалистов-разработчиков УПК РФ) было ориентировано подавляющее большинство уголовно-процессуальных институтов. Именно эта идея цементировала систему процессуальных гарантий, включавших не только средства правильного познания, но и обеспечения прав личности, большинство из которых одновременно служили и установлению истины. Причины нарушений прав человека должностными

¹ В данной статье признается, что УПК РФ принимался на волне либерализма, однако отрицается, что на его содержание оказано внешнее влияние [9, с. 87]. Однако консультирование Американской ассоциации юристов разработчиков УПК не отрицается даже ими [10, с. 34–46].

лицами, осуществляющими уголовный процесс вовсе не в стремлении к истине. Причины другие: непрофессионализм, необузданность инстинктов, извращенное воспитание, бескультурие.

Не может быть принят аргумент противников использования термина «истина» в УПК РФ, состоящий в неопределенности самого понятия истины. В России нет никакой необходимости юридически его разъяснять. Неоднократное упоминание истины в УПК РСФСР 1960 г. — тому убедительное свидетельство. Стремление запутать вопрос об истине — попытка затушевать «нравственную неспособность осуществлять доказывание на основе своего внутреннего судебного убеждения, базирующегося на материалах уголовного дела, страх перед ответственностью за ошибку» [13, с. 60].

К сожалению уголовно-процессуальное доказывание и приняло основной удар в результате реформирования уголовно-процессуального закона на рубеже веков. Сначала этот удар не казался откровенно жестким, однако в последующем распад гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу, игнорирование достижений отечественных традиций доказывания, его доктрины стали очевидны.

Интерес к проблемам доказывания в науке уголовного судопроизводства стал последовательно и неуклонно снижаться. Первые несколько лет после принятия УПК РФ вопросы новых видов доказательств еще вызывали интерес. Ряд научных работ был посвящен процессуальной новелле о праве защитника собирать доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), хотя в подходе к допустимости доказательств, сохраненном в УПК РФ, использование броской и явно неточной терминологии в целях лишь подчеркнуть состязательный характер судопроизводства было очевидным. Сегодня исследования в сфере доказывания в основном сводятся к отдельным точечным проблемам: еще вызывает научный интерес заключение специалиста, вещественные доказательства. Массовый характер приобрели работы с обоснованием целесообразности введения нового вида доказательств — электронных доказательств. В настоящей статье не ставится задача аргументировать несостоятельность таких предложений, позиция по данному вопросу представлялась на суд научной общественности ранее [14, с. 50–55].

Основной причиной тренда на такие работы больше является мода на современную терминологию, чем реальная процессуальная проблематика. Сторонникам включения электронных доказательств в число их видов целесообразно еще раз изучить классические работы, посвященные закономерностям собирания доказательств (прежде всего, работы С. А. Шейфера), и лишь после опровержения его идей о видах физической формы доказательств (что весьма затруднительно, если вообще возможно) определиться, чем процесс формирования электронной информации отличается

от соответствующих процессов при формировании информации иного вида, которая, невзирая на ее разнообразие, охватывается понятием вещественных доказательств или иных документов. В результате формулируются предложения, оторванные от научно обоснованных закономерностей формирования доказательственной информации. При этом, ключевые проблемы доказывания в поле зрения специалистов отошли на второй-третий план. Умы ученых (особенно молодых, что особенно настораживает) занимают в основном проблемы цифровизации судопроизводства и его упрощения.

Исследователи, к сожалению, зачастую только следуют за законодателем (работают на правоприменительную практику), не учитывая, что задача науки оснащать его новыми идеями, направлять и предостерегать, обеспечивая сохранение фундаментальных основ российского уголовного судопроизводства.

Отметим, что «мину» под доказывание законодатель заложил уже в редакции ч. 1 ст. 74 УПК РФ, где определил, что посредством доказательств устанавливаются «обстоятельства, подлежащие доказыванию» (вероятно, имелось в виду содержание ст. 73 УПК РФ), «а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела». Последние, судя по редакции нормы, подлежат не доказыванию, а установлению. В литературе вновь стала активно обосновываться точка зрения, согласно которой «предмет доказывания» включает в себя только те обстоятельства, которые указаны в ст. 73 УПК РФ. Так, Л. Т. Ульянова полагает, нормативное определение доказательства (ст. 73 УПК РФ) означает, что «предмет доказывания образуют не все обстоятельства, установление которых имеет какое-либо значение, а именно те, от которых зависит решение дела по существу», «...нельзя отождествлять «предмет доказывания» и «обстоятельства, имеющие значение по делу... Законодатель различает эти понятия при определении доказательств...» [15, с. 42, 43].

Такая точка зрения вполне имеет право на существование, однако, сама постановка вопроса о том, что не все, подлежащее установлению входит в предмет доказывания — фетишь, который оказался подожденным. Вот что пишет об обосновании «текущих» процессуальных решений в ходе уголовного судопроизводства С. Б. Россинский: «упрощенный порядок принятия «текущих» решений скорее выражается в более свободной форме их обоснования, предполагающей возможность использования не только допустимых доказательств (как это установлено применительно к «основным» решениям), но и многих других информационных ресурсов. Последние в свою очередь формируются за юридическими рамками уголовного судопроизводства...» [16, с. 60].

В целом правильно решался этот вопрос в УПК РСФСР 1960 г., где предусматривалось, что на основе

доказательств устанавливаются наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР 1960 г.). Еще точнее было бы: посредством доказательств устанавливаются любые обстоятельства имеющие значение для уголовного дела. «На полях» заметим, что законодатель вообще нестрого подошел к использованию терминологии, размывая ключевое для уголовного судопроизводства понятие доказательства определением заключения специалиста, правом защитника собирать доказательства, а также «представлять» их другими невластными участниками со стороны обвинения и защиты.

Умолчание законодателя относительно оснований принятия различных промежуточных решений в ходе уголовного судопроизводства привело к распространённости в теории и на практике суждений о возможности использования в качестве таких оснований сведений, не являющихся доказательствами, даже при избрании мер пресечения. В гл. 13 УПК РФ указание на необходимость подтверждать основания избрания меры пресечения доказательствами встречается однажды, косвенно и только для конкретного случая («дополнительные доказательства обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу» — п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ). Уклончивую позицию законодатель занимает применительно к основаниям избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, используя вместо термина «доказательства» паллиатив «конкретные фактические обстоятельства», которыми «не могут являться данные, непроверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований» ст. 89 УПК РФ. Пленум Верховного Суда Российской Федерации¹ тоже непоследователен. В указанном постановлении верно сказано, что обстоятельства, обосновывающие избрание меры пресечения в виде заключения под стражу или продление срока ее действия, могут быть установлены доказательствами. Однако далее следует, что при продлении срока содержания под стражей наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, необходимо подтверждать доказательствами и иными сведениями (п. 21 постановления).

Аксиомой в отечественном уголовном процессе должно стать правило, что «все, что подлежит познанию в уголовном процессе, должно быть доказано в определенном законом порядке, т.е. включено в предмет доказывания ...» [17, с. 50]. Это положение обеспе-

чивает законность процессуальных решений, которые согласно п. 33 ст. 5 УПК РФ должны приниматься в порядке, установленном УПК РФ, и никак иначе.

Нестрогость терминологии, используемой законодателем, подтачивает разграничение доказывания и оперативно-розыскной деятельности, неверно ориентирует правоприменителя. Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании несколько преувеличена. Ее результаты в виде предметов и документов представляются следователю, дознавателю и в суд по общим правилам представления таких объектов организациями. Удивительно, но в УПК РФ отсутствует норма, позволяющая это делать. Единственной правовой основой представления результатов оперативно-розыскной деятельности должностным лицам, ведущим производство по уголовному делу, является ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которая порядок такого представления не регламентирует, хотя является по существу уголовно-процессуальной нормой. После урегулирования вопроса о порядке представления предметов (документов), полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, проблема была бы исчерпана практически полностью.

В этой связи нет никакой настоятельной потребности в разного рода способах собирания квазидоказательств посредством мероприятий, имеющих оперативно-розыскной характер (например, контроль и запись переговоров, иные предлагаемые «негласные», «специальные» следственные действия). Вряд ли можно считать убедительными аргументами ссылки на опыт других государств (Республика Казахстан, Кыргызская Республика и др.), где мероприятия оперативной сущности включены в УПК РФ как следственные действия. Конечно, сама по себе ссылка на другие государства, без учета собственных исторических традиций, опыта развития отечественного уголовного процесса (зачастую трагического) как убедительный аргумент принята быть не может [16, с. 140].

Тем труднее объяснить логику законодателя, который настойчиво использует формулировки, смешивающие уголовно-процессуальное доказывание и оперативно-розыскную деятельность. Например, ст. 89 УПК РФ, призванная, судя по всему, запретить использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, в буквальном истолковании, напротив, его разрешает, если такие результаты отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Однако в этом случае — это уже не результаты оперативно-розыскной деятельности в смысле п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, а полноценные доказательства.

Перечень «тайного» проникновения оперативно-розыскной деятельности в доказывание можно продолжать. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ перечень органов дознания крайне неудачно определен через

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Буквальное толкование УПК РФ дает основание полагать, что должностные лица органа дознания, осуществляющие уголовное судопроизводство, не лишены права на производство оперативно-розыскной деятельности по тому же уголовному делу (проверке сообщения о преступлении), кроме случаев производства дознания¹. Независимо от того, что органы дознания осуществляют именно процессуальную деятельность (п. 24 ст. 5 УПК РФ) в УПК РФ почему-то предусмотрено, что следователь (дознатель) вправе давать обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий именно органу дознания (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Начальник органа дознания дает поручения «должностным лицам органа дознания об исполнении письменных поручений следователя, дознателя о проведении оперативно-розыскных мероприятий» (п. 6 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ), в то время как на деле поручения о производстве таких мероприятий дает начальник соответствующего подразделения подчиненному сотруднику, полномочному на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Равно с подозреваемым встречается не сотрудник органа дознания (ч. 2 ст. 95 УПК РФ), а оперативный сотрудник органа, полномочного осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Оперативно-розыскные мероприятия по поручению следователя, независимо от формулировки ч. 4 ст. 157 УПК РФ, также проводит не орган дознания.

В п.п. 2.1, 2.2, 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ сведения, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности и при производстве следственных действий, по правовому режиму вовсе отождествляются. Они признаются недопустимыми в качестве доказательств в определенных случаях, тогда как результаты оперативно-розыскной деятельности доказательствами вообще не являются.

Для чего в уголовно-процессуальном законе требовалось предусматривать привлечение к работе следственной группы и группы дознавателей должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ч. 2 ст. 163 УПК РФ, ч. 2 ст. 223.2 УПК РФ)? УПК РФ предусматривает привлечение к работе коллектива, действующего на основании процессуального закона, лиц, не имеющих процессуальных полномочий. Что означает такое привлечение? Для чего здесь потребовались средства именно уголовно-процессуального законодательства? Какими полномочиями в данном случае наделяются сотруд-

ники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность? Нет ли здесь скрытой отсылки к их мнимому праву производить процессуальные действия без соответствующих поручений следователя (дознателя)?

Законодатель идет дальше. Вот уже в качестве основания продления процессуального срока проверки сообщения о преступлении предусмотрена необходимость производства оперативно-розыскных мероприятий (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Здесь конституционное право на доступ к правосудию ограничивается без доказательств, только по необходимости производства непроцессуальной деятельности. Начало положено и возникает реальная опасность нормативного закрепления подобного основания для продления сроков предварительного расследования, заключения под стражу и т. д.

Одной из стержневых проблем содержания уголовно-процессуального закона является отрыв его положений общего характера от конкретных процедур. Так, законодатель не ориентируется на принципы уголовного процесса, им же провозглашенные (гл. 2 УПК РФ): свободу оценки доказательств, предполагающей, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы; презумпцию невиновности, запрещающую постановление обвинительного приговора на предположениях; законность, требующую мотивировать процессуальные решения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу (справедливости ради отметим, что приговор в числе таких решений в ст. 7 УПК РФ не указан, что не решает, а только усугубляет проблему). Положение ч. 2 ст. 77 УПК РФ, позволяющее положить в основу обвинения признание обвиняемым своей вины лишь при подтверждении виновности совокупностью имеющихся доказательств по уголовному делу, в особых порядках судебного разбирательства также фактически не работает. Изучение судьей материалов уголовного дела, конечно, здесь никакого подтверждения виновности не гарантирует. Система элементов процесса доказывания (ст. 85 УПК РФ) опровергается дознанием в сокращенной форме, допускающей в целях принятия процессуальных решений оценку непроверенных доказательств.

Назревающее очередное крупное реформирование УПК РФ оптимизма не добавляет. Трудно сказать по какому пути упрощения досудебного производства пойдет Россия. Будут ли полезны в свете укрепления законности, например, предложения оторвать процесс доказывания от обоснования выводов, позволив следователю направлять уголовное дело прокурору без обвинительного заключения [18, с. 24–32]? Или возбуждение уголовного дела (зачастую сопровождающееся постановкой лица в положение подозреваемого) без достаточных доказательств, формирующих внутреннее убеждение в необходимости такого решения?

¹ Благо ситуация урегулируется п. 17 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», запрещающим такое совмещение и в других случаях (кроме выполнения лицом поручений в порядке, предусмотренном п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК).

Законность как требование к участникам уголовного процесса соблюдать закон важна не столько в смысле формального выполнения положений закона, а как фактор обеспечивающий легитимность уголовного судопроизводства. Без полноценного доказывания, позволяющего правильно устанавливать значимые для судопроизводства обстоятельства, достижение такой законности, задача вряд ли решаемая. Кроме того, закон, не требующий этого, не создающий гарантий правильного познания, неизбежно ориентирует правоприменителя на нигилистическое отношение к процессуальной форме и сам является одной из причин нарушений законности.

Список источников

1. Победкин А. В. Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 17–27.
2. Смирнова И. Г., Софийчук Н. В. К вопросу о значении доверия в уголовно-процессуальном регулировании // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 67–74.
3. Кокорев Л. Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1975.
4. Кокорев Л. Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973.
5. Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 1964.
6. Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972.
7. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или бездушная инструкция // Библиотека криминалиста. 2017. № 3 (32). С. 101–111.
8. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации : воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–47.
9. Масленникова Л. Н. К вопросу об укреплении верховенства государственной власти в уголовном судопроизводстве // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 1. С. 84–93.
10. Крашенинников П. В., Мизулина Е. Б. Как создавался УПК РФ // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. статей и материалов. М., 2006. С. 34–46.
11. Зорькин В. Д. Право и государство на перекрестке времен // URL: <http://ksrf.ru>
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М. : «Юрид. лит.», 1973.
13. Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учебное пособие. Воронеж : Изд-во Воронежского университета. 1993.
14. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологического подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 50–55.
15. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М. : Издательский Дом «Городец», 2008.
16. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М. : Норма, 2021.
17. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж : Изд-во Воронежского госуниверситета, 1995.
18. Россинский С. Б. Генезис доктринальных, нормативно-правовых и практических подходов к форме и содержанию обвинительного заключения // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 24–32.

References

1. Pobedkin A. V. Fairness of criminal proceedings as a condition of its legitimacy // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (69). P. 17–27.
2. Smirnova I. G., Sofiyichuk N. V. On the importance of trust in criminal procedure regulation // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSAL). 2024. № 1. P. 67–74.
3. Kokorev L. D. The position of the individual in Soviet criminal proceedings: diss. ... cand. of legl sciences. L., 1975.
4. Kokorev L. D. The defendant in Soviet criminal proceedings. Voronezh : Publishing house of Voronezh University, 1973.
5. Kokorev L. D. The Victim of Crime in Soviet Criminal Procedure. Voronezh: Voronezh University Publishing House. 1964.
6. Kutsova E. F. Guarantees of Individual Rights in Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1972.
7. Pobedkin A. V. Criminal Procedure Code: a Form of Living Law or a Soulless Instruction // Criminologist's Library. 2017. № 3 (32). P. 101–111.
8. Rossinsky S. B. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the Embodiment of the «High» Purpose of the Criminal Procedure Form

- or a «Memo» for Illiterate Law Enforcement Officers? // *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2021. № 6. P. 42–47.
9. Maslennikova L. N. On the issue of strengthening the supremacy of state power in criminal proceedings // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2024. № 1. P. 84–93.
 10. Krashennnikov P. V., Mizulina E. B. How the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was created // *Lessons of criminal justice reform in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group for monitoring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary of its adoption and entry into force): collection of articles and materials*. Moscow, 2006. P. 34–46.
 11. Zorkin V. D. Law and the state at the crossroads of times // URL: <http://ksrf.ru>
 12. Theory of evidence in Soviet criminal proceedings. Moscow : «Yurid. lit.», 1973.
 13. Kokorev L. D., Kotov D. P., Ethics of Criminal Procedure. Study Guide. Voronezh: Publishing House of Voronezh University. 1993.
 14. Pobedkin A. V. Ethical and axiological risks of the fashion for digitalization for criminal proceedings (on the erroneousness of the technological approach to criminal proceedings) // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. № 3. P. 50–55.
 15. Ulyanova L. T. Subject of proof and evidence in criminal proceedings in Russia. Moscow: Publishing House «Gorodets», 2008.
 16. Rossinsky S. B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. Moscow: Norma, 2021.
 17. Kokorev L. D., Kuznetsov N. P. Criminal proceedings: evidence and proof. Voronezh : Publishing house of Voronezh State University, 1995.
 18. Rossinsky S. B. Genesis of doctrinal, normative-legal and practical approaches to the form and content of the indictment // *Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. № 2 (70). P. 24–32.

Информация об авторе

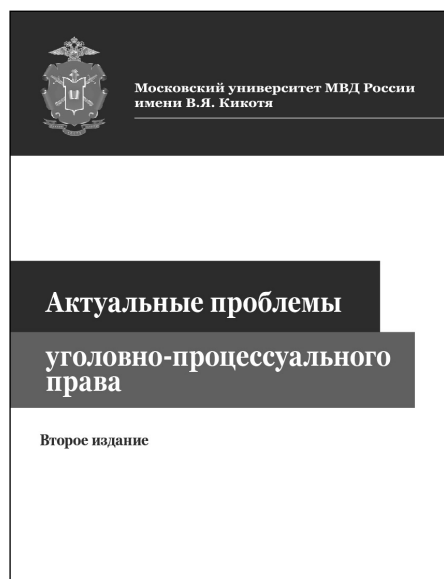
А. В. Победкин — начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Pobedkin — Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 2-е изд., перераб. и доп. 303 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификации «магистр».

Цель пособия — вычленив наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) «Юриспруденция», а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-102-107>

EDN: <https://elibrary.ru/idaxlm>

НИОН: 2003-0059-6/24-198

MOSURED: 77/27-003-2024-06-397

Административное принуждение: вопросы доктрины и проблемы реализации

Заурбек Асланбекович Саидов

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный, Чеченская Республика, Россия,
saidov@chesu.ru

Аннотация. Статья посвящена классической, но в то же время актуальной проблеме, а именно административному принуждению. Автор собрал и обобщил ряд точек зрения относительно такой категории, как «административное принуждение», дал им некоторую оценку на основании которой сформулировал свое определение данному принуждению, высказал свою позицию относительно функций административного принуждения и классификации данных мер.

Ключевые слова: принуждение, ответственность, наказание, воздействие, предупреждение, ограничение, санкция, запрет, производство, право

Для цитирования: Саидов З. А. Административное принуждение: вопросы доктрины и проблемы реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 102–107. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-102-107>. EDN: IDAXLM.

Original article

Administrative coercion: issues of doctrine and problems of implementation

Zaurbek A. Saidov

Kadyrov Chechen State University, Grozny, Chechen Republic, Russia, saidov@chesu.ru

Abstract. The article is devoted to a classic, but at the same time relevant problem, namely administrative coercion. The author collected and summarized a number of points of view regarding such a category as «administrative coercion», gave them some assessment on the basis of which he formulated his definition of this coercion, expressed his position on the functions of administrative coercion and classification of these measures.

Keywords: coercion, responsibility, punishment, impact, prevention, restriction, sanction, prohibition, production, law

For citation: Saidov Z. A. Administrative coercion: issues of doctrine and problems of implementation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):102–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-102-107>. EDN: IDAXLM.

Проблема относительно административного принуждения не нова, однако, актуальности своей не теряет. Связано это с тем, что административное принуждение затрагивает большое количество граждан и хозяйствующих субъектов, в отличие от принуждения уголовного. Данное принуждение зачастую не влечет за собой длительных юридических последствий и установление «отрицательного» правового статуса. Несмотря на это административное принуждение — эта мера государственного воздействия, можно ска-

зать «атрибутом» внешней административной, а точнее сказать полицейской работы. Как отмечено в доктрине «...административное принуждение по своей природе носит полицейский характер. Полицейский аспект данного принуждения особенно четко проявляется при применении мер прямого административного принуждения, а именно мер административного пресечения и мер административной ответственности» [1, с. 34].

Вопрос об административном принуждении —

это, по сути, проблема государственного принуждения. В этой связи вполне логично, что административное принуждение обладает всеми признаками государственного принуждения, а именно реализуется только в правовой форме, уполномоченными на то субъектами власти. Государственное принуждение — это система самых различных мер, между собой логически взаимосвязанных. Административное принуждение, которое реализуется в виде административной ответственности связано с принуждением уголовным и дисциплинарным. А меры специального административного пресечения применяются при совершении преступления. В этой связи нельзя сказать об автономном существовании административного принуждения в общей системе мер государственного принуждения.

Государственное принуждение — это категория общая, свою конкретизацию оно получает при отраслевой дифференциации.

Несмотря на общие черты самых различных мер принуждения, именно административное принуждение обладает самым универсальным свойством своего действия, можно даже сказать, что рассматриваемое принуждение имеет «всепроницающий» правоохранительный (полицейский) характер. Как отмечает Ю. Н. Стариков «...законодательство об административном принуждении и административной ответственности выполняет важнейшие функции профилактики правонарушений, наказания за их совершение, возмещение имущественного ущерба, причиненного административными правонарушениями. Очевидной является тенденция расширения механизма применения административного принуждения и административной ответственности» [2, с. 5].

Автор, верно, указывает, на функции реализации, в которых собственно существует и развивается административное принуждение. Однако нужно отметить, что административная ответственность не может быть «оторвана», или выведена в некую «автономию» из института административного принуждения в целом. Как следует из КоАП РФ меры административной ответственности выражены именно в административных наказаниях. «Административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения» (ст. 3.1). Целью административного наказания является предупреждение правонарушений, а не причинение вреда тому субъекту, к которому оно применено. Поэтому суждение В. Л. Кобалевского о том, что «...административное наказание есть вред, причиненный гражданину административной властью, вследствие нарушения им правовых норм, в случаях в законе указанных» [3, с. 172], является на сегодняшний день устаревшим.

Административное наказание — является самой строгой (серьезной) мерой административного принуждения, и меры которого обеспечивают применения наказания (процессуальное принуждение), не должны быть строже самого наказания. Однако такое положение имеет место далеко не всегда. Процессуальное принуждение в некоторых случаях серьезнее чем административное наказание ограничивает личные и имущественные права того лица, в отношении которого оно применено не желе само административное наказание. При этом процессуальное принуждение в административном праве наказанием не является.

Принуждение, которое предусмотрено законом, тесным образом связано с соответствующей отраслью права, и предметом правового регулирования данной отрасли права. Нужно подчеркнуть, что отрасль права во многом определяет функции, цели и задачи соответствующего принудительного воздействия. Применение ряда мер административного принуждения влечет за собой установление правовых ограничений, и выполнение определенных обязанностей. Так, наложение административного штрафа, вызывает установление обязанности уплатить его и выполнение обязанности по уплате административного штрафа гарантировано применением наказания (ст. 20.25 КоАП РФ). Как писал С. С. Студеникин «...санкция — это средство понуждения к исполнению юридической нормы» [4, с. 29].

Принуждение в той иной форме сопровождает весь правоприменительный процесс и обеспечивает выполнение юридических предписаний (обязанностей).

Исходя из этого, субъект, который применяет принудительное воздействие, обязан точно соблюдать процессуальные требования, которые сопровождают данное принуждение. С учетом детальной правовой регламентации применения рассматриваемых мер принуждения уже нельзя сказать, что данное принуждение применить «очень» просто, субъект применяющий принуждение должен понимать всю полноту своей ответственности при применении той или иной меры принуждения. Так, КоАП РФ определяет, что «...вред, причиненный незаконным применением мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством» (ст. 27.1). Задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, предусмотренные КоАП РФ, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании (ст. 27.3, 25.1).

Административное принуждение — это часть принуждения государственного, но имеющее и свою специфику, которая связана с основанием применения, правовым статусом субъекта применяющего принудительную меру, процессуальной спецификой,

а также юридическими последствиями, которые наступают после применения той или иной меры принуждения. При характеристике административного принуждения очень важно учитывать ту сферу объективной реальности, где оно применяется, а это самые различные сферы жизнедеятельности людей, направления экономики и развития социальной инфраструктуры. Действие административного принуждения не может ограничиваться только сферой государственного управления, поскольку данный вид принуждения является средством полицейского воздействия. Так, в доктрине отмечается, что «...административное принуждение охраняет не только нормы административного права, но и нормы гражданского, трудового, земельного и иных отраслей права, реализацию которых призваны обеспечить субъекты публичной исполнительной власти» [5, с. 460].

Широкий охранительный потенциал административного принуждения во многом предопределен предметом административного права. Данная отрасль права регулирует достаточно разнообразные общественные отношения, которые возникают как из позитивных действий, так и продуцируются совершением правонарушений, самой различной степени общественной опасности. В этой связи предмет административного права во многом предопределяет функции административного принуждения и границы его действия. В регулировании общественных отношений, которые складываются в административно-правовой реальности, имеется достаточно много особенностей, что отражается на специфике соответствующего принуждения.

Особенности административного принуждения предопределяются той сферой социальной действительности, в которой имеется необходимость данного воздействия. Административное принуждение — это ключевой атрибут в системе административного права. В этой связи неслучайно, что в доктрине данному принуждению уделяется достаточно много внимания, а основным источником норм административного права, является КоАП РФ. Данный вывод основывается на том, что в КоАП РФ предусмотрена система административных наказаний (ст. 3.2), а также система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (ст. 27.1). Несмотря на значения КоАП РФ в деле нормативного закрепления системы административного принуждения, это далеко не единственный закон, который определяет виды мер административного принуждения. Между тем меры административной ответственности направлены на обеспечение исполнения самых различных обязанностей, которые действуют как в публично-правовой сфере, так и вытекают из отношений частного-правового характера. В этой связи можно заключить

о всеобъемлющем действии мер административного принуждения, особенно мер административной ответственности.

В интересах раскрытия сущности административного принуждения обратим внимание на то, как понимается рассматриваемая категория в доктрине. Так, уже цитируемый нами Ю. Н. Стариков писал, что «...институт административного принуждения является комплексным административно-правовым институтом, который аккумулирует нормативные установления различного характера для регулирования правоприменительной, правоохранительной и право-восстановительной деятельности государства в специфической сфере — функционирования исполнительной власти, обеспечения законности реализации мер принуждения, создания и поддержания правопорядка» [6, с. 5].

Автор исходит из того, что административное принуждение — это комплексный правовой институт, в котором задействованы различные нормы. Нужно отметить, что для реализации административного принуждения нужны регулятивные, процессуальные и охранительные нормы. А поэтому нужно согласиться с тем, что административное принуждение нужно рассматривать именно как «правовой институт», имеющий в своем содержании и другие правовые образования, их также можно назвать институтами. Так, административное право нельзя представить без: «института административной ответственности»; «института административных наказаний»; «института административно-процессуального принуждения» и др. О том, что административное принуждение является особым видом государственного принуждения много говорится в доктрине.

Так, Л. Л. Попов отмечал, что «...административное принуждение является особым видом принуждения, имеющим своим назначением охрану общественных отношений, складывающихся в сфере государственного управления. При этом административное принуждение по своему содержанию заключается во внешнем государственно-правовом психическом и физическом воздействии на сознание и поведение людей в форме ограничений (лишений) личного, организационного и имущественного характера» [7, с. 33].

Как отмечают А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий и Ю. М. Козлов «...административное принуждение используется как крайне важное средство обеспечения и охраны правопорядка в сфере государственного управления и выполняет карательную функцию. Административное принуждение также выполняет функцию пресечения и предупреждения» [8, с. 276].

А. А. Гришковец также следуя имеющейся в доктрине традиции относительно сущности рассматриваемого принуждения, пишет, что «...административное

принуждение — это особый вид государственного принуждения, имеющий своим назначением охрану общественных отношений, складывающихся преимущественно в сфере государственного управления» [9, с. 22].

Акцент в обозначенных определениях административного принуждения сделан на том, что данный вид принуждения применяется для охраны общественных отношений, которые складываются в сфере государственного управления. Однако это не всегда именно так. Сфера государственного управления достаточно широка. В ходе осуществления управленческой деятельности возникают самые различные отношения, причем некоторые из которых не имеют отношения к управлению, однако для того чтобы обеспечить их стабильность нужно применять меры административного принуждения, и в частности меры ответственности. Поэтому делать акцент на том, что меры административного принуждения применяются для охраны общественных отношений, которые складываются в сфере управления, было бы неверно. Действие мер административного принуждения выходит за границы государственного управления. Связано это с особенностями предмета регулирования данной отрасли права. Нормы административного права регулируют самые разнообразные общественные отношения, существование которых не ограничивается только сферой государственного управления. Следует сказать, что меры административного принуждения востребованы в процессуальной деятельности, поскольку без принуждения зачастую невозможно возбудить дело об административном правонарушении и осуществить соответствующие производство.

Подчеркнем, что существенная по своему ограничительному потенциалу группа мер административного принуждения применяется в производстве по делам об административных правонарушениях и их применение не связано напрямую с государственным управлением. Соответствующие меры процессуального принуждения используются для пресечения правонарушений или получения доказательств по соответствующему административному делу. Кроме того, меры административно-процессуального принуждения, которые были использованы в административном производстве, способствуют исполнению принятого постановления о наказании. Можно сделать вывод, что административное принуждение — это средство воздействия, применяемое с целью предупреждения и пресечения правонарушений и создающие возможность для применения мер юридической ответственности.

Как уже было отмечено, меры административного принуждения широко применяются в полицейской деятельности. Так, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. «О полиции» предусматривает применение та-

ких мер государственного принуждения, как: «Задержание» (ст. 14); «Проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории» (ст. 15). Закон «О полиции» также предусматривает: «Вскрытие транспортного средства» (ст. 15.1); «Оцепление (блокирование) территорий, жилых помещений, строений и других объектов» (ст. 16). Особо нужно сказать, что полиция при определенных обстоятельствах, которые исчерпывающе, определены законом, имеет право применять физическую силу (ст. 20), специальные средства (ст. 21), а также огнестрельное оружие (ст. 23). Обозначенные меры принуждения имеют определенную специфику, которая предопределяется тем, что такие меры применяются исключительно в полицейской деятельности, а основанием их применения является совершение как административного правонарушения, так и преступления. Реализация обозначенных мер полицейского принуждения достаточно серьезно ограничивает права того лица в отношении которого данные меры принуждения применяются. В этой связи законом предусматривается целый ряд предписаний (правовых ограничений и запретов), которые направлены на то, чтобы соответствующие меры применялись в установленном порядке.

Далее несколько слов нужно сказать о системе мер административного принуждения. Меры административного принуждения достаточно разнообразны, к настоящему времени сформировалась их система. К мерам административного принуждения относят: меры административного предупреждения; меры административного пресечения; меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, а также административные наказания. Данная система является весьма устоявшейся, она формировалась эволюционным путем с учетом как полицейского так процессуального регулирования. Обратим внимание на некоторые точки зрения относительно классификации мер административного принуждения, которые имеются в доктрине.

Так, М. И. Еропкин меры административного принуждения подразделил на три группы: «...административные наказания; меры административного пресечения; административно-предупредительные меры (меры обеспечения)» [10, с. 120]. Обозначенная классификация во многом предупредила развитие доктрины об административном принуждении. М. И. Еропкин усматривал сущность административного принуждения именно в наказаниях, в них проявляется основной потенциал данного воздействия. Несмотря на это обозначенный автор не уменьшал значение мер административно-предупредительного характера.

Нужно отметить, что меры административного принуждения преимущественно дифференцируются в зависимости от тех функций, которые они выполняют. Обратим внимание, что предупредительная

функция может быть свойственна различным мерам административного принуждения. В этой связи в доктрине, имеются различные точки зрения относительно отдельной группы административно-предупредительных мер. Так, М. С. Студеникина отмечает, что «...мерами административного принуждения могут быть признаны только административные наказания и меры пресечения, возможность применения которых обусловлена наличием правонарушения. Многочисленные же меры административно-предупредительного характера не должны включаться в общую классификацию мер принуждения» [11, с. 20].

В данной позиции заложена идея о том, что меры административного принуждения должны работать на институт административной ответственности, а меры предупредительного характера в этом процессе не задействованы. Меры административно-предупредительного характера используются тогда, когда нет правонарушения. Обозначенная позиция понятна, однако она не получила дальнейшего доктринального развития. Надо отметить, что меры административно-предупредительного характера не всегда персонифицированы, они необходимы для недопущения совершения административных правонарушений, а в некоторых случаях и преступлений. Меры административно-предупредительного характера лишены, какой-либо репрессии и представляют собой мягкое правовое воздействие. Как уже было сказано, предупредительную функцию выполняют разные меры административного принуждения, в частности административные наказания. Так, согласно КоАП РФ «административное наказание применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами» (ст. 3.1). Несмотря на данное предписание, все же основная задача наказания — это исправление лица совершившего правонарушение через установленные для него правовые ограничения личного и имущественного характера. Далее обратим внимание еще на одну позицию относительно классификации мер административного принуждения, которая стала также классической.

Так, И. И. Веремеенко в свое время также предложил классификацию мер административного принуждения, в которой выделил «...административно-процессуальные меры; административно-правовые санкции и административно-предупредительные меры» [12, с. 71].

В этой классификации можно усмотреть меры процессуального характера, которые необходимы для законного и обоснованного применения административных наказаний, а также создания гарантий защиты прав лица, в отношении которого они применяются.

В современный период также имеются классификации мер административного принуждения, которые

заслуживают своего внимания. В частности, интересна позиция П. И. Кононова относительно классификации мер административного принуждения. Так, обозначенный автор, говоря о классификации данных мер, пишет, что они могут быть подразделены на: «...меры административного пресечения и восстановления; меры предупреждения (профилактики); меры административного ограничения; меры административного исполнения; меры административной ответственности» [13, с. 253].

В обозначенной позиции прослеживается устоявшийся подход к вопросу относительно классификации мер принуждения, а так же и то обстоятельство, что автор выделил отдельно группу мер административно-принудительного исполнения. Данные меры весьма востребованы, в случае если вынесенное решение добровольно не исполняется. Нужно отметить, что функцию исполнения вынесенного решения также могут выполнять некоторые меры процессуального принуждения. Так, меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении применяются для исполнения принятого по делу постановления (ст. 27.1 КоАП РФ).

В завершении отметим, что классификация мер административного принуждения имеет как доктринальное значение, так и прикладной характер, поскольку позволяет увидеть многообразие данных мер. Исходя из этого, можно заключить, что меры административного принуждения могут быть подразделены на: меры предупредительно-ограничительного характера; административного пресечения, а также меры административной ответственности. Последние включают меры процессуального принуждения; меры административного наказания, а также меры исполнения вынесенного постановления по делу об административном правонарушении.

Список источников

1. Куракин А. В., Косенкова Н. Г., Красненкова Е. В., Тульская Е. А. Еще раз об административном принуждении и его функциях // Современное право. 2024. № 11. С. 34–41.
2. Стариков Ю. Н. Административное принуждение и административная ответственность. М., 1998.
3. Кобалевский В. Л. Советское административное право. Харьков, 1929.
4. Студеникин С. С. Военно-административные нормы и их особенности // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. М., 1945. № 4. С. 29–75.
5. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право. М., 2004.
6. Стариков Ю. Н. Административное принуж-

- дение и административная ответственность. М., 1998.
7. Попов Л. Л. Эффективность административно-правовых санкций. М., 2021.
 8. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. М., 1997.
 9. Гришкoveц А. А. Соотношение административного и дисциплинарного принуждения на службе в органах внутренних дел // Современное право. 2024. № 11. С. 22–33.
 10. Еропкин М. И. Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965.
 11. Студеникина М. С. Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 20–27.
 12. Веремеенко И. И. Административно-правовые санкции. М., 1975.
 13. Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права. М., 2023.
3. Kobalevsky V. L. Soviet administrative law. Kharkov, 1929.
 4. Studenikin S. S. Military administrative norms and their features // Proceedings of the Military Law Academy of the Red Army. M., 1945. No. 4. P. 29–75.
 5. Bakhrah D. N., Rossinsky B. V., Starilov Yu. N. Administrative law. M., 2004.
 6. Starilov Yu. N. Administrative coercion and administrative responsibility. M., 1998.
 7. Popov L. L. The effectiveness of administrative and legal sanctions. M., 2021.
 8. Alekhine A. P., Karmolitsky A. A., Kozlov Yu. M. Administrative law of the Russian Federation. M., 1997.
 9. Grishkovets A. A. The ratio of administrative and disciplinary coercion in the service of internal affairs bodies // Modern law. 2024. № 11. P. 22–33.
 10. Eropkin M. I. Management in the field of public order protection. M., 1965.
 11. Studenikina M. S. The ratio of administrative coercion and administrative responsibility // The Soviet State and law. 1968. № 10. P.20–27.
 12. Veremeenko I. I. Administrative and legal sanctions. M., 1975.
 13. Kononov P. I. Actual problems of administrative law. M., 2023.

References

1. Kurakin A. V., Kosenkova N. G., Krasnenkova E. V., Tulskaaya E. A. Once again about administrative coercion and its functions // Modern law. 2024. № 11. P. 34–41.
2. Starilov Yu. N. Administrative coercion and

Информация об авторе

З. А. Саидов — ректор Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Z. A. Saidov — Rector of the Kadyrov Chechen State University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-108-110>

EDN: <https://elibrary.ru/hliflo>

НИОН: 2003-0059-6/24-199

MOSURED: 77/27-003-2024-06-398

Некоторые вопросы противодействия организованной преступности в сфере экономики в Российской Федерации

Бадма Владимирович Сангаджиев

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, lotos-75@mail.ru

Аннотация. Результативность противодействия коррупции в Российской Федерации не всегда означает его эффективность. Объяснение этому можно найти не только в недостаточном правовом обеспечении противодействия коррупции, но и в поддержании заинтересованными субъектами неблагоприятного отношения общества к деятельности компетентных органов по противодействию коррупции. Негативное изменение нравственно-психологического климата в обществе приводит к ухудшению криминологической ситуации в стране.

Ключевые слова: экономическая преступность, противодействие коррупции, государственная безопасность, угрозы коррупции, закон

Для цитирования: Сангаджиев Б. В. Некоторые вопросы противодействия организованной преступности в сфере экономики в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 108–110. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-108-110>. EDN: HLIFLO.

Original article

Some issues of combating organised crime in the sphere of economy in the Russian Federation

Badma V. Sangadzhiev

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, lotos-75@mail.ru

Abstract. The effectiveness of counteraction to corruption in the Russian Federation does not always mean its efficiency. The explanation for this can be found not only in the insufficient legal support of anti-corruption efforts, but also in the maintenance by interested parties of an unfavourable public attitude towards the activities of competent authorities in combating corruption. Negative changes in the moral and psychological climate in society lead to the deterioration of the criminological situation in the country.

Keywords: economic crime, anti-corruption, state security, threats to corruption, law

For citation: Sangadzhiev B. V. Some issues of combating organised crime in the sphere of economy in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):108–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-108-110>. EDN: HLIFLO.

В настоящее время среди научных и практических работников не сложилось единого мнения в части понимания содержания понятия «организованная преступность» вообще, экономической направленности, в частности. Не удалось сформулировать его и на законодательном уровне. К сожалению, дать однозначный ответ на поставленный вопрос непросто. Тем более, что, как показывают исследования, существуют многочисленные (многоаспектные) определения, которые достаточно трудно свести воедино [4].

Основополагающие документы в области государственной безопасности традиционно подразделяют угрозы коррупции на внешние и внутренние [7, с. 22–23]. К числу основных внешних угроз относятся:

- деятельность спецслужб иностранных государств и связанных с ними зарубежных организаций, направленная на поиск, налаживание и использование коррупционных связей в подрывных целях;
- деятельность транснациональных преступных

© Сангаджиев Б. В., 2024

сообществ, использующих коррумпированных чиновников для реализации своих преступных устремлений.

Серьезной внутренней угрозой безопасности Российской Федерации в сфере государственной власти (законодательной и исполнительной) и государственного управления является преступная деятельность коррумпированных должностных лиц государственных органов, особенно — федерального уровня [5, с. 267–268]. Итак, говоря об организованной преступности в сфере экономики мы, прежде всего, подразумеваем множество преступлений экономической направленности. Возникает вопрос: только ли эти преступления? Существует вполне аргументированное мнение, сторонники которого (например, А. В. Петухов) настаивают включить в их состав и те деяния, которые сопутствуют экономическим преступлениям. Изучение и анализ судебно-следственной практики показывает, что передел собственности чаще всего происходит с использованием фиктивных банкротств [6, с. 24–25].

По результатам проведенного научного исследования представляется возможным сформулировать тенденции развития организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, а также факторы, обуславливающие негативное ее развитие: осуществление преступной деятельности под прикрытием легальных предпринимательских структур; перенесения опыта национальной экономической преступности на транснациональные экономические связи. В данном случае, скорее всего срабатывает так называемые прямые и обратные связи. В настоящее время стало реальностью, когда зарубежные преступники проникают на национальные рынки и продолжают свою преступную деятельность. Говоря о коррупции, следует заметить, что широкое распространение на сегодня получила так называемая бытовая или «низовая» коррупция. Поиск мер по ее противодействию, несмотря на принимаемые в последнее время активные действия в этом плане властей, продолжается. Настоящая монография, по задумкам ее автора, — ключ для решения многих проблем.

В настоящее время на первом плане в системе противодействия коррупции находится не так называемая бытовая коррупция, а более опасная ее разновидность — системная («верхушечная»), до которой не всегда удается дотянуться в виду корпоративности взяточполучателей из числа госчиновников. Важно отметить, что по некоторым данным сами сотрудники правоохранительных органов (25 % случаев) становились «жертвой» от заранее глубоко непродуманных мер, когда предпринимали меры по их изобличению, по причине поверхностного сбора и закрепления доказательств.

Учеными-криминологами (например, М. М. Бабаев, С. В. Тришкин) доказано, что последствия преступности следует оценивать в стоимостном выражении

(его «ценой»). Здесь речь идет об учете не только прямого причиненного материального ущерба по делам об экономических преступлениях, но и не следует не «компенсировать» упущенную выгоду, те издержки, которые понес государство, обеспечивая восстановление нарушенных прав того же собственника. Однако, как нам представляется, предстоит большая работа по разработке конкретной методики исчисления цены. Думается, что даже при решении этой проблемы можно наткнуться на вопрос, какова взаимосвязь организованной преступности и коррупции [1; 2; 3].

Одной из форм организованной преступности является коррупция. Данный тезис, безусловно, не нов. Давно учеными доказано наличие тесной корреляции между этими относительно самостоятельными явлениями. Естественно, в этом ключе заложен широкий смысл взаимосвязей данных явлений [7, с. 23].

Список источников

1. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности. М., 1982.
2. Жигарев Е. С. Научно-исследовательские проблемы криминологии. М., 2003.
3. Бабаев М. М., Квашис В. Е. Цена преступности: проблемы методологии и условной политики // Россия: от реформ к стабильности: Науч. труды. Вып. 2009.
4. Коррупция в России: время решительных действий (краткий анализ коррупционной ситуации в России) // Доклад экспертов Национального антикоррупционного комитета и Постоянной комиссии по гражданскому участию в противодействии коррупции и контролю за правоохранительными органами Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека // URL: https://askjournal.ru/uploads/65/doklad_action_time.doc
5. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Изд-во Норма, 1999.
6. Петухов А. В. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью в сфере экономики: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004.
7. Тришкин С. В. Правовое обеспечение и организация деятельности правоохранительных органов по учету преступлений коррупционного характера: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

References

1. Babaev M. M. Social Consequences of Crime. M., 1982.
2. Zhigarev E. S. Naukovedcheskie problemy kriminologii. M., 2003.
3. Babaev M. M., Kvashis V. E. Price of Crime:

- Problems of Methodology and Conditional Policy // Russia: from Reforms to Stability: Scientific Works. Vol. 2009.
4. Corruption in Russia: time for decisive action (brief analysis of the corruption situation in Russia) // Report of experts of the National Anti-Corruption Committee and the Standing Commission on Civil Participation in Combating Corruption and Control over Law Enforcement Agencies of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights // URL: https://askjournal.ru/uploads/65/doklad_action_time.doc
 5. Luneev V. V. Crime of the XX century. World, regional and Russian trends. M. Norma Publishing House, 1999.
 6. Petukhov A. V. Theory and practice of operational and investigative activity of internal affairs bodies in combating organised crime in the sphere of economy: autoref. diss. doctor of legal sciences. M., 2004.
 7. Trishkin S. V. Legal support and organisation of law enforcement agencies' activities to account for crimes of corruption: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2015.

Информация об авторе

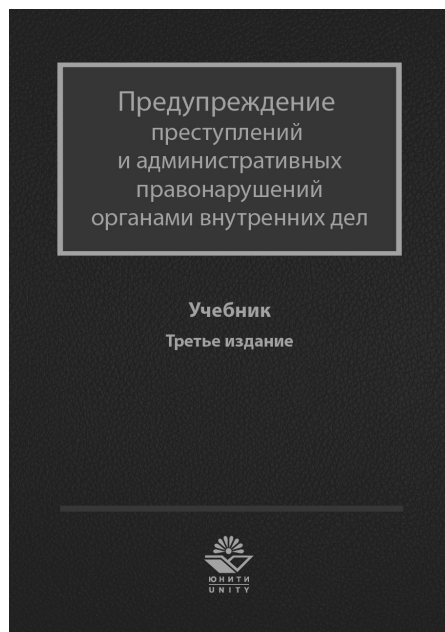
Б. В Сангаджиев — заведующий кафедрой конституционного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

B. V. Sangadzhiev — Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности;

дорожно-транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 343.9.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-111-114>

EDN: <https://elibrary.ru/hqlhgc>

НИОН: 2003-0059-6/24-200

MOSURED: 77/27-003-2024-06-399

Подразделения ГУЭБ МВД России в борьбе с коррупцией

Ольга Геннадьевна Селихова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, og_selikhova@mail.ru

Аннотация. Обсуждается роль ГУЭБ МВД России в противодействии коррупции, проблемы организации и совершенствования работы оперативных подразделений в данной области, предлагаются меры по повышению профессионального уровня и служебной заинтересованности сотрудников полиции. В частности, предлагается принять меры к искоренению латентности коррупционных деяний, повышать уровень специального образования работников ЭБиПК, искоренить излишний бюрократизм в деятельности службы, наделив ее функциями ответственной за чистоту кадров полиции и информирования населения структуры.

Ключевые слова: коррупция, предупреждение коррупции, экономическая безопасность

Для цитирования: Селихова О. Г. Подразделения ГУЭБ МВД России в борьбе с коррупцией // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 111–114. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-111-114>. EDN: HQLHGC.

Original article

Divisions of the Main Department of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the fight against corruption

Olga G. Selikhova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, og_selikhova@mail.ru

Abstract. The role of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in combating corruption, the problems of organization and improvement of the work of operational units in this area are discussed, and the measures to improve the professional level and commitment of police officers are proposed. In particular, it is proposed to take measures to eradicate the latency of corrupt acts, to raise the level of specialized education of the employees of the Economic and Criminal Investigation Department, to eliminate excessive bureaucracy in the activities of the service, giving it the functions of a structure responsible for the purity of police personnel and informing the public.

Keywords: corruption, prevention of corruption, economic security

For citation: Selikhova O. G. Divisions of the Main Department of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the fight against corruption. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):111–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-111-114>. EDN: HQLHGC.

Введение

Коррупция — болезнь современного общества, способная разрушить его публичные устои, экономическую систему и правопорядок, давно превратилась в злободневную проблему государства, от решения которой зависит благополучие граждан нашей страны. Подмена социальных ценностей, узурпация власти, превращение коррупции в негласный механиз-

ального регулирования, вытесняющий право, — таков неполный перечень ее негативных последствий [4, с. 49–50], нивелировать которые без активного противодействия со стороны органов власти невозможно.

В этой связи с 2000-х гг. руководством государства принимаются активные меры нормативного и организационного порядка, регламентирующие действия правоохранительной системы в борьбе с коррупцией.

© Селихова О. Г., 2024

В этом направлении ключевая роль отводится органам полиции, к компетенции которых отнесена большая часть коррупционных правонарушений.

В этой связи в Министерстве внутренних дел России создано Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК МВД России), которое в соответствии с Приказом от 16 марта 2015 г. № 340 выполняет ряд общих и превентивных функций:

- осуществляет мониторинг и анализ оперативной обстановки в зоне ответственности органов ЭБиПК, принимает первоочередные меры, готовит проекты стратегических решений по нормализации положения;
- проводит оперативно-розыскные мероприятия по предупреждению коррупционных преступлений;
- занимается разработкой, организацией и проведением оперативно-профилактических мероприятий;
- выявляет и устраняет причины и условия, способствующие совершению коррупционных преступлений.

Особое внимание уделяется противодействию коррупции в органах власти и управления федерального и регионального уровней, в управленческих структурах негосударственного сектора экономики, в госкорпорациях, внебюджетных фондах и общественных организациях с государственным участием.

ГУЭБиПК также же анализирует работу органов внутренних дел по предупреждению коррупции; проводит проверки подразделений, оказывает им практическую помощь; обобщает и распространяет передовой опыт; использует возможности органов власти и управления, общественных организаций и средств массовой информации; организует государственную экспертизу нормативных актов, исследования, научно-практические конференции и семинары; занимается методическим, информационным и техническим обеспечением деятельности подразделений (подготовкой рекомендаций, пособий, созданием внутренних автоматизированных сетей и т. п.).

Таким образом, можно считать, что сегодня в России создана достаточно сбалансированная нормативно-организационная система координации оперативно-служебной деятельности органов ЭБиПК в сфере предупреждения коррупционных правонарушений, которую можно оценивать по конкретным показателям.

Так по данным председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина в 2023 г. зарегистрированы 36 407 коррупционных деяний, из них почти 40 % совершены в правоохранительной сфере [5]. Большинство указанных преступлений выявлено органами внутренних дел, на которые и легла основная нагрузка

по расследованию и оперативному сопровождению уголовных дел.

Тем не менее, несмотря на внушительные показатели работы ведомства в сфере борьбы с коррупцией, практикой выявлен ряд проблем, нуждающихся в дополнительном внимании.

Ведомственные проблемы противодействия коррупции.

Органам внутренних дел не удается окончательно решить проблему *латентности* коррупционных правонарушений. Существование латентной преступности является объективной закономерностью и влияет на ее зарегистрированную составляющую [3, с. 15].

Анализ работы подразделений ЭБиПК на местах показал, что до сих пор высок процент *незаявленных преступлений* (потерпевшие и свидетели коррупционных правонарушений знали, но не сообщили о них в правоохранительные органы); *неучтенных преступлений* (умышленное сокрытие от учета, оставление материалов без регистрации и проверки); *неустановленных преступлений* (недоказанности события или состава коррупционных деяний вследствие халатности оперативных и следственных работников, их слабой профессиональной подготовки, ошибочной уголовно-правовой квалификации или по иным причинам, позволившим виновным уйти от ответственности). В этом смысле сохраняются тенденции, отмечаемые криминологами еще с 2010-х гг [1, с. 7].

Все это прямо сказывается на доверии людей к правоохранительной системе. Общественная оценка ее работы отмечает отрицательную динамику. Опросы граждан выявили, что индекс зараженности коррупцией населения значительно превышает официальные показатели. Статистика утверждает, что «вирус коррупции» поразил отечественную медицину, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, органы государственной власти и местного самоуправления всех уровней, транспортную систему и т. д. Коррупция действительно превратилась в альтернативную систему общественного управления, «непубличного решения» гражданами личных вопросов, она стала «неофициальной нормой» общения. Все это сказалось на росте коррупционных преступлений небольшой и средней тяжести, отягощении материального и репутационного ущерба государству, причиненного тяжкими и особо тяжкими преступлениями.

Нельзя повлиять на латентность коррупции, не решив проблемы неучтенных и неустановленных преступлений. Каждый гражданин и общество в целом должны осознать ее порочность, разрушительное воздействие на правопорядок. Исправление общественного сознания и восстановление доверия масс невозможно без настройки работы правоохранительных органов, костяк которых составляют подразделения

ЭБиПК. В этом смысле Главному управлению ЭБ МВД России надлежит не только выступить катализатором оздоровления общества, но и инициатором дополнительных ведомственных организационных мер и внешних мероприятий общественного воздействия.

Первое. В координации со службой собственной безопасности МВД России ему необходимо сконцентрироваться на чистоте рядов полиции. Это мера не случайна, ведь безнравственность коррупции построена на ущемлении благополучия не только российских граждан [1, с. 9], их материальных, хозяйственных, финансовых интересов коллег по службе. По сути, коррупция представляет собой предательство не только служебных, но и товарищеских отношений. Честная и ответственная работа идейно мотивированных сотрудников не должна противопоставляться личным интересам «решал» и «коммерсантов» в погонах. Чистка рядов, жесткий кадровый отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел укрепят дисциплину, помогут бороться с незаконным оборотом наркотиков, утратой табельного оружия и служебных документов, дорожно-транспортными происшествиями с тяжкими последствиями, грубостью и цинизмом полицейских чинов в обращении с гражданами [2, с. 151]. Служба в органах МВД России должна стать действительно почетной, а потому нужен эффективный кадровый «фильтр» в подразделениях полиции на местах. С учетом экономической направленности коррупции, функция внутреннего контроля органично сочетается именно с деятельностью органов ЭБиПК. В этом смысле часть компетенции службы собственной безопасности в сфере борьбы с ведомственной коррупцией может быть передана ГУЭБиПК. Его подразделения имеют плотный повседневный контакт со всеми службами полиции, обладают более объемной и качественной информацией о должностной деятельности и личной жизни большинства сотрудников. В оперативной близости к объекту надзора они находятся гораздо ближе, чем служба собственной безопасности.

В этой связи на органы ЭБиПК целесообразно возложить функцию ведомственного информирования и служебной ориентации, направленную на формирование у сотрудников профессионального сознания, личного убеждения о важности борьбы с коррупцией, ответственности перед обществом и коллегами, осознанного и добросовестного выполнения своих обязанностей.

Второе. На практике явно ощущается недостаточный профессиональный уровень сотрудников полиции, участвующих в борьбе с коррупцией. Он спровоцирован не только оттоком опытных и грамотных специалистов, но и пробелами в специальном образовании. Следственно-оперативным работникам зачастую не хватает глубоких знаний специфики дея-

тельности современной системы публичной власти, нормотворческих процессов, экономики, финансовых схем и инструментов, хозяйственной и судебной практики, опыта взаимодействия расчетно-денежными структурами, органами государственной регистрации и т. п. В этой связи подразделениям ЭБиПК следует обращать внимание на повышение общего уровня профессиональной компетентности, личной мотивации, совершенствованию коллективного и индивидуального опыта работников полиции.

Третье. Очевидны общие недостатки самой организации оперативно-розыскной деятельности, влияющие на служебно-правовой статус работников полиции, в т. ч. и ЭБиПК. Система длительного планирования, сложный и запутанный документооборот, бесконечные ведомственные проверки и отсутствие должного взаимодействия с другими ведомствами (ФСБ, СК, прокуратурой, ФНС), превратили живую оперативную работу в бюрократическую волокиту. Сотрудники больше заняты изучением многочисленных приказов и заполнением внепроцессуальных формуляров, чем непосредственными мероприятиями. Опасаясь нарушить отчетные регламенты, они предпочитают сдерживать служебное рвение, ссылаясь на зыбкую грань коррупционных деяний и гражданско-правовых споров. При изначальной неясности состава преступления им проще заявить о его отсутствии, чем прилагать усилия к полноценному разбирательству. Громоздкость, зарегулированность оперативной работы органов полиции должна быть устранена. В этой сфере ГУЭБиПК смогла бы сыграть определяющую роль, скорректировав специфику документооборота и работы своих подразделений под особенности борьбы с коррупцией. Необходимы принципиально новые подходы и решения, нужна глубокая специализация, способная преодолеть неповоротливое однообразие оперативной деятельности, привлечь заинтересованных и грамотных специалистов из гражданской сферы, для которых ведомственная бюрократия и излишняя военизированность служебных отношений в МВД России являются неприемлемыми условиями профессиональной деятельности.

Четвертое. Необходимо постоянное и содержательное информирование населения о принимаемых мероприятиях и успехах борьбы с коррупцией. Общество должно адекватно воспринимать официальную позицию руководства страны по вопросу борьбы с коррупцией, особенно в правоохранительных органах. Чистота мундира сохраняется не сокрытием волнующей население статистики, но принятыми мерами к безупречности рядов полиции. В открытых источниках отсутствуют данные о выявленных в министерстве коррупционных правонарушениях, привлечении виновных лиц. У граждан создается впечатление о

бездействии и даже покровительстве руководством ведомства нечистых на руку подчиненных. Недостаточная информированность рождает устойчивые мифы, искажает представления граждан о деятельности структуры. О ней судят лишь по отдельным случаям, упуская из виду тяжелую ежедневную работу по обеспечению правопорядка, по пресечению злоупотреблений властью.

На информационно-воспитательном уровне ГУЭ-БиПК удастся сыграть ключевую роль, доводя сведения о борьбе с коррупционерами до работников полиции и населения. Только в этом случае общественное порицание возымеет должное действие, а превентивные меры обретут нужный эффект. Иными средствами коррупцию не одолеть. Неотвратимость кары за содеянное, презрение сослуживцев и превенция общественного осуждения способны искоренить желание злоупотреблять властью, вызвать чувство нетерпимости к коррупции у большинства граждан России.

Заключение.

Борьба с коррупцией — дело сложное. Поручить ее всем, не назначив ответственных с достаточными полномочиями, значит распылить силы. Массовая кампанейщина никогда не приносила желаемого результата не только на уровне всей страны, но и отдельных ведомств. Нужна кропотливая работа настоящих специалистов, разносторонних интеллектуалов своего дела, которые в рамках Министерства внутренних дел России могут быть сконцентрированы исключительно на экономическом направлении. Криминальная спайка власти и денег может быть разрушена лишь путем ликвидации ее материальной основы, социальной поддержки и правовым воспитанием граждан, доверенным компетентной структуре. Выполнить эту государственную задачу сегодня способна система органов ЭБиПК. Главное, не мешать ей

в работе, придать ее деятельности жесткий и бескомпромиссный характер.

Список источников

1. Лунеев В. В. Проблемы науки о борьбе с преступностью // Пенитенциарная наука. 2008. № 2. С. 4–19.
2. Макаров А. А. Коррупция в системе органов внутренних дел. М. : Nota Bene, 2009.
3. Молчанова Т. В. Преступления в сфере экономической деятельности. Статистическая оценка и возможности прогнозирования: монография / под ред. Н. Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.
4. Селихов Н.В. Право и коррупция // Российский юридический журнал. 2001. № 2. С. 48–53.
5. Интервью ТАСС Александра Бастрыкина — председателя Следственного комитета Российской Федерации 8 декабря 2023 года // URL: <https://tass.ru/interviews/19484225>

References

1. Luneev V. V. Problems of science on combating crime // Penitentiary science. 2008. №. 2. P. 4–19.
2. Makarov A. A. Corruption in the system of internal affairs bodies. M. : Nota Bene, 2009.
3. Molchanova T. V. Crimes in the sphere of economic activity. Statistical assessment and forecasting possibilities: monograph / edited by N. D. Eriashvili. M. : UNITY-DANA, 2022.
4. Selikhov N. V. Law and corruption // Russian Law Journal. 2001. №. 2. P. 48–53.
5. TASS interview of Alexander Bastrykin — Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation 8 December 2023 // URL: <https://tass.ru/interviews/19484225>

Информация об авторе

О. Г. Селихова — старший преподаватель кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

O. G. Selikhova — Senior Lecturer of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 347.214.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-115-119>

EDN: <https://elibrary.ru/fukwcd>

НИОН: 2003-0059-6/24-201

MOSURED: 77/27-003-2024-06-400

Природные объекты в системе объектов недвижимости

Екатерина Геннадьевна Семенова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, e-g-semenova@mail.ru

Аннотация. Исследуется правовой режим природных объектов, расположенных на земельных участках, как объектах недвижимости, а также установление современного состояния законодательного обеспечения, выявление недостатков и противоречий правового регулирования и практики применения правовых норм в сфере использования природных объектов. Применение формально-юридического метода способствовало установлению сущности правового режима природных объектов в системе объектов недвижимости, раскрытию содержания нормативно-правовых предписаний, регулирующих соответствующие отношения, выявлению их соответствия этим отношениям. Наряду с этим использовались интеграционный и дифференцированный подходы, которые позволили исследовать специфику общественных отношений в данной сфере, учитывая установленный законодательством правовой режим конкретного компонента природной среды (земель, недр, почв, поверхностных вод, растительного мира) и их комплекса в едином природном объекте (земельный участок, лесной участок, участок недр, водный объект). Установлено, что коллизии правового регулирования земельного участка и расположенных на нем природных объектов могут быть решены в случае признания обособленных (замкнутых) водных объектов, леса и многолетних насаждений, неразрывно связанных с земельным участком, составными частями такого земельного участка. Видовое многообразие компонентов природной среды (земель, лесов, вод), степень их интегрированности в составе объекта природного происхождения, целевое назначение обуславливают необходимость выделения в качестве самостоятельных объектов прав таких природных объектов, как водные объекты и лесные участки, которые в силу публично-правового режима не требуют признания их объектами недвижимости.

Ключевые слова: природные объекты, природные ресурсы, компоненты природной среды, объекты прав, недвижимое имущество, земельный участок, водный объект, лесной участок

Для цитирования: Семенова Е. Г. Природные объекты в системе объектов недвижимости // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 115–119. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-115-119>. EDN: FUKWCD.

Original article

Natural objects in the real estate system

Ekaterina G. Semenova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, e-g-semenova@mail.ru

Abstract. The legal regime of natural objects located on land plots as real estate objects, as well as establishment of the current state of legislative support, identification of shortcomings and contradictions in legal regulation and the practice of applying legal norms in the field of the use of natural objects are being studied. The use of the formal legal method has helped to establish the essence of the legal regime of natural objects in the system of real estate objects, to disclose the content of regulatory regulations governing the relevant relations, to identify their compliance with these relations. Along with this, integration and differentiated approaches were used, which made it possible to explore the specifics of public relations in this area, taking into account the legal regime established by law for a specific component of the natural environment (lands, subsurface, soils, surface waters, flora) and their complex in a single natural object (land plot, forest plot, subsurface area, water body). It has been established that conflicts of legal regulation of a land plot and natural objects located on it can be resolved if isolated (enclosed) water bodies, forests and perennial plantings inextricably linked to a land plot are recognized as integral parts of such a land plot. The species diversity of the components of the natural environment (lands, forests, waters), the degree of their integration into an object of natural

© Семенова Е. Г., 2024

origin, and the intended purpose necessitate the allocation of natural objects such as water bodies and forest areas as independent objects of rights, which, due to the public legal regime, do not require recognition as real estate objects.

Keywords: natural objects, natural resources, components of the natural environment, objects of rights, immovable property, land, water body, forest area

For citation: Semenova E. G. Natural objects in the real estate system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):115–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-115-119>. EDN: FUKWCD.

Введение. Основой существования и жизнедеятельности человека и общества является использование полезных свойств природной среды, что получило закрепление на в ст. 9 Конституции РФ и дальнейшее развитие в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». В зависимости от целей правового регулирования в действующем законодательстве выделяются отдельные компоненты природной среды (земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный мир и т. д.¹) либо они интегрированы в едином природоресурсном объекте (земельный участок², лесной участок³, участок недр⁴, водный объект⁵). Гражданский кодекс РФ не содержит четкого подхода к пониманию компонентов природной среды или их комплекса как объектов гражданских прав. Так, для придания овеществленной характеристики соответствующих частей природной среды, возможности их оборотоспособности законодателем используется термин «природный ресурс»⁶, в свою очередь применение категории «природные объекты» в ст. 262 ГК РФ имеет больше природоресурсное значение, как характеристика природного состояния объектов, находящихся в пределах земельного участка. Формально сами по себе компоненты природной среды не являются объектами гражданских прав. Вместе с тем объекты природного происхождения (природные объекты) как индивидуально определенные, обособленные части таких компонентов природной среды в их дифференцированном или интегрированном состоянии представляют научный интерес с точки зрения установления особенностей их гражданско-правового режима.

В действующем законодательстве правовой режим природных объектов различается и имеет следующие проявления. В отношении большинства таких объек-

тов законом введены ограничения их оборотоспособности. Так, ст. 1.2. Закона о недрах закрепляет возможность недр быть объектом гражданско-правовых отношений только в ограниченном объеме на праве пользования. Ограниченными в обороте являются и водные объекты, за исключением пруда и обводненного карьера (ст. 8 ВК РФ), лесные участки в составе земель лесного фонда (ст. 8 ЛК РФ). Использование природных объектов (в частности, земель) как пространственного базиса для хозяйственной и иной деятельности обуславливает установление законодателем правового режима земельного участка как недвижимой вещи (ст. 141.2 ГК РФ). Понимание земли не только как «природного объекта, охраняемого в качестве важнейшей составной части природы», но и как недвижимого имущества закреплено в качестве первого принципа земельного законодательства (ст. 1 ЗК РФ)⁷. В качестве недвижимых вещей законодатель закрепляет и участки недр (ст. 130 ГК РФ)⁸.

Недвижимые свойства самой земли как объекта права и находящихся на ней природных объектов (водных объектов, лесов, многолетних насаждений) имеют принципиальное значение для установления определяющих признаков природных объектов, в частности для разрешения методологического вопроса отнесения их к самостоятельным объектам или к элементам земельного участка как объекта недвижимости.

Обсуждение. В современной эколого-правовой доктрине устоялось мнение, что существенное влияние на особое правовое регулирование природных объектов (природных ресурсов)⁹ как элементов природной среды оказывают такие факторы, как: их естественное (природное) происхождение и ограниченность; взаимосвязь между собой в рамках естественной экологической системы; выполнение функций жизнеобеспечения человека и общества [1; 2].

Наряду с указанным необходимо учитывать, что в результате хозяйственной и иной деятельности че-

¹ Ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. С. 133.

² Ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

³ Ст. 7 Лесного кодекса Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

⁴ Ст. 1.2 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1999 г. № 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

⁵ Ст. 5 Водного кодекса Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

⁶ Ст. 126, 129, 209, 214 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁷ Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

⁸ В силу публично-правового режима участок недр не требует распространение на него правового режима недвижимости См.: Семенова Е. Г. Правовой режим участка недр как объекта гражданских прав // Власть закона. 2017. № 2 (30). С. 177–189.

⁹ Относительно самого соотношения понятий «природный ресурс» и «природный объект» ведутся дискуссии: Крассов О. И. Право собственности на землю в странах Европы. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014; Шорников Д. В. Природные ресурсы как объекты гражданских прав: монография. Иркутск, 2005; Петров А. В., Разумовская И. В. Природные ресурсы как объект природопользования // Экономика и экология территориальных образований. 2016. № 2. С. 109–112 и др.

ловека природные объекты могут видоизменяться (сооружение искусственных земельных участков, искусственных водных объектов, высадка леса и многолетних насаждений на земельных участках и т. д.). Таким образом, возникают вопросы не только относительно взаимосвязи объектов природного происхождения от создаваемых человеком (антропогенных) объектов [3], но и возникновения права собственности на такие объекты.

Природные объекты являются самостоятельными объектами прав, хотя в естественном состоянии они взаимосвязаны и не существуют в своем первоначальном состоянии вне этой связи. Их связь между собой и интеграция с базисным природным ресурсом — землей также влияет на правовой режим, в том числе гражданско-правовой режим, что подтверждается законодателем в п. 2 ст. 261 ГК РФ. И если в отношении поверхностного (почвенного) слоя не возникает особых сложностей, то при установлении правового режима находящихся в границах земельного участка водных объектов и растений в современных условиях правового регулирования отмечаются определенные коллизии.

Ранее обособленные водные объекты, леса и многолетние насаждения упоминались в ст. 130 ГК РФ в качестве самостоятельных недвижимых вещей. Впоследствии федеральными законами о введении в действие Водного кодекса РФ и Лесного кодекса РФ они были исключены из перечня объектов недвижимости¹. По мнению В. В. Витрянского, который обосновывал нецелесообразность рассмотрения таких объектов в качестве недвижимого имущества, речь должна идти о таких объектах недвижимости, как земельные участки, занятые, соответственно, водой, лесом или многолетними насаждениями (земельные участки водного фонда, лесного фонда) [4, с. 6].

В современных исследованиях, посвященных природным объектам, как объектам права собственности, земельный участок рассматривается как «сложная вещь, в состав которой входят другие природные объекты (поверхностный (почвенный) слой, водные объекты, леса, древесно-кустарниковая растительность, растения, нижняя часть воздушного пространства), которые не являются самостоятельными в гражданском праве и подчинены судьбе земельного участка как объекта, имеющего сложную биологическую структуру» [5].

Результаты. Если обратиться к п. 3 ст. 261 ГК РФ и отраслевому законодательству (Водный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ) то земельный участок рассматривается не только как единый природоресурсный объект, от него обособляются водные объекты, леса.

В Водном кодексе РФ закреплено понятие водного объекта и водного ресурса (ст. 1). При этом понятие «водный объект» включает все виды водных объек-

тов, в том числе искусственно созданные (пруды, обводненные карьеры, водохранилища). По общему правилу водный объект (поверхностный водный объект) неотделим от земельного участка, находится в неразрывной экосистемной связи с покрытыми им землями (п. 3 ст. 5 ВК РФ)². Особая взаимосвязь возникновения и прекращения прав на поверхностные водные объекты и земельный участок подчеркивается в отношении прудов и обводненных карьеров (п. 3 ст. 8 ВК РФ). В то же время при всех очевидных различиях между водами и землями, разграничение поверхностных водных объектов и земельных участков на законодательном уровне окончательно не установлено.

В частности, возникают трудности определения правового режима пруда, который представляет собой искусственно созданный объект, неразрывно связанный с земельным участком, образованного на водотоке и пруда, сооруженного с полным прекращением стока (не имеющего гидравлической связи с другими водными объектами). Это имеет практическое значение, поскольку зависимость водных объектов от земельного участка определяется установленным в п. 4 ст. 8 ВК РФ правилом, согласно которому пруды и обводненные карьеры отчуждаются в соответствии с гражданским и земельным законодательством.

Согласно п. 1 ст. 40 ЗК РФ собственнику земельного участка предоставлено право строить пруды, в том числе образованные водонапорными сооружениями на водотоках. В силу п. 2 ст. 77 ЗК РФ «в составе земель сельскохозяйственного назначения выделяются земли, занятые водными объектами, в том числе прудами, образованными водонапорными сооружениями на водотоках и используемые в целях осуществления прудовой аквакультуры»³. Важное значение при установлении связи такого искусственного водного объекта и земель, в пределах которых он расположен, имеет вопрос возникновения права собственности. Позиция Верховного Суда РФ сводится к тому, что «если пруд не обособлен и не изолирован от других поверхностных водных объектов и имеет с ними гидравлическую связь, он относится к собственности Российской Федерации, в том числе в случае, когда пруд образован на водотоке (реке, ручье, канале) с помощью водонапорного сооружения»⁴. Соответственно земельные участки под такими водными объектами (прудами) не формируются, а сформированные земельные участки не могут находиться в частной собственности⁵.

¹ Федеральный закон от 3 июня 2006 г. № 73-ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2380; Федеральный закон от 4 декабря 2006 г. № 201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 4 февраля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5279.

² Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

³ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 2.

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 июня 2020 г. № 308-ЭС20-8657, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 августа 2019 г. № 308-ЭС19-12381 // СПС «Консультант Плюс».

Подобную коллизию можно наблюдать и в случае с лесными участками. Как и поверхностные воды, лес тоже является природным ресурсом, который имеет соответствующую связь с земной поверхностью. Данная связь подтверждается ст. 3 ЛК РФ, устанавливающей, что имущественные отношения, связанные с оборотом лесных насаждений, регулируются гражданским законодательством, а также земельным законодательством¹.

Поддающееся большинству леса располагается в составе земель лесного фонда, соответственно, находится в федеральной собственности. В то же время законодателем закрепляется возможность нахождения леса на землях иных категорий, в том числе сельскохозяйственного назначения (п. 1 ст. 6 ЛК РФ). Исходя из указанного могут возникать трудности определения правового режима природного объекта, на котором, например, полностью уничтожены лесные насаждения при отсутствии намерения владельца земельного участка воспроизводить их. Или, наоборот, в случае насаждения леса на находящихся в частной собственности земельных участках сельскохозяйственного назначения.

Показательным в данном случае является понятие леса, приведенное в ст. 5 Лесного кодекса РФ, как «экологической системы» или «природного ресурса». В отличие от поверхностных водных объектов в понятие «лес» законодателем не включены земли, на которых произрастает лесная растительность. В свою очередь правовая конструкция, закрепляющая определение лесного участка посредством термина «земельный участок» (ст. 7 ЛК РФ), исходит из его понимания не как самостоятельного объекта, а как разновидности земельного участка. Указанное поддерживается и некоторыми авторами, которые предлагают рассматривать лесные участки в качестве земельных участков, которые отличаются видом разрешенного использования [6].

В своем постановлении Конституционный Суд РФ признал лес «комплексной экологической системой, состоящей из почв, подземных и наземных источников, объектов растительного и животного мира, находящихся в тесной взаимосвязи»². В то же время правовой режим лесного участка не является тождественным правовому режиму земельного участка, как объекта недвижимости, что находит свое подтверждение и в практике Верховного суда РФ³. Оптимальное разграничение леса как интегрированного природного

объекта от смежных природных объектов (земельных участков), а также леса как природного ресурса имеет важное практическое значение не только для закрепления прав и обязанностей в сфере использования леса, но и определения мер охраны леса и применения соответствующих видов юридической ответственности за их ненадлежащее исполнение⁴. Проведенный анализ легального определения понятия леса свидетельствует о необходимости его уточнения на законодательном уровне.

Как уже отмечалось, ранее законодательством в состав недвижимого имущества включались и многолетние насаждения. В соответствии с Общероссийским классификатором основных фондов к многолетним насаждениям относятся: все виды плодово-ягодных насаждений (деревья и кустарники); озеленительные и декоративные насаждения на улицах, площадях, в парках, садах, скверах, на территории юридических лиц, во дворах жилых домов и др.⁵ И если ранее в лесном законодательстве закреплялось право собственности на древесно-кустарниковую растительность, расположенную на земельном участке, непосредственно за собственником такого земельного участка⁶, то в действующем законодательстве правовой режим такой растительности не установлен. В разъяснениях Министерства финансов РФ относительно решения вопроса о том, являются многолетние насаждения движимым или недвижимым имуществом рекомендовано учитывать критерий причинения несоизмеримого ущерба назначению при их перемещении⁷. В судебной практике подчеркивается, что многолетние насаждения не являются недвижимым имуществом, и права на них не требуют регистрации⁸. В исследованиях также отмечается, что многолетние насаждения являются движимым имуществом [7; 8].

Выводы. Исходя из вышеизложенного, представляется, что выявленные коллизии правового регулирования земельного участка и расположенных на нем природных объектов могут быть решены в случае признания обособленных (замкнутых) водных объектов, леса и многолетних насаждений, неразрывно связанных с земельным участком, составными частями такого земельного участка. Вместе с тем, видовое многообразие компонентов природной среды (земель,

¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // СПС «Консультант Плюс».

³ Решение Верховного Суда РФ от 19 сентября 2007 г. № ГКПИ07-936 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 1.

⁴ Заславская Л. А. Судебное рассмотрение дел о лесонарушениях : законы и законодательные акты. М. : Юрид. лит., 1977.

⁵ Общероссийский классификатор ОК 013-2014 (СНС 2008) «Общероссийский классификатор основных фондов» (принят и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12 декабря 2014 г. № 2018-ст) // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Лесной кодекс Российской Федерации от 29 января 1997 г. № 22-ФЗ (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 5. Ст. 610.

⁷ Письмо Минфина России от 11 января 2017 г. № 03-05-05-01/313, Письмо Минфина России от 11 января 2017 г. № 03-05-05-01/314 // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 2 июня 2016 г. по делу № 306-ЭС15-20155, А12-43767/2014 // СПС «Консультант Плюс».

лесов, вод), степень их интегрированности в составе объекта природного происхождения, целевое назначение обуславливают необходимость выделения в качестве самостоятельных объектов прав таких природных объектов, как водные объекты и лесные участки. Помимо общих признаков объектов прав указанные объекты имеют повышенную ценность и экологическое и социальное значение не только для отдельных субъектов, но и всего общества, что определяет их специальный режим в системе объектов гражданских прав. Специальный правовой режим природного объекта сохраняется до тех пор, пока он имеет исключительно или преимущественно природное происхождение, существует как элемент экологической системы и сохраняет с ней естественную связь. В данном случае, учитывая неразделимую связь вод, леса и земель, сами земли необходимо рассматривать как пространственный базис, а не конкретный земельный участок. В силу публично-правового режима такие природные объекты не требуют признания их объектами недвижимости.

Список источников

1. Бринчук М. М. Конституция и экологическое право : монография. М. : Институт государства и права, 2019.
2. Правовой механизм обеспечения рационального использования природных ресурсов : монография / Е. А. Галиновская, В. Б. Агафонов, С. А. Боголюбов [и др.] ; отв. ред. Е. А. Галиновская. М. : ИНФРА-М, 2019.
3. Семенова Е. Г. Правовой режим искусственных земельных участков как объектов гражданских прав // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 163-170.
4. Витрянский В. В. Пути совершенствования законодательства о недвижимом имуществе // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 6.
5. Бобров Д. В. Земельный участок как сложная вещь в российском гражданском праве // Гражданское право. 2021. № 6. С. 41-44.
6. Волков Г. А. О совершенствовании определении видов разрешенного использования земельных участков // Экологическое право. 2019. № 1. С. 13-19.
7. Ларина В. Многолетние насаждения — это движимое имущество // «ЭЖ-Бухгалтер (Бухгалтерское приложение)». 2017. № 06 (9672).
8. Вивальди Е. А., Савельева И. Е., Макарова-Коробейникова Е. П. Многолетние насаждения как имущественный комплекс организации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 1. С. 62-62.

References

1. Brinchuk M. M. Constitution and Environmental Law: Monograph. M. : Institute of State and Law, 2019.
2. Legal mechanism for ensuring the rational use of natural resources: a monograph / E. A. Galinovskaya, V. B. Agafonov, S. A. Bogolyubov [et al]; ed. by E. A. Galinovskaya. M. : INFRA-M, 2019.
3. Semenova E. G. Legal regime of artificial land plots as objects of civil rights // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2020. Vol. 6 (72). № 1. P. 163-170.
4. Vitryansky V. V. Ways to improve the legislation on immovable property // Khozyaistvo i pravo. 2003. № 6. P. 6.
5. Bobrov D. V. Land plot as a complex thing in the Russian civil law // Civil Law. 2021. № 6. P. 41-44.
6. Volkov G. A. On improving the definition of types of authorised use of land plots // Environmental Law. 2019. № 1. P. 13-19.
7. Larina V. Perennial plantings are movable property // «EZh-Bukhgalter (Accounting Supplement)». 2017. № 06 (9672).
8. Vivaldi E. A., Savelyeva I. E., Makarova-Korobeinikova E. P. Perennial plantings as a property complex of the organisation // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2018. № 1. P. 62-62.

Информация об авторе

Е. Г. Семенова — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

E. G. Semenova — Professor of the Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья
УДК 343.131
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-120-124>
EDN: <https://elibrary.ru/ganxns>
НИОН: 2003-0059-6/24-202
MOSURED: 77/27-003-2024-06-401

Негативные последствия нарушения законности на примере двух уголовных дел

Владимир Александрович Семенцов

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, crimpro@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается общеправовой принцип законности, занимающий особое положение в системе уголовного судопроизводства. На основе анализа двух уголовных дел (из практики отечественного и японского правосудия) наглядно продемонстрированы негативные последствия несоблюдения законности, когда допущенные грубейшие нарушения повлекли за собой фальсификацию доказательств и привлечение к ответственности невиновных лиц. Предложено рассматривать систему уголовно-процессуальных средств обеспечения законности как приоритетное направление изучения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, законность, средства обеспечения, фальсификация доказательств

Для цитирования: Семенцов В. А. Негативные последствия нарушения законности на примере двух уголовных дел // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 120–124. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-120-124>. EDN: GANXNS.

Original article

Negative consequences of violations of the rule of law on the example of two criminal cases

Vladimir A. Sementsov

Kuban State University, Krasnodar, Russia, crimpro@yandex.ru

Abstract. The general legal principle of legality, which occupies a special position in the system of criminal proceedings, is considered. On the basis of the analysis of two criminal cases (from the practice of domestic and Japanese justice) the negative consequences of non-compliance with legality are clearly demonstrated, when the gross violations entailed falsification of evidence and bringing to justice innocent persons. It is proposed to consider the system of criminal procedural means of ensuring legality as a priority area of study.

Keywords: criminal proceedings, legality, means of security, falsification of evidence

For citation: Sementsov V. A. Negative consequences of violations of the rule of law on the example of two criminal cases. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):120–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-120-124>. EDN: GANXNS.

Современное отечественное уголовное судопроизводство ориентировано на защиту гарантированных Конституцией РФ прав и свобод, законных интересов личности от такого социального зла, как преступность. В числе принципов, определяющих основу функционирования всей системы уголовного судопроизводства, и ее правообеспечительного сегмента, с полным правом можно назвать принцип законности,

получивший свое закрепление в ст. 15 Конституции РФ и конкретизированный в ст. 7 УПК РФ. В иных статьях уголовно-процессуального закона законность упоминается достаточно часто и всегда в одном и том же контексте — при определении средств ее обеспечения.

Так, если это прокурор, то согласно п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ от него требуется проверять законность ре-

шений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с положениями УПК РФ, а в ч. 3 ст. 37 УПК РФ предписано обеспечивать законность государственного обвинения в судебном разбирательстве.

В ч. 9 ст. 166 УПК РФ предусмотрен порядок проверки законности применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, реализация которого возлагается на руководителя следственного органа и начальника органа дознания.

В ч. 3 ст. 125 УПК РФ на судью закон возлагает обязанность проверять законность действий (бездействия) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора. В соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ опять же суд полномочен проверять законность производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан.

В п. 3 ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ участникам стороны защиты предоставлено право заявлять ходатайства о производстве дополнительных следственных действий, направленных на проверку доказательств, достоверность которых вызывает сомнение, что может негативно повлиять на законность итоговых судебных решений.

В ст. 297 УПК РФ содержится прямое и однозначное требование, обращенное к суду – приговор должен быть законным. Выполнение этого требования основывается на успешном решении судом двух основных задач — соблюдение требований уголовно-процессуального закона и правильное применение уголовного закона.

В ст. 389.9 УПК РФ определено, что суд апелляционной инстанции проверяет законность решений, постановленных нижестоящими судебными инстанциями, а ст. 401.1 УПК РФ предписывает аналогичные полномочия суду кассационной инстанции. В ст. 412.1 УПК РФ закреплено, что надзорная инстанция имеет единственное полномочие — проверка законности постановлений, определений и приговоров судов.

Приведенный краткий обзор предписаний уголовно-процессуального закона призван продемонстрировать наличие в отечественном уголовном судопроизводстве многоуровневой, комплексной системы обеспечения законности уголовно-процессуальной деятельности. Подчеркнем, что в сферу действия этой системы включены процессуальные действия и решения властных субъектов уголовного судопроизводства, имеющие не только правоограничительный характер, но и затрагивающие иные аспекты, включая те, что носят исключительно процессуальный харак-

тер (например, законность решения о производстве следственных действий).

В обеспечение законности вовлечены не только властные участники, но и лица, занимающие иное процессуальное положение, например, защищающие личный или представляемый интерес [7, с. 46]. Обеспечение законности выступает постоянно действующим вектором уголовного судопроизводства и продолжается на всем его протяжении: от момента принятия и регистрации сообщения о преступлении, до вынесения окончательного решения по уголовному делу в любой из судебных инстанций. Об исключительности принципа законности в уголовном судопроизводстве сформулировано множество мнений и высказаны достаточно разные позиции. В одном ученые сходятся: законность имеет особое значение для уголовного судопроизводства, которое проявляется, прежде всего, в том, что надлежащее соблюдение принципа законности в каждом из аспектов деятельности государственных органов выступает гарантом защиты прав и свобод гражданина [4, с. 564–593; 14, с. 140–149].

Как справедливо отмечают О. В. Мичурина и В. С. Мичурин, «нарушения уголовно-процессуальных норм в досудебном производстве нередко являются причиной нарушений в суде, приводя к неверной правовой оценке действий подсудимых, неправильному определению меры уголовного наказания, а в отдельных случаях — к необоснованному осуждению невиновных» [5, с. 23].

Нарушения закона подрывают авторитет государства и его правоохранительных органов, вызывают недоверие граждан, снижают эффективность уголовного судопроизводства и уровень защищенности прав его участников. Изложенное свидетельствует о том, что несоблюдение принципа законности влечет за собой негативные последствия и может быть связано не только с признанием полученных доказательств недопустимыми, но и необоснованным привлечением к уголовной ответственности.

Проиллюстрируем негативные последствия существенного нарушения законности при производстве по уголовному делу двумя примерами из практики: отечественным и зарубежным, когда из-за пренебрежительного отношения к закону, фальсификации материалов, к уголовной ответственности привлекались невиновные лица.

19 октября 1959 г. в отношении Ф. Б. Исхакова вынесен обвинительный приговор народного суда Миякинского района Башкирской АССР, с назначением наказания в виде 15 лет лишения свободы. Исхаков признан виновным в покушении на убийство по уголовному делу с тремя потерпевшими.

На протяжении нескольких десятков лет Исхаков последовательно утверждал о своей невиновности и

после отбытия наказания обжаловал обвинительный приговор в ряде инстанций. В 2012 г. один из свидетелей по уголовному делу, неоднократно судимый С., признался в совершении преступления, за которое был осужден Исхаков, сообщив, что именно он топором причинил телесные повреждения спящим женщинам.

В 2013 г. районный прокурор возбудил производство по делу ввиду новых обстоятельств и направил соответствующее постановление вместе с уголовным делом Исхакова и явкой свидетеля С. с повинной в следственный орган для проведения расследования. В результате было установлено, что заведомо ложные показания всеми ключевыми свидетелями против Исхакова вынудили дать сотрудники милиции, а при его задержании те же сотрудники в течение 6 суток незаконно содержали его в изоляторе и применяли физическую силу с целью получения ложных показаний. Кроме того, свидетель Р. показала, что в 2013 г. к ней приезжал С. и просил прощения за совершенное в отношении нее и других женщин преступление.

Спустя два года прокурор направил в Верховный Суд Республики Башкортостан заключение о необходимости возобновления производства по делу, предлагая отменить приговор и последующие судебные решения, а уголовное дело вернуть на дополнительное расследование. Однако в дальнейшем прокурор отозвал заключение, а Верховный Суд Республики Башкортостан прекратил производство по уголовному делу. В 2018 г. судья Верховного Суда РФ отказал Исхакову в передаче его кассационной жалобы на рассмотрение со ссылкой на то, что отзыв заключения прокурором исключает дальнейшее производство по делу, с чем согласился и заместитель председателя Верховного Суда.

И только 25 мая 2023 г. Верховный Суд РФ отменил своим определением приговор суда Миякинского района Башкирской АССР от 19 октября 1959 г. Уголовное преследование в отношении Ф.Б. Исхакова прекращено за непричастностью к совершению преступления, с признанием его права на реабилитацию [6].

Что характерно, в июле 2023 г. 86-летний оправданный Исхаков подал гражданский иск к Минфину, и через два месяца Ленинский районный суд г. Уфы присудил ему 31,65 млн руб. компенсации за отбытый срок, который изначально просил взыскать 450 млн руб. [9]

Не менее показательным выглядит пример из практики японского правосудия, когда И. Хакамада, приговоренный в 1968 г. за убийство семьи из четырех человек к высшей мере наказания и в течение 46 лет ожидавший приведения приговора в исполнение в камере смертников в 2014 г. был оправдан после пересмотра дела.

Обстоятельства преступления и его расследова-

ния таковы.

В 1966 г. в г. Сидзуока ночью кто-то пробрался в дом директора местной фабрики по производству пасты мисо (продукт традиционной японской кухни, который производится путем брожения соевых бобов, риса, пшеницы или смеси из них) и зарезал его вместе с женой и двумя детьми. У семьи похитили деньги, около 200 тыс. йен (примерно 550 долларов США), а дом подожгли. Во время пожара сотрудник фабрики Хакамада помогал тушить огонь и порезал руку. Спустя 49 дней Хакамаду задержали по подозрению в убийстве, а при обыске в его комнате обнаружили пижаму в пятнах крови той же группы, что была и у одной из жертв преступления. В ходе допросов на Хакамаду оказывалось давление с целью получения «признательных» показаний. Допросы производились ежедневно и непрерывно, примерно по 12 часов, и на 20-й день Хакамада сдался, признав себя виновным, но позже, уже в суде, отказался от этих показаний. Кроме полученного незаконно признания в обосновании обвинения использовались найденные в баке мисо пять окровавленных предметов одежды, которые стали главной уликой обвинения. Вместе с тем они не подходили по размеру подозреваемому, но следствие заявило, что это его вещи, которые просто деформировались из-за мисо.

Несмотря на то, что доказательства были сфабрикованы, срок давности по этому преступлению истек и поэтому никакого расследования с целью найти настоящего виновника уже не проводилось [10].

Приведенные два примера, опубликованные в средствах массовой информации, представляют собой лишь вершину «айсберга», состоящего из случаев несоблюдения закона и нарушения законности при производстве по уголовным делам, подтверждение чему находим в ежегодных статистических данных и отчетах о результатах деятельности органов досудебного производства, прокуратуры и суда.

Невольно возникает закономерный вопрос: почему при столь тщательном подходе законодателя к формированию системы обеспечения законности случаи ее (законности) нарушения не просто встречаются, а составляют нарастающую тенденцию?

Ответ на поставленный вопрос предварим кратким замечанием, основанным на анализе научных исследований в указанной области. Ученые рассматривают принцип законности как особую правовую категорию (в том числе, общеправовую, конституционную) [3, с. 209], как «принцип принципов» [12, с. 69], универсальность которого проявляется в его распространении на все стадии уголовного судопроизводства [13, с. 59], средство выражения уголовно-процессуального права [11, с. 41–47], систему мер обеспечения законности процессуальной деятельности в досудебном производ-

стве [2, с. 5]. Изучается также судебный контроль как средство обеспечения законности [8, с. 13, 18, 28, 37], выдвигаются предложения относительно построения системы принципов [1, с. 11–18].

Научные направления исследования законности в уголовном судопроизводстве можно было бы продолжать и далее. Однако обращает на себя внимание следующее обстоятельство: практически отсутствует анализ системы обеспечения законности, несмотря на то, что именно процессуальные средства ее обеспечения выступают единственным и целевым инструментом для достижения необходимого уровня влияния на иные уголовно-процессуальные сферы и такой очевидный приоритет как надлежащая защита прав законных интересов участников.

В настоящее время уголовно-процессуальные средства обеспечения законности получают фрагментарное освещение в науке. Более того, потребности правоприменения в этой части существенно опережают имеющиеся научные рекомендации. Полагаем, что такое «отставание» и объясняет формирование негативной тенденции в части соблюдения законности в уголовном судопроизводстве.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы.

Общеправовой принцип законности занимает особое положение в системе уголовного судопроизводства, обеспечивая точное и неуклонное соблюдение и исполнение закона.

Несоблюдение принципа законности влечет негативные последствия, связанные не только с признанием полученных доказательств недопустимыми, но и необоснованным привлечением к уголовной ответственности невиновных лиц, о чем наглядно свидетельствуют рассмотренные два примера из практики, когда были допущены грубейшие нарушения закона, повлекшие за собой фальсификацию доказательств.

Приоритетным направлением современного изучения законности должна стать система уголовно-процессуальных средств ее обеспечения.

Список источников

1. Безруков С. С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 3. С. 11–18.
2. Валов С. В. Обеспечение руководителями следственных органов Следственного комитета Российской Федерации законности в деятельности подчиненных подразделений и сотрудников : учеб.-метод. пособие. М. : Московская академия Следственного комитета, 2020.

3. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статус, 2025. С. 209–212.
4. Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019. № 3. С. 564–593.
5. Мичурина О. В., Мичурин В. С. Нарушения уголовно-процессуальных норм, их причины и пути преодоления // *Российский следователь*. 2023. № 9. С. 21–25.
6. Определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2023 г. по делу № 49-УД23-11-К6 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Стельмах В. Ю. Процессуальные права представителя адвокатской палаты в ходе следственных действий, производимых в отношении адвокатов // *Адвокатская практика*. 2023. № 2. С. 46–50.
8. Судебный контроль в уголовном процессе: учебно-методическое пособие / Р. Н. Ласточкина, Е. Е. Язева, А. Г. Кулев. Ярославль: ЯрГУ, 2017.
9. Ткаченко Е. «Карт-бланш на судебные ошибки» : как снизили рекордную компенсацию вреда // *Право.ru*. 2024. 18 января.
10. Ты сжег четверых, поплачь: в Японии оправдали мужчину, который ждал казнь 56 лет // *Газета.ru*. 2024. 26 сентября.
11. Францифоров Ю. В. Законность в уголовном судопроизводстве как средство выражения уголовно-процессуального права // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2019. № 1. С. 41–47.
12. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2004.
13. Уголовный процесс. Схемы и таблицы : учебник / под ред. О. В. Химичевой, Н. В. Угольниковой. М. : Эксмо, 2023.
14. Чиковани М. А., Есина А. С. Законность в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации // *Вопросы права*. 2023. № 2. С. 140–149.

References

1. Bezrukov S. S. The system of principles of domestic criminal procedure: actual problems and approaches to construction // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2019. № 3. P. 11–18.
2. Valov S. V. Ensuring by the heads of the

- investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation legality in the activities of subordinate units and employees : textbook. the method. manual. M. : Moscow Academy of the Investigative Committee, 2020.
3. The course of criminal procedure / ed. by Doctor of Legal Sciences, Professor L. V. Golovko. 4th ed., ispr. and add. M. : Status, 2025. P. 209–212.
 4. Manova N. S., Baranova M. A. Principles of criminal justice as the embodiment of the moral foundations of criminal procedural activity // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2019. № 3. P. 564–593.
 5. Michurina O. V., Michurin V. S. Violations of criminal procedure norms, their causes and ways of overcoming // A Russian investigator. 2023. № 9. P. 21–25.
 6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 25, 2023 in case № 49-UD23-11-K6 // LRS «ConsultantPlus».
 7. Stelmakh V. Yu. The procedural rights of a representative of the bar association in the course of investigative actions carried out against lawyers. 2023. № 2. P. 46–50.
 8. Judicial control in criminal proceedings : educational and methodical manual / R. N. Lastochkina, E. E. Yazeva, A. G. Kulev. Yaroslavl : YarGU, 2017.
 9. Tkachenko E. «Carte blanche for judicial errors» : how the record damage compensation was reduced // Право.ru. 2024. January 18.
 10. You burned four people, cry: a man who had been waiting for execution for 56 years was acquitted in Japan // Газета.ru. 2024. September 26.
 11. Franciforov Yu. V. Legality in criminal proceedings as a means of expressing criminal procedural law // Judicial power and criminal procedure. 2019. № 1. P. 41–47.
 12. Khimicheva O. V. Conceptual foundations of procedural control and supervision at pre-trial stages of criminal proceedings : monograph. M. : Uniti-Dana, Law and Law, 2004.
 13. Criminal proceedings. Schemes and tables : textbook / ed. by O. V. Khimicheva, N. V. Ugolnikova. M. : Eksmo, 2023.
 14. Chikovani M. A., Esina A. S. Legality in criminal proceedings in the Russian Federation // Legal issues. 2023. № 2. P. 140–149.

Информация об авторе

В. А. Семенов — профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.

Information about the author

V. A. Sementsov — Professor of Criminal Procedure Department of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Kuban.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-125-131>

EDN: <https://elibrary.ru/dgaitr>

НИОН: 2003-0059-6/24-203

MOSURED: 77/27-003-2024-06-402

Аспекты антитеррористической защищенности в образовательных организациях

Ольга Владимировна Толстых¹, Карина Викторовна Исаева²

¹ Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, tov48@mail.ru

² Воронежский институт ФСИН России, Воронеж, Россия, karinasumina@yandex.ru

Аннотация. Представлен анализ антитеррористической защищенности, связанной с обеспечением охраны образовательных организаций. Предлагаются пути совершенствования безопасности в образовательных организациях, обеспечивающие антитеррористическую защищенность; рассмотрена инженерно-техническая укрепленность, позволяющая в полном объеме осуществлять защиту образовательных учреждений.

Ключевые слова: образовательная организация, безопасность, угроза, инженерно-техническая укрепленность, объект с массовым пребыванием людей, антитеррористическая защищенность

Для цитирования: Толстых О. В., Исаева К. В. Аспекты антитеррористической защищенности в образовательных организациях // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 125–131. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-125-131>. EDN: DGAITR.

Original article

Aspects of anti-terrorist security in educational organizations

Olga V. Tolstykh¹, Karina V. Isayeva²

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, tov48@mail.ru

² Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, karinasumina@yandex.ru

Abstract. The analysis of antiterrorist security related to the security of educational organisations is made. The ways of improving security in educational organisations, ensuring anti-terrorist protection are suggested, and also the engineering and technical strengthening, which allows to fully implement the protection of educational institutions, is analysed.

Keywords: educational organization, security, threat, engineering and technical fortification, integrated security system, anti-terrorist protection

For citation: Tolstykh O. V., Isayeva K. V. Aspects of anti-terrorist security in educational organizations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):125–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-125-131>. EDN: DGAITR.

В последнее время в Российской Федерации участились инциденты, связанные с преднамеренными и противоправными действиями людей, приводящие к социальным трагедиям. К данным действиям можно отнести: стрельбу в образовательных учреждениях (примером этому могут служить: 2021 г. произошла стрельба в гимназии в г. Казани (погибло 9 человек, а 32 были ранены), стрельба в университете г. Перми

(погибло 6 человек, ранено 47); 2022 г. в г. Ижевске произошла стрельба в школе (погибло 6 человек, ранено 20); 2023 г. в г. Брянске в гимназии произошла стрельба, в ходе которой был погиб 1 человек, а ранено 5, а стрелок застрелился на месте), реализация террористических актов, и другие умышленные деяния. Для гарантирования безопасности и антитеррористической защищенности обучающихся, сотрудников, а

также посетителей, должны быть предусмотрены эффективные меры защиты, реализовано проектирование и усовершенствование технической инфраструктуры, организована подготовка людей к действиям при нештатных ситуациях, прибывающих в образовательные организации.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 1244 «Об антитеррористической защищенности объектов» разрабатывается паспорт антитеррористической защищенности объекта, который содержит меры направленные на обеспечение безопасности (рис. 1).

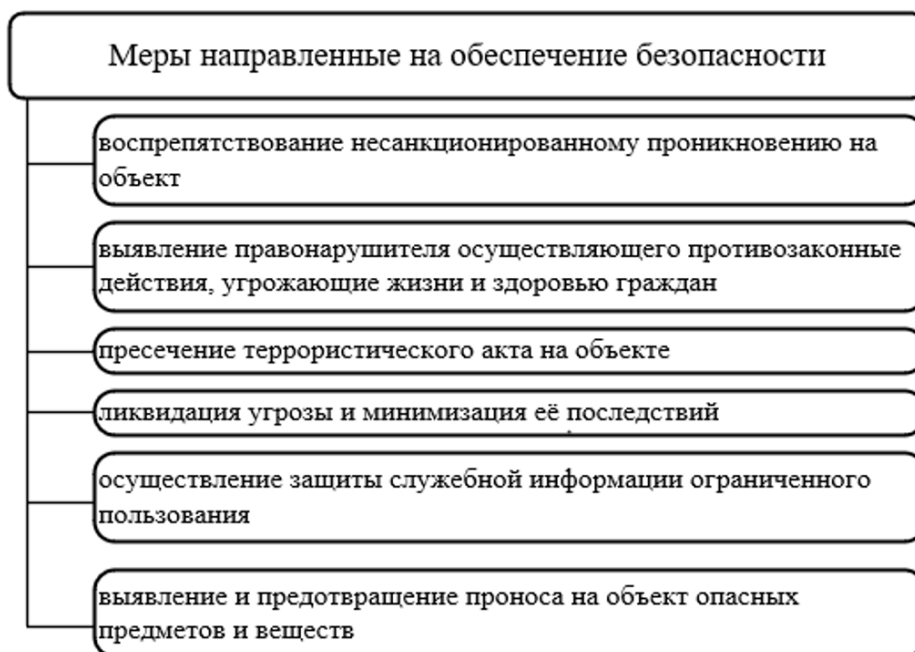

Рис. 1. Меры, направленные на обеспечение безопасности

Воспрепятствование несанкционированному проникновению на объект обеспечивается инженерно-технической укрепленностью объекта, под которой понимается совокупность прочностных характеристик и свойств конструктивных элементов зданий, помещений и ограждения охраняемых территорий, обеспечивающих необходимое противодействие несанкционированному проникновению в охраняемую зону, взлому и другим преступным посягательствам.

Основными составляющими инженерно-технической укрепленности объекта является:

- инженерно-техническое укрепление периметра, территории, здания, помещений;
- инженерно-техническое укрепление здания, стен, межэтажных перекрытий, дверные и оконные проемы, технологические каналы.

Все средства инженерной защиты условно можно разделить на следующие группы:

- естественные преграды на пути реализации угрозы безопасности (действия злоумышленников или стихийные бедствия) объекту, персоналу, информации или другим охраняемым элементам объекта (особенности рельефа местности);

- искусственные преграды на пути реализации угрозы безопасности (действия злоумышленников или стихийные бедствия) объекту, персоналу, информации или другим охраняемым элементам объекта (заборы, стены, ворота, калитки, окна зданий и помещений и т. п.);
- преграждающие устройства контроля и управления доступом.

На рисунке 2 представлены характерные для всех типов охраняемых объектов направления инженерно-технической укрепленности по обеспечению безопасности объекта.

На рисунке 3 представлена классификация технических средств обеспечения безопасности и влияние данных средств на составляющие безопасности объекта.

Правильный выбор и применение средств инженерно-технической защиты и пожарной сигнализации позволяют обеспечить высокую надежность системы безопасности объекта.

Кроме средств инженерно-технической укрепленности для обеспечения комплексной безопасности объекта необходимо использовать следующие составляющие:

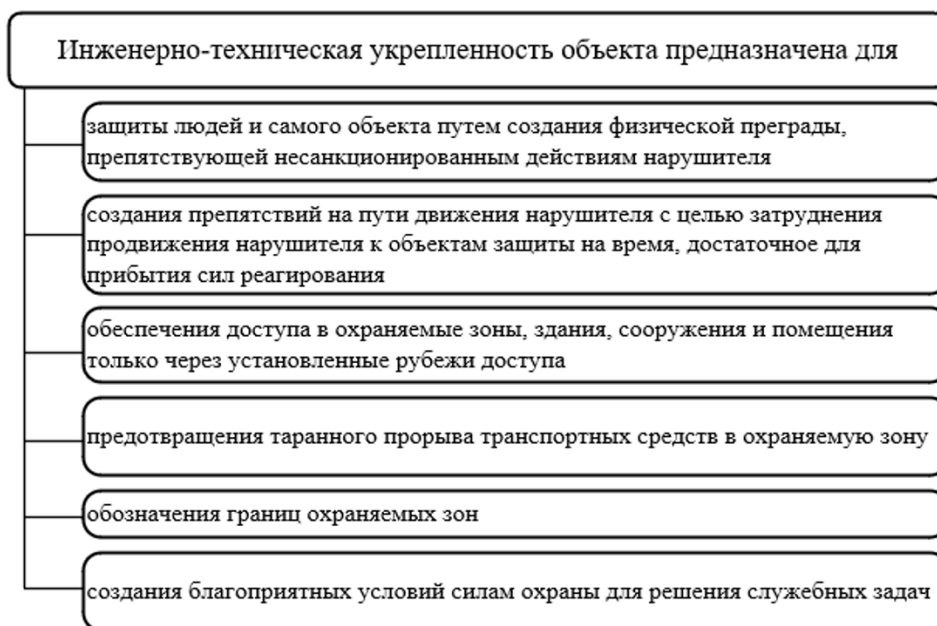

Рис. 2. Направления инженерно-технической укрепленности по обеспечению безопасности объекта

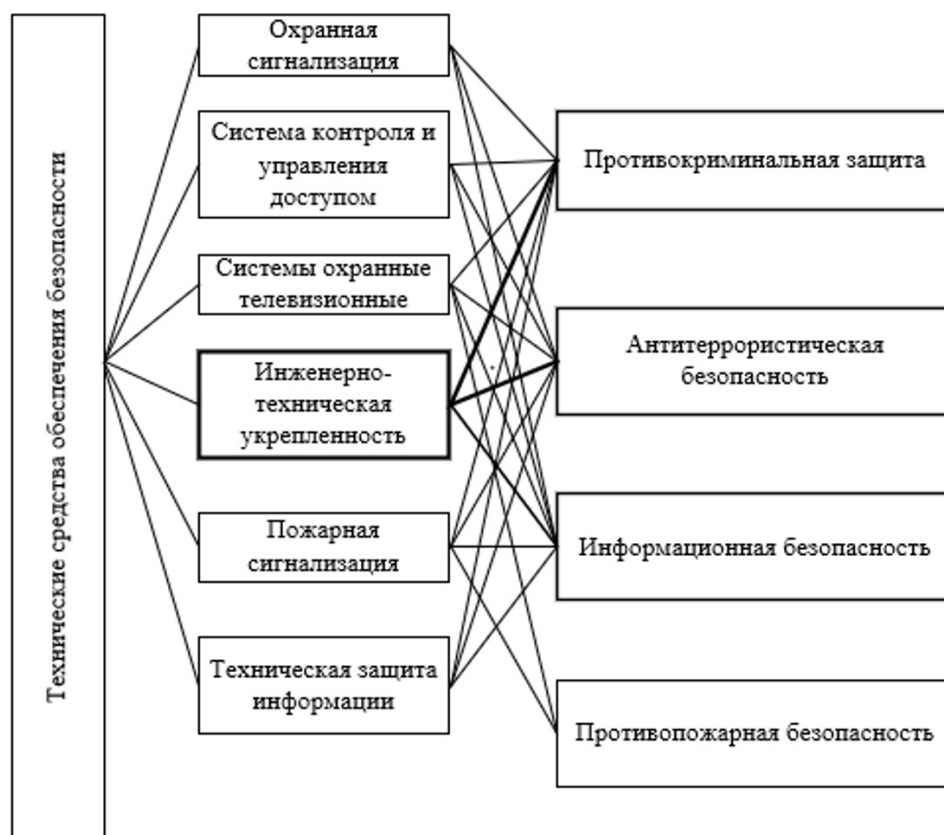

Рис. 3. Классификация технических средств обеспечения безопасности объекта

1. Системы видеонаблюдения:

- использование IP-камер с высоким разрешением, которые могут обеспечивать круглосуточное видеонаблюдение за территорией образо-

вательной организации, а также применение алгоритмов видеоаналитики.

2. Системы контроля и управления доступом:

- использования электронных замков;

- персонализация субъектов;
 - учет рабочего времени персонала.
3. Охранная сигнализация:
- размещение тревожных кнопок экстренного вызова сотрудников правоохранительных органов;
 - интеграция с пожарной сигнализацией для автоматического оповещения служб безопасности в случае обнаружения дыма или огня.
4. Системы оповещения и информирования:
- для оперативного оповещения сотрудников, обучающихся и посетителей о чрезвычайных ситуациях, SMS-рассылка для мгновенного уведомления сотрудников и обучающихся об угрозах безопасности, экстренных ситуациях или изменениях в расписании. Это может быть полезно для рассылки предупреждений о непогоде, угрозах безопасности.
5. Система информационной безопасности:
- защита информационных систем организации от киберугроз.
6. Технические средства обнаружения:
- использование металлодетекторов для проверки персонала, обучающихся и посетителей.
7. Система физической охраны:
- наличие поста охраны, оборудованного телефоном вместе со списком телефонов экстренной помощи: правоохранительных органов, скорой медицинской помощи и аварийных служб.
8. Обучение и подготовка персонала:
- регулярные занятия для персонала и обучающихся по действиям в случае террористической угрозы или других ситуаций. Важно провести и практические тренировки по отработке действий в случае возникновения угрозы;
 - распространение информационных буклетов (подготовка материалов, просвещающих обучающихся о мерах предосторожности и действиях в экстренных ситуациях).
9. Разработка планов реагирования:
- создание базовых алгоритмов действий в случае террористической угрозы, сценарии эвакуации и укрытия.

Антитеррористическая защищенность в образовательных организациях — это комплекс мер, направленных на предотвращение террористических актов, обеспечение безопасности учащихся, педагогического состава и инфраструктуры учебных организаций. С учетом увеличения числа угроз и трагических событий в образовательных учреждениях, данный вопрос приобретает особую актуальность.

Основные аспекты антитеррористической защищенности образовательной организации:

1. Оценка рисков:

- проведение регулярных аудитов безопасности для выявления уязвимостей в системах безопасности, например, тестирование огнетушителей, контроль ключей доступа, проверку состояния видеорекамера и т. д.;
 - анализ возможных сценариев возникновения угрозы и разработка стратегий их предотвращения;
 - сбор и анализ данных о происшествиях для выявления закономерностей, которые могут помочь в предотвращении будущих угроз.
2. Физическая безопасность:
- наличие поста охраны на территории организации, установка систем видеонаблюдения, сигнализации и контроля доступа;
 - регулярное проведение практических тренировок по экстренным ситуациям как для сотрудников, так и для обучающихся.
3. Обучение и информирование:
- проведение инструктажей и тренингов для сотрудников и обучающихся по соблюдению мер безопасности; обучение персонала алгоритмам действий в случае возникновения террористической угрозы;
 - создание информационных материалов о том, как распознавать подозрительное поведение и сообщать о нем.
4. Сотрудничество с правоохранительными органами:
- установление регулярного обмена информацией, что включает участие в совместных учениях и тренингах, направленных на отработку действий в случае возникновения экстренных ситуаций;
 - приглашения экспертов для проведения оценки рисков.
5. Инфраструктурные меры:
- безопасные зоны и эвакуационные маршруты (оформление на территориях организаций знаков, указывающих безопасные маршруты и места сбора на случай эвакуации);
 - обеспечение доступности эвакуационных путей и сборных пунктов для людей с ограниченными возможностями.
6. Кибербезопасность:
- обучающиеся и сотрудники должны проходить обучение по основам кибербезопасности, включая распознавание фишинга, создание сложных паролей и использование безопасных сетей;
 - регулярное обновление программного обеспечения часто используется для предотвращения взлома и обеспечения безопасности данных, включая данные о персонале и обучающихся.
7. Психологическая поддержка:
- организация работы психологов для поддержки обучающихся и сотрудников после стрессо-

вых ситуаций;

- проведение лекций и бесед на тему стресса и его последствий, возможности профилактики эмоционального выгорания.

8. Документы и регламентация:

- разработка и внедрение внутренних регламентов и инструкций по обеспечению безопасности, с учетом специфики образовательной организации;
- установление четких правил поведения во время экстренных ситуаций и их регулярное обновление.

Все вышеперечисленные меры безопасности очень важны в образовательных организациях, но одно из главных это своевременное принятия мер по поддержанию постоянного взаимодействия с людьми при возникновении чрезвычайных ситуаций, а именно, незамедлительная реализация эвакуации работников и обучающихся, но организовать данные мероприятия порой вызывает затруднения, так как люди поддаются панике и страху. Поэтому, следует проводить с сотрудниками и обучающимися учения, тренировки по своевременной эвакуации при возникновении угроз, чтобы образовательная организация была тщательно подготовлена к данному мероприятию и смогла его оперативно выполнить.

Контроль является основополагающим процессом при реализации безопасности граждан. Так как множество организаций пытаются избежать финансовых потерь при установлении усовершенствованных инфраструктур, тщательного обучении персонала при возникновении чрезвычайных ситуаций и других мер, позволяющих объекту находиться на безопасном уровне защиты.

В целом для обеспечения антитеррористической защищенности образовательных организаций, необходимо принимать ряд мер:

Во-первых, следует проводить регулярные аудиты безопасности образовательных учреждений и внедрять современные технологии защиты объекта, помещений и граждан.

Во-вторых, необходимо обучать сотрудников образовательных учреждений правилам безопасности и реагированию на возможные угрозы и нападения.

В-третьих, необходимо усилить сотрудничество между образовательными организациями и органами оперативного реагирования на возможные угрозы.

Подводя итог, можно сделать вывод, что видеонаблюдение, пожарную и тревожную сигнализацию, систему оповещения, систему контроля и управления доступом, необходимо установить в каждое образовательное учреждение, так как все эти системы являются подсистемами комплексной системы безопасности и необходимы для оперативного решения нештатных ситуаций в период обучения. Так же, целесообразно было бы установить в учебных заведениях для обе-

спечения безопасности, пост с квалифицированным, подготовленным сотрудником вневедомственной охраны, который при возникновении опасности, своевременно среагирует и примет меры. В большинстве образовательных организаций, ответственными за безопасность, несанкционированное проникновение, и другие чрезвычайные ситуации, являются частные охранные компании, но не все из них имеют профессионально-квалифицированный состав сотрудников. В современное время можно наблюдать, как охрану за образовательными организациями осуществляют сотрудники пожилого возраста, а часто и сотрудники женского пола. Образовательные учреждения, это не только места с массовым пребыванием людей, но и места, где зачастую происходят террористические акты, вооруженные нападения и т. д. Это говорит о том, что для правонарушителей не составляет труда, проникнуть на объект и совершить там противоправные деяния опасные для жизни и здоровья граждан. Тем самым ключевым остается лицо, которое сможет оперативно среагировать и выполнить предусмотренные меры антитеррористической защищенности.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Распоряжение от 15 мая 2017 г. № 928-р «Об утверждении перечня объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации» (с изм. на 31 мая 2022 г.) (редакция, действующая с 3 июня 2022 года) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/>
3. Постановление Правительства РФ от 7 ноября 2019 г. № 1421 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и подведомственных ему организаций, объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, формы паспорта безопасности этих объектов (территорий) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС «ГАРАНТ».
4. Постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» (редак-

- ция, действующая с 29.07.2020) // СПС «ГАРАНТ».
- ГОСТ Р 58485-2019. Обеспечение безопасности образовательных организаций. Оказание охранных услуг на объектах дошкольных, общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций. Общие требования.
 - Обследование и прием под централизованную охрану подразделениями вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации объектов, мест проживания и хранения имущества граждан: Методические рекомендации» (Р 093–2024). М. : ФКУ «НИЦ «Охрана» Росгвардии, 2024.
 - Инженерно-техническая укрепленность и оснащение техническими средствами охраны объектов и мест проживания и хранения имущества граждан, подлежащих централизованной охране подразделениями вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации». Методические рекомендации Р 102–2024. М. : ФКУ «НИЦ «Охрана» Росгвардии, 2024.
 - Выбор и применение технических средств и систем контроля и управления доступом: Методические рекомендации (Р 064–2024). М. : ФКУ «НИЦ «Охрана» Росгвардии, 2024.
 - Рекомендации : выбор и применение систем охранных телевизионных. М. : ФГУ НИЦ «Охрана» МВД России, 2010.
 - Системы охранного мониторинга: курс лекций / С. А. Винокуров, С. А. Гречаный, М. В. Таравков, О. В. Толстых; Воронежский институт МВД России. Воронеж : ВИ МВД России, 2021.
 - Ворона В. А. Инженерно-техническая и пожарная защита объектов. М. : Горячая линия – Телеком, 2017.
 - Гречаный С. А. Технические системы антитеррористической и противокриминальной защиты: практикум / С. А. Гречаный, М. Ю. Пакляченко, М. В. Таравков; Воронежский институт МВД России. Воронеж: ВИ МВД России, 2020.
 - Мурза К. Е., Толстых О. В. О совершенствовании организации охраны образовательных организаций // Закон и право. 2021. № 10. С. 217–219.
 - Котов С. С. Стрельба в казанской гимназии: можно ли было предотвратить трагедию? // Академическая мысль. 2021. № 3 (16). С. 119–122.
 - Кожуховский В. А. Антитеррористическая деятельность вневедомственной охраны Росгвардии // Аспирант. 2022. № 2 (70). С. 86–89.
 - Алборов Д. А., Корыц С.И. Обеспечение за-
- щищенности объектов образования // Закон и право. 2024. № 1. С. 37–41.

Bibliographic list

- Federal Law «On Countering Terrorism» dated 6 March 2006 № 35-FZ // LRS «ConsultantPlus».
- Order № 928-r dated May 15, 2017 «On Approval of the List of objects Subject to Mandatory Protection by the Troops of the National Guard of the Russian Federation» (as amended on May 31, 2022) (revision effective from June 3, 2022) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/>
- Decree of the Government of the Russian Federation № 1421 of November 7, 2019 «On Approval of the Requirements for Anti-Terrorist Protection of Objects (Territories) of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and its Subordinate Organizations, Objects (Territories) Belonging to the Sphere of Activity of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the form of the safety passport of these objects (Territories) and invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation» (with amendments and additions) // LRS «GARANT».
- Resolution of the Government of the Russian Federation № 272 of 25 March 2015 «On approval of requirements for anti-terrorist protection of places of mass stay of people and objects (territories) subject to mandatory protection by the troops of the National Guard of the Russian Federation, and forms of security passports of such places and objects (territories)» (revision effective from 29.07.2020) // LRS «GARANT».
- GOST R 58485-2019. Ensuring the safety of educational organizations. Provision of security services at the facilities of preschool, general education and professional educational organizations. General requirements.
- Examination and reception under centralized protection by units of the non-departmental protection of the National Guard troops of the Russian Federation of objects, places of residence and storage of property of citizens: Methodological recommendations (Р 093–2024). М. : ФКУ «СIC «Protection» of the Russian Guard, 2024.
- Engineering and technical fortification and equipping with technical means of protection of objects and places of residence and storage of property of citizens subject to centralized protection by units of non-departmental protection of troops of the National Guard of the Russian Federation. Methodological recommendations Р 102–2024. М. : ФКУ «СIC «Protection» of Rosgvardiya, 2024.
- Selection and application of technical means

- and access control and management systems: Methodological recommendations (P 064–2024). M. : FKU «SIC»Protection» of Rosgvardiya, 2024.
9. Recommendations : the choice and application of security television systems. M. : Federal State Institution of Scientific Research Center «Protection» of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.
 10. Security monitoring systems: a course of lectures / S. A. Vinokurov, S. A. Grechany, M. V. Taravkov, O. V. Tolstykh; Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Voronezh : VI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.
 11. Vorona V. A. Engineering, technical and fire protection of objects. M. : Hotline – Telecom, 2017.
 12. Grechany S. A. Technical systems of anti-terrorist and anti-criminal protection: practicum / S. A. Grechany, M. Y. Paklyachenko, M. V. Taravkov; Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Voronezh : VI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.
 13. Murza K. E., Tolstykh O. V. On improving the organization of protection of educational organizations // Law and law. 2021. № 10. P. 217–219.
 14. Kotov S. S. Shooting at the Kazan gymnasium: was it possible to prevent the tragedy? // Academic thought. 2021. № 3 (16). P. 119–122.
 15. Kozhukhovskiy B. A. Anti-terrorist activities of the private security of the Russian Guard // Postgraduate student. 2022. № 2 (70). P. 86–89.
 16. Alborov D. A., Koryts S. I. Protection of educational facilities // Law and Law. 2024. № 1. P. 37–41.

Информация об авторах

О. В. Толстых — доцент кафедры радиотехнических систем и комплексов охранного мониторинга Воронежского института МВД России, кандидат технических наук;

К. В. Исаева — начальник отделения организации научно-исследовательской работы организационно-научного и редакционного отдела Воронежского института ФСИН России, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

O. V. Tolstykh — Associate Professor of the Department of Radio Engineering Systems and Security Monitoring Complexes of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Technical Sciences;

K. V. Isayeva — Head of the Research Organisation Division of the Organisational, Scientific and Editorial Department of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-132-141>

EDN: <https://elibrary.ru/evkzjy>

НИОН: 2003-0059-6/24-204

MOSURED: 77/27-003-2024-06-403

Проблемы конституционного судопроизводства

Игорь Леонидович Трунов

Российская академия естественных наук (РАЕН), Москва, Россия, trunov08@yandex.ru

Аннотация. Анализируется роль и место Конституционного Суда Российской Федерации в системе государственной власти, его специфические компетенции и проблемы правоприменения. Рассматриваются вопросы политической ангажированности суда, его непоследовательности в решениях и использование абстрактных принципов для аргументации. Особое внимание уделено практике принятия решений, влиянию социально-политического контекста и проблеме преодоления юридических коллизий, а также необходимости регламентации процедур изменения конституционных интерпретаций для обеспечения стабильности правовой системы.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, конституционное судопроизводство, правовая неопределенность, судебная практика, юридические коллизии, принципы правовой определенности, конституционные интерпретации, разделение властей, антикоррупционные иски, срок исковой давности, правоприменение, социально-политический контекст, самоограничение суда

Для цитирования: Трунов И. Л. Проблемы конституционного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 132–141. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-132-141>. EDN: EVKZJY.

Original article

Problems of constitutional court proceedings

Igor L. Trunov

Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Moscow, Russia, trunov08@yandex.ru

Abstract. The role and place of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of state power, its specific competences and problems of law enforcement are analysed. The issues of political bias of the court, its inconsistency in decisions and the use of abstract principles for argumentation are considered. Special attention is paid to the practice of decision-making, the influence of the socio-political context and the problem of overcoming legal conflicts, as well as the need to regulate the procedures for changing constitutional interpretations to ensure the stability of the legal system.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional court proceedings, legal uncertainty, judicial practice, legal conflicts, principles of legal certainty, constitutional interpretations, separation of powers, anti-corruption lawsuits, statute of limitations, law enforcement, socio-political context, judicial self-restraint

For citation: Trunov I. L. Problems of constitutional court proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):132–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-132-141>. EDN: EVKZJY.

*Законы можно насилловать, они не кричат.
Талейран*

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ), в силу своей специфической компетенции, занимает особое место в системе органов государственной власти. Зародившись в условиях сложной политической обстановки, орган конституционного

контроля все еще не может освободиться от образа политически ангажированного образования, созданного под видом «хранителя» и «защитника» Конституции России от законодательного и правоприменительного произвола со стороны иных ветвей государственной системы.

Но все же конституционное право ни в коем случае нельзя считать «прислужницей» публичной вла-

© Трунов И. Л., 2024

сти, напротив, оно «в состоянии и должно оказывать правовое позитивное влияние на политику и политические отношения» [1]. КС РФ должен проявлять умеренность исходя из принципов конституционной сдержанности и народовластия. Важнейшим проявлением самоограничения КС РФ является отказ от решения политических вопросов. Тем не менее, стремление властных структур решать политические вопросы посредством конституционно-правового истолкования может вынудить суд высказывать политическую позицию в условиях политического конфликта [2].

Президент РФ и российский законодатель давно работают над исключением политизация КС РФ. Так, в 2020 г. был принят пакет Президентских поправок в ФКЗ № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые, по мнению законодателя, запретив критику и публикацию особых мнений судьями КС РФ по поводу решений КС РФ, защитили Конституционный Суд России от «политизации» [5].

В настоящее время в российской правовой системе все больше возрастает роль интерпретационных актов. Вместе с этим возрастает и неопределенность в юридическом значении актов официального судебного толкования одного уровня ввиду их неоднородности. Разъяснения, которые учитывают в своей правоприменительной практике нижестоящие суды, издаются Конституционным Судом РФ в виде постановлений, определений, а Верховным Судом РФ — в виде постановлений Пленума и Президиума. В связи с этим Н. А. Власенко отмечает, что «сегодня для судей вопрос об иерархии, примате положений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ решается по принципу, в каком ведомстве работает судья...». Судебный прецедент всегда стоит ниже закона, хотя этот «квазипрецедент» меняет структуру закона в случае признания нормы неконституционной. Такая деятельность в научной литературе названа одним из вариантов нормокоррекции [10].

В процессе аргументации своих решений КС РФ нередко прибегает к использованию не только принципов, прямо закрепленных в Конституции РФ или федеральных законодательных актах, но применяет принципы, не нашедшие отражения в нормативных текстах [3]. Наиболее спорный характер приобретают принципы, искусственно выведенные КС РФ для обоснования собственных позиций (пример, принцип правовой определенности [13], принципы объективности, справедливости, рациональности, сбалансированного учета публичных и частных интересов [21] и т. п.). Вариативность и противоречивость судебных решений с естественной абстрактностью таких категорий, как «сдержанность» и «разумность», а с другой стороны — отсутствие аутентичного разъяснения содержательных пределов, под видом конституционно-правовой интерпретации, исключает возможность исправления последствий ошибочного судебного акта. КС РФ, самостоятельно выступая в роли **позитивного**

законодателя, создает отсутствующие в федеральном законодательстве механизмы. Однако, к примеру, нарушения требований определенности законодательного регулирования недостаточно для необходимого исправления дефекта конституционно-правового характера.

Используемые в основе своей аргументации абстрактные и собственные оценочные принципы подобны «фиговым листкам», с помощью которых КС РФ прикрывает собственную непоследовательность в угоду меняющемуся социально-политическому контексту и служит политико-правовым документом, к «капризам» действующего политического курса [3].

Орган конституционного правосудия, порой, проявляет очевидную непоследовательность, несмотря на представления о нейтральности Конституционного Суда, хотя вряд ли его можно оградить от политической составляющей [7]; в условиях неизбежно меняющегося социально-политического контекста судьи приспособливают смысловую нагрузку формально неизменного нормативного конституционного текста к новым вызовам, проблемам и требованиям современности [4].

Но то, что современно, то всегда временно и, в отсутствии механизмов внесения **поправок и изменений**, Конституционный Суд РФ всегда должен «исходить из ранее сформулированных правовых позиций, которые имеют значение для разрешения дела, определяя при этом пределы их необходимого использования» [8].

Теоретические представления о понятии интерпретационного акта, понятии акта официального судебного толкования, способах прекращения их действия, способах **разрешения юридических коллизий** не позволяют ответить на вопрос, как следует разрешать юридические коллизии актов официального судебного толкования. Привычные для нормативных правовых актов способы разрешения юридических коллизий (например, отмена ранее изданного закона более поздним) непригодны для актов официального судебного толкования, противоречия между которыми необходимо разрешать исходя из существа правоположений с учетом принципов правовой определенности и разумных ожиданий участников правоотношений [6].

Однако перейдем от теории к практике. 8 октября 2024 г. состоялось самое резонансное слушание последних лет. В главном зале заседаний Конституционного суда РФ №1, в Санкт-Петербурге на Сенатской площади, собрался весь цвет юриспруденции России. Представители Президента, Правительства, Минюста, Госдумы, Совета Федерации, Генпрокуратуры, Российского Союза промышленников и предпринимателей, Исследовательского центра частного права при Президенте, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве, Института государства и права РАН, Уполномоченного по правам

человека в РФ и другие авторитеты в области права и нормотворчества, лучшие ораторы и выдающиеся ученые. Зал заседаний Конституционного Суда РФ был заполнен, несмотря на систему спецпропусков. Ажитаж, СМИ, прямая трансляция создавали ощущение специфического шоу по типу дореволюционных судебных процессов с участием Федора Плевако или Анатолия Кони.

Повод — национализация или антикоррупционные иски, появившиеся в России как результат ратификации Конвенции ООН против коррупции, оригинальная для российского права презумпция вины в гражданско-правовой сфере. Вопрос изъятия в доход РФ имущества, в отношении которого чиновник (бывший чиновник) не представил доказательств его приобретения на законные доходы. Поводом послужил запрос судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 6 июня 2024 г., обнаруживший неопределенность в вопросе соответствия Конституции РФ положений гл. 12 «Исковая давность» ГК РФ, отмечая, что в судебной практике сформированы взаимоисключающие подходы.

Мнения участвующих лиц разделились, и полемика накалилась. Представитель ГД РФ, органа, издавшего оспариваемый акт, Юрий Петров заявил: «право прокурора на обращение в суд с исками антикоррупционной направленности в целях соблюдения баланса публичных и частных интересов должно быть ограничено по времени. Данные иски являются исками имущественного характера. Правоотношения, возникающие в связи с этим, регулируются нормами гражданского права, в том числе (Определениями КС РФ) и иными положениями норм института исковой давности. В связи с чем неопределенности в вопросе применения норм института исковой давности ГД РФ усматривает» [24]. Его поддержал Верховный Суд РФ и основная часть экспертного сообщества. Представитель Генеральной прокуратуры России был настолько эмоционален, что назвал оппонентов «заблудившимися правоприменителями» и спросил, «на кого работает Верховный Суд России?». Председательствующий вынужден был дважды прерывать генерал-лейтенанта прокуратуры. Знаменательное слушание вылилось в не менее «выдающееся» решение, не подлежащее обжалованию, вступающее в силу немедленно и обязательное для всех.

В соответствии с Постановлением КС РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П нормы гл. 12 ГК РФ по антикоррупционным искам стали не соответствовать требованиям законности и справедливости, поощрять коррупционное поведение и вести к противоправному обогащению, несовместимыми с принципами существования и деятельности правового государства, а также подрывать надлежащее функционирование рыночной экономики, веру граждан в законность, добро и справедливость в государстве (ст. 1 (ч. 1), ст.ст. 8, 15

(ч. 2), ст. 17 (ч. 3), ст. 19 (ч.1 и ч. 2), ст. 46 (ч. 1 и ч. 2) и 75.1, КС РФ). В действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход РФ, считается неустановленным.

КС РФ применил сложную расширительную конструкцию, используя в основе своей аргументации абстрактные и собственные оценочные принципы, которые прикрывают непоследовательность практики судов общей юрисдикции, превращаясь в непоследовательность судебной практики КС РФ в угоду меняющемуся социально-политическому контексту. Видимо «орган конституционного контроля все еще не может освободиться от образа политически ангажированного образования, созданного под видом «хранителя» и «защитника» Конституции РФ [3]».

Конституция России не содержит понятия «сроки давности», следовательно, по идее нет оснований для проверки на конституционность, и подобная проверка не входит в компетенцию КС РФ, установленную ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которым «КС РФ при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов».

Вопросы судебной практики, ее единообразного применения — прерогатива ВС РФ. Так, ст. 126 Конституции РФ гласит: «**Верховный Суд РФ** является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, осуществляет судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и **дает разъяснения по вопросам судебной практики**». ФКЗ от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ» закрепляет в ст. 5. ч. 3 полномочия Пленума ВС РФ, который: 1) рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ.

Норма, регламентирующая антикоррупционные иски (пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ), вступила в силу и начала применяться с 1 января 2013 г. Через четыре года появились незначительные вопросы правоприменения и в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ», ВС РФ дал исчерпывающие разъяснения в обзоре судебной практики, утвержденном Президиумом ВС РФ [9]. Проблем или неопределенностей в вопросе применения института исковой давности начиная с момента его принятия (1994 г.) не усматривалось, и сложностей его применения не возникало. 1 сентября 2013 г. в ГК РФ появилось положение, согласно которому срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня наруше-

ния права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом от 6 марта 2006 г. Еще через несколько лет вдруг, в условиях меняющегося социально-политического контекста, в судебной практике появляются те самые противоречивые решения, сформировавшие взаимоисключающие подходы. Суды общей юрисдикции, причем нижнего звена, начали приспосабливать смысловую нагрузку решений, неизменного законодательства к новым политическим вызовам и проблемам современности. Возникает вопрос: насколько это допустимо, когда политизация не приемлема даже для КС РФ? И вместо обращения за разъяснениями к Пленуму ВС РФ Краснодарский краевой суд обращается, что называется «через голову», в КС РФ.

Относительно ранее вынесенных решений по вопросу сроков давности КС РФ указал: «Препятствием для вынесения Постановления КС РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П о сроках исковой давности в ГК РФ не явилось то обстоятельство, что в **Определении от 19 декабря 2019 г. № 3559-О, а затем в Постановлении от 4 июля 2022 года № 27-П** КС РФ не отрицал применимость исковой давности к отношениям, урегулированным ФЗ № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Это значит, что два решения не действуют в части, но на основании какой нормы права одно решение может изменить другое? КС РФ может исправить опisku, погрешность или неточность (ст. 82 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1), но данный закон не содержит норму о том, что последнее в хронологическом порядке решение КС РФ имеет преимущественную силу или может менять другие решения. Помимо указанных (Определение № 3559-О и Постановление № 27-П) существует большое количество решений, в которых КС РФ доносит обязательное определение «никто не может быть поставлен под угрозу неблагоприятных последствий на неопределенный или слишком длительный срок. Наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступить неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий». Перечислим некоторые: Постановление от 20 июля 1999 г. № 12-П — «установление срока для предъявления претензий предполагает такую его продолжительность, которая не лишала бы смысла ни само право на предъявление претензий, ни соответствующую процедуру их рассмотрения»; Постановление от 27 апреля 2001 г. № 7-П — «Поддержание — в целях обеспечения конституционных гарантий прав и свобод граждан — баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов, участвующих в гражданско-правовых отношениях, диктует необходимость уста-

новления ограничительных сроков»; Постановление от 14 июля 2005 г. № 9-П — «не быть преследуемым по истечении определенного срока с момента совершения деяния, с тем чтобы достигалась правовая защищенность и не подвергалось посягательствам право на защиту, которое было бы скомпрометировано, если бы суды выносили решения, основываясь на неполной в силу истекшего времени доказательственной базе»; Постановление от 24 июня 2009 г. № 11-П — «целью установления соответствующих сроков давности является как обеспечение эффективности реализации публичных функций, стабильности правопорядка и рациональной организации деятельности правоприменителя, так и сохранение необходимой стабильности правовых отношений и гарантирование конституционных прав лица, совершившего деяние, влекущее для него соответствующие правовые последствия, поскольку никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок». Постановление от 24 марта 2017 г. № 9-П предусматривает, что «законодатель в пределах своих дискреционных полномочий вправе устанавливать, изменять и отменять сроки исковой давности в зависимости от целей правового регулирования и производить их дифференциацию при наличии к тому объективных и разумных оснований, а также определять порядок их течения во времени. Соответственно, эти законоположения сами по себе также не могут расцениваться как нарушающие конституционные права и свободы»; Определение от 3 ноября 2006 г. № 445-0 — «Институт исковой давности в гражданском праве имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению хозяйственных договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных гражданских прав приводило бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов. Применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав», Постановление от 20 июля 2001 г. № 20-П и другие. Как быть с ними? Для возможности изменения одним решением других нужны поправки в ФКЗ от 21 июля 1994 г. №-1 и специальная процедура и др., как быть с ними?

Решения Конституционного Суда РФ, имея пред-

метом рассмотрения конкретную норму на соответствие Конституции, как правило, затрагивают правоприменение еще нескольких норм и законов, что ведет к хаотизации правоприменения, например, давая конституционное истолкование нормативных актов или его положений, в части сроков давности в гражданском судопроизводстве на соответствие Конституции. Помимо сроков давности, КС РФ Постановлением от 31 октября 2024 г. № 49-П КС РФ смог самостоятельно «расширить» собственные полномочия, указав следующее: «При признании нынешнего положения дел — отсутствия таких сроков давности — адекватно отражающим в конкретно-исторических условиях общественные потребности федеральный законодатель вправе воздержаться от каких-либо нормативных изменений. Установить, что на федерального законодателя **не возлагается** обязанность внести изменение в действующее правовое регулирование». В то же время ч. 4 п. 1 ст. 80 №1-ФКЗ [26] содержит обязательность внесения законодательных изменений в течение двух месяцев с момента вынесения решения Конституционным Судом РФ, а при неисполнении применяются механизмы ответственности. **КС РФ, исходя из нынешнего положения дел, настоятельно рекомендует законодателю не исполнять ФКЗ и снимает с парламента РФ ответственность (?).** Насколько такое решение законно, и если оно не законно то, кто и как его может обжаловать и отменить? Ответ — никто и никогда!

Конституционный Суд РФ наделил Прокуратуру РФ новыми полномочиями и обязанностями и ввел ряд новых понятий: «на основе собранной и надлежаще закреплённой информации прокурор приобретает реальную возможность подать антикоррупционный иск, чтобы он был обеспечен доказательствами, тем более когда они выходят за пределы количественного сопоставления доходов и расходов», «прокурор должен доказать факт превращения или преобразования», «в том числе производного имущества», выяснять обстоятельства злоупотребления полномочиями, совершение иных деяний коррупционной направленности, разыскивать имущество, находящееся в собственности подконтрольных замещающим (замещавшим) государственные должности лицам, и связанных с ним лиц. Выявлять доходы от реализации или использования бывшего в экономической деятельности имущества. Данное решение меняет смысл как минимум **трех федеральных законов.**

Судебное разбирательство, по замыслу законодателя в соответствии пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, не предполагает выявления и установление нарушений законодательства о противодействии коррупции в гражданском процессе. КС РФ кардинально меняет смысл статьи, совмещая гражданский и уголовный

процессы в нарушение ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, согласно которой «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства». КС РФ в своем Постановлении проводит аналогию применения со ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества, принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора», функции прокуратуры расширены вместе с возможностями гражданского суда, но в случае конфискации в уголовном праве — это следствие и вступивший в законную силу приговор, а в соответствии пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ — это всего лишь презумпция подозрения в коррупции, а последствия те же — полная конфискация.

Отдельный не менее важный вопрос применения норм права, утративших законную силу. Ст. 54 Конституции РФ гласит: «Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, **обратной силы не имеет**». В Постановлении КС РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П в части предшествовавшего и утратившего свою силу законодательства о коррупционных исках до 1 января 2012 г. говорится: «Рассматриваемая мера не выходит за пределы имущественной сферы соответствующего лица, сформированной посредством совершения деяний коррупционной направленности, поэтому ее применение не может расцениваться как несовместимое с конституционным запретом на придание обратной силы законам, вводящим публично-правовую ответственность и ухудшающим правовое положение граждан». КС РФ отменил действие конституционного запрета ст. 54 Конституции РФ? При чем в своем же решении ранее КС РФ закрепил другую позицию: «Нормотворческая практика введения в действие закона свидетельствует о том, что основным принципом существования его во времени является немедленное действие. **Придание обратной силы закону — исключительный тип его действия во времени, использование которого относится лишь к прерогативе законодателя.** При этом либо в тексте закона содержится специальное указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма. Законодатель, реализуя свое **исключительное право** на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений. **Обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой**» [22].

В Постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П КС РФ красиво цитирует положения Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., акцентируя внимание на том, что выводы суда согласуются с нормами п. 9 ст. 31, ст. 34, ст. 29, но только на эти статьи не

распространяется юрисдикция РФ. Конвенцию Россия ратифицировала лишь в части, поскольку нератифицированная часть противоречит Конституции РФ [27]. Сколько было бурной полемики за и против ратификации ст. 20 Конвенции ООН, которая противоречила российской конституционной норме о презумпции невиновности — ст. 49 Конституции РФ, законность победила, не ратифицировали. Суть нератифицированной ст. 20 Конвенции ООН — рассмотрение антикоррупционных исков с конфискацией в рамках уголовного производства. Постановлением от 31 октября 2024 г. № 49-П Конституционным Судом РФ проведена аналогия применения ст. 104.1 УК РФ — конфискации в гражданском процессе, а Прокуратура РФ наделена дополнительными функциями. Совмещение уголовного и гражданского процессов судопроизводства стало повсеместным. Исследование и оценка в порядке гражданского судопроизводства материалов из уголовных дел, оперативно-разыскных материалов, по которым производство не окончено, так же дает возможность закрывать гражданские процессы в связи с тайной уголовного расследования, хотя подмена одного вида судопроизводства другим является недопустимой (см. Определение Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 2069-О). Сложным путем ст. 20 Конвенции ООН зашла в российское правоприменение.

В силу своей специфической компетенции, занимая особое место в системе органов государственной власти и не имея собственного места ни в системе разделения властей, ни в системе «сдержек и противовесов», Конституционный Суд РФ **сам себя поставил над законодательной и судебной властями**, в то время как фундаментальный демократический принцип разделения властей не предполагает наделение судебных органов законодательскими полномочиями. В сфере конституционного правосудия осуществляется оценка конституционности норм права, в результате которой, в случае признания этих норм неконституционными, **на законодательный орган** возлагаются обязанности по устранению причин такой неконституционности [11].

При принятии Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» в 1994 г. законодатель понимал необходимость решения стремительно меняющихся политических вопросов, в особенности при политических конфликтах, посредством конституционно-правового истолкования, которая может привести к непоследовательности решений. Законодатель заложил положение, позволявшее исправлять судебные ошибки или менять противоречивые решения, согласно которому «необходимости принять решение, не соответствующее правовой позиции, выраженной в ранее принятых решениях КС РФ» (ст. 73 № 1-ФКЗ «О КС РФ»). Однако регулирующая нор-

ма — ст. 73 была признана утратившей силу в 2010 г. в связи с упразднением деления КС на палаты. На практике не было зафиксировано случаев реального применения ст. 73 Закона «О КС РФ» в решениях, принятых в период действия указанной статьи, нет ни одного упоминания об этом, как нет и ссылок на данную статью как на норму, которой КС РФ руководствовался бы при принятии решений. Хотя попытки добиться применения ст. 73 Закона о КС РФ были, что говорит о том, что проблема начала расти еще более 20 лет назад, но попытки ее решения потерпели неудачу. Так, ряд граждан обращались в Конституционный Суд РФ с ходатайствами об официальном разъяснении его Постановления от 22 июля 2002 г. № 14-П со ссылками на то, что отдельные положения в нем не соответствуют друг другу и содержат взаимоисключающие правовые позиции. Отказывая в принятии этих ходатайств (Определение от 19 июня 2003 г. № 204-О) Конституционный Суд РФ указал, что утверждения о противоречии правовых позиций из Постановления от 22 июля 2002 г. № 14-П ранее изложенным правовым позициям не предполагают дачи соответствующих разъяснений по поставленному вопросу, поскольку вопрос о соотношении правовых позиций с позициями, изложенными в ранее принятых решениях Конституционного Суда РФ, выходит за рамки содержания названного Постановления. Вопрос о механизме преодоления коллизий между правовыми позициями, сформулированными в различных решениях, явно игнорировался [12].

Отталкиваясь от одних и тех же принципов, КС РФ отправляя правосудие, часто приходит к различным по своему характеру выводам, и в качестве самоограничения выработал получивший распространение в практике КС РФ **принцип разумной конституционной сдержанности**. Принцип предполагает существование предела судебного усмотрения и судебного активизма в интерпретации или толковании принципов и норм конституции [25]. Решением Конституционного Суда РФ [20] было практически воплощено новое направление развития системы сдержек и противовесов в российской системе разделения властей. Предполагалось, что с принятием этого принципа Конституционный Суд РФ уклоняется от введения нового правового регулирования и вмешательства в дискрецию законодателя, ограничивает себя в правотворчестве в соответствии с принципом разделения властей и отмечает, что правовое регулирование — прерогатива законодателя. Мотивы применения принципа разумной сдержанности Конституционным Судом РФ сводятся к:

1) невмешательству в исключительную дискрецию законодателя, в частности, посредством введения нового правового регулирования, расходящегося с действительной волей парламента;

2) негативному влиянию дисквалификации оспариваемой нормы на функционирование правовой системы в целом и возможным трудностям в правоприменении, обусловленным возникновением в таком случае пробела в правовом регулировании, требующего внесения системных изменений в действующее законодательство [15];

3) ухудшению правового положения лиц, определяемого признанным неконституционным правовым регулированием [16];

4) опасности в условиях процессуально-правового вакуума произвольного выбора правоприменителями модели правового регулирования [17].

Со временем принцип конституционной сдержанности из средства сдерживания и самоограничения КС РФ превратился в абстрактную аргументационную конструкцию, прикрывающую все тот же законодательный характер решений Суда, создающую сложную политико-правовую проблему.

Проблема имеет нарастающий характер, уже сегодня можно в зависимости от необходимости ссылаться на обязательные решения КС РФ, противоположные по смыслу, что создает нарастающий хаос в правоприменении, подрывает доверие к судебной власти. Ошибки законодателя исправляются поправками, даже Указы Президента РФ возможно обжаловать, постановления КС РФ — нет. Необходим сдерживающий фактор, тормозящий переход из нормального правового поля деятельности государственного органа в беспредел при постоянном или временном, случайном или намеренном отсутствии ограничений [28].

Материальным пределом толкования являются текст интерпретируемой нормы, а также единство Конституции. **Судебный орган конституционного контроля ограничен сформулированными ранее интерпретациями конституционных норм, что вытекает из принципа устойчивости конституционной законности.** Конституционный суд РФ неоднократно сталкивался с необходимостью изменить интерпретацию исходных конституционных норм, что связано с разными причинами или с изменением закономерностей функционирования общественных отношений или социальных ценностей [23]. К примеру, содержание принципов народовластия и федерализма [18; 19; 20]. Насколько допустима подобная практика без принятия законодателем специальной процедуры изменения конституционных интерпретаций, предусмотренных, к примеру в Индии [11, art. 137, 141; 29], ФРГ [33, § 18; 30]. Неизменяемость конституционно-судебных интерпретаций является, с одной стороны, ограничением развития общества и государства, с другой — присвоением судебным органом конституционного контроля **полномочий учредительной власти.** Законодательная регламентация подобной процедуры не

только позволит уточнять смысл состоявшихся решений КС РФ, но и изменять их применительно к новым социально-политическим условиям, а в инновационном рыночном обществе предполагает параллельную трансформацию конституционных норм и правоотношений как результат реализации программной функции Конституции.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: Избранные статьи. 2010–2016. М. : Проспект, 2016. С. 29.
2. Гаджиев Г. А. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ к Постановлению Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П «По делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995. № 16. Ст. 1451.
3. Джавакян Г. З. Принцип разумной сдержанности в конституционном правосудии: самоограничение или самоустранение? // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6.
4. Бондарь Н. С. Социоисторический динамизм Конституции — без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 22–34.
5. Бочарова С. Конституционный суд защитили от «политизации процесса» // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/10/21/844123-konstitutsionnii-sud/>
6. Назарькова Е. О. Юридические коллизии актов официального судебного толкования и возможные способы их разрешения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2.
7. Нарутто С. В. Место Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1096–1107.
8. Полянский В. В. Гармонизирующая функция Конституционного Суда Российской Федерации (конституционное содержание и перспективы реализации) // Юридический мир. 2013. № 12. С. 21–26.
9. «Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы» (утв. Президиумом Верхов-

- ного Суда РФ 30.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Смолькова И. В., Преловский П. О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по поводу уголовного судопроизводства — судебные прецеденты? // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 1. С. 131.
 11. Пермиловский М. С., Вилова М. Г. Методология конституционной аксиологии в разъяснениях Конституционного Суда России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8.
 12. Петров А. А. Правовые суперпозиции Конституционного Суда Российской Федерации : постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2021. № 4.
 13. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.
 14. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2008 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» в связи с жалобами граждан А. Ф. Кутиной и А. Ф. Поварничиной» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2008. № 51. Ст. 6205.
 15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2012. № 2. Ст. 398.
 16. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 17-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2018. № 19. Ст. 2812.
 17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2012. № 21. Ст. 2697.
 18. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 19. Ст. 2320.
 19. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2006. № 3. Ст. 336.
 20. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 8062.
 21. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (часть II). Ст. 3200.
 22. Решение Конституционного Суда РФ от 1 октября 1993 г. № 81-р «По индивидуальным жалобам граждан о проверке конституционности правоприменительной практики трудовых споров» // СПС «КонсультантПлюс».
 23. Смирнов В. А. Толкование конституции как способ развития содержания ее норм: сравнительное исследование опыта Российской Федерации и зарубежных государств // Современное право. 2024. № 8.
 24. Трансляция от 8 октября 2024 г. рассмотрения Постановления от 31 октября 2024 г. № 49-П, Представитель ГД РФ с 26:22 мин // URL: https://medias.ksrf.ru/archive/20241008_101.mp4/embed.html
 25. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Принцип конституционной сдержанности: содержание и особенности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9.
 26. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
 27. Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».
 28. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в

современном мире: монография // М. : Наука, 2016. С. 143.

29. The Constitution of India (As amended up to 1st May, 2022) // Legislative Department // URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s380537a945c7aaa788ccfcd1b99b5d8f/uploads/2023/05/2023050195.pdf>
30. Bundesverfassungsgerichtsgesetz Vom. 12. Marz 1951 in der Fassung Der Bekanntmachung Vom 11. August 1993, das zuletzt durch Artikel 4 des Gesetzesvom 20. November 2019 geandert worden ist // Gesetzim Internet // URL: <https://www.gesetzeim-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html>

References

1. Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: Selected Articles. 2010–2016. М. : Prospect, 2016. P. 29.
2. Gadzhiev G. A. Special opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation to the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12 April 1995 № 2-P «On the case of interpretation of Articles 103 (part 3), 105 (parts 2 and 5), 107 (part 3), 108 (part 2), 117 (part 3) and 135 (part 2) of the Constitution of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 16. Art. 1451.
3. Javakyan G. Z. Principle of reasonable restraint in constitutional justice: self-restraint or self-elimination? // Constitutional and Municipal Law. 2018. № 6.
4. Bondar N. S. Socio-historical dynamism of the Constitution — without rewriting the constitutional text // Journal of Constitutional Justice. 2014. № 2. P. 22–34.
5. Bocharova S. The Constitutional Court was protected from «politicisation of the process» // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/10/21/844123-konstitutsionnii-sud/>
6. Nazarkova E. O. Legal conflicts of acts of official judicial interpretation and possible ways of their resolution // Electronic supplement to the «Russian Law Journal». 2023. № 2.
7. Narutto S. V. Place of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of public authorities // Actual Problems of Russian Law. 2014. № 6. P. 1096–1107.
8. Polyansky V. V. Harmonising function of the Constitutional Court of the Russian Federation (constitutional content and prospects of implementation) // Juridical World. 2013. № 12. P. 21–26.
9. «Review of judicial practice on cases on applications of prosecutors on the appeal to the income of the Russian Federation property, in respect of which are not presented in accordance with the legislation on combating corruption evidence of its acquisition on legitimate income» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 30.06.2017) // LRS «ConsultantPlus».
10. Smolkova I. V., Prelovskiy P. O. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on criminal proceedings — judicial precedents? // Izvestiya Irkutsk State Economic Academy. 2016. Vol. 26. № 1. P. 131.
11. Permilovsky M. S., Vilova M. G. Methodology of constitutional axiology in the explanations of the Constitutional Court of Russia // Constitutional and Municipal Law. 2022. № 8.
12. Petrov A. A. Legal superpositions of the Constitutional Court of the Russian Federation: problem statement // Russian Law Journal. 2021. № 4.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 5 February 2007 № 2-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 7. Art. 932.
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27 November 2008, № 11-P «On the case of verifying the constitutionality of the second part of Article 5 of the Federal Law «On the minimum wage» in connection with the complaints of citizens A. F. Kutina and A. F. Povarnitsina» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. № 51. Art. 6205.
15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21 December 2011 № 30-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 2. Art. 398.
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 April 2018, № 17-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 19. Art. 2812.
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14 May 2012 № 11-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 21. Art. 2697.
18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30 April 1996 № 11-P On the case of the constitutionality of paragraph 2 of the Decree of the President of the Russian Federation of 3 October 1994 № 1969 «On measures to strengthen the unified system of executive power in the Russian Federation and paragraph 2.3 of the Regulations on the head of the administration of the krai, region, city of federal significance,

- autonomous region, autonomous district of the Russian Federation, approved by this Decree // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 19. Art. 2320.
19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21 December 2005, № 13-P On the case of verification of the constitutionality of certain provisions of the Federal Law «On General Principles of Organisation of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation» in connection with the complaints of a number of citizens // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 3. Art. 336.
 20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24 December 2012 № 32-P On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of federal laws «On General Principles of Organisation of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation» and «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation» in connection with the request of a group of deputies of the State Duma // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 53 (p. 2). Art. 8062.
 21. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14 July 2005 № 9-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 30 (part II). Art. 3200.
 22. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from October 1, 1993 № 81-r «On individual complaints of citizens about checking the constitutionality of the law enforcement of labour disputes» // LRS «ConsultantPlus».
 23. Smirnov V. A. Interpretation of the Constitution as a way to develop the content of its norms: a comparative study of the experience of the Russian Federation and foreign countries // Modern Law. 2024. № 8.
 24. Broadcast of 8 October 2024 review of the Decree of 31 October 2024 № 49-P, Representative of the State Duma of the Russian Federation from 26:22 min // URL: https://medias.ksrf.ru/archive/20241008_101.mp4/embed.html.
 25. Umnova-Konyukhova I. A., Aleshkova I. A. Principle of constitutional restraint : content and features of implementation // Constitutional and Municipal Law. 2020. № 9.
 26. Federal Constitutional Law of 21 July 1994 № 1-FKZ «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
 27. Federal Law of 8 March 2006 № 40-FZ «On Ratification of the UN Convention against Corruption» // LRS «ConsultantPlus».
 28. Khabrieva T. Ya. Constitutional reform in the modern world : a monograph // М. : Nauka, 2016. P. 143.
 29. The Constitution of India (As amended up to 1st May, 2022) // Legislative Department // URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s380537a945c7aaa788ccfcdf1b99b5d8f/uploads/2023/05/2023050195.pdf>
 30. Bundesverfassungsgerichtsgesetz Vom. 12. Marz 1951 in der Fassung Der Bekanntmachung Vom 11. August 1993, das zuletzt durch Artikel 4 des Gesetzes vom 20. November 2019 geandert worden ist // Gesetzeim Internet // URL: <https://www.gesetzeim-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html>

Информация об авторе

И. Л. Трунов — Президент Союза адвокатов России, Председатель отделения права Российской академии естественных наук (РАЕН), доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор, академик РАЕН.

Information about the author

I. L. Trunov — President of the Union of Advocates of Russia, Chairman of the Law Department of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Academician of the RANS.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 18.12.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was submitted 16.12.2024; approved after reviewing 18.12.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Научная статья
УДК 34:338
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-142-146>
EDN: <https://elibrary.ru/ahyumc>
НИОН: 2003-0059-6/24-205
MOSURED: 77/27-003-2024-06-404

Войска национальной гвардии Российской Федерации — субъект стратегического планирования

Виктор Михайлович Шеншин

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия, vitya-shen@mail.ru

Аннотация. Приводятся аргументы и сделаны выводы о необходимости и целесообразности включения войск национальной гвардии в перечень субъектов, осуществляющих стратегическое планирование. Отмечается принятие значительного объема документов в сфере стратегического планирования, затрагивающего интересы обеспечения государственной и общественной безопасности.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, стратегическое планирование, государственная безопасность, общественная безопасность, Росгвардия

Для цитирования: Шеншин В. М. Войска национальной гвардии Российской Федерации — субъект стратегического планирования // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 142–146. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-142-146>. EDN: АНУУМС.

Original article

National Guard Troops of the Russian Federation — subject of strategic planning

Viktor M. Shenshin

Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Saint Petersburg, Russia, vitya-shen@mail.ru

Abstract. This study provides arguments and draws conclusions about the necessity and expediency of including the National Guard Troops in the list of entities engaged in strategic planning. There is a significant adoption of documents in the field of strategic planning, affecting the interests of ensuring state and public security.

Keywords: National Guard Troops, strategic planning, state security, public safety, Rosguard

For citation: Shenshin V. M. National Guard Troops of the Russian Federation — subject of strategic planning. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):142–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-142-146>. EDN: АНУУМС.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью совершенствования системы стратегического планирования в Российской Федерации, с учетом значимости войск национальной гвардии как одного из ключевых участников обеспечения государственной и общественной безопасности. Несмотря на существующий правовой и организационный базис стратегического планирования, в современных условиях наблюдается ряд проблем и противоречий, которые препятствуют эффективной реализации государ-

ственной политики в данной сфере.

Одной из основных дисфункций является отсутствие четкой иерархии и взаимосвязи между многочисленными стратегическими документами, которые разрабатываются и утверждаются на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Современная система стратегического планирования, как отмечают исследователи, включая С. М. Зубарева, характеризуется бессистемностью, что приводит к несвоевременности принятия решений и их низкой эффективности.

Ю. В. Говорухина указывает на наличие более 70 тысяч стратегий, доктрин, концепций и других документов, которые нередко дублируют друг друга или противоречат основным целям государственной политики.

Войска национальной гвардии, обладающие уникальным правовым статусом и выполняющие широкий спектр задач в области обеспечения общественной безопасности и территориальной обороны, остаются вне перечня субъектов стратегического планирования. Это приводит к недостаточной координации их деятельности с другими участниками системы государственной безопасности, что сказывается на общей эффективности реализации стратегических целей. Кроме того, отсутствие нормативного закрепления роли войск национальной гвардии в стратегическом планировании ограничивает их потенциал в разработке предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы и организации взаимодействия участников стратегического планирования.

В научной литературе отмечается значительная проработка вопросов стратегического управления и планирования. А. Г. Добкин подчеркивает необходимость четкого определения роли каждого участника стратегического планирования и их ответственности за достижение установленных целей. Исследования И. С. Назаровой фокусируются на нормативных аспектах деятельности войск национальной гвардии, однако вопрос об их интеграции в систему стратегического планирования остается малоизученным. Аналогичным образом, работы М. В. Зубовой и ее соавторов поднимают концептуальные проблемы обеспечения общественной безопасности, однако не затрагивают аспектов участия войск национальной гвардии в данной сфере.

Проблема интеграции войск национальной гвардии в систему стратегического планирования заключается в необходимости устранения существующих противоречий и создания нормативной базы, которая обеспечит их участие в разработке и реализации государственной политики, что позволит повысить эффективность управления в области национальной безопасности, обеспечив согласованное взаимодействие всех участников стратегического планирования.

Свое исследование автору представляется необходимым начать с основного вывода, к которому он пришел. Таковым является утверждение о том, что перечень субъектов стратегического планирования следует доработать, путем включения в него войск национальной гвардии. Почему мы об этом ведем речь, поясним.

В стратегии национальной безопасности Российской Федерации продекларирован подход, на осно-

вании которого к эффективности государственного управления предъявляются повышенные требования.

Согласимся с Ю. А. Тихомировым, который пишет, что необходимо «Соблюдение строгой целевой ориентации управления, когда национальные цели и стратегии решения задач последовательно реализуются с помощью системы взаимосвязанных решений. Так бывает, к сожалению, не всегда, и нередко решения то принимаются с опозданием, то с ошибками, то хаотично. Нужно учитывать своего рода дерево целей, которые как бы движутся по уровням от общего к частному и тем самым связывают исполнителей» [8, с. 11].

Система стратегического планирования, по мнению исследователей, — это «механизм обеспечения, согласованного взаимодействия участников стратегического планирования на основе принципов стратегического планирования при осуществлении разработки, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования с использованием научно-методического обеспечения» [5].

Несмотря на наличие значительного количества стратегий, доктрин, концепций, относящихся к сфере национальной безопасности, имеющаяся на сегодняшний день государственная программа пока не содержит четкого представления о целях, задачах подобного рода документов, о том, как они соотносятся между собой в аспекте выстраивания взаимосвязи, взаимозависимости и иерархии [2, с. 36]. На практике мы можем наблюдать постоянное принятие новых стратегических документов, имеющих отношение к государственной и общественной безопасности.

Наука неоднократно говорила о центральном месте государственного управления, опираясь при этом на значительную сферу регулирования общественных отношений, затрагивающих исполнительную деятельность государства. Важным направлением государственного управления в сфере обеспечения национальной безопасности выступает стратегическое планирование, когда принимается множество различных документов. По оценкам С. М. Зубарева получается, что «Сложившаяся на сегодня практика разработки, принятия и реализации стратегических документов не отвечает потребностям времени» [4]. В науке преобладает точка зрения, в соответствии с которой система документов стратегического планирования в современных условиях «бессистемна» [6]. Ю. В. Говорухина говорит о пятиста стратегиях, утвержденных Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации. «Всего же, согласно реестру документов стратегического планирования АИС «Управление», насчитывается более 70 000 стратегий, доктрин, концепций, программ,

проектов, планов, дорожных карт, прогнозов и иных документов стратегического планирования, единовременно действующих на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления в Российской Федерации» [1, с. 3–4].

Стратегическое планирование — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая (одобряемая) органами государственной власти Российской Федерации и иными участниками стратегического планирования (п. 10 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»).

Обратим внимание, что на основании п. «к» ч. 1 ст. 102 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации при назначении кандидатур на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти консультируется с Советом Федерации. Консультации проводятся и по таким вопросам, как безопасность государства, общественная безопасность.

Постольку, поскольку Росгвардия — это федеральный орган исполнительной власти, то его возглавляет директор. Но в должности руководителя исследуемой нами Федеральной службы заложена формула, когда одно лицо возглавляет как государственный орган, так и государственную военную организацию. А это уже накладывает особый характер на деятельность войск национальной гвардии, так как ни один другой руководитель федерального органа исполнительной власти подобных смежных должностей не занимает. Все заместители директора Росгвардии поименованы в законодательстве, в том числе, заместителями главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации.

Учитывая, что стратегическое планирование в Российской Федерации осуществляется в сфере обеспечения национальной безопасности, Росгвардия является одним из участников стратегического планирования, задачей которого является выработка и реализация государственной политики в установленных сферах деятельности, а значит и в свете планирования применения войск национальной гвардии и их служебно-боевой (служебной) деятельности.

Таким образом, на основании Указа Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 целями государственной политики в сфере стратегического планирования названы — организация взаимодействия органов публичной власти в сфере стратегического планирования для обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, осуществляемого под руководством Президента Российской Федерации.

Мы разделяем мнение А. Г. Добкина, в соответствии с которой «Стратегическое планирование как комплексный процесс, участие, в реализации которого в той или иной степени, принимают все элементы государственного аппарата, нуждается в четком определении роли и места каждого участника этого процесса и, соответственно, меры их ответственности за достижение тех или иных стратегических целей и задач» [3].

Следовательно, войска национальной гвардии вполне могут справиться с такими задачами, как — выработка предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы стратегического планирования, общих принципов организации и функционирования системы стратегического планирования; организация взаимодействия участников стратегического планирования в целях реализации государственной политики в сфере стратегического планирования.

На основании подп. 8, 17 п. 9 Положения о Росгвардии следует, что она осуществляет полномочие по планированию применения и организации применения войск национальной гвардии в мирное и военное время; участвует в разработке Плана обороны Российской Федерации; организует участие войск национальной гвардии в территориальной обороне Российской Федерации, а также планирование их совместных действий с Вооруженными Силами Российской Федерации, воинскими формированиями и органами в целях обороны страны.

Директор при этом утверждает документы планирования применения войск национальной гвардии и их служебно-боевой (служебной) деятельности.

В качестве дополнительного аргумента стоит отметить, что ФСВНГ — федеральный орган исполнительной власти, имеющий особый статус, сочетающий, по сути, в себе и элементы правового положения федерального министерства, и федеральной службы, т. е. по сути даже шире, чем у министерства.

Росгвардия входит в силовой блок, установленный разд. I Указа Президента Российской Федерации от 11 мая 2024 г. № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

Войска национальной гвардии выполняют ряд задач совместно с ОВД, что предполагает также принятие различных НПА общего характера, отражающих вопросы взаимодействия при выполнении общих задач, в том числе на перспективу.

И. С. Назарова утверждает: «Сущность управленческой деятельности в целом состоит в организующем воздействии на общественные отношения, которые складываются в процессе руководства механизмом реализации задач по охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности» [7].

В целях повышения качества управленческих решений и выработки комплексных мер в установленной сфере деятельности в войсках национальной гвардии организована работа коллегиальных и совещательных органов. Так, в 2016 году образована коллегия Росгвардии. При Росгвардии сформированы и функционируют координационные советы по вопросам частной охранной деятельности, совершенствования механизма учета оружия и контроля за его оборотом на территории России, Координационный совет по военно-патриотическому воспитанию, Совет по культуре, Научный и Научно-технический советы Росгвардии.

В ходе выполнения служебно-боевых задач в рамках межведомственного взаимодействия войска приняли участие в обеспечении охраны общественного порядка и безопасности при проведении свыше 1,3 млн. массовых мероприятий, проведении 380 совместных с пограничными органами ФСБ России специальных пограничных операциях и профилактических мероприятиях, пресечении с ФСИН России 5 массовых беспорядков в исправительных учреждениях, ликвидации с подразделениями МЧС России последствий 75 чрезвычайных ситуаций в различных регионах страны.

В целом комплекс реализованных мероприятий обеспечил устойчивое выполнение поставленных перед войсками национальной гвардии задач, срывов их выполнения не допущено.

Рассмотрение проблемы стратегического планирования показало, что существующая система документов, как отмечают исследователи, включая С. М. Зубарев, характеризуется фрагментарностью и отсутствием четкой структуры. Это приводит к снижению эффективности принятия управленческих решений. Ю. В. Говорухина указывает на масштаб проблемы, акцентируя внимание на огромном количестве стратегий и других документов, которые часто не согласованы между собой. Участие войск национальной гвардии в стратегическом планировании, как подчеркивает А. Г. Добкин, могло бы способствовать улучшению координации между органами государственной власти и повышению качества принимаемых решений.

Вместе с тем, остается большой комплекс дисфункций, требующих своего разрешения. К ним, в частности, следует отнести вопросы по контролю за оборотом оружия, придание сотрудникам ОМОНа и СОБРа статуса военнослужащих, соблюдения законности, правопорядка и дисциплины.

Важным результатом исследования стало выявление несоответствия между задачами войск национальной гвардии и их нормативным статусом. Как справедливо подчеркивает И. С. Назарова, управление в сфере

обеспечения общественного порядка и безопасности требует системного подхода и четкой нормативной регламентации, что делает участие войск национальной гвардии в стратегическом планировании необходимым. Совмещение функций военной организации и федерального органа исполнительной власти, как показано в работе, создает уникальные условия для выполнения ими задач стратегического характера.

Кроме того, анализ текущей ситуации подтвердил наличие значительного потенциала войск национальной гвардии в области разработки предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы стратегического планирования. Их включение в систему стратегического управления позволило бы обеспечить реализацию государственной политики в сфере безопасности более согласованно и эффективно.

Таким образом, выводы исследования подтверждают актуальность и обоснованность предложений, направленных на нормативное закрепление роли войск национальной гвардии в стратегическом планировании. Это станет важным шагом в улучшении системы управления в сфере национальной и общественной безопасности, что соответствует современным вызовам и потребностям государственной политики Российской Федерации.

Список источников

1. Говорухина Ю. В. Стратегия как правовой документ: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. Н. Новгород, 2021.
2. Демидов А. Дорожная карта национальной безопасности: о базовых документах в сфере обеспечения национальной безопасности России // Свободная мысль. 2013. № 6.
3. Добкин А. Г. О правовом регулировании состава участников стратегического планирования на федеральном уровне // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6(58). С. 179–185.
4. Зубарев С. М. Стратегические акты управления как форма управленческого решения в области обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета Российской Федерации : проблемы иерархии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5(117). С. 26–35.
5. Зубова М. В., Калмыков Г. И., Сандугей А. Н., Цоколова О. И. Концептуальные проблемы стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 64–71.

6. Краснова И. О. Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 164–177.
7. Назарова И. С. Актуальные аспекты нормативного регулирования правотворческой деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1(10). С. 105–108.
8. Эффективность государственных управленческих решений в условиях цифровизации: монография / отв. ред. С. М. Зубарев. М. : Проспект, 2023.
4. Zubarev S. M. Strategic management acts as a form of managerial decision in the field of ensuring national security and state sovereignty of the Russian Federation: problems of hierarchy // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2019. № 6(58). P. 179–185.
5. Zubova M. V., Kalmykov G. I., Sandugey A. N., Tsokolova O. I. Conceptual problems of strategic planning in the field of public safety // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3 (55). P. 64–71.
6. Krasnova I. O. The legal nature and system of acts of the state environmental policy // Actual problems of Russian law. 2022. № 1. P. 164–177.
7. Nazarova I. S. Actual aspects of the regulatory regulation of law-making activities of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2020. № 1(10). P. 105–108.
8. The effectiveness of public management decisions in the conditions of digitalization: a monograph / ed. by S. M. Zubarev. Moscow : Prospekt, 2023.

References

1. Govorukhina Yu. V. Strategy as a legal document: abstract of the dissertation of the candidate. Law. N. Novgorod, 2021.
2. Demidov A. National security roadmap: on basic documents in the field of ensuring national security of Russia// Free thought. 2013. № 6.
3. Dobkin A. G. On the legal regulation of the composition of participants in strategic planning

Информация об авторе

В. М. Шеншин — доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. M. Shenshin — Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-147-152>

EDN: <https://elibrary.ru/bzrvow>

ИИОН: 2003-0059-6/24-206

MOSURED: 77/27-003-2024-06-405

К вопросу об истинности суждения в процессе доказывания

Ольга Григорьевна Яткевич¹, Виктория Евгеньевна Хазова²

¹ Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, olgayatkevich@yandex.ru

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, x.victoria@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы назревшей необходимости формирования в доктрине понятия и содержания объективности истины в судопроизводстве при логических рассуждениях в процессе доказывания. Авторы рассуждают о логике и обоснованности истинности в доказательстве как неоспоримого требования к признанию судом доказательства обоснованным и допустимым, а процесса доказывания как процесса познания. Приходят к выводу о том, что доказывание — это деятельность, основанная на двух характерных процессах: познании и убеждении, а истинность суждений оценивается судом в процессе оценки представленных доказательств.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, истинность суждений, логика, обоснованность, убеждение, познание

Для цитирования: Яткевич О. Г., Хазова В. Е. К вопросу об истинности суждения в процессе доказывания // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 147–152. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-147-152>. EDN: BZRVOW.

Original article

On the question of the truth of a judgment in the process of proof

Olga G. Yatkevich¹, Victoria E. Khazova²

¹ St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Russia, olgayatkevich@yandex.ru

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, x.victoria@yandex.ru

Abstract. The questions of overdue necessity of formation in the doctrine of the concept and content of objectivity of truth in legal proceedings at logical reasoning in the process of proving are considered. The authors argue about the logic and validity of truth in the evidence as an indisputable requirement for the court to recognize the evidence as valid and admissible, and the process of proving as a process of cognition. They come to the conclusion that proving is an activity based on two characteristic processes: cognition and belief, and the truthfulness of judgments is assessed by the court in the process of evaluating the presented evidence.

Keywords: evidence, proof, truth of judgments, logic, validity, persuasion, cognition

For citation: Yatkevich O. G., Khazova V. E. On the question of the truth of a judgment in the process of proof. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):147–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-147-152>. EDN: BZRVOW.

© Яткевич О. Г., Хазова В. Е., 2024

Институт доказывания в процессуальном праве является одним из древнейших, так как фактически появился вместе с судебным процессом. Несмотря на неоспоримую фундаментальность и исключительную практическую значимость, институт доказывания до настоящего времени продолжает совершенствоваться и развиваться.

Осуществление гражданского судопроизводства преследует цели, среди которых первостепенной является осуществление права граждан на судебную защиту, а также восстановление положения, существовавшего до нарушения их законных прав и интересов. Для гражданского судопроизводства очень важно, чтобы дела рассматривались своевременно и в соответствии с законом.

Принцип гражданского процесса, выраженный в обязанности доказывания, служит достижению самих целей гражданского процесса, которые во многом зависят от того, как происходит сбор, представление и рассмотрение доказательств, насколько проведенное доказывание соответствует действующему законодательству. Иными словами, судебной инстанции для анализа заявленного правового требования, вынесения правосудного решения и разрешения дела по существу необходимы доказательства.

Достижение данных целей предполагает своевременное и полноценное определение предмета доказывания по делам в гражданском процессе. Однако сам процесс доказывания в гражданском судопроизводстве не столь однозначен как может показаться на первый взгляд. Необходимо учитывать приемы и законы логики при построении рассуждений в рамках процесса доказывания. Нельзя не согласиться с мнением Евдокимовой О. В., утверждающей, что «доказывание представляет собой длящийся во времени процесс, в результате чего спорные факты приобретают свойство бесспорного (доказанного)» [1, с. 65].

Основной задачей суда при рассмотрении дела является познание тех фактов и обстоятельств, при которых они произошли, изучение полностью деяний и событий по данному делу. При этом законодателем установлены общие правила оценки доказательств, а также закреплена обязанность суда по отражению результатов оценки в судебном решении. Познавательная деятельность лежит в основе исследования доказательств, представленных сторонами по делу.

По нашему мнению необходимо формирование в доктрине понятия и содержания объективности истины в судопроизводстве при логических рассуждениях в процессе доказывания, что, несомненно, будет способствовать развитию судебной системы, развитию самой идеи о справедливости суда. Однако следует

выделить, что в ГПК РФ не содержится точного и конкретного термина, касающегося сущности логики в процессе доказывания. Безусловно, вопрос о существовании самого понятия истины упоминается еще в философских критериях теории познания. Следовательно, современная юридическая наука различает два уровня познавательной деятельности — обыденное и научное познание:

а) обыденное можно характеризовать как знание, которое базируется на убеждении «здравого смысла», «практического сознания», и воплощающегося в повседневной жизни;

б) научное познание — это вид познавательной деятельности человека, с помощью критериев, как внутренняя неприкосновенность, инвариантность знания и т. д. [2, с. 27].

Можно ли утверждать, что обыденное познание равно чувственному? И чем руководствуется судья, исследуя доказательства по делу, чувствами или здравым смыслом?

Чувственное познание осуществляется органами чувств человека посредством ощущения, восприятия предмета, его представления. Ощущение позволяет определять отдельные свойства явления, предмета, процесса посредством их воздействия на органы чувств. В ходе ощущения человек может определить форму, размер, запах. Чувственный образ целостной картины процесса, предмета или явления человек может создать посредством восприятия объекта. Все представления формируются именно с помощью индивидуального восприятия.

Еще одной формой чувственного познания является представление — обобщенный, чувственно-наглядный образ процесса, предмета и явления, который сохраняется в памяти человека после знакомства с объектом. Рациональное познание представляет собой познание, осуществляемое с помощью разума. Оценивая и познавая доказательства через мыслительный процесс, судья приходит к умозаключению, выводу как мысленной связи нескольких суждений и выведению из них нового суждения об истинности познанного.

Утверждение об отнесении судебного доказывания к одному из видов познавательной деятельности поддерживается многими учеными, утверждает Котлярова В. В [3, с. 7]. М. К. Трешников считает, что доказывание по гражданским делам есть способ познания реальной действительности [4, с. 51]. Сходятся во мнении и И. В. Решетникова с В. В. Ярковым о том, что доказывание есть разновидность познания, подчиняющееся, с одной стороны, законам познания, а, с другой стороны, процедурным правилам получения доказательств, их исследования и оценки [5, с. 162].

Исходным основанием изучения доказательной деятельности является выяснение ее соотношения с рядом понятий и логических категорий, имеющих неправовой характер. Речь идет о таких понятиях и категориях, как познание, логика, мышление, убеждение. Это можно объяснить доктринальными подходами, которые сложились в науке, отражающие как единство правовых и неправовых основ доказательной деятельности, так и сложность их взаимной корреляции. Ф. В. Константинов указывал, что «доказательство в широком смысле — это любая процедура установления истинности какого-либо суждения» [6, с. 44]. Рассуждая о связи логики и суждения, В.И. Кириллов и А. А. Старченко дают определение доказательства: «доказательство — это логическая операция обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений» [7, с. 171].

На наш взгляд, не должно быть сомнений в том, что рассмотренные основы имеют существенные отличия. Во-первых, порядок доказывания регламентирован законодателем, в то же время вряд ли можно ставить вопрос об ограничениях познания и логики, мышления и убеждения какими-то нормативно установленными пределами, поскольку они имеют объективную природу и не зависят от воли законодателя. Во-вторых, даже в случае нарушения процессуального законодательства доказательство будет признано не соответствующим правилам допустимости.

Бесспорно, доказывание неразрывно связано с логикой мышления. Именно логические процессы являются основой доказательственной деятельности. В определенной степени недостаточное внимание к не процессуальным основам доказывания характерно для отечественного гражданского процессуального права. Законодательство не содержит прямого указания на соответствие логике процедуры рассмотрения и решения гражданских дел. Ни общие нормы, ни специальные правила доказывания, ни формулирование выводов в судебных актах, ни проверка принятых решений не предполагают обращения к логике как основе процессуальной деятельности. Это дает основание утверждать, что оценка эффективности доказательной деятельности происходит путем анализа судебного решения.

Кроме того, построение норм, регулирующих доказательство и доказывание, исключительно на правилах «чистой» логики не будет соответствовать реальной жизни. Хотя отрицать важность практического применения в процессе доказывания законов логики нельзя. Например, немаловажное значение в процессе доказывания имеют дедукция и индукция — два противоположных метода рассуждения. Индукция пред-

полагает переход от частного к общему, дедукция — от общего к частному. Оба метода не исключают друг друга и могут использоваться для оценки определенных фактов в гражданском судопроизводстве. С точки зрения формальной логики, характерной особенностью дедуктивного способа в процессе доказывания является то, что от истинных посылов он всегда ведет к истинному заключению, что подтверждается и соответствующими нормами ГПК РФ, хотя логические приемы напрямую в них и не упоминаются.

Так, с помощью дедукции суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела. При этом первоначально, согласно ст. 55 ГПК РФ [8], суд обязан установить наличие или отсутствие обстоятельств, которые обосновывают требования и возражения сторон. Применению судом метода дедукции предшествует получение им в законном порядке сведений о фактах — доказательств по делу, из общей массы которых суд исключает те сведения, которые не имеют значения для рассмотрения и правильного разрешения дела.

Соответственно, судебное доказывание — это логико-практическая познавательная деятельность сторон, суда, иных участников судопроизводства, которая урегулирована законом. Как познавательная деятельность, судебное доказывание направлено на установление обстоятельств, имеющих юридическое значение для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела. Судебное доказывание способствует достижению цели не только гражданского, но и других видов судопроизводства. С точки зрения формальной логики, доказывание — это установление истинности одного суждения с помощью других, уже известных суждений, что принимаются за истину.

Следует особо отметить, что доказывание не ограничивается собственно познанием, для которого все же характерно отсутствие любого интереса. Исходя из того, что каждая из сторон преследует свои интересы в процессе доказывания, соответственно, познанием доказательственной деятельности не ограничивается. Поэтому считаем, что познание и доказывание соотносятся лишь в определенной части и особенности доказывания необходимо искать именно в конструкции бремени доказывания, которая по общему правилу распределяет обязанности по доказыванию и устанавливает неблагоприятные процессуальные последствия ее невыполнения.

Актуальность понятия и содержания истины на сегодняшний день имеет немаловажное практическое значение, если речь идет о достижении необходимой и достоверной истины по рассматриваемым делам в гражданском судопроизводстве. После того как при-

нято исковое заявление к производству, суд приступает к рассмотрению и разрешению его по существу. Рассмотрение гражданских дел представляет собой деятельность суда, которая направлена на установление фактов, имеющих важное значение для дела, а также определения его юридического статуса и квалификации, логическим завершением которой является вынесение решения по делу как процессуального юридического факта — основания возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей сторон.

Отдельная трактовка сущности доказывания связана с такой логической категорией как убеждение. При этом отношение к убеждению в доказывании в гражданском процессуальной науке варьируется от признания единым содержанием до полного возражения.

Убеждение — это субъективное ощущение правильности того или иного заключения. Оно формируется под воздействием различных факторов, а не только результата познания. В науке указывается, что в доказывании имеют место и процессы чувственные, эмоциональные. Познание не учитывает субъективного восприятия информации как соответствующей или несоответствующей истине. За рамками познания остаются разные выводы из тех же установленных фактов. Не охватывается познанием умение стороны или ее представителей выгодно подать ту или иную информацию, умалить или преувеличить ее значение, обосновать тот или иной вывод. Не входит в рамки познания доверие суда к той или иной стороне, убежденность в правдивости той или иной позиции. Несмотря на сложную природу указанных явлений и спорный характер их влияния на принятие решения, отрицать объективность их существования нельзя.

Вся деятельность суда и лиц, участвующих в деле, является процессуальной. В то время как познание не имеет ярко выраженного волевого компонента, убеждение всегда имеет направленное воздействие. Убеждение, в отличие от познания, всегда предполагает участие как минимум двух субъектов — того, что убеждает, и того, кого убеждают. Это и происходит в процессе рассмотрения дела между лицами, участвующими в деле (убеждающие субъекты, которые влияют) и судом (тот, кого убеждают). Если суд указывает на причины, мотивы, факторы, обусловившие принятие того или иного решения, они являются процессуальными, поскольку имеют значение. А убеждение вне связи с влиянием на результат нет и быть не может признаваться процессуальным, поскольку само формирование позиции суда является целью убеждения.

Установление одних и тех же фактов может быть основанием для принятия различных решений. При этом большей частью познавательный аспект доказы-

вания не претерпевал изменений, касающихся выводов суда из фактов, то есть формирования убеждения суда. Исключение формирования убеждения из доказывания приводит к разрыву связи между фактическими данными и принятыми решениями. Таким образом, убеждение составляет существенный аспект доказывания.

Представляется, что сущность судебного доказывания заключается в сочетании познавательного и убедительного аспектов деятельности. Во время доказывания происходит установление обстоятельств гражданского дела. Познание — основа установления фактических обстоятельств, которая направляется действием убеждения. Существенное различие между познавательным и убедительным аспектом доказывания заключается в подавляющей ориентации на определенные субъекты: познание больше касается деятельности суда, убеждение — лиц, участвующих в деле.

Установление обстоятельств дела отличается от познания властным характером заключения о наличии или отсутствии того или иного факта, его значении для решения гражданского дела. Суд не просто получает информацию об обстоятельствах, а дает оценку информации как таковой, свидетельствующей о факте ее соответствия истине, способности влиять на вывод о наличии или отсутствии права. Если получение информации больше опосредуется познанием, то формирование выводов из информации — убеждением. Невозможно разделить доказательную деятельность на этапы и признать познание изначальным, а убеждение — дальнейшим этапом. Как осознанная деятельность, доказывание может быть весьма условно разделено на интеллектуальный момент — познание обстоятельств дела и волевой — убеждение в правильности выводов.

В контексте применения законов логики в процессе доказывания немаловажным является также фактор практической направленности гражданского процессуального доказывания. Указанная деятельность имеет конкретное назначение — решение правового спора частного характера. Организация достижения цели обуславливает влияние на естественные правила познания и убеждения. Доказательная деятельность имеется только в том объеме, который необходим для решения дела. Следовательно, познание и убеждение ограничиваются в глубине своих проявлений искусственно, для оптимальной реализации цели судопроизводства в гражданских делах. Кроме того, исключительно прагматическими мотивами обусловлен вопрос о необходимости установления в процессуальных нормах правил поведения суда в случае недостаточности результатов познания и убеждения.

Суд не может оставить правовой спор нерешенным вследствие недостаточности познания обстоятельств дела или при наличии сомнений в правоте сторон. Доказывание, в отличие от убеждения, должно всегда заканчиваться результатом в виде рассмотрения и разрешения спора. Обязательность достижения результата влечет воплощение в правовых нормах различных презумпций, правил доказывания, которые имеют целью определить исход дела в случае невозможности установления тех или иных обстоятельств, устранить сомнения. Поэтому правила логики ограничиваются, изменяются, дополняются элементами, продиктованными условиями функционирования судебно-правовой системы.

Таким образом, доказательная деятельность частично отходит от логических стандартов и происходит по дополненным, измененным и ограниченным правилам с учетом потребностей конкретных социальных условий функционирования общества и целей судопроизводства.

На наш взгляд, искусственное ограничение, изменение естественных процессов познания и убеждения свидетельствует о том, что доказывание в гражданском процессе не может быть признано видом любого из названных видов деятельности, а представляет собой особую форму деятельности, которая лишь частично базируется на названных категориях. Поскольку ни познание, ни убеждение как таковые нельзя ограничить и скорректировать внешними произвольными правилами. Также следует признать, что правовая форма доказывания влияет только на ее правовой результат, а процессы познания и убеждения, которые имеют место в ходе доказывания по гражданскому делу, могут привести к совершенно разным результатам. Отсутствие в этих результатах правового значения вовсе не свидетельствует о том, что их нет. Доказывание представляет собой лишь часть деятельности в познании обстоятельств дела и убеждении в правоте стороны.

Логические процессы убеждения и приемы познания в совокупности отражают сущность доказывания по гражданскому делу. Основываются указанные процессы на правилах логики. При этом доказывание не может быть признано видом познания или убеждения, оно является особой деятельностью, которая, кроме того, регламентируется внешними правилами процессуальной формы.

Из этого следует, что сущность доказывания в гражданском процессе следует определить как деятельность, основанную на логико-мыслительных процессах познания и убеждения, осуществляемую в процессуальной форме с целью рассмотрения и решения гражданского дела.

Итак, следует полагать, что доказывание — это деятельность, основанная на двух характерных процессах: познании и убеждении. Разделение этих составляющих невозможно, реализуются они одновременно, взаимно дополняя друг друга. В то же время сущность доказывания не может быть сведена только к двум названным видам деятельности вследствие вмешательства в их течение своеобразного и внешнего для логики мышления процесса — правового регулирования. Истинность же суждений в процессе доказывания должна быть оценена судом исходя из полноты представленных доказательств и их оценки.

Список источников

1. Евдокимова О. В. Традиционные взгляды на понятие доказывания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7–2. С. 65–68.
2. Бойченко А. С. Неотвратимость административных наказаний: теоретико-правовые аспекты достижения истины по делам об административных правонарушениях // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 26–29.
3. Судебное доказывание по гражданским и административным делам: учебное пособие / В. В. Котлярова; под ред. докт. юрид. наук А. В. Юдина. Самара : Издательство Самарского университета, 2021.
4. Резниченко И. М. М. К. Треушников. доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. Изд-во Моск. ун-та, 1982, 160 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 2. С. 103–104.
5. Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. Москва : Екатеринбург : НОРМА, 1999. VIII.
6. Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. М. : Сов. энцикл., 1962. Т. 2: Дизъюнкция–комическое.
7. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика : учебник для юридических вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // «Российская газета». № 220. 2 ноября 2002 г. Ст. 55.

References

1. Evdokimova O. V. Traditional views on the concept

- of proof // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2011. № 7–2. P. 65–68.
2. Boychenko A. S. The inevitability of administrative penalties: theoretical and legal aspects of achieving the truth in cases of administrative offenses // Bulletin of Economic Security. 2024. № 1. P. 26–29.
 3. Judicial evidence in civil and administrative cases : textbook / V. V. Kotlyarova; edited by Doctor of Law A. V. Yudin. Samara : Samara University Press, 2021.
 4. Reznichenko I. M. M. K. Treushnikov. Evidence and proof in the Soviet civil procedure. Publishing house of Moscow. University, 1982, 160 pages // News of higher educational institutions. Law studies. 1983. № 2. P. 103–104.
 5. Reshetnikova I. V., Yarkov V. V. Civil law and civil procedure in modern Russia. Moscow : Yekaterinburg : NORMA, 1999. VIII.
 6. Philosophical encyclopedia: in 5 volumes / chief editor F. V. Konstantinov. M. : Soviet Encyclopedia, 1962. Vol. 2: Disjunction–comic.
 7. Kirillov V. I., Starchenko A. A. Logic : textbook for law schools, 6th ed., revised. and add. M. : Prospect, 2011.
 8. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 № 138-FZ (as amended on October 26, 2024) // Rossiyskaya Gazeta. № 220, 2 November 2002. Art. 55.

Информация об авторах

О. Г. Яткевич — доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент;

В. Е. Хазова — доцент кафедры гражданского права и процесса Института национальной безопасности и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. G. Yatkevich — Associate Professor at the Department of Civil Procedure of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. E. Khazova — Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of National Security and Law of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-153-157>

EDN: <https://elibrary.ru/vzpojh>

НИОН: 2003-0059-6/24-207

MOSURED: 77/27-003-2024-06-406

Влияние западных санкций на экономику Российской Федерации и прогнозы ее развития на 2025 год

Владимир Иванович Абрамов

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия, wladimir.abramow@gmail.com

Аннотация. Анализируются последствия экономических санкций, введенных западными странами в ответ на политические действия России. В работе рассматриваются ключевые аспекты влияния санкций на макроэкономические показатели страны, включая валовой внутренний продукт (ВВП), инфляцию, курс национальной валюты, а также сектора экономики, наиболее подверженные санкционному давлению, такие как энергетика, финансовые услуги и промышленность. Автор проводит оценку адаптационных механизмов, принятых российским правительством и бизнесом, для минимизации негативного влияния санкций. В статье изучаются внутренние реформы, диверсификация экономики и поиск новых торговых партнеров в Азии и на других континентах. На основе собранных данных и проводимых аналитических моделей автор предлагает прогноз развития российской экономики к 2025 году. Рассматриваются возможные сценарии изменения экономической ситуации в зависимости от дальнейшего усиления или смягчения санкций и внутривнутриполитических решений.

Ключевые слова: экономика, санкции, Российская Федерация, влияние западных санкций

Для цитирования: Абрамов В. И. Влияние западных санкций на экономику Российской Федерации и прогнозы ее развития на 2025 год // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 153–157. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-153-157>. EDN: VZPOHJ.

Original article

The impact of Western sanctions on the economy of the Russian Federation and its development forecasts for 2025

Vladimir I. Abramov

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia,
wladimir.abramow@gmail.com

Abstract. The consequences of economic sanctions imposed by Western countries in response to Russia's political actions are being analyzed. The paper examines key aspects of the impact of sanctions on the country's macroeconomic indicators, including gross domestic product (GDP), inflation, the exchange rate of the national currency, as well as the sectors of the economy most exposed to sanctions pressure, such as energy, financial services and industry. The author evaluates the adaptation mechanisms adopted by the Russian government and business to minimize the negative impact of sanctions. The article examines domestic reforms, economic diversification and the search for new trading partners in Asia and other continents. Based on the collected data and conducted analytical models, the author offers a forecast of the development of the Russian economy by 2025. Possible scenarios of changes in the economic situation are considered, depending on the further strengthening or easing of sanctions and domestic political decisions.

Keywords: the economy, sanctions, the Russian Federation, the impact of Western sanctions

For citation: Abramov V. I. The impact of Western sanctions on the economy of the Russian Federation and its development forecasts for 2025. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):153–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-153-157>. EDN: VZPOHJ.

© Абрамов В. И., 2024

Актуальность темы данного исследования не вызывает сомнения в контексте событий, происходящих на современном этапе развития мирового сообщества. Экономические санкции, реализуемые западными государствами против России, обуславливают переформатирование направлений развития промышленности, производства, поиск новых международных партнеров.

Наше исследование, можно начать с того, что экономика санкций как область научных исследований интегрально связана с институциональной теорией и находит наиболее полное выражение в трудах экономистов западного мира, поскольку санкции являются ключевым элементом внешнеэкономической стратегии именно западных держав [1].

Термин «санкция» происходит от французского *sanction*, а изначально — от латинского *sanctio* (строжайшее постановление, закон с указанием кары за его нарушение). В самом широком смысле санкции представляют собой комплекс ограничительных мер, нацеленных против определенных государств, компаний или лиц, выступая своего рода наказанием за нежелательные действия или проступки. Эти барьеры могут не только затрагивать отдельные сектора и направления развития экономики, но и иметь всеобъемлющее воздействие. Препятствия и затруднения, вызванные санкционным давлением, охватывают все уровни управления экономикой страны, преследуя основную цель — создание неблагоприятных условий для экономики «виновной» страны и ее субъектов как на федеральном, так и на региональном уровнях, побуждая их изменять избранную стратегию поведения [2]. Вот такой «виновной» страной, по мнению западных стран, является Российская Федерация.

Каждый день лента новостей в средствах массовой информации пополняется сообщениями о новых и новых ограничениях, вводимых в отношении России из-за ситуации вокруг Украины. За почти 3 года проведения специальной военной операции, против России введено огромное количество санкций. Они сложны и неоднозначны. Какие-то санкции касаются макро-

экономических составляющих, какие-то — простых потребительских сценариев, но все они одинаково неприятны, как неприятны любые ограничения.

Санкции Запада, во многом оставаясь «таргетированными», «точечными», стали сегодня оружием массового поражения. Их открыто заявляемая цель — нанести максимальный ущерб российской экономике, создать тяжелые последствия для России за ее действия и эффективно подорвать ее способность продолжать, по их мнению, «агрессию» [3].

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая 4 декабря 2024 года на пленарном заседании форума «Россия зовет!», заявил: «В 2022 году предприниматели, компании, целые отрасли столкнулись с серьезными вызовами. Из-за действий западных стран, а точнее их руководящих элит, эти страны проявили себя как ненадежные партнеры. Были поставлены под удар и даже разрушены многие производственные и логистические цепочки, кооперационные связи, которые нарабатывались десятилетиями. В политической сфере, и в военной, и в экономических этих странах была поставлена задача нанести России стратегическое поражение, в том числе на экономическом и технологическом направлениях, кардинально ослабить промышленность, финансы, сферу услуг нашей страны, создать на нашем рынке непреодолимый дефицит товаров, дестабилизировать рынок труда, снизить уровень жизни наших граждан. Очевидно, что эти планы потерпели крах, поражение. После сложного периода российская экономика не просто восстановилась, но и обеспечивает качественные структурные изменения, что чрезвычайно важно, а может быть, вообще является самым главным результатом нашей работы в сфере экономики за последние два-три года. Развивается технологический, производственный, логистический потенциал России. Укрепляются связи с перспективными партнерами» [5].

Обратимся к текущему состоянию экономики Российской Федерации. Так, в 2023 году валовой внутренний продукт России (ВВП) вырос на 3,6 %, а уже за январь–октябрь 2024 года он увеличился на 4,1 %. Причем главным образом рост сосредоточен в обрабатывающих отраслях производства, в секторах с высокой добавленной стоимостью. Так, за 10 месяцев 2024 года обрабатывающая промышленность прибавила более 8 %, а точнее, 8,1 %. В том числе опережающие темпы демонстрирует автопром и машиностроение. В высокотехнологичный сектор с высокой добавленной стоимостью и квалифицированными рабочими местами увеличивается и приток специалистов. В сентябре 2024 года количество занятых в ИТ-сфере выросло на 8,1 % по сравнению с предыдущим годом, в обрабатывающей промышленности — на 3,9 %. О структурных изменениях на рынке труда говорит снижение безработицы в регионах, где она была традиционно высока, а также увеличение занятости среди молодежи

жи до 25 лет. Однако проблемы в этой сфере еще существуют, но не в былых масштабах. В целом в России рекордно низкий уровень безработицы — всего 2,3 %. На фоне большинства ведущих экономик мира и развивающихся стран этот показатель на конец 2024 года является минимальным. Рост экономики позитивно отражается на бюджетной системе. За январь–октябрь 2024 года профицит консолидированного бюджета страны и внебюджетных фондов оказался около 2,5 триллиона рублей, при этом расходы составили менее 35 % ВВП, что соответствует уровню 2021 года.

Также стоит отметить, что, пережив шок после введения американских и европейских санкций, бизнес Российской Федерации начал интенсивно выстраивать связи с партнерами из Азии и Ближнего Востока. Так, с 2022 года Азия стала центром глобальной экономической активности, а отношения России с восточными странами укрепились до уровня стратегического партнерства. Сегодня экономические связи между Россией и странами Азии приобретают особую важность в условиях новых мировых реалий, включая изменения в торговых маршрутах, энергетический переход и растущую значимость азиатских рынков. Китай играет ключевую роль в экономическом сотрудничестве с Россией. Объем двусторонней торговли между странами продолжает расти, достигая рекордных показателей. В 2024 году Китай стал крупнейшим торговым партнером России, что отражает высокий уровень взаимной интеграции. Особое значение имеют проекты в области энергетики, в том числе поставки природного газа по трубопроводу «Сила Сибири». Китай активно инвестирует в российскую транспортную и промышленную инфраструктуру, способствуя развитию Дальнего Востока. Кроме того, Россия и Китай сотрудничают в сфере высоких технологий, включая космос, телекоммуникации и искусственный интеллект.

Развитие технологий 5G и расширение цифровых платформ, усиливают мировое влияние обеих стран. Индия, являясь второй по численности населения страной в мире, постепенно становится важным экономическим партнером для России. Экономические связи между этими странами охватывают различные сектора, включая энергетику, фармацевтику, сельское хозяйство и оборону. Особое внимание уделяется сотрудничеству в области нефтегаза: Индия активно импортирует российскую нефть и газ, а также инвестирует в транспортную инфраструктуру, такую как Международный коридор Север-Юг, который соединяет Россию и Индию через Иран, снижая затраты и время на перевозку грузов.

Страны АСЕАН, такие как Вьетнам, Таиланд, Малайзия и Индонезия, становятся важными партнерами для России. Этот регион обладает значительным потенциалом в экспорте сельскохозяйственной продукции, технологий и инженерного оборудования. Россия видит в Юго-Восточной Азии перспективный

рынок для инвестиций в энергетические проекты и природные ресурсы. Транспортная инфраструктура играет ключевую роль в укреплении отношений России с азиатским регионом. Северный морской путь, который сокращает время доставки между Европой и Азией, приобретает стратегическое значение в мировой торговле. Россия активно развивает порты и логистические центры в этом районе, делая его более привлекательным для азиатских партнеров. Кроме того, международный транспортный коридор Север-Юг укрепляет связи России, Ирана и Индии, предлагая альтернативу традиционным морским маршрутам и открывая новые возможности для торговли.

Выделим проекты на Дальнем Востоке, где российские власти создают комфортные условия для инвесторов, включая налоговые льготы и бизнес-поддержку. Китай и Южная Корея активно вовлечены в эти инициативы, способствуя региональному развитию и повышению его значимости в мировом хозяйстве.

Отметим, что российская банковская система и фондовый рынок активно развиваются благодаря современным технологиям. Около 75 % взрослого населения пользуется мобильными телефонами и интернетом для осуществления переводов с банковских счетов и пользования различными финансовыми услугами. Более 80 % всех расчетов за товары и услуги происходят в безналичной форме. Также Центральный банк России постепенно внедряет цифровой рубль. В рамках пилотной программы был отработан процесс пополнения и перевода цифровых рублей между физическими и юридическими лицами. Проект уже охватывает более девяти тысяч граждан и 1200 компаний, и это число продолжает расти. С 1 января 2025 года использование цифрового рубля в федеральном бюджете станет обязательным, а с 1 июля 2025 года такая возможность будет доступна по всей стране. Внедрение национальной цифровой инфраструктуры в финансовый сектор, вероятно, станет одним из ключевых долгосрочных факторов роста экономики России.

В некоторых юрисдикциях, например, в странах Евросоюза, в Австралии, в Сингапуре пока осваиваются только отдельные элементы такой инфраструктуры, а в России уже сформированы и успешно работают все ее элементы. И это не только большое достижение наших разработчиков, специалистов, но и серьезные конкурентные преимущества отечественной экономики, мощный рычаг ее развития в современном мире. Лидерские позиции России в финансовых технологиях позволяют гибко выстраивать отношения с зарубежными партнерами, продвигать интеграционные проекты, получать выгоду от сопряжения экономических потенциалов наших стран (в том числе работу над инвестиционной платформой по БРИКС).

Необходимо отметить и о ряде направлений, которые требуют дополнительных усилий со стороны

правительства, регионов и вообще делового сообщества. К таким относятся развитие трудовых отношений, упрощение международной торговли, правил международной торговли, подключение к инженерной инфраструктуре. Конечно, многое уже сделано в этом смысле, но есть, над чем работать.

Продолжая исследование, отметим, что согласно прогнозу Центрального банка Российской Федерации (далее Центробанк), инфляция по итогам 2024 года составит около 8–9 %, тем не менее, как неоднократно замечали различные экономисты и эксперты, методика подсчета инфляции, применяемая в целях статистики, достаточно далека от реальной потребительской корзины большинства россиян. Так как значительную часть этой потребительской корзины составляют продукты питания, многие из которых за прошедший год подорожали на 10–20 %, а некоторые — и более чем на 20 %. По данным Росстата, больше всего в 2024 году подорожали картофель (рост на 45 %), чеснок (30 %) и томаты (27 %). Также более, чем 20% прибавили в цене свекла, репчатый лук, оливковое и сливочное масло, баранина, яйца, грибы и некоторые другие продукты. Значительно подорожали многие импортные товары, включая цифровую и бытовую технику, а также электронику — впрочем, это связано в первую очередь с ослаблением рубля на протяжении трех осенних месяцев, которое ускорилось ближе к концу ноября 2024 года. На инвестиционном форуме ВТБ «РОССИЯ ЗОВЕТ! 2024 года, глава ЦБ РФ Эльвира Набиуллина отметила, что одна из ключевых задач регулятора на данном этапе — борьба с инфляцией. Ключевая ставка — мощный инструмент для борьбы с инфляцией, она позволила предотвратить вхождение в инфляционную спираль. По ее словам, высокая инфляция «как температура у больного человека — на ее фоне экономический рост не может быть устойчивым» [6]. К сожалению, в 2024 году даже увеличение данного показателя до рекордного уровня в 21 % помогло лишь замедлить инфляцию, но не привести ее к целевым показателям. При этом побочные эффекты оказались значительными — в первую очередь это недоступность заемных средств как для физических лиц, так и для бизнеса. В особо тяжелой ситуации оказались предприятия, ранее взявшие кредиты с плавающей ставкой — например, многие владельцы торговых центров, которым теперь угрожает банкротство. Тем не менее, в Центробанке пока не планируют отказываться от дальнейшего повышения ключевой ставки — судя по прогнозам экономистов и представителей банковской отрасли, данный показатель будет в конце декабря 2024 года увеличен до 22–24 %. Многие крупные банки заранее повысили проценты по кредитам, ожидая подобного решения со стороны регулятора. Также в Банке России отказались от покупки валютной выручки до конца 2024 года с целью поддержания курса рубля.

Также необходимо отметить, что Российская национальная валюта ослабевала по отношению к американскому доллару на протяжении всей осени 2024 года, и процесс этот лишь ускорился в конце ноября, когда США наложили санкции на Газпромбанк, являющийся одним из ключевых поставщиков валюты на российский рынок. И одним лишь глобальным укреплением доллара после избрания президентом Америки Дональда Т. тенденцию не объяснить — рубль значительно ослаб и по отношению к евро, и, что особенно важно в условиях американских и европейских санкций, к китайскому юаню. По прогнозам экономистов, курс рубля, к концу 2024 года, закрепится на уровне «чуть выше 100 единиц за доллар». Ослабление курса рубля по отношению к китайскому юаню приведет к росту цен на импортируемые из Китая товары, а также на продукцию, которая производится на китайском оборудовании. Между тем, более двух третей крупных российских компаний в 2024 году использовали юань в проведении трансграничных платежей.

В октябре 2024 года в Центробанке заявляли о стремлении добиться в 2025 году инфляции, не превышающей 4–5 %. При этом эксперты полагают, что она все-таки будет выше — как минимум на пару процентных пунктов. При этом по курсу рубля ожидания у экономистов и представителей бизнеса примерно схожие — эксперты солидарны, что за один доллар будут давать 95–105 рублей на протяжении большей части года.

Что касается ключевой ставки, то прогнозы сильно разнятся, и это неудивительно — ЦБ РФ будет корректировать показатель ключевой ставки в зависимости от экономической ситуации в нашей стране, в первую очередь, учитывая уже упомянутый уровень инфляции. А он может быть как 4–5 % при оптимистичном сценарии, так и более 9 % при негативном, при этом официальная инфляция в 9 % будет означать, что некоторые товары подорожают в 2025 году и на 20–30 %.

2025 год для Российской Федерации будет рубежным. Если удастся стабилизировать ценовое давление, и инфляция начнет снижаться, это будет серьезное макроэкономическое основание для того, чтобы 2026 и 2027 годы стали лучше с точки зрения прибыли и инвестиций. Если снижается инфляция, то за ней следуют и издержки.

В заключении нашего исследования, можно отметить, что конечно же экономика Российской Федерации не может пережить западные санкции без последствий. Но наша страна живет под гнетом санкций уже почти три года. И перспектив отмены в ближайшем будущем санкционного режима в России не предвидится. По этой причине актуальными для Российской Федерации остаются вопросы импортозамещения, поиска альтернативных рынков сбыта при экспорте и улучшения инвестиционного климата в стране.

В целом же резюмировать ожидания экспертов по поводу состояния российской экономики в 2025 году можно, вспомнив фразу «год будет непростой». Резко-го повышения благосостояния и реальной покупательной способности пока ждать не приходится. Основная цель — борьба с инфляцией. А самый главный инструмент борьбы с инфляцией — это все-таки обеспечение достаточного выпуска товаров и услуг, которые потребляются в целом в экономике. Это очень важный момент. И здесь, конечно, очень важно достичь такого баланса, когда и экономика бы развивалась, и товары и услуги бы на рынок поступали в нужном объеме, нужного качества и по нужным ценам, по нужным тарифам, и инфляция снижалась до нужного нам показателя. А нужный показатель у нас был 4 %, к чему мы и стремимся.

Библиографический список

1. Ткаченко Е. Д. Понятие, цели, принципы применения экономических санкций в международной торговой практике // Молодая наука Сибири: электрон. науч. журн. 2020. № 2.
2. Суханова И. Ф., Лявина М. Ю. Экономические санкции : содержание, цели, мотивы, эффективность // Аграрный научный журнал. 2018. № 4. С. 88–93.
3. EU sanctions against Russia explained // Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measuresagainst-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/>
4. Политика санкций : цели, стратегии, инструменты : хрестоматия. Издание 3-е, перераб. и доп. / [сост. И. Н. Тимофеев, П. И. Чуприянова, К. В. Троцкая] ; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2023. С. 11.

5. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75751/>
6. Макросессия Инвестиционного форума ВТБ «РОССИЯ ЗОВЕТ!» : ответы на ключевые вопросы о будущем российской экономики // URL: https://russicalling.ru/news/2024-12-04-o-ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F/

Bibliographic list

1. Tkachenko E. D. The concept, goals, principles of the application of economic sanctions in international trade practice // Young Science of Siberia: electron. scientific journal. 2020. № 2.
2. Sukhanova I. F., Lyavina M. Yu. Economic sanctions : content, goals, motives, effectiveness // Agrarian Scientific Journal. 2018. № 4. P. 88–93.
3. EU sanctions against Russia explained // Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measuresagainst-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/>
4. The policy of sanctions : goals, strategies, tools : a textbook. 3rd edition, revised and supplemented / [comp. I. N. Timofeev, P. I. Chupriyanova, K. V. Trotskaya] ; Russian Council for International Affairs (INF). Moscow : NP INF, 2023. P. 11.
5. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75751/>
6. Macro session of the VTB Investment Forum «RUSSIA IS CALLING!» : answers to key questions about the future of the Russian economy // URL: https://russicalling.ru/news/2024-12-04-o-ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F/

Информация об авторе

В. И. Абрамов — научный сотрудник научно-исследовательского отдела (качества военного образования) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат экономических наук.

Information about the author

V. I. Abramov — Researcher of the Scientific Research Department (Quality of Military Education) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 33.336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-158-161>

EDN: <https://elibrary.ru/vvxctc>

НИОН: 2003-0059-6/24-208

MOSURED: 77/27-003-2024-06-407

Принципы и цели «зеленого» финансирования на финансовом рынке

Эльмира Ахметшаевна Асяева

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Asyaeva.EA@rea.ru

Аннотация. Сегодня внимание представителей органов государственной власти множества стран мира сконцентрированы на внедрении целей и принципов «зеленых» финансов и их инструментов, а именно «зеленого» финансирования на финансовом рынке. Цель исследования — изучить и обобщить принципы перехода деятельности на «зеленые» стандарты на финансовом рынке, для чего: исследованы возможности применения «зеленых» инструментов для финансирования проектов и деятельности компаний на финансовых рынках. Представлены инструменты для банковского, страхового рынок и рынка ценных бумаг. В результате были выявлены общие, наиболее часто встречающиеся инструменты финансирования, соответствующие «зеленым» целям и принципам деятельности на финансовом рынке.

Ключевые слова: цели зеленого финансирования, финансовый рынок, меры, принципы

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0003 «Методология адаптации публичных и корпоративных финансов к принципам «зеленой экономики»», финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Для цитирования: Асяева Э. А. Принципы и цели «зеленого» финансирования на финансовом рынке // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 158–161. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-158-161>. EDN: VVXCTC.

Original article

Principles and objectives of «green» financing on the financial market

Elmira A. Asyaeva

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

Asyaeva.EA@rea.ru

Abstract. Today, the attention of government representatives from many countries around the world is focused on the implementation of the goals and principles of «green» finance and its instruments, namely «green» financing in the financial market. The purpose of the study is to study and summarize the principles of the transition of activities to «green» standards in the financial market, for which: the possibilities of using «green» tools for financing projects and companies' activities in the financial markets are investigated. The tools for the banking, insurance and securities markets are presented. As a result, common, most common financing instruments were identified that correspond to the «green» goals and principles of activity in the financial market.

Keywords: green finance goals, financial market, principles, control

Acknowledgements: the article was prepared as part of the implementation of project № FSSW-2023-0003 «Methodology for adapting public and corporate finance to the principles of the «green economy»», funded by the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Asyaeva E. A. Principles and objectives of «green» financing on the financial market. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):158–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-158-161>. EDN: VVXCTC.

© Асяева Э. А., 2024

Потребность развития ESG уже давно сформирована, поэтому сама концепция «зеленых» финансов не является чем-то уникальным, но на сегодняшний день она предполагает расстановку акцентов в области сохранения окружающей среды и внимания к экологии и ее охране.

Зеленое финансирование — это совокупность мер и действий по финансированию и обеспечению зеленой экономики, энергетики и окружающей среды. Исследовательская группа по «зеленым финансам» (GFSG) выдвинула тезис о том, что под этим определением можно объединить идеи по финансированию проектов, которые обеспечивают выгоду в области экологии в сфере устойчивого развития. Например, такими действиями могут быть снижение уровня загрязнения окружающей среды, повышение энергоэффективности использования ресурсов и улучшения влияния на экологию в целом. То есть, «зеленые» финансы охватывают широкий диапазон активов и методов взаимодействия с ними посредством реализации политики устойчивого развития.

Существует определенный перечень тезисов для государств, который формирует понятие и применение «зеленой» экономики в развитии стран:

1. развитые страны: конкуренция на рынке труда [2];
2. развивающиеся страны: формирование среднего класса как преобладающего, создание справедливости в экономических отношениях [3];

3. страны группы БРИКС: повышение эффективности использования ограниченных ресурсов [4].

Зеленый финансовый рынок (ЗФР) является сегментом общего финансового рынка и формируется на глобальном, национальном и региональном уровнях экономики как объективная реакция на современный актуальный тренд продвижения «зеленой» экономики и устойчивого развития.

В узком смысле ЗФР — это объем сделок, совершаемых его участниками с использованием «зеленых» финансовых инструментов, руководствуясь международными или национальными стандартами ответственного банкинга, страхования, инвестирования. В широком понимании ЗФР включает экономические отношения между его субъектами, участниками, организациями инфраструктуры по поводу совершения операций купли-продажи «зеленых» финансовых услуг для развития «зеленой» экономики.

Цели «зеленого» финансирования и устойчивого развития представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Цели в области устойчивого развития [1, с. 9]

Приведенные выше цели, утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году, в большей степени определяют базовые приоритеты развития «зеленого» финансирования в глобальном смысле. Цели, которые перед собой сформировала ООН, внедряются как на национальном уровне, так и на глобальном по причине адаптации перехода к новой системе социально-экономического развития.

Три проекции принципов ESG, они же ключевые элементы устойчивого развития, являются в настоящее время одной из самых актуальных оценок деятельности компании, так как в соответствии с ESG-трансформацией в бизнес-секторе появляются новые условия со стороны инвесторов и партнеров, которые

все чаще принимают стратегические инвестиционные и финансовые решения с учетом следования компанией политики устойчивого развития. К ключевым элементам устойчивого развития относятся сегодня: E, или Environmental, — окружающая среда (экологическая сфера); S, или Social, — социальная сфера; G, или Corporate Governance, — сфера управления.

Применение «зеленого» финансирования является ключевым элементом для достижения целей устойчивого развития и сохранения окружающей среды для будущих поколений. Развитие рынка «зеленого» финансирования выдвигает перед нами новые вызовы и возможности, поэтому важно продолжать исследования, обучение и сотрудничество для достижения об-

щей цели — создания устойчивого и здорового будущего для всех.

Инструменты «зеленого» финансирования — это механизмы и финансовые продукты, созданные для поддержки проектов и инициатив, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду и климат. Такие инструменты помогают привлекать инвестиции для реализации экологически чистых проектов, развития возобновляемых источников энергии, энергоэффективности, устойчивого транспорта и других сфер, способствующих более экологичному развитию.

Использование инструментов «зеленого» финансирования становится все более популярным в бизнесе, финансовом секторе, государственных структурах и общественных организациях, так как это помогает не только снизить негативное воздействие на окружающую среду, но и создать новые возможности для инвестиций в экологически ответственные проекты и секторы.

В числе самых популярных «зеленых» финансовых инструментов выделяют:

1. «Зеленые» облигации. Данный тип долговых бумаг позволяет финансировать проекты в области климатического развития. Среди «зеленых» облигаций существует следующая структура:

1.1. «лесные» облигации. Долговые бумаги, связанные с защитой лесных массивов, например, защита от лесных пожаров, эрозии почвы, высадка новых молодых деревьев;

1.2. «синие» облигации. Долговые бумаги, обеспечивающие финансирование проектов в области использования водных ресурсов;

1.3. «белые» облигации. Долговые бумаги, финансирующие деятельность в зоне Арктики.

2. «Зеленые» кредиты. Направлены на поддержку защиты окружающей среды и повышения эффективности использования энергетических ресурсов:

2.1. «зеленый» автокредит. Специальный вид кредита, выделяемый на покупку энергоэффективного класса автомобилей;

2.2. «зеленая» ипотека. Тип кредита, направленный на финансирование приобретения высокоэффективного класса жилья.

3. Параметрическое (индексное) страхование. Страхование, при котором выплата страховщиком происходит на основании достижения определенных измеримых параметров.

4. «Зеленый» краудфандинг. Люди со всего мира могут вносить свои финансовые вклады для поддержки экологических инициатив и проектов, таких как развитие возобновляемых источников энергии, улучшение энергоэффективности, защита животных и растений, экологическая образовательная программа и другие. Краудфандинг позволяет объединить усилия многих людей для достижения общей цели по сохра-

нению природы и борьбе с климатическими изменениями. Платформы «зеленого» краудфандинга обычно предоставляют возможность проектам и инициативам, связанным с экологией или устойчивым развитием, привлекать финансирование от физических лиц, инвесторов и благотворительных организаций. Часто эти платформы предлагают различные вознаграждения или льготы для тех, кто вложил средства в проект.

Рассмотрим инструменты зеленого финансового рынка по сегментам и институтам.

Рынок банковских услуг — прямые «зеленые» кредиты, «зеленое» перекредитование, «зеленый» лизинг, «зеленая» ипотека.

Рынок ценных бумаг — акции публичных компаний, паи инвестиционных фондов, «зеленые» корпоративные облигации, социальные облигации, адаптационные (переходные) облигации, концессионные «зеленые» катастрофные облигации, углеродные кредиты, «зеленые» производные финансовые инструменты, «зеленые» структурированные продукты, индексы устойчивого развития.

Страховой рынок — инструменты климатического, экологического страхования, страховые «зеленые» продукты (льготные для «зеленых» технологических компаний), катастрофные облигации.

На современном этапе развития экономики России можно увидеть тенденцию по внедрению экологических и социальных принципов в рамках деятельности ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ», ВЭБ.РФ и др., которые направлены на создание и применение инструментов финансирования «зеленой» экономики, используя «зеленые» кредиты, экологический лизинг, создание экологических ценных бумаг.

Инструменты «зеленого» финансирования представляют собой мощный инструмент для стимулирования экологически устойчивого развития и содействия борьбе с изменением климата. Они способствуют переходу к «зеленой» экономике, поддерживают инновации, создают новые возможности для инвесторов и улучшают качество окружающей среды.

Использование «зеленых» финансовых инструментов требует совместных усилий со стороны государственных органов, бизнеса, финансового сектора и общественных организаций. Важно продолжать развивать и совершенствовать инструменты «зеленого» финансирования, чтобы обеспечить их эффективное применение и расширить долю инвестиций в экологически устойчивые проекты.

Таким образом, экономический рост — актуальная задача многих государств, которые стремятся к собственному развитию. Весь мир на сегодняшний день сталкивается с большими сложностями в области национальных экономических систем, влияния факторов на стабильность, таких как геополитическая напряженность, финансовые взаимоотношения. Это приводит к тому, что странам необходимо выявлять и следовать

глобальным тенденциям во всех сферах, в том числе, и в регулировании инвестиций в промышленный сектор для модернизации собственных экономических систем.

Экология — одна из ключевых повесток в рамках глобальных тенденций развития экономики многих стран, так как изменение климата из-за влияния деятельности людей сказывается не только в масштабах одной страны, но и всего мира, поэтому этот фактор признается важным и сильно влияет на формирование политических повесток стран в качестве экономических параметров в производстве и потреблении, внедрении технологических решений в экологии, что дает конкурентное преимущество на мировой арене.

Список источников

1. Финансы устойчивого развития : учебник. В 2 книгах. Книга II / Под общ. ред. К. В. Ордова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 215 с.
2. Бокарев А. А., Яковлев И. А. «Зеленые» инвестиции в России : поиск приоритетных направлений // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2021. № 6. С. 40–49.
3. Вострикова Е. О., Мешкова А. П. ESG-критерии в инвестировании : зарубежный и отечественный опыт // Финансовый журнал. 2020. № 4.
4. Чудакова С. А., Никонорова А. А. Проблемы влияния мировых катаклизмов на общество. //

Информация об авторе

Э. А. Асяева — доцент кафедры мировых финансовых рынков и финтеха Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Asyaeva — Associate Professor of the Department of Global Financial Markets and Fintech of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

В сборнике : Социально-экономическое и экологическое развитие приграничного региона: возможности и вызовы. Сборник трудов Международной научно-практической конференции, проводимой в рамках празднования 50-летия Смоленского филиала РЭУ им Г.В. Плеханова. 2020. С. 43–47.

References

1. Finance for sustainable development : textbook. In 2 books. Book II / Under the general editorship of K. V. Ordov. M. : UNITY-DANA, 2023. 215 p.
2. Bokarev A. A., Yakovlev I. A. «Green» investments in Russia : search for priority areas // Scientific Research Financial Institute. Financial magazine. 2021. № 6. P. 40–49.
3. Vostrikova E. O., Meshkova A. P. ESG criteria in investing : foreign and domestic experience // Financial Journal. 2020. № 4.
4. Chudakova S. A., Nikonorova A. A. Problems of the impact of world cataclysms on society. // In the collection : Socio-economic and environmental development of the border region: opportunities and challenges. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference held as part of the celebration of the 50th anniversary of the Smolensk Branch of Plekhanov Russian University of Economics. 2020. P. 43–47.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-162-165>

EDN: <https://elibrary.ru/vwjoeu>

НИОН: 2003-0059-6/24-209

MOSURED: 77/27-003-2024-06-408

Криптовалюта и ее влияние на экономическую безопасность

Екатерина Владимировна Борисова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, katysha_2000@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос влияния криптовалюты на экономическую безопасность. Раскрываются основные характеристики криптовалюты, а также отличия от наличных и безналичных денежных средств, цифрового рубля. Определяются основные преимущества и недостатки криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, цифровой рубль, экономическая безопасность

Для цитирования: Борисова Е. В. Криптовалюта и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 162–165. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-162-165>. EDN: VWJOEY.

Original article

Cryptocurrency and its impact on economic security

Ekaterina V. Borisova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after

V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, katysha_2000@mail.ru

Abstract. The impact of cryptocurrency on economic security is being considered. The main characteristics of cryptocurrency are disclosed, as well as the differences from cash and non-cash money, digital ruble. The main advantages and disadvantages of cryptocurrency are defined.

Keywords: cryptocurrency, blockchain, digital ruble, economic security

For citation: Borisova E. V. Cryptocurrency and its impact on economic security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):162–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-162-165>. EDN: VWJOEY.

Блокчейн — вариант реализации сети распределенных реестров, в котором данные о совершенных транзакциях структурируются в виде цепочки (последовательности) связанных блоков транзакций.

В случае использования блокчейн каждый новый блок транзакций подтверждается участниками сети как валидный, после чего он присоединяется (встраивается в цепочку) со всеми предыдущими операциями в распределенном реестре. В связи с популяризацией криптовалют в 2024 году и интеграцией в сферы общественной жизни в различных странах необходимо оценить их влияние на экономическую безопасность.

Понятие «криптовалюта» тесно связано с понятием «блокчейн», у многих данные понятия ассоциируются друг с другом, но необходимо отличать их. Для разграничения упомянутых понятий необходимо ознакомиться

с технологией распределенного реестра (блокчейном).

Особенностью сетей в блокчейне является использование различных инструментов и методов в различных комбинациях. Такой принцип позволяет создать структуру, обладающую высоким уровнем защиты, для хранения различного рода информации.

Для более простого понимания работы данной технологии, блокчейн можно представить в виде большой бухгалтерской книги, на страницах которой записываются проводимые между контрагентами финансовые операции. Особенность «книги» заключается в том, что записи на ее страницах не подлежат изменению и удалению — этому будут препятствовать криптографические алгоритмы, которые интегрированы в технологию. Сами же данные реплицируются между всеми участниками системы — узлами сети.

Под «страницами» в данном примере стоит понимать блоки. Блоки, как и страницы «бухгалтерской книги», расположены в определенном порядке и имеют собственную нумерацию [1, с. 14]. Новые блоки добавляются в такую книгу, а все остальные узлы записывают эти добавления в свои копии этой записи (рис. 1).

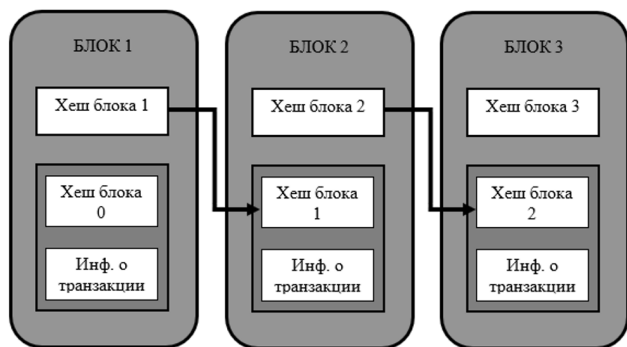

Рис. 1. Принцип работы технологии блокчейн

Итак, блокчейн является фундаментом для создания на его базе различных продуктов, в том числе и криптовалют.

Важно выделить ключевые преимущества технологии блокчейн (рис. 2).

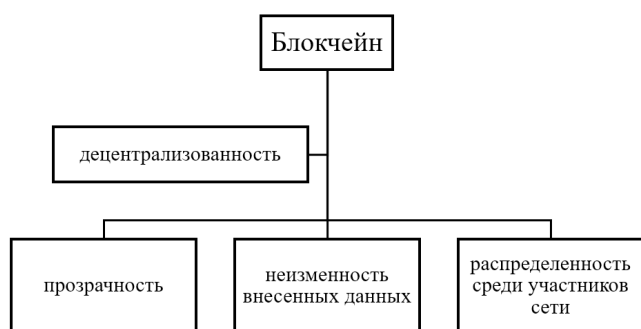

Рис. 2. Преимущества технологии блокчейн

Необходимо рассмотреть нормативно-правовую базу, регулирующую отношения в сфере обращения криптовалют. Одним из законов в данной области является Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. (далее — ФЗ «О ЦФА»). В нем закрепляется определение цифрового майнинга, как деятельности, направленной на получение криптовалюты.

В тексте ФЗ «О ЦФА» понятие «криптовалюта» не используется, вместо него введено другое, более широкое — «цифровые финансовые активы».

Согласно ч. 2 ст. 1 ФЗ «О ЦФА», под цифровыми финансовыми активами понимаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществле-

ния прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

В гражданском законодательстве также отсутствует понятие «криптовалюта». Но стоит отметить, что согласно поправкам, введенным Федеральным законом № 34-ФЗ от 18 марта 2019 г., был расширен перечень объектов гражданских прав, содержащихся в ст. 128 ГК РФ [2], — к ним стали относиться цифровые права. Следовательно, криптовалюта включена в понятие цифровое право [3].

Для изучения влияния криптовалюты на экономическую безопасность необходимо провести сравнительную характеристику с тремя формами денежных средств (таблица 1).

Важно отметить, что запрет на использование криптовалюты в качестве средств платежа закреплен в п. 10 ст. 4 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259.

Влияние криптовалюты на экономическую безопасность с учетом задач, сформулированных Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4], можно рассмотреть в следующих аспектах.

Во-первых, одной из задач, поставленных Президентом, является переход экономики на соответствующий новым стандартам технологический уровень. В настоящее время активно ведется тестирование цифрового рубля, который так же построен на базе технологии распределенного реестра, но новая форма национальной валюты решит лишь часть проблем, возникших перед Россией в данный момент.

Во-вторых, Российской Федерацией взят курс на дедолларизацию экономики в трансграничных расчетах. Использование криптовалюты в данных целях более целесообразно, так как цифровой рубль могут отказаться принимать в других странах по различным причинам (курс, отсутствие технической базы и т. п.). Криптовалюта же будет связывающим звеном, курс которой не зависит от действий государств.

В 2023 г. большое развитие получила технология ZKP, на основе которой уже реализован ряд L2-сетей Ethereum, технология proof of reserves, и, более того, ZKP уже начинает применяться за пределами блокчейнов.

Большая работа была проведена в сфере идентификации: например, стартовавший не так давно проект Worldcoin, применяющий сканирование сетчатки глаза для идентификации личности, собрал уже более миллиона пользователей.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика цифрового рубля с наличными, безналичными денежными средствами и криптовалютой

Наличные денежные средства	Безналичные денежные средства	Цифровой рубль	Криптовалюта
1. Эмиссия осуществляется централизованным способом.			1. Эмиссия осуществляется децентрализованным способом.
2. Хранятся при физическом лице в натуральной форме.	2. Хранятся на банковском счете.	2. Хранится на специальном цифровом кошельке (на базе блокчейн)	2. Создан на базе технологии блокчейн и хранится на специальном кошельке.
3. Используются в качестве средств платежа.			3. Не могут использоваться в качестве средств платежа (ограничено законодательством).
4. Используются в качестве средств накопления.		4. Не могут использоваться в качестве средств накопления.	4. Могут выступать в качестве инвестиционного инструмента.
5. 1 наличный рубль = 1 безналичному рублю = 1 цифровому рублю			5. Плавающий курс.

Рыночный объем блокчейн-технологий увеличивается, что свидетельствует о росте инвестиций и расходов на инновации в этой сфере. Помимо криптовалют, блокчейн находит широкое применение в промышленности и бизнесе.

Появление новых стандартов и технологических решений, таких как частные сети, доверенные сети, и улучшенные методы криптографии обеспечивают технологическое развитие блокчейна.

Однако, необходимо отметить и негативное влияние криптовалюты на экономическую безопасность. Повсеместное использование данного инструмента негативно скажется на снижении доли теневого сектора экономики, на коррупции. Причиной этому послужит анонимность, которой обладают большинство криптовалют. Блокчейн-проекты останутся привлекательной целью для атак злоумышленников, которые, в свою очередь, будут совершенствовать методы атаки. Так, например, уже в 2023 г. киберпреступники использовали новую технику распространения кода, получившую название EtherHiding, которая злоупотребляет контрактами Binance Smart Chain (BSC) для сокрытия вредоносных сценариев в блокчейне.

Сумма ущерба от подобных атак будет достигать многомиллионных показателей, так как прямые финансовые потери являются основным последствием атак на блокчейн-проекты по результатам 2023 г. (87 %). Из-за кибератаки на базу данных поставщика облачных услуг блокчейн-платформы Mixin Network была потеряна часть активов. Сумму ущерба оценивают в 200 млн долл. Кроме того, платформа Multichain стала жертвой кибератаки в июле 2023 г., из-за которой была вынуждена приостановить работу. После расследования представители платформы заявили, что киберпреступники похитили криптовалюту на сумму 125 млн долл.

Одна из проблем безопасности в 2023 г. была связана

с недостаточным качеством контроля владельцами web3-кошельков, которые используют seed-фразы и пароли, закрытые ключами EOA, вследствие чего они часто компрометируются или утрачиваются вместе со средствами владельца. Кроме того, желание побыстрее запустить новый проект, чтобы оправдать вложения инвесторов, создало предпосылки к снижению качества кода. При этом концепция open source в отношении разработки дает хакерам возможности по изучению кодовой базы проектов и созданию эксплойтов (вирусов) [6].

Другой негативный аспект заключается в том, что криптовалюта окажет негативное влияние на финансово-кредитную систему страны. Связано это с тем, что большинство криптовалют характеризуются большой волатильностью. Поэтому использование таких «нестабильных» криптовалют может привести к серьезным финансовым проблемам определенному экономическому субъекту, начиная от физического лица и заканчивая государством в целом.

Таким образом, криптовалюта, безусловно, является важной технологической разработкой, но ее повсеместное использование негативно скажется на финансовой стабильности государства. Преимущества данной технологии могут использоваться в преступных целях, но при должном подходе с помощью криптовалюты можно решить некоторые проблемы с трансграничными переводами. Именно поэтому необходимо продумать и законодательно закрепить варианты применения в интересах государства. В условиях современных экономических и политических вызовов, роста числа безналичных расчетов и развития инновационных информационных технологий многие государства мира проходят через цифровую трансформацию финансового сектора. Сейчас в общей сложности 134 страны, представляющие 98 % мировой экономики, работают над созданием националь-

ных цифровых валют (central bank digital currencies, CBDCs), причем более половины из них находятся на продвинутой стадии разработки, пилотного проекта или запуска. Так, в России с августа 2023 года ведется пилотный проект создания цифрового рубля с участием 13 банков и нескольких сотен специалистов, в январе 2024 года к проекту присоединились еще 17 банков, а с июля 2025 года цифровой рубль может стать доступным для всех граждан страны. Всего в мире в настоящее время реализуется около 44 пилотных проектов, включая тестирование национальной цифровой валюты Китая e-CNY, которая стала первой цифровой валютой и уже к январю 2022 года насчитывала более 260 млн пользователей.

Кроме того, в условиях обостренной геополитической обстановки ряд стран стремится к созданию независимых платежных систем для международной торговли. Президент РФ Владимир Путин также разрешил с 1 сентября 2024 года проводить внешнеторговые расчеты в криптовалюте в рамках экспериментального правового режима [5]. Центробанк наделяется полномочиями по созданию платформы для операций с цифровыми монетами на базе национальной платежной системы, правила работы которой он сможет определить самостоятельно. Например, совместными усилиями государств — членов БРИКС была создана независимая платежная система «БРИКС Пэй», внедрение которой предусматривает в будущем возможность более чем для 150 стран мира вести торговые отношения на прозрачных и взаимовыгодных условиях. Расчетной единицей в «БРИКС Пэй» станет золотой стейблкоин (привязанная к реальному активу криптовалюта), а его исходной базой — права заимствования (SDR) Международного валютного фонда (МВФ).

На текущий же момент многим финансовым организациям рекомендуется пересмотреть свой подход к процессу защиты информации и перейти к внедрению концепции результативной кибербезопасности. Это позволит выстроить комплексную систему защиты, направленную в первую очередь на противодействие наиболее значимым для компании киберугрозам, и предотвратить реализацию недопустимых событий.

Информация об авторе

Е. В. Борисова — доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Borisova — Associate Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Список источников

1. Дихилов А. Блокчейн : принципы и основы. М. : Интеллектуальная Литература, 2019. 186 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (в ред. от 10.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 01.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. URL: <https://sberbusiness.live/publications/zakon-o-majninge/>
6. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/positive-research-2023/>

References

1. Tsikhilov A. Blockchain : principles and fundamentals. M. : Intellectual Literature, 2019. 186 p.
2. Civil Code of the Russian Federation № 51-FZ of November 30, 1994 (in edition from 10.02.2024) // LRS «ConsultantPlus».
3. Federal Law of the Russian Federation № 259-FZ of July 31, 2020 «On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation» (as amended on 01.02.2024) // LRS «ConsultantPlus».
4. Decree of the President of the Russian Federation № 400 of July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
5. URL: <https://sberbusiness.live/publications/zakon-o-majninge/>
6. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/positive-research-2023/>

Научная статья

УДК 336.64

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-166-171>

EDN: <https://elibrary.ru/tpzwlj>

НИОН: 2003-0059-6/24-210

MOSURED: 77/27-003-2024-06-409

Раскрытие нефинансовой информации и стоимость компании

Александр Иванович Бородин

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, aib-2004@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является определение степени и направленности влияния выпуска нефинансовой отчетности, подготовленной по стандартам GRI на финансовые показатели компаний, связанных со стоимостью компании. Компании, имеющие нефинансовую отчетность по принципам GRI, будут сравниваться с другими компаниями без нефинансовой отчетности по данным стандартам.

Ключевые слова: нефинансовая отчетность, стоимость компании, GRI, финансовые показатели, инвестиции, государственное регулирование, перспективы развития

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0003 «Методология адаптации публичных и корпоративных финансов к принципам «зеленой экономики», финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Для цитирования: Бородин А. И. Раскрытие нефинансовой информации и стоимость компании // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 166–171. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-166-171>. EDN: TPZWLJ.

Original article

Non-financial reporting disclosure and company value

Alexander I. Borodin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, aib-2004@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to determine the degree and direction of the impact of the release of non-financial reporting prepared according to GRI standards on the financial performance of companies related to the value of the company. Companies that have non-financial reporting according to GRI principles will be compared with other companies without non-financial reporting according to these standards.

Keywords: non-financial reporting, company value, GRI, financial indicators, investments, government regulation, development prospects

Acknowledgements: the article was prepared as part of the implementation of project № FSSW-2023-0003 «Methodology for adapting public and corporate finance to the principles of the «green economy», funded by the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Borodin A. I. Non-financial reporting disclosure and company value. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):166–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-166-171>. EDN: TPZWLJ.

Нефинансовая отчетность включает в себя экономический, социальные, экологические показатели деятельности компании, а также раскрывает информацию о вкладе и нефинансовых инициативах компании, поддерживающих экологическое состояние природы и развитие общества [1; 2]. Количество крупных и средних предприятий из разных отраслей, которые поддерживали ведение устойчивого бизнеса и

публиковали соответствующие данные, со временем увеличивалось. Согласно Национальному регистру нефинансовых отчетов Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), в период с 2001 по 2023 год выпущено 1,5 тыс. отчетов 270 компаний — как тех, которые работают в России, так и транснациональных. Однако эта цифра не может считаться точной: направление отчетов в базу данных ре-

гистра носит добровольный характер [3].

Виды и стандарты нефинансовой отчетности. Отчетственные компании стали показывать высокий уровень прозрачности, применяя при составлении отчетов следующие международные стандарты:

- Стандарты GRI;
- Стандарт интегрированной отчетности IR;
- Стандарты МСФО (ISSB);
- Отраслевые стандарты SASB;
- Рекомендации TCFD;
- SDG Compass: руководство для бизнеса;
- Руководство по социальной ответственности ISO 26000;
- Стандарт IPIECA;
- Принципы и программные заявления ICMM;
- Руководства бирж по раскрытию информации.

Помимо вышеперечисленных (GRI и ISO) в мире существуют и другие международные стандарты нефинансовой отчетности такие как:

- AA1000 AS
- SA 8000

Существует довольно большое количество исследований влияния нефинансовой информации на различные показатели компании, в том числе на стоимость самой компании. Существуют различные подходы для исследования нефинансовой отчетности как теоретические, так и эмпирические, но для статьи представляет интерес именно исследование в рамках второго подхода [4; 5].

Впервые модель, которая бы учитывала не только финансовые факторы, влияющие на стоимость компании и размер дивидендов была предложена Дж. Олсоном [6]. Тем не менее, данная модель больше нацелена на исследование взаимосвязи между дивидендами и публикуемой финансовой отчетностью, нежели на влияние нефинансовых факторов.

Таким образом появилась необходимость в создании модели, которая решала бы данную проблему. В 2005 г. Л. Хассел в своей работе посвященной исследованию влияния на стоимость Шведских компании не только финансовой, но и экологической отчетности («environmental performance») предлагает новую спецификацию доработанной модели своих предшественников. В исследовании рассматривается так называемое «greening» (проведение экологической деятельности компаний, борьба с загрязнением), которое предположительно, по мнению автора, может приводить как к конкурентным преимуществам и увеличению прибыли для инвесторов, сопряженное с повышением рыночной стоимости, так и может иметь негативный эффект. Полученные результаты свидетельствуют о негативном влиянии экологической отчетности на рыночную стоимость [7] (автор отмечает, что к выводам надо относиться с предосторожностью, поскольку модель тестировалась на малой выборке).

Другие ученые также рассматривали влияние

экологической отчетности на решения инвесторов и рыночную стоимость компании. В работе А. Murray, D. Sinclair, D. Power, R. Gray «Do financial markets Care About Social And Environmental Disclosure» 2006 пришли к выводу, что необходимы дополнительные исследования, поскольку нельзя утверждать, что социальная и экологическая отчетность может «объяснить движение цен акций и/или помогает увеличить доходность» [8] на основе базовой модели Дж. Олсона для ряда компаний в разных странах (Великобритания, Франция, Канада).

Тем не менее, к противоположным результатам пришли Дж. Монева и В. Куэяр, используя модель Дж. Олсона для компаний, раскрывающих экологическую информацию и котирующихся на Мадридской Бирже. Учеными было получено, что экологическая отчетность имеет влияние на издержки и тем самым значима для инвесторов.

В другом не менее интересном исследовании Н. Schadewitz и М. Niskala 2010 на базе модели Дж. Олсона (1995) была введена прокси переменная, которая обозначала наличие отчетности стандарта GRI. Авторы исследуют эффекты влияния нефинансовой отчетности на стоимость фирмы на основе данных по различным компаниям в Финляндии. В данном исследовании модель показала высокую значимость влияния переменной в модели, а также показала положительное влияние наличия публикуемой отчетности на стоимость фирмы. Один из выводов, который содержится в данной работе, говорит о том, что такое влияние на стоимость фирмы, а именно на цену акции обусловлено повышением информативности благодаря ведению нефинансовой отчетности [9].

В данной статье будут проверены следующие гипотезы:

H1: компании, которые раскрывают отчетность по стандартам GRI будут иметь более высокое отношение рыночной стоимости капитала к балансовой в сравнении с другими компаниями.

H2: выпуск отчетности по стандартам GRI положительно влияет на стоимость компании (на год выпуска).

Модель. В исследованиях Ф. Дони и А. Гасперини 2014 и Х. Лю и др. 2014 [10] была успешно использована данная модель:

$$\begin{aligned} \ln MTBV = & \beta_0 + \beta_1 GRI + \beta_2 MarkCap + \\ & \beta_3 ROE + \beta_4 \ln TABV + \beta_5 Revenue + \varepsilon \end{aligned} \quad (1)$$

где: $\ln MTBV$ представляет натуральный логарифм отношения рыночной стоимости капитала к балансовой на конец финансового года;

GRI представляет собой дамми-переменную, обозначающую соответствие компании принципам GRI

(показатель в системе Bloomberg согласно которому указывается принимает ли участие компания в инициативе GRI);

MarkCap — рыночная стоимость капитала на конец финансового года;

ROE — нормализованное отношение чистой прибыли к балансовой стоимости собственного капитала на конец финансового года;

lnTAVV — натуральный логарифм отношения всех совокупных активов к балансовой стоимости собственного капитала;

Revenue — доход компании за финансовый год;

$\beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4, \beta_5$ — коэффициенты, которые показывают величину влияния независимых переменных на зависимую (*LnMTBV*);

ε представляет собой случайную ошибку с нулевым математическим ожиданием.

Данные. Для тестирования гипотез использовались данные за период 2020-2023 годов. Данные были подготовлены на основе финансовых показателей компаний, принадлежащих странам БРИКС (Россия, Китай, Бразилия, ЮАР) из различных отраслей.

Выборка состоит из 313 компаний, публикующих свою отчетность, а также котирующихся на рынке. Выборка не делится по секторам или отраслям, поскольку число наблюдений невелико, поэтому разделение на сектора будет результироваться в большое количество выборок с малыми количествами наблюдений, что негативно скажется на результатах регрессии.

Тестирование моделей. На данном этапе необходимо определить, какую модель необходимо использовать в дальнейшем. Поскольку для получения необходимых экономических результатов можно использовать различные оценочные функции.

Для работы с панельными данными могут быть применены следующие модели: *pooled model* (модель объединенных данных), *random effects model* (модель со случайными эффектами) и *fixed effects model* (модель с фиксированными эффектами).

Особый интерес представляет свободный член в модели, поскольку в разных моделях имеются разные предпосылки о его взаимозависимости с регрессорами или ошибкой.

Pooled effect model. Данная вид модели используется для работы с перекрестными данными и не учитывает временную составляющую панельных данных:

$$y_{it} = \alpha + x'_{it}\beta + u_{it} \quad (2)$$

Исходя из математического представления модели, можно заметить, что предполагается, что константа является одинаковой для всех наблюдений, вне зависимости и не будет учитывать индивидуальные эффекты каждого наблюдения в зависимости от временного периода.

Данная модель редко используется в литературе и не является подходящей для получения состоятельной и эффективных оценок коэффициентов, которые бы учитывали индивидуальный эффект.

Fixed effect model. В модели с фиксированными индивидуальными эффектами предполагается ненаблюдаемая неоднородность, которая может быть заложена в α_i :

$$y_{it} = \alpha_i + x'_{it}\beta + u_{it} \quad (3)$$

В основе данной разновидности модели лежит предпосылка о том, что α_i коррелирует с нашими регрессорами, таким образом, индивидуальный эффект является остаточной вариацией в зависимой переменной и не объясняется регрессорами.

Random effect model. В свою очередь, модель со случайными эффектами подразумевает, что эффекты распределены независимо от регрессоров, включены в ошибку:

$$y_{it} = x'_{it}\beta + (\alpha_i + e_{it}) \quad (4)$$

Для определения меры влияния индивидуальных эффектов используется параметр ρ (корреляция), который получается по формуле:

$$\rho_\varepsilon = \text{cor}(\varepsilon_{it}, \varepsilon_{is}) = (\sigma_\alpha^2) / ((\sigma_\alpha^2 + \sigma_\varepsilon^2)) \quad (5)$$

Для вышеуказанных моделей существуют различные оценочные функции, которые следует использовать для получения эффективных и состоятельных оценок коэффициентов регрессии. Главный вопрос при выборе оценочной функции стоит в том, какая изменчивость (*variation*) должна быть исследована, поскольку изменчивость может быть, как по наблюдаемым компаниям (*between variation*), так и только по времени (*within variation*).

Тест Бройша-Пагана. Данный тест необходим для того, чтобы определить какую модель необходимо использовать, ту, которая основана на случайных эффектах, или МНК. Если значение LM теста значимо, то необходимо использовать модель со случайными эффектами вместо МНК модели.

На рис. 1 показаны результаты LM теста Бройша-Пагана. Как можно заметить, *p-value* имеет значение близкое к нулю, а значит гипотеза H_0 о том, что дисперсия ошибки нулевая отвергается. Таким образом, исходя из результатов данного теста, не стоит использовать МНК модель, а в место нее следует использовать модель со случайными эффектами. Тем не менее, необходимо провести дополнительные тесты, чтобы выбрать между моделью со случайными эффектами и моделью с фиксированными эффектами.

Breusch and Pagan Lagrangian multiplier test for random effects

$$\ln\text{MTBV}[\text{company},t] = Xb + u[\text{company}] + e[\text{company},t]$$

Estimated results:

	Var	sd = sqrt(Var)
lnMTBV	.7982229	.8934332
e	.0876396	.2960398
u	.4761049	.6900036

Test: Var(u) = 0

chibar2(01) = 444.18
 Prob > chibar2 = 0.0000

Рис. 1. Результаты LM теста Бройша-Пагана

Тест Хаусмана. Чтобы определить, модель с какими эффектами будет использоваться, необходимо применить тест Хаусмана.

Как можно заметить из результатов, представленных на рис. 2, было получено P-value, которое удовлетворяет всем разумным уровням значимости, что говорит о том, что гипотеза о том, что различия в коэффициентах не систематичны, отвергается, и значения коэффициентов, полученные моделью с фиксированными эффектами, значимы, могут быть использованы для получения экономически значимых коэффициентов.

	Coefficients			
	(b) fixed	(B) random	(b-B) Difference	sqrt(diag(V_b-V_B)) S.E.
lnTABV	.6402396	.0782414	.5619982	.069925
GRI	-.0256827	-.2230333	.1973505	.0363358
ROE	.0135381	.0150297	-.0014915	.0006828
Revenue	1.27e-13	-5.94e-13	7.21e-13	1.80e-13
MarkCap	8.94e-13	6.82e-13	2.13e-13	4.98e-14

b = consistent under Ho and Ha; obtained from xtreg
 B = inconsistent under Ha, efficient under Ho; obtained from xtreg

Test: Ho: difference in coefficients not systematic

chi2(3) = (b-B)' [(V_b-V_B)^(-1)] (b-B)
 = 105.03
 Prob>chi2 = 0.0000

Рис. 2. Результаты теста Хаусмана

Результаты модели с фиксированными эффектами. Результаты вышеупомянутой модели представлены на рис. 3. Как можно заметить, переменная GRI, отвечающая за соответствие компании стандартам GRI значима на десятипроцентном уровне значимости. Более того было получено значение ρ (rho) равное 0.9, что довольно приближено к единице, а значит, индивидуальные эффекты доминируют над идиосинкразической ошибкой (σ_a^2 сильно больше чем σ_e^2).

Более того, можно заметить, что коэффициент при

переменной GRI является отрицательным, что с 90% уверенностью может означать отрицательное влияние раскрытия нефинансовой информации по стандартам GRI на стоимость компании. Также очевидно, что все переменные в полученной модели значимы за исключением переменной, отвечающей за общую выручку, что означает, что в рамках данной работы ничего нельзя сказать о влиянии упомянутой переменной на зависимую переменную. Также на рис. 4 представлены результаты модели со случайными эффектами, в которой были получены аналогичные результаты (значимость переменной GRI и отрицательная оценка коэффициента).

Экономическая интерпретация результатов. Исходя из полученных результатов гипотезы H1 и H2 отвергаются. Что означает, что выпуск отчетности GRI для стран БРИКС влияет отрицательно на натуральный логарифм отношения рыночной стоимости капитала к балансовой на конец финансового года. Также можно заметить, что все остальные значимые регрессоры показывают положительное влияние на зависимую переменную, что говорит об адекватности модели, поскольку положительное изменение финансовых показателей влияет положительно на финансовую оценку стоимости фирмы.

Выводы данной работы частично согласуются с исследованиями L. Hassel et al., учеными была также доказана негативное влияние раскрытия нефинансовой экологической отчетности на стоимость компании.

Несмотря на то, что полученные результаты значимы, тем не менее, стоит отметить, что исследуемая выборка представлена в относительно небольшом размере, что может сказываться на неточности полученных оценок коэффициентов из-за большой получаемой дисперсии. Также в модели может присутствовать автокорреляция и гетероскедастичность из-за малого числа наблюдений, поэтому для решения данных проблем возможна переспецификация модели, а для борьбы с автокорреляцией можно увеличить число наблюдений введением новых наблюдений за будущие периоды.

Таким образом полученные результаты показывают, что выпуск отчетности GRI уменьшает стоимость фирмы на 2,5 %. Тем не менее как уже было указано выше данная взаимосвязь может не отражать реального положения дел, поскольку требуются дополнительные исследования, возможная переспецификация модели и увеличение количества наблюдений путем добавления будущих периодов.

Список источников / References

1. Бородин А. И., Проданова Н. А., Пшеничный О. В. Сущность ESG-проектов, специфика рисков и доходности // Бухучет в здравоохранении. 2024. № 8 (272). С. 41–51. (I. Borodin


```

. xtreg $ylist $xlist, fe

Fixed-effects (within) regression
Group variable: company

R-sq:  within = 0.2606
      between = 0.0009
      overall = 0.0019

Number of obs   =    910
Number of groups =    312

Obs per group: min =     1
              avg  =    2.9
              max  =     3

F(5,593) =    41.81
Prob > F  =    0.0000

corr(u_i, Xb) = -0.5897
    
```

	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
lnMTBV						
lnTABV	.6402396	.0899277	7.12	0.000	.4636241	.8168551
GRI	-.0256827	.0680239	-1.86	0.097	-.1592798	.1079144
ROE	.0135381	.0017711	7.64	0.000	.0100597	.0170166
Revenue	1.27e-13	2.06e-13	0.61	0.540	-2.79e-13	5.32e-13
MarkCap	8.94e-13	8.71e-14	10.27	0.000	7.23e-13	1.07e-12
_cons	-.0864955	.1016446	-0.85	0.395	-.2861227	.1131317
sigma_u	1.0735493					
sigma_e	.29603983					
rho	.92933134	(fraction of variance due to u_i)				

F test that all u_i=0: F(311, 593) = 15.48 Prob > F = 0.0000

Рис. 3. Результаты модели с фиксированными эффектами

```

. xtreg $ylist $xlist, re

Random-effects GLS regression
Group variable: company

R-sq:  within = 0.1732
      between = 0.2479
      overall = 0.2563

Number of obs   =    910
Number of groups =    312

Obs per group: min =     1
              avg  =    2.9
              max  =     3

Wald chi2(3) =    .
Prob > chi2  =    .

corr(u_i, X) = 0 (assumed)
    
```

	Coef.	Std. Err.	z	P> z	[95% Conf. Interval]	
lnMTBV						
lnTABV	.0782414	.0565463	1.38	0.166	-.0325873	.1890701
GRI	-.2230333	.0575062	-3.88	0.000	-.3357434	-.1103232
ROE	.0150297	.0016342	9.20	0.000	.0118267	.0182327
Revenue	-5.94e-13	1.01e-13	-5.90	0.000	-7.92e-13	-3.97e-13
MarkCap	6.82e-13	7.15e-14	9.54	0.000	5.42e-13	8.22e-13
_cons	.6652194	.0761913	8.73	0.000	.5158872	.8145516
sigma_u	.69000355					
sigma_e	.29603983					
rho	.84454025	(fraction of variance due to u_i)				

Рис. 4. Результаты модели со случайными эффектами

- A. I., Prodanova N. A., Pshenichny O. V. The essence of ESG projects, the specifics of risks and profitability // Accounting in healthcare. 2024. № 8 (272). P. 41–51.
- Ордов К. В. и др. Финансы устойчивого развития в 2-х книгах. Книга II. М. : Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 215 с. (2. Ordov K.V. and others. Finance of sustainable development in 2 books. Book II. M. : Publishing House UNITY-DANA, 2023. 215 p.).
 - Бородин А. И., Проданова Н. А., Пшеничный О. В. Обзор нормативно-правовой базы Российской Федерации в вопросах устойчивого развития и ESG-повестки // Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях. 2024. № 7 (230). С. 22–33. (3. Borodin A. I., Prodanova N. A., Pshenichny O. V. Review of the regulatory framework of the Russian Federation in matters of sustainable development and the ESG agenda // Accounting and taxation in budgetary organizations. 2024. № 7 (230). P. 22–33).
 - Gilbert D.U., Rasche A. Discourse ethics and social accountability : the ethics of SA 8000. Business Ethics Quarterly, 2007, 17 (02), 187–216.

5. Rasche A. Toward a model to compare and analyze accountability standards — The case of the UN Global Compact. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2009, 16 (4), 192–205.
6. J. Ohlson. Earnings, book values and dividends in equity valuation. 1995, 11, 2; 661.
7. L. Hassel, H. Nilsson, S. Nyquist. The Value Relevance of Environmental Performance. *European Accounting Review*. 2004, 14(1), 41–61.
8. A. Murray, D. Sinclair, D. Power, R. Gray. Do financial markets Care About Social And Environmental Disclosure. *Accounting Auditing & Accountability Journal* 19(2), 2006.
9. H. Schadewitz и М. Niskala. Communication via responsibility reporting and its effect on firm value in Finland. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 17(2):96–106.
10. Doni F., Gasperini A. (2014). The internal integrated reporting and the value creation: a case study approach. *Knowledge and Management Models for Sustainable Growth*, e-book, of Proceedings of IFKAD, (International Forum on Knowledge Asset Dynamics), 2666–2704.

Информация об авторе

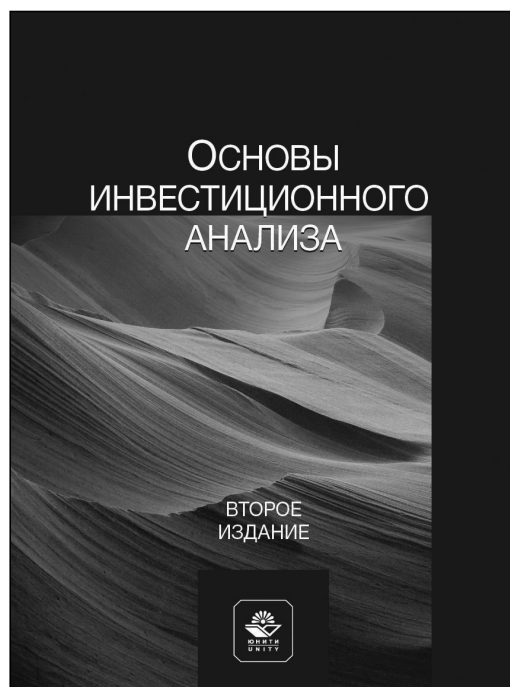
А. И. Бородин — профессор кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

A. I. Borodin — Professor of the Department of Sustainable Development Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Основы инвестиционного анализа. Под ред. В. С. Осипова, Н. Д. Эриашвили; под общ. ред. Т. Н. Агаповой, Е. Л. Логинова. Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. 455 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Цель пособия — изучение основ инвестирования, инвестиционного анализа, условий риска и неопределенности, мирового опыта и российской специфики инвестиционного анализа.

Рассматриваются теоретические основы международного инвестиционного анализа, роль финансовых и реальных инвестиций, оценка эффективности инвестиционного анализа по мировым стандартам. Обозначены пути определения направлений инвестиционной деятельности фирмы и формирование стратегических направлений ее развития, оценка, анализ ситуации на финансовом рынке. Анализируются методы и приемы оценки инвестиционных проектов, применяемые в мировой практике, особенности составления бизнес-плана инвестиционного проекта по международным стандартам, процессы реализации и финансирования инвестиционных проектов.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям экономики и управления.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-172-175>

EDN: <https://elibrary.ru/mrgpid>

НИОН: 2003-0059-6/24-211

MOSURED: 77/27-003-2024-06-410

Стратегическая оценка рисков внешнеэкономической деятельности в рамках обеспечения национальной безопасности

Татьяна Владимировна Кикоть-Глуходедова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kgtv@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются риски, их формы и виды, а также влияние на внешнеэкономическую безопасность страны. До начала XXI века почти все политические вопросы решались посредством экономики. Сегодня многие экономические вопросы решаются посредством политики. Благодаря этой особенности внешнеэкономическая безопасность была выделена из экономической безопасности в отдельную подсистему. В ее первоочередные задачи входит выявление интересов в сфере внешнеэкономической деятельности государства и выявление потенциальных угроз этим интересам.

В условиях разрушения устоявшейся системы национальных интересов важно наладить процесс создания механизмов их защиты в рамках национальной безопасности. Необходимо изучить возможности оценки, преодоления, элиминирования и снижения последствий рисков внешнеэкономической деятельности с учетом принципов свободного предпринимательства.

Ключевые слова: стратегическая оценка рисков, внешнеэкономическая деятельность, риск, управление рисками, национальная безопасность

Для цитирования: Кикоть-Глуходедова Т. В. Стратегическая оценка рисков внешнеэкономической деятельности в рамках обеспечения национальной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 172–175. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-172-175>. EDN: MRGPID.

Original article

Strategic assessment of the risks of foreign economic activity in the framework of national security

Tatyana V. Kikot'-Glukhodedova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kgtv@yandex.ru

Abstract. Risks, their forms and types, as well as their impact on the foreign economic security of the country are considered. Until the beginning of the XXI century almost all political issues were solved through economics. Today, many economic issues are solved through politics. Due to this feature, foreign economic security was separated from economic security into a separate subsystem. Its primary tasks include identifying interests in the field of foreign economic activity of the state and identifying potential threats to these interests.

In the context of the destruction of the established system of national interests, it is important to establish the process of creating mechanisms for their protection within the framework of national security. It is necessary to explore the possibilities of assessing, overcoming, eliminating and reducing the consequences of risks of foreign economic activity, taking into account the principles of free enterprise.

Keywords: strategic risk assessment, foreign economic activity, risk, risk management, national security

For citation: Kikot'-Glukhodedova T. V. Strategic assessment of the risks of foreign economic activity in the framework of national security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):172–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-172-175>. EDN: MRGPID.

© Кикоть-Глуходедова Т. В., 2024

Внешнее экономическое благополучие Российской Федерации выступает важным фактором обеспечения ее национальной безопасности. Исследования как отечественных, так и зарубежных ученых подчеркивают, что одним из краеугольных камней экономической безопасности является обеспечение безопасности государства в его внешнеэкономической деятельности. Изучение факторов, влияющих на внешнеэкономическую безопасность, является предметом интереса многих ученых как в России, так и за ее пределами. Тема управления рисками в различных областях и аспектах внешнеэкономической деятельности затронута в работах В. И. Черенковой, О. И. Дегтяревой, А. А. Беара, У. Шарпа, Г. Александера, Дж. Бэйли, П. Н. Виленского, В. Я. Ханижи, Х. Дерески и другие.

Международно-экономическая безопасность представляет собой комплекс договоренностей и условий сосуществования между государствами, гарантирующих свободу выбора и реализации социально-экономических стратегий без внешнего давления. Экономика и внешнеэкономическая деятельность, таким образом, тесно связаны с обеспечением национальной безопасности.

Оценка жизнеспособности экономики и ее устойчивости перед внешними и внутренними угрозами является необходимым условием обеспечения национальной безопасности. В этой связи обеспечение внешнеэкономической безопасности становится одним из главных приоритетов государства.

Среди ключевых элементов внешнеэкономической безопасности выделяются:

1. Экономическая самостоятельность, позволяющая государству контролировать свои ресурсы, обеспечивать качество продукции и участвовать в мировой торговле на равных условиях.
2. Защита собственности во всех ее формах.
3. Возможность развития и прогресса.

Связь понятия внешнеэкономической безопасности с риском позволяет выработать эффективный механизм их элиминирования [7]. Возникновение рисков сопровождается тремя взаимосвязанными условиями: наличием неопределенности, выбором альтернатив и возможностью оценить вероятность наступления выбранных результатов. Под неопределенностью понимается потенциальное событие, которое невозможно оценить качественно или количественно, тогда как сам риск подразумевает определенное потенциальное событие в будущем, вероятность наступления и возможные последствия которого можно оценить.

Риски могут возникать на разных уровнях — от локальных до глобальных, и требуют адекватных мер для минимизации потенциальных потерь. К моделям рисков относятся сами объекты риска, рисковое событие, подверженность осуществляемой деятельности риску и вероятные последствия. Объектами риска

являются такие переменные, которые характеризуют состояние экономического явления, необходимое для нормального функционирования бизнес-процесса. Поэтому важно, чтобы эти переменные попадали в определенный диапазон значений, ограниченный выручкой, прибылью, ликвидностью, рентабельностью и т. д. Входными данными модели риска являются факторы риска, а также неучтенные факторы, то есть переменные, которые будут влиять на объекты риска (цены товаров или услуг, инфляция и т. п.) [6].

Рисковым событием можно назвать случайное событие, наступление которого может нарушить бесперебойную работу и (или) отрицательно (положительно) повлиять на процесс [3].

Под внешнеэкономическим риском понимают вид риска, который представляет собой субъективно-объективную внешнеэкономическую категорию, отражающую неопределенность результатов интеграции той или иной организации в мировую экономику [2]. Оно выражается в равных возможностях как приобретения нового инструмента разработки, так и возникновения финансового, имущественного и других видов ущерба компании из-за неисполнения иностранным партнером договорных обязательств и отсутствия строго детерминированных прогнозов. факторы риска.

Под управлением внешнеэкономическими рисками понимается совокупность мер, инструментов и конкретных действий, которые позволяют оценить и приоритезировать потенциальные угрозы, связанные с изменением бизнес-операций, систем и процессов. Чтобы выработать эффективный механизм элиминирования таких рисков, важно иметь множество альтернатив и решений, что увеличивает вероятность выбора оптимального подхода.

В современных экономических условиях необходимо постоянно обновлять механизмы оперативного предотвращения, выявления, управления и элиминирования рисками, особенно в сфере внешнеэкономической деятельности.

Сегодня в России действует стратегия экономической безопасности на период до 2030 года, утвержденная Президентом РФ [1], и направленная на совершенствование механизмов действия при введении западных санкций в сфере экономики. Особенно важными угрозами в этой ситуации становятся агрессивные меры воздействия на стратегические отрасли экономики и невозможность доступа крупных игроков рынка к иностранным финансовым ресурсам.

Таким образом, управление внешнеэкономическими рисками должно быть ориентировано на природу их возникновения: предотвратимые риски (риски на уровне предприятия), стратегические риски (отраслевые риски) и внешние риски (общие риски мирового рынка).

Предотвратимые риски относятся к внутренним рискам, которые возникают внутри организации и

могут контролироваться, и поэтому их необходимо устранять или предотвращать. Примеры включают риски, связанные с несанкционированной деятельностью, незаконной деятельностью, неэтичным поведением, неправомерными действиями сотрудников и руководителей. Кроме того, в эту категорию попадают риски, связанные с нарушениями рутинных операционных процессов [3]. Активные профилактические меры, такие как мониторинг операций и регулирование поведения и принятия решений в соответствии с желаемыми нормами, являются наиболее эффективными способами управления этой категорией риска.

Стратегическое управление рисками невозможно с использованием модели управления, основанной на правилах. Вместо этого должна быть создана система управления, позволяющая минимизировать вероятность возникновения ожидаемых рисков и улучшить способность справляться с рисковыми событиями или смягчать их последствия в случае их возникновения.

По своей классификационной природе управление внешнеэкономическими рисками эквивалентно управлению интегрированным риском компании. Последний представляет собой единую систему рисков, способных усиливать влияние друг друга, т. е. давать синергетический эффект [4]. Одной из возможных классификаций этих рисков при осуществлении внешнеэкономической деятельности может быть классификация, упомянутая в работах Ян Хао и Зуева А. В. и обобщенная в таблице 1.

Таблица 1

Классификация внешнеэкономических рисков, предложенная А. В. Зуевым

Функция классификации	Виды рисков
Риски, связанные с условиями внешнеэкономического контракта	Риск качества, цены товара; риск форс-мажорных обстоятельств; риск неисполнения договорных обязательств
Риски, внешние по отношению к контракту	Макроэкономические риски и маркетинговые риски
Риски, связанные с этапами исполнения контракта	Риски таможенного оформления, риски, связанные с сертификацией товаров, транспортные риски, инвестиционные
Риски, связанные с географическим расположением	Риски, возникающие на внутреннем или внешнем рынке, а также на границе
Риски, влияющие на них, если это возможно	Риски, управление которыми полностью доступно компании, косвенно и совершенно недоступно

Риски 3–5 групп классификационных критериев достаточно уточняют по 1–2 критериям. Их разделение на отдельные группы полезно для процесса внедрения системы управления рисками в бизнес-процессы на всех этапах внешнеэкономической деятельности. Однако основная работа по созданию такой системы базируется на анализе групп 1 и 2.

Таким образом, элиминирование рисков, связанных с условиями внешнеэкономической деятельности в рамках обеспечения национальной безопасности, включает в себя использование методов минимизации и страхования рисков согласно представленной классификации:

- риск качества продукции, связанный с несоответствием продукции заявленным требованиям и влияющий на ее конкурентоспособность. Для борьбы с этим видом риска компания использует инструменты, направленные на проведение регулярных проверок соблюдения стандартов качества; внедрение системы устранения выявленных дефектов и поддержки клиентов;
- ценовой риск продукции, связанный с неверным применением ценовой политики. Для элиминирования данного вида риска необходимо отслеживать ценообразование, прогнозировать его уровень, а также находить отклонения цен от обозначенного «коридора»;
- риск форс-мажорных обстоятельств, связанный с высокой степенью неопределенности на рынке и неожиданностью наступления рискованного события. В данном случае отслеживается степень потенциального ущерба риска и возможность привлечения ресурсов для его минимизации;
- риск неисполнения обязательств по договору связан с финансовой устойчивостью, добросовестностью и степенью развития управленческого учета и управления рисками компаний-контрагентов.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что на данный момент наиболее актуальны меры элиминирования и минимизации рисков не только внутренние, но и внешние (анализ рынка, страхование, защита вложений инвесторов и т. д.).

Меры, принимаемые в России во внешнеэкономической деятельности в контексте обеспечения национальной безопасности должны направить проводимую политику руководства государства в сторону нормального функционирования внешнеэкономической системы и ее адекватной интеграции в мировую экономику.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации о стратегии экономической безопасности Рос-

сии на период до 2030 года // URL: <https://neftegaz.ru/>

2. Голубчик А. М., Пак Е. В. Логистические схемы обхода санкционного режима западных стран в отношении России // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 5. С. 63–69.
3. Глазьев С. «Экономическая безопасность России: необходимые меры» // URL: <http://politobzor.net/show-28866-ekonomicheskobezopasnostrossii-neobhodimye-mery.htm/>
4. Стасев М. А. Роль обеспечения безопасности в системе внешнеэкономической деятельности в повышении национальной экономической безопасности // Terra Economicus. 2012. № 4. С. 163.
5. Тернавщенко К. О., Хмара К. И. Международные подходы к определению и оценке внешнеэкономической безопасности в системе национальной безопасности // Сборник Международной научно-практической конференции. Саратов, 2016. С. 76–80.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation on the strategy of economic security of Russia for the period up to 2030 // URL: <https://neftegaz.ru/>.
2. Golubchik A. M., Pak E. V. Logistic schemes for circumventing the sanctions regime of Western countries against Russia // Russian Foreign Economic Bulletin. 2023. № 5. P. 63–69.
3. Glazyev S. «Russia's Economic Security: Necessary Measures» // URL: <http://politobzor.net/show-28866-ekonomicheskobezopasnostrossii-neobhodimye-mery.htm/>
4. Stasev M. A. The role of security in the system of foreign economic activity in increasing national economic security // Terra Economicus. 2012. № 4. P. 163.
5. Ternavshchenko K. O., Khmara K. I. International approaches to the definition and assessment of foreign economic security in the system of national security // Collection of the International Scientific and Practical Conference. Saratov, 2016. P. 76–80.

Информация об авторе

Т. В. Кикоть-Глуходедова — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Kikot'-Glukhodedova — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 336.11

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-176-181>

EDN: <https://elibrary.ru/mfhlpа>

НИОН: 2003-0059-6/24-212

MOSURED: 77/27-003-2024-06-411

Методологические подходы к идентификации углеродных единиц

Виктория Владимировна Коокуева

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, kookueva.vv@gmail.com

Аннотация. Подчеркивается актуальность и необходимость идентификации углеродных единиц (УЕ). Исследован зарубежный опыт и практика российского рынка углеродных единиц, проанализированы климатические проекты, результаты товарных аукционов, выпущенные и планируемые УЕ. Рассмотрены отдельные вопросы ценообразования на добровольном и обязательном рынке углеродных единиц в России и в зарубежных странах. Представлены теоретические подходы к определению углеродных единиц в зависимости от формы рынка. Также систематизирована сравнительная таблица углеродных единиц и квот на выбросы как предмета обращения на углеродном рынке. Выделены общие и отличные черты между УЕ и квотами.

Ключевые слова: углеродные единицы, квоты на выбросы, углеродное ценообразование, возобновляемые источники энергии, климатический проект, добровольный и обязательный рынок

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0003 «Методология адаптации публичных и корпоративных финансов к принципам «зеленой экономики»», финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Для цитирования: Коокуева В. В. Методологические подходы к идентификации углеродных единиц // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 176–181. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-176-181>. EDN: MFHLPA.

Original article

Methodological approaches to the identification of carbon units

Viktoriya V. Kookueva

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, kookueva.vv@gmail.com

Abstract. The relevance and necessity of identifying carbon units (CU) is emphasized. The foreign experience and practice of the Russian carbon units market are studied, climate projects, results of commodity auctions, issued and planned CU are analyzed. Certain issues of pricing in the voluntary and mandatory carbon units market in Russia and in foreign countries are considered. Theoretical approaches to determining carbon units depending on the market form are presented. A comparative table of carbon units and emission quotas as a subject of circulation in the carbon market is also systematized. Common and different features between CU and quotas are highlighted.

Keywords: carbon units, emission quotas, carbon pricing, renewable energy, climate project, voluntary and mandatory market

Acknowledgements: the article was prepared as part of the implementation of project № FSSW-2023-0003 «Methodology for adapting public and corporate finance to the principles of the «green economy»», funded by the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Kookueva V. V. Methodological approaches to the identification of carbon units. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):176–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-176-181>. EDN: MFHLPA.

© Коокуева В. В., 2024

Актуальность темы углеродной нейтральности не утрачивает свою значимость даже в современных условиях ограничения финансовых возможностей и влияния санкционного воздействия.

Глобальные мощности возобновляемых источников энергии (далее по тексту — ВИЭ) растут опережающими темпами в целом в мире. Мировой объем мощностей электростанций на основе ВИЭ в 2023 г. вырос на 437 ГВт по данным IRENA [5] за счет удешевления солнечных батарей благодаря инновациям, роста производства зеленого водорода и мер поддержки во многих странах. Около 70% вводимых мощностей приходилось на Азию, из которых 90 % — занимает Китай. Следует отметить роль технологических инноваций на снижение себестоимости на всех этапах производства солнечных батарей, в результате которых цена их снизилась на 40% и стоимость 1 ватта снизилась до 15 центов. Также сни-

жается стоимость аккумулялирования энергии. Так снижение цены позволит повысить спрос на них и расширить их использование во многих процессах.

В настоящее время российский рынок углеродных единиц находится на этапе развития, введена в действие система торговли ими с 1 сентября 2022 г. Так, определены правила создания и ведения реестра УЕ и оператором реестра было назначено АО «Контур». По данным последнего по состоянию на 16 июня 2024 г. было зарегистрировано 28 климатических проектов, в обращении находятся 1 941 496 УЕ, и планируется к выпуску 79 838 950 УЕ [3]. Из 28 проектов 10 климатических проекта реализует ПАО «Татнефть», 2 проекта — АО «Русал Урал», остальные компании по одному проекту. Всего 18 компаний зарегистрировали 28 проектов, из которых 9 компаний уже имеют углеродные единицы в обращении.

Рис. 1. Количество углеродных единиц в обращении (по данным Реестра углеродных единиц)

Говоря о перспективах развития углеродного рынка, можно отметить, что планируется к выпуску более 79 млн углеродных единиц в рамках зарегистрированных 28 климатических проектов [6]. Думаем, что количество проектов может увеличиваться, а вместе с этим и объем планируемых и выпущенных УЕ. Видно, из рисунка 2, что самый большой объем запланированных единиц по проекту дочерней компании ПАО «Газпром», направленного на снижение выбросов с использованием мобильных компрессорных станций, — более 49,9 млн УЕ, что составляет 62,5 % от общего объема [1]. На втором месте, что более чем в 8 раз меньше первой позиции, проект АО «Дельфин Групп», направленный на использование технологии регенерации отработанного смазочного масла, в рамках которого планируется выпустить более 6 млн единиц. Затем следует проект ПАО «Нижнекамскнеф-

техим» по энергоэффективному перевооружению — более 5,6 млн единиц.

За период менее, чем 3 года были заложены основы для развития углеродного рынка в России. С одной стороны, это небольшой период, были установлены нормативно-правовые аспекты ведения реестра УЕ, регистрации проектов, с другой стороны, прошли уже первые торги на российском рынке.

Разные эксперты в мире по-своему оценивают тенденции последних лет в данном сегменте. Одни считают 2023 г. тяжелым годом для создателей углеродных проектов, но в то же время считают, что добровольный углеродный рынок лучшим инструментом для частного финансирования. Другие считают, что в 2023 г. этот рынок упал на 56 %, значительные финансовые ресурсы исчезли. Отмечают смещение спроса в сторону кредитов с высокой ценой из-за внедрения новых правил и стандартов [7].

Рис. 2. Количество планируемых к выпуску углеродных единиц (по данным Реестра углеродных единиц)

Что касается обязательного углеродного рынка, рынка квот, то он связан с реализацией эксперимента в Сахалинской области. Были установлены квоты на 2024–2028 гг. Этому предшествовали работы по инвентаризации выбросов, подготовлена углеродная отчетность. 35 участников эксперимента необходимо сократить 160 тыс. тонн CO₂-эквивалент в 2025 г. [2].

Идентификация предмета обращения зависит от формы рынка по степени добровольности. Если речь идет о добровольном рынке, то предметом может быть углеродная единица, если об обязательном, регулируемом — квоты. Функционирование первого связано с законом об ограничении выбросов парниковых газов, второго — с экспериментом в Сахалинской области.

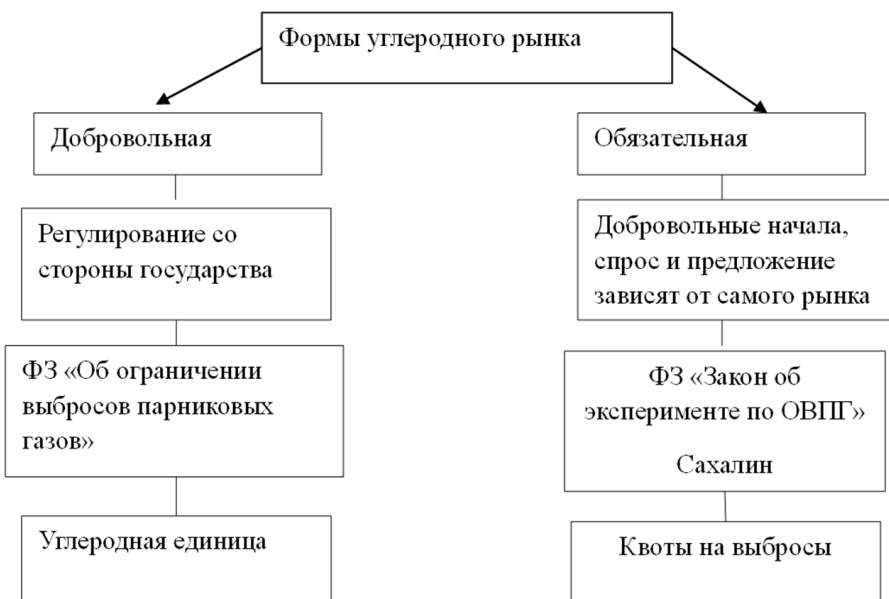

Рис. 3. Отдельные характеристики форм углеродного рынка

Приведем сравнительную характеристику данных объектов. Весь анализ и выводы представлены в таблице 1.

Таблица 1.

**Сравнительная таблица углеродных единиц и квот
на выбросы как предмета обращения на углеродном рынке**

<i>Характеристики</i>	<i>Углеродные единицы Закон об ОВПГ</i>	<i>Единицы выполнения квоты Закон об эксперименте по ОВПГ</i>
Определение	Углеродная единица — верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной 1 тонне углекислого газа (п. 9 ст. 2).	Единица выполнения квоты — верифицированный результат выполнения установленной квоты, выраженный в разнице между установленной квотой и фактической массой выбросов парниковых газов, эквивалентной одной тонне углекислого газа (п. 4 ч. 1 ст. 2).
Правовая основа	Закон об ОВПГ и	Закон об эксперименте по ОВПГ
Объект права	Объект права	Способ получения объекта права
Экономическая ценность	не дают право на дополнительный выброс ввиду отсутствия квоты	могут дать право их приобретателю на дополнительный выброс, т. к. установлены императивные ограничения на выбросы парниковых газов
Результат деятельности по сокращению выбросов парниковых газов	Да	Да
Соответствие принципу добровольности	Да	Нет
Необходимость учета	Да	Да
Особенности учета в реестре	Учитываются в реестре оператором, установленным Правительством.	Учитывают в реестре региональной регулируемой организации.
Информация в реестре	О проекте, УЕ, выпущенных и планируемых к выпуску, о передаче иным лицам и о зачете	О квоте, о фактических выбросах, выпущенных в обращение единицах выполнения квоты, о верификации углеродной отчетности, об операциях с ними
В какой момент считаются выпущенными	В момент зачисления на счет исполнителя проекта оператором	Квоты считаются выпущенными в обращение с момента их зачисления на счет этой организации.
Механизм удостоверения выпуска	Путем записи по счету в реестре и выписки по нему	Путем записи по счету в реестре и выписки по нему
Особенности передачи и зачета	Согласно распоряжению владельца счета путем списания УЕ с него и зачисления на счет покупателя. Переданными являются с момента записи по счету покупателя. Зачет — аналогично, путем списания с одного счета и зачисления на другой	Согласно распоряжению владельца счета путем списания квоты с него и зачисления на счет покупателя. Переданными являются с момента записи по счету покупателя. Зачет — аналогично, путем списания с одного счета и зачисления на другой
Стоимость совершения операций с ними (Согласно Постановлению Правительства РФ от 30 марта 2022 г. № 518)	Открытие счета — не более 18000 руб. Регистрация проект — не более 18000 руб. Зачисление УЕ на счет при выпуске в обращение — не более 20 рублей за единицу. Зачисление на счет в реестре — не более 5 рублей. Передача — не более 5 рублей за единицу. Зачет — не более 5 руб. Списание — не более 5 рублей. Изменение сведений о проекте, участнике- не более 1000 рублей.	Открытие счета — не более 18000 руб. Регистрация проект — не более 18000 руб. Зачисление единиц выполнения квоты при выпуске — не более 1 рубля за единицу. Зачисление на счет в реестре — не более 5 рублей. Передача — не более 5 рублей за единицу. Зачет — не более 1 руб. Списание — не более 5 рублей. Изменение сведений о проекте, участнике- не более 1000 рублей.
Какие процессы проводят к выпуску	Валидация и верификация	Валидация и верификация

Таким образом, можно определить, что предметом обращения на углеродном рынке могут как углеродные единицы, так и квоты на выбросы. Общее между УЕ и квотами:

- законодательное закрепление;
- верификация результата обязательна;
- необходимость учета или ведение реестра;
- считаются выпущенными в момент зачисления на счет;
- удостоверение путем записи по счету в реестре и выписки по нему;
- платная стоимость совершения операций с ними;
- валидация и верификация результатов проектов приводит к выпуску УЕ и единицам выполнения квоты.

Разница между углеродными единицами и единицами выполнения квоты заключается:

- разная правовая база и экономическая основа;
- принцип добровольности;
- в установлении различных оснований и требований к их выпуску;
- разная экономическая ценность: УЕ не дают право на дополнительный выброс ввиду отсутствия квоты, квоты — дают;
- стоимость совершения операций с УЕ дороже, чем с единицами выполнения квоты, что может иметь значение в процессе ценообразования.

Интересно, что в Евросоюзе в Директиве о рынках финансовых инструментов квоты на выбросы признаются финансовыми инструментами. Учитывая различия в законодательстве стран-участниц, квоты могут быть отнесены к имущественным правам, позволяющим рассматривать их как ценные бумаги, финансовые инструменты, так и к административным правам, либо смешанным. Во Франции единицы сокращения выбросов и сертифицированные единицы сокращения выбросов являются движимым имуществом, оборотоспособными, что гарантирует возможность проведения сделок, могут быть предметом залога. Отличие между состоит в том, что квоты на выбросы парниковых газов могут выступать в качестве базового актива для финансовых инструментов. В Бельгии квоты на выбросы также являются финансовым инструментом, в учете признаются как нематериальные активы, но в то же время законодательно не урегулированы права на них. В Италии квоты на выбросы являются нематериальным благом, обладающее полезностью, выражается в тоннах, имеет переменную стоимость под влиянием спроса и предложения, являются оборотоспособными и имеют экономическую ценность. В Швейцарии квоты на выбросы не являются ценными бумагами, могут выступать в качестве базового актива деривативных контрактов. В Великобритании квоты на выбросы признаются финансовыми инструментами. В Австралии УЕ являются личным имуществом. В штат Калифорния США квота на выбросы не дает имущественных прав владельцу, они являются ад-

министративным инструментом. В Мексике также является административным инструментом. В Китае квоты на выбросы не рассматриваются в качестве финансовых инструментов. В Казахстане УЕ представлены углеродными квотами и офсетными единицами. На первичном рынке продаются углеродные квоты на аукционах, на вторичном — УЕ продаются путем прямой сделки или через товарную биржу [4].

Таким образом, анализ рынка углеродных единиц как в России, так и в зарубежных странах, показал необходимость его дальнейшего развития. Необходимо определить правовой статус, особенности, возможности применения как финансовыми инструментами и определения принципов их ценообразования на различных рынках углеродных единиц.

Список источников

1. Как обстоят дела у российского рынка углеродных единиц. // Климатический вестник Газпромбанка. 2023. № 15. С. 13–17.
2. На Сахалине установили квоты на выбросы парниковых газов // URL: <https://tass.ru/obschestvo/18860767>
3. Официальный сайт оператора ведения реестра углеродных единиц // URL: <https://carbonreg.ru/ru/>
4. Подходы зарубежных стран к определению правовой природы углеродных единиц // URL: www.csr.ru/upload/iblock/bac/ffj511q4c15x0grscubcgef5zdxiiipbr.pdf
5. Статистика возобновляемых мощностей за 2024 год. IRENA (2024), Renewable capacity statistics 2024, International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi // URL: https://mc-cd8320d4-36a1-40ac-83cc-3389-cdn-endpoint.azureedge.net/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2024/Mar/IRENA_RE_Capacity_Statistics_2024.pdf?rev=a587503ac9a2435c8d13e40081d2ec34
6. Углеродные единицы: зачем они нужны и как их получить // URL: <https://rg.ru/2023/12/20/uglerodnye-edinicy-zachem-oni-nuzhny-i-kak-ih-poluchit.html/>
7. Центр глобальных углеродных рынков. Новый отчет: рынок добровольных углеродных квот сократился в 2023 году из-за сокращения транзакций в рамках программы REDD+ и возобновляемой энергетики // URL: <https://www.ecosystemmarketplace.com/articles/report-the-voluntary-carbon-market-contracted-in-2023-driven-by-drop-off-in-transactions-for-redd-and-renewable-energy/>

References

1. How are things going on the Russian carbon units market? // Climate Bulletin of Gazprombank.

2023. №. 15. P. 13-17.
- Greenhouse gas emission quotas established on Sakhalin // URL: <https://tass.ru/obschestvo/18860767>
 - Official website of the operator of the carbon units registry // URL: <https://carbonreg.ru/ru/>
 - Approaches of foreign countries to determining the legal nature of carbon units // URL: www.csr.ru/upload/iblock/bac/ffj511q4c15x0grscubcqe5zdxiipbr.pdf
 - Renewable capacity statistics for 2024. IRENA (2024), Renewable capacity statistics 2024, International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi // URL: https://mc-cd8320d4-36a1-40ac-83cc-3389-cdn-endpoint.azureedge.net/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2024/Mar/IRENA_RE_Capacity_Statistics_2024.pdf?rev=a587503ac9a2435c8d13e40081d2ec34
 - Carbon units: why are they needed and how to get them // URL: <https://rg.ru/2023/12/20/uglerodnye-edinicy-zachem-oni-nuzhny-i-kak-ih-poluchit.html>
 - Center for Global Carbon Markets. New report: voluntary carbon market contracted in 2023 due to reduction in transactions under the REDD+ program and renewable energy // URL: <https://www.ecosystemmarketplace.com/articles/report-the-voluntary-carbon-market-contracted-in-2023-driven-by-drop-off-in-transactions-for-redd-and-renewable-energy/>

Информация об авторе

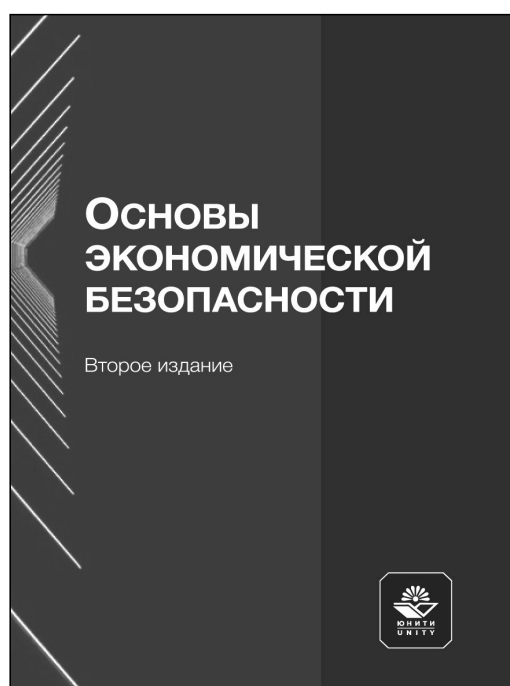
В. В. Коокуева — доцент кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Kookueva — Associate Professor of the Department of Sustainable Development Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Основы экономической безопасности. Учеб. пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах.

Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике.

Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья
УДК 339.7:34.096
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-182-186>
EDN: <https://elibrary.ru/giletg>
НИОН: 2003-0059-6/24-213
MOSURED: 77/27-003-2024-06-412

Идентификация видов нелегальной деятельности на финансовых рынках

Сергей Александрович Сыбачин

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Sybachin.SA@rea.ru

Аннотация. Осуществлена идентификация видов нелегальной деятельности на финансовых рынках на примере законодательства Соединенных Штатов Америки по следующим основным направлениям: финансовые пирамиды, нелегальные кредиторы, нелегальная деятельность на рынке ценных бумаг, нелегальная деятельность на страховом рынке, неправомерное использование инсайдерской информации. Приведены основные понятия и рассмотрена законодательная практика идентификации видов нелегальной деятельности.

Ключевые слова: противодействие нелегальной деятельности, финансовые рынки, Соединенные Штаты Америки, финансовые пирамиды, нелегальные кредиторы, нелегальная деятельность на рынке ценных бумаг, нелегальная деятельность на страховом рынке, неправомерное использование инсайдерской информации

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Сыбачин С. А. Идентификация видов нелегальной деятельности на финансовых рынках // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 182–186. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-182-186>. EDN: GILETG.

Original article

Identification of illegal activities on financial markets

Sergey A. Sybachin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Sybachin.SA@rea.ru

Abstract. The identification of types of illegal activities in the financial markets is carried out on the example of the legislation of the United States of America in the following main areas: financial pyramids, illegal lenders, illegal activities in the securities market, illegal activities in the insurance market, illegal use of insider information. The basic concepts are given and the legislative practice of identifying types of illegal activities is considered.

Keywords: Countering illegal activities, financial markets, the United States of America, financial pyramids, illegal creditors, illegal activities on securities market, illegal activities on insurance market, misuse of insider information

Acknowledgements: the article was prepared and funded as part of the fulfillment of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in field of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of international legislation and the best foreign law enforcement practices in field of countering illegal activities on financial markets».

For citation: Sybachin S. A. Identification of illegal activities on financial markets. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):182–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-182-186>. EDN: GILETG.

Идентификация видов нелегальной деятельности на финансовых рынках осуществлена на примере законодательства Соединенных Штатов Америки по следующим основным направлениям: финансовые пирамиды, нелегальные кредиторы, нелегальная деятельность на рынке ценных бумаг, нелегальная деятельность на страховом рынке, неправомерное использование инсайдерской информации.

1.1. Финансовые пирамиды

Согласно Закону о запрете применения пирамид штата Вашингтон (*Antipyramid Promotional Scheme Act*), к пирамиде (*Pyramid schemes*) относится любая деятельность или операция, в результате которой один из участников предполагает получить выгоду или возможность получения выгоды (компенсации), в первую очередь за счет вовлечения в данную деятельность или операцию других лиц, а не за счет добросовестной продажи, передачи товаров, услуг или нематериально-го имущества лицу или другим лицам [1].

В данном законе определяются три критерия финансовых пирамид, «писем счастья» (*chain letters*) и связанных с ними незаконных схем [1]:

1) вложенные средства возвращаются участникам за счет сумм, полученных от вновь привлеченных участников;

2) новым участникам обещают большой инвестиционный доход с вложений;

3) применяются несправедливые и обманные тактики продаж, в том числе: предоставление недостоверной информации о прибыльности и законности, а также ложные заявления о том, что деятельность является законной или одобрена государственными органами.

1.2. Нелегальные кредиторы

В законодательстве Соединенных Штатов Америки (далее — США) не установлено определение понятия «нелегальные кредиторы», но в это же время существуют законодательные акты и развитая практика по противодействию различным незаконным действиям в кредитной сфере.

В законодательстве и судебной практике США применяется понятие «хищническое кредитование». Юридического определения данного понятия нет, но этот термин упоминается в судебной практике США и в законодательных актах некоторых штатов, например, в Положении штата Делавэр о высокорисковом ипотечном кредитовании [2], в Статуте о хищническом кредитовании в штате Кентукки [4], в Статуте штата Вирджиния о запрещенных хищнических практиках [3], а также в аудиторском отчете генерального инспектора Федеральной корпорации страхования депозитов США (*Federal Deposit Insurance Corporation*) [5].

Хотя существуют законы, запрещающие некоторые конкретные действия, которые обычно называют хищническими, различные федеральные агентства и общественные организации используют понятие «хищническое кредитование» как общий термин для обозначения

различных недобросовестных, вводящих в заблуждение или мошеннических действий в кредитной сфере.

Национальная ассоциация защитников прав потребителей определяет хищническое кредитование как любую практику кредитования, в которой используются обманные или неэтичные средства, чтобы убедить потребителей взять кредит на несправедливых условиях или взять кредит, в котором на самом деле потребитель не нуждается. Такие кредиторы чаще всего пытаются привлечь пожилых, менее образованных и бедных людей.

Также отдельно выделяется два рискованных вида кредитов, которые чаще всего относятся к видам хищнических кредитов:

- микрозайм (кредит «до заработной платы») — краткосрочная ссуда на небольшую сумму под высокие проценты, которые должны быть выплачены в следующий день после выплаты заработной платы;
- кредит под залог автомобиля — небольшая экстренная ссуда, предоставляемая кредитором потребителям в обмен на право собственности на транспортное средство, чаще всего на короткий срок под чрезвычайно высокие годовые процентные ставки и с требованием уплаты высокой комиссии за заем.

Институт правовой информации США определяет хищническое кредитование как любую практику кредитования, при которой кредитор использует заемщика в своих интересах, навязывая несправедливые или вводящие в заблуждение условия кредитования, для того чтобы кредит в конечном итоге не был погашен, а должник не выполнил своих обязательств.

Также приводятся примеры хищнического кредитования, такие как:

- нераскрытие информации или раскрытие ложной информации;
- высокие процентные ставки или комиссии;
- ценообразование, основанное на оценке рисков.

При этом, согласно Закону о защите получателей потребительского кредита (*Consumer Credit Protection Act of 1968*), кредитором является лицо, которое соответствует двум условиям [6]:

- регулярно осуществляет кредитование, связанное с займами, продажей имущества или услуг, которое подлежит оплате по соглашению более чем четырьмя частями или для которого требуется или может потребоваться уплата финансовых сборов;
- задолженность перед лицом, возникающая в результате кредитной сделки, подлежит оплате на основании долгового документа или по соглашению, если такого долгового документа нет.

1.3. Нелегальная деятельность на рынке ценных бумаг

Понятие «мошенничество с ценными бумагами»

охватывает широкий спектр незаконных действий, связанных с обманом инвесторов или манипулированием финансовыми рынками [8].

В законодательстве США мошенничество с ценными бумагами описывается как сознательная реализация или попытка реализовать план или уловку [7]:

- обман кого-либо в связи с любым товарным фьючерсом, любым товарным опционом или любой ценной бумагой эмитента;
- получение посредством ложных или мошеннических предлогов, заявлений или обещаний любых денег или имущества в связи с покупкой или продажей любого товарного фьючерса, любого товарного опциона или любой ценной бумагой эмитента.

Согласно КЦББ к частым нарушениям на рынке ценных бумаг относятся [9]:

- искажение или упущение важной информации о ценных бумагах;
- манипулирование рыночными ценами на ценные бумаги;
- кража средств или ценных бумаг клиентов;
- нарушение обязанности брокеров-дилеров справедливо относиться к клиентам;
- нарушения в сфере инсайдерской торговли;
- продажа незарегистрированных ценных бумаг.

1.4. Нелегальная деятельность на страховом рынке

Согласно национальной ассоциации страховых комиссаров США (The National Association of Insurance Commissioners — NAIC) мошенничество в страховании происходит, когда страховая компания, агент, страховой оценщик или потребитель совершает преднамеренный обман с целью получения незаконной прибыли. Это может произойти в процессе покупки, использования, продажи или оформления страховки. Мошенничество в страховании может относиться к различным категориям: от лиц, совершающих мошенничество против потребителей, до лиц, совершающих мошенничество против страховых компаний [13].

Согласно Институту страховой информации США (Insurance Information Institute), Страховое мошенничество — это преднамеренный обман, совершаемый против страховой компании или со стороны страховой компании с целью получения финансовой выгоды. Мошенничество может совершаться на разных этапах заявителями, страхователями, сторонними заявителями требований или специалистами, которые предоставляют услуги заявителям. Страховые агенты и сотрудники компании также могут совершать страховое мошенничество. Распространенные случаи мошенничества включают в себя завышение страховых требований, искажение фактов в заявлении на страхование, подачу исков о травмах или ущербе, который не имел места, а также инсценировку несчастных случаев. [13].

Институт страховой информации США относит к

совершающим страховое мошенничество следующих лиц [13]:

- организованные преступники, которые крадут крупные суммы посредством мошеннической деятельности;
- специалисты и технические специалисты, которые завышают стоимость обслуживания или взимают плату за не оказанные услуги;
- обычные люди, которые хотят покрыть свою франшизу или рассматривают подачу иска как возможность небольшого заработка.

В законодательстве на уровне штатов, например, в Уголовном кодексе штата Нью-Джерси [11], в Законе о предупреждении преступности и об отделе по расследованию страхового мошенничества штата Алабама [10], Кодексе штата Джорджия [12] и в других, встречается понятие «Страховое мошенничество» (Insurance Fraud) и дается подробный перечень действий, связанных со страховым мошенничеством.

Как правило, в некоторых штатах схемы страхового мошенничества со стороны застрахованных лиц подразделяются на незначительное (soft or opportunistic fraud) и крупное мошенничество (hard fraud).

Незначительное мошенничество считается правонарушением, к которому относится завышение застрахованным лицом страховых требований. Например, умышленно завышен ущерб, причиненный в автомобильной аварии.

Крупное мошенничество является уголовным преступлением, для которого характерно тщательное планирование, и представляет собой целенаправленную преступную попытку обмануть страховую компанию. Это может включать в себя совершение преступлений, таких как поджог или уничтожение имущества с целью получения возмещения по страховому полису.

1.5. Неправомерное использование инсайдерской информации

Институт правовой информации США определяет понятие «инсайдерская торговля» как торговля ценными бумагами компании физическими лицами, которые имеют доступ к конфиденциальной или существенной непубличной информации о компании [15].

При этом, по законодательству США, инсайдером может быть не только директор, должностное лицо и основной акционер, который прямо или косвенно является бенефициарным владельцем более 10 процентов любого класса любой долевого ценной бумаги [14, Sec. 78p — Directors, officers, and principal stockholders], но и любое другое лицо, обладающее существенной закрытой информацией [14, Sec. 78u-1 — Civil penalties for insider trading].

Согласно Комиссии по ценным бумагам и биржам США незаконная инсайдерская торговля обычно подразумевает покупку или продажу ценных бумаг в нарушение фидуциарных обязанностей или других доверительных отношений на основе существенной

закрытой информации о ценных бумагах. Нарушения инсайдерской торговли могут также включать разглашение такой информации, торговлю ценными бумагами лицом, который получил такую информацию, и торговлю ценными бумагами теми, кто незаконно присвоил такую информацию [16].

Согласно Закону о торговле ценными бумагами (The Securities Exchange Act of 1934), любое лицо нарушает законодательство о ценных бумагах, купив или продав ценную бумагу или своп контракт с ценными бумагами, обладая существенной закрытой информацией, или предоставив такую информацию для совершения сделки на рынке ценных бумаг при участии брокера или дилера [14].

Также в части инсайдерской торговли данный закон определяет понятия «полученная прибыль» и «предотвращенный убыток», которые представляют собой разницу между ценой покупки или продажи ценной бумаги и стоимостью этой ценной бумаги через разумный период времени после публичного обнародования ранее имеющейся у лица непубличной существенной информации [14].

При этом информация считается закрытой, если она не была широко распространена среди инвесторов на рынке.

Информация является существенной, если существует значительная вероятность того, что разумный инвестор сочтет ее важной при принятии инвестиционного решения. В прецедентном праве США и в решениях Комиссии по ценным бумагам и биржам приводится ряд примеров существенной информации, такой как [17]:

- информация о доходах, слияниях, поглощениях, тендерных предложениях, совместных предприятиях или изменениях в активах;
- информация о новых продуктах и открытиях или о значительных изменениях в отношении клиентов или поставщиков;
- изменения в управленческой команде;
- смена аудиторов;
- существенные события, связанные с ценными бумагами эмитента;
- банкротства или имущественные споры.

Таким образом осуществлена идентификация видов нелегальной деятельности на финансовых рынках на примере законодательства Соединенных Штатов Америки по направлениям: финансовые пирамиды, нелегальные кредиторы, нелегальная деятельность на рынке ценных бумаг, нелегальная деятельность на страховом рынке, неправомерное использование инсайдерской информации. А также приведены основные понятия и рассмотрена законодательная практика идентификации видов нелегальной деятельности.

Список источников

1. Пересмотренный Кодекс штата Вашингтон 2023, глава 19.275 — Закон о запрете продви-

жения схем пирамид. 2023.

2. Административный кодекс штата Делавэр 2024, секция 2108/2209-3.0 — Практика управления рисками: хищническое кредитование, 2024.
3. Кодекс штата Вирджинии 2006, Статут 6.1-422 — Запрещенная хищническая практика, 2006.
4. Свод законов штата Кентукки 2023, Статут 360.100 Хищническое кредитование. Определения. Ограничения на дорогостоящие ипотечные кредиты. Условия. Штрафы, 2023.
5. Аудиторский отчет генерального инспектора Федеральной корпорации страхования депозитов США, 2006.
6. Свод федеральных законов США 2021, Глава 41 — Защита получателей потребительского кредита, 2021.
7. Свод федеральных законов США 2021, Глава 2А — Ценные бумаги и трастовые соглашения, 2021.
8. Советы по информированию и предотвращению мошенничества с ценными бумагами // URL: <https://www.fbi.gov/stats-services/publications/securities-fraud>
9. Как проводятся расследования // URL: <https://www.sec.gov/about/divisions-offices/division-enforcement/how-investigations-work>
10. Свод законов штата Алабама 2023, Глава 12А — Закон о предупреждении преступности и об отделе по расследованию страхового мошенничества, 2023.
11. Свод законов штата Нью-Джерси, 2023, Секция 2С:21-4.6, Преступление страхового мошенничества. 2023.
12. Кодекс штата Джорджия, 2022, Статут 33-1-9 Страховое мошенничество. 2022.
13. Страховое мошенничество // Национальная ассоциация страховых комиссаров США // URL: <https://content.naic.org/insurance-topics/insurance-fraud>
14. Свод федеральных законов США 2021, Глава 2В — Биржа ценных бумаг, 2021.
15. Инсайдерская торговля // Институт правовой информации США. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/insider_trading
16. Инсайдерская торговля // КЦББ. URL: <https://www.investor.gov/introduction-investing/investing-basics/glossary/insider-trading>
17. Гарри С. Дэвис Обзор законодательства об инсайдерской торговле // Insider Trading Law & Compliance AB. 2017. С. 2–34.

References

1. Revised Washington State Code 2023, Chapter 19.275 — Pyramid Scheme Prohibition Act. 2023.

2. Delaware Administrative Code 2024, Section 2108/2209-3.0 — Risk Management Practices: Predatory Lending, 2024.
3. Virginia State Code 2006, Statute 6.1-422 — Prohibited Predatory Practices, 2006.
4. Code of Laws of the State of Kentucky 2023, Statute 360.100 Predatory Lending. Definitions. Restrictions on expensive mortgages. Conditions. Fines, 2023.
5. Audit Report of the Inspector General of the Federal Deposit Insurance Corporation of the USA, 2006.
6. Code of Federal Laws of the USA 2021, Chapter 41 — Protection of Consumer Credit Recipients, 2021.
7. Code of Federal Laws of the USA 2021, Chapter 2A — Securities and Trust Agreements, 2021.
8. Tips for informing and preventing fraud with securities // URL: <https://www.fbi.gov/stats-services/publications/securities-fraud>
9. How investigations are conducted // URL: <https://www.sec.gov/about/divisions-offices/division-enforcement/how-investigations-work>
10. Code of Laws of the State of Alabama 2023, Chapter 12A — Crime Prevention and Insurance Fraud Investigation Department Act, 2023.
11. Code of Laws of the State of New Jersey, 2023, Section 2C:21-4.6, Insurance Fraud Offense. 2023.12.
12. Georgia State Code, 2022, Statute 33-1-9 Insurance Fraud. 2022.13.
13. Insurance Fraud // National Association of Insurance Commissioners of the USA // URL: <https://content.naic.org/insurance-topics/insurance-fraud>
14. Code of Federal Laws of the USA 2021, Chapter 2B — Securities Exchange, 2021.
15. Insider trading // The United States Institute of Legal Information. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/insider_trading
16. Insider trading // SEC. URL: <https://www.investor.gov/introduction-investing/investing-basics/glossary/insider-trading>
17. Harry S. Davis Review of legislation on insider trading // Insider Trading Law & Compliance AB. 2017. P. 2–34.

Информация об авторе

С. А. Сыбачин — старший научный сотрудник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Sybachin — Senior Researcher of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-187-191>

EDN: <https://elibrary.ru/avmddi>

НИОН: 2003-0059-6/24-214

MOSURED: 77/27-003-2024-06-413

Систематизация моделей организации и регулирования рынка углеродных единиц в «зеленой экономике»

Юлия Сергеевна Церцейл

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, TSertseil.YS@rea.ru

Аннотация. Необходимость реализации основных принципов «зеленой экономики» требует разработки и внедрения специальных инструментов финансового рынка. Формирование и развитие рынка углеродных единиц, как первичного, так и вторичного, можно рассматривать в качестве потенциального источника капитала компании, который может быть направлен на финансовое обеспечение оборотного капитала текущей операционной деятельности, либо может быть направлен на финансирование проектов, предполагающих сокращение выбросов углерода, например разработка и внедрение возобновляемых источников энергии и пр.

Ключевые слова: углеродная единица (квота), биржевой товар, фьючерсный контракт на углеродную единицу, опцион на углеродную единицу

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0003 «Методология адаптации публичных и корпоративных финансов к принципам «зеленой экономики»», финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Для цитирования: Церцейл Ю. С. Систематизация моделей организации и регулирования рынка углеродных единиц в «зеленой экономике» // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 187–191. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-187-191>. EDN: AVMDDI.

Original article

Systematization of models for organizing and regulating the carbon market in the «green economy»

Juliya S. Tsertseil

Plekhonov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Tsertseil.YS@rea.ru

Abstract. The need to implement the basic principles of the «green economy» requires the development and implementation of special financial market instruments. The formation and development of the market of carbon units, both primary and secondary, can be considered as a potential source of capital for the company, which can be directed to the financial provision of working capital of current operating activities, or can be directed to the financing of projects involving the reduction of carbon emissions, such as the development and implementation of renewable energy sources, etc., as well as the development and implementation of the carbon market.

Keywords: carbon unit (quota), exchange-traded commodity, carbon futures contract, carbon option

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of the project № FSSW-2023-0003 «Methodology of adaptation of public and corporate finance to the principles of «green economy»», financed by the state task of the Ministry of Education and Science of Russia.

For citation: Tsertseil Ju. S. Systematization of models for organizing and regulating the carbon market in the «green economy». Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):187–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-187-191>. EDN: AVMDDI.

© Церцейл Ю. С., 2024

Введение

В целях достижения углеродной нейтральности национальной экономики РФ рынок углеродных единиц, как первичный, так и вторичный, выступает неотъемлемым инструментом формирования и развития публичных и корпоративных финансов [1, с. 5]. На сегодняшний день законодательно введено понятие «инструмент финансирования устойчивого развития», под которым понимается выпуск долговых ценных бумаг (облигаций), заемные средства (кредит), кредитная линия, используемые в качестве источников капитала «зеленых» и адаптационных проектов [2, с. 18]. В за-

рубежной практике в перечень финансовых инструментов введен дополнительный инструмент — квоты на выбросы, состоящие из любых единиц, отвечающих требованиям Директивы Европейского Парламента [3].

При изучении зарубежного опыта можно выделить модель организации и регулирования рынка углеродных единиц в Китае. Национальная система торговли выбросами углерода в Китае является важным участником системы институциональных отношений по контролю и регулированию выбросами парниковых газов [4]. Содержание сделок с углеродными единицами в Китае отражено в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика рынка по торговле квотами на выбросы углерода (обязательный рынок) и рынка по торговле сертификатами по сокращению выбросов углерода (добровольный рынок) Китая

Признак	Обязательный рынок	Добровольный рынок
Предмет сделки	<ul style="list-style-type: none"> Квота и другие продукты «спотовой» торговли, одобренные правительством Китая 	<ul style="list-style-type: none"> Сертификат и другие продукты, определяемые Министерством экологии и окружающей среды Китая
Официальные участники	<ul style="list-style-type: none"> Торговые предприятия и организации, включая ключевых эмитентов 	<ul style="list-style-type: none"> Юридические лица и учреждения с постоянной регистрацией на территории Китая; Торговые предприятия
Регистрация	<ul style="list-style-type: none"> Национальная система торговли выбросами углерода Китая (National emissions trading system of China, ETS of China) 	<ul style="list-style-type: none"> Национальный центр «Стратегии изменения климата и международное сотрудничество» (National Center for Climate Change Strategy and International Cooperation, NCSC), подчиняющийся Министерству экологии и окружающей среды (Ministry of ecology and Environment, MEE)
Место обращения	<ul style="list-style-type: none"> Шанхайская экологическая и энергетическая биржа (Shanghai Environment and energy Exchange, SEEE) 	<ul style="list-style-type: none"> «Зеленая» биржа в Пекине, Китай (China Beijing Green Exchange)

Источник: [5]

В 2023 г. Национальная ассоциация институциональных инвесторов финансового рынка (National Association of Financial Market Institutional Investors, NAFMII) сформировала правила торговли углеродными деривативами в Китае.

По данным Пекинской экологической биржи деривативы на углеродные продукты подразделяются на следующие виды [5]:

- углеродный индекс (инструменты поддержки);
- углеродный долг;
- залоговые кредиты по углеродным квотам (инструменты торговли);
- углеродные фонды (инструменты поддержки);
- хранение углеродных квот (инструменты поддержки);
- зеленые структурные депозиты;
- коллективное управление активами торгового рынка;
- залоговые кредиты CCER;

- финансирование обратного выкупа квот;
- стандартизированное управление залогом углеродных активов;
- внебиржевые свопы углеродных квот (инструменты торговли);
- залоговый кредит углеродных активов и пр.

Материалы и методы

Обращение и зачет углеродных единиц на российском рынке углеродных единиц регулируется ФЗ РФ от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» [6].

Результаты

В соответствии со Спецификацией биржевых товаров на товарных аукционах АО НТБ «Национальная товарная биржа» [10] в перечень биржевых товаров включен товар «углеродная единица» как верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной одной тонне углекислого газа.

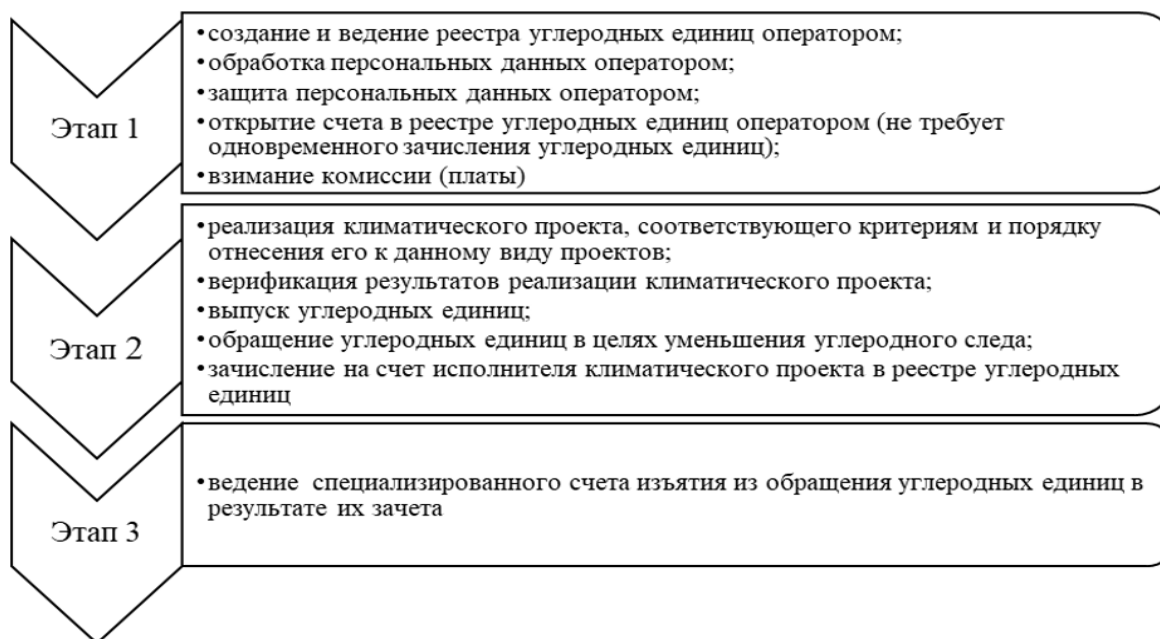

Рис. 1. Механизм организации первичного выпуска и обращения углеродных единиц в результате реализации климатического проекта РФ

Источник: составлено автором на основе данных [6; 7; 8; 9]

В дальнейшем можно предположить развитие рынка производных финансовых инструментов, где в качестве актива будут выделены углеродные единицы, закрепленные в квоте или сертификате.

На сегодняшний день под производным финансовым инструментом понимается договор, отвечающий требованиям ФЗ РФ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О рынке ценных бумаг» [11].

Товар «углеродная единица» включен в перечень биржевых товаров РФ, что позволяет выделить предполагаемые стратегии использования фьючерсов на углеродную единицу по аналогии с уже существующими товарными группами, что отражено в таблице 2.

Таблица 2

Стратегии использования фьючерсов на углеродную единицу

Тип стратегии	Содержание
Хеджирование риска роста цен на углеродную единицу	Если хозяйствующий субъект планирует приобрести углеродные единицы в прогнозном периоде и хочет зафиксировать цену углеродной единицы, предполагая рост цены на углеродную единицу в будущем периоде, то оно может использовать метод диверсификации ценовых рисков, т.е. хедж покупателя («длинный хедж» [12])
Хеджирование риска падения цен на углеродную единицу	Если хозяйствующий субъект предполагает, что сможет сгенерировать избыточное количество углеродных единиц в рамках реализации климатического проекта, но при этом ожидает падения цены на углеродную единицу в прогнозном периоде в связи с увеличением предложения данного биржевого товара, то оно может использовать хедж продавца («короткий хедж» [12])

Источник: составлено автором на основе данных [10]

Так же можно рассмотреть возможность заключения опционов пут и колл, где в качестве базового актива будет выделена углеродная единица:

- опционов пут и колл на углеродную единицу как базовый актив,
- опционов пут и колл на фьючерсный контракт на углеродные единицы.

Заключение

Принимая во внимание «торговую природу» квот на выбросы углерода, участники рынка могут использовать их в качестве залога для кредитов или других форм финансирования. В связи с тем, что углеродная квота представляет собой ликвидный актив, который может быть продан или передан в случае банкротства аналогично акциям или другим ценным бумагам. Сформированные таким образом источники капитала могут быть направлены на финансовое обеспечение оборотного капитала текущей операционной деятельности, либо могут быть направлены на финансирование проектов, направленных на сокращение выбросов углерода, например разработка и внедрение возобновляемых источников энергии и др.

Список источников

1. Деятельность центральных (национальных) банков — участников ЕСБ по направлению ESG. Аналитический доклад. М. : Банк России, 2024.
2. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 (ред. от 30.12.2023) «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской

- Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2003/87/87 от 13 октября 2003 г. об учреждении системы торговли квотами на выброс парниковых газов в Союзе и об изменении Директивы 96/61/ЕС Совета ЕС // СПС «ГАРАНТ».
 4. National Center for Climate Change Strategy and International Cooperation (NCSC) // URL: <https://pmiclimate.org/sites/default/files/2023-11/Administration%20-%20China.pdf>
 5. National emissions trading system of China, ETS of China // URL: <https://icapcarbonaction.com/en/ets/china-national-ets>
 6. Федеральный закон РФ от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/
 7. Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2022 г. № 790 (ред. от 23.05.2024) «Об утверждении Правил создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведения операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416450/988ce9ebad5c768c4ed915d94c6d1b90b608b3a1/#dst100009
 8. Приказ Минэкономразвития России от 11 мая 2022 г. № 248 «Об утверждении критериев и порядка отнесения проектов, реализуемых юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями или физическими лицами, индивидуальными предпринимателями или физическими лицами, к климатическим проектам, формы и порядка представления отчета о реализации климатического проекта» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.05.2022 № 68642) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418257/
 9. Постановление Правительства РФ от 24 марта 2022 г. № 455 «Об утверждении Правил верификации результатов реализации климатических проектов» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412658/909ce131d23dc064dcc6297e13694383bcd60b0/#dst100010
 10. Спецификация биржевых товаров на товарных аукционах АО НТБ «Национальная товарная биржа». Протокол № 349 от 29 февраля 2024 г. // URL: <https://fs.moex.com/files/22987/47691>
 11. Федеральный закон РФ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О рынке ценных бумаг» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/71183ca0d09999dacebf8c9059c79fa349c27e9c/
 12. Словарь // URL: <https://investfunds.ru/glossary>

References

1. Activity of the central (national) banks — participants of the ESB on ESG direction. Analytical report. Moscow: Bank of Russia, 2024.
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 21 September 2021 № 1587 (ed. of 30.12.2023) «On approval of criteria for sustainable (including green) development projects in the Russian Federation and requirements for the verification system of sustainable development financing instruments in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Directive of the European Parliament and the Council of the European Union 2003/87/87 of October 13, 2003 on the establishment of a system for trading in quotas for greenhouse gas emissions in the Union and on the amendment of Directive 96/61/EC of the Council of the EU // LRS «GARANT».
4. National Center for Climate Change Strategy and International Cooperation (NCSC) // URL: <https://pmiclimate.org/sites/default/files/2023-11/Administration%20-%20China.pdf>
5. National emissions trading system of China, ETS of China // URL: <https://icapcarbonaction.com/en/ets/china-national-ets>
6. Federal Law of the Russian Federation dated 2 July 2021 № 296-FZ «On limitation of greenhouse gas emissions» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/
7. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 30 April 2022 № 790 (ed. from 23.05.2024) «On Approval of the Rules for the creation and maintenance of the register of carbon units, as well as operations with carbon units in the register of carbon units» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416450/988ce9ebad5c768c4ed915d94c6d1b90b608b3a1/#dst100009
8. Order of the Ministry of Economic Development of Russia from dated 11 May 2022 № 248 «On approval of the criteria and procedure for attributing projects implemented by legal entities, individual entrepreneurs or individuals, individual entrepreneurs or individuals, to climate projects, the form and procedure for reporting on the implementation of the climate project» (Registered in the Ministry of Justice of Russia 30.05.2022 № 68642) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418257/
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 24 March 2022 № 455 «On Approval

of the Rules for Verification of the Results of Climate Project Implementation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412658/909ce131d23dc064dcc6297e13694383bcdf60b0/#dst100010

10. Specification of exchange goods at commodity auctions of JSC NTB «National Commodity Exchange». Protocol № 349 of February 29, 2024 //

URL: <https://fs.moex.com/files/22987/47691>

11. Federal Law of the Russian Federation dated 22 April 1996 № 39-FZ (ed. 08.08.2024) «On Securities Market» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/71183ca0d09999dacebf8c9059c79fa349c27e9c/
12. Dictionary // URL: <https://investfunds.ru/glossary>

Информация об авторе

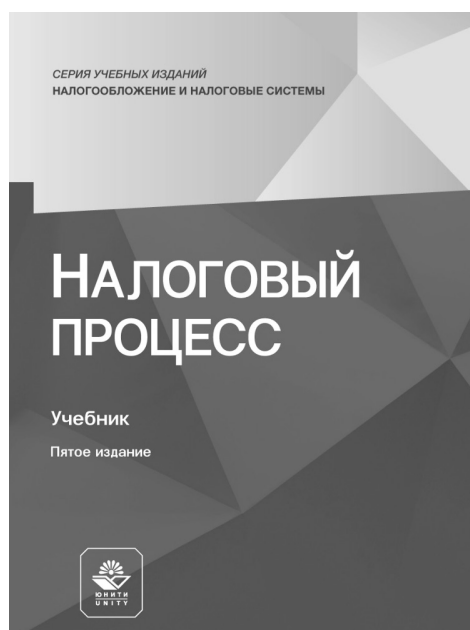
Ю. С. Церцейл — доцент кафедры финансов устойчивого развития Высшей школы финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

Ju. S. Tsertseil — Associate Professor of the Department of Sustainable Development Finance of the Higher School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 26.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.

Налоговый процесс. Под ред. Н. Д. Эриашвили; под общ. ред. М. Е. Косова. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Рассмотрены теоретические аспекты концепции налогового процесса, особенности процессуальных налоговых правоотношений, а также соответствующие аспекты деятельности налоговых администраций с учетом изменений в налоговом законодательстве.

Раскрыты элементы и формы регулирования налоговых правоотношений с учетом цифрового характера развития экономики страны. Детально выделены действующие нормы налогового процесса в механизме мероприятий налогового контроля и процессуальные аспекты принудительного исполнения налоговых обязанностей субъектов налоговых отношений.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-192-198>

EDN: <https://elibrary.ru/rwhilo>

НИОН: 2003-0059-6/24-215

MOSURED: 77/27-003-2024-06-414

**Концепт
«жизненная мудрость/человеческая глупость»:
теория и практика**

Александр Владимирович Булгаков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, av_bulgakow@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты теоретического и эмпирического обоснования концепта жизненная мудрость/человеческая глупость (ЖМ/ЧГ). Использован системный анализ, дополненный амбивалентным подходом к изучению психологических явлений. Разработана методика измерения ЖМ/ЧГ. На выборке 147 чел. Определено, что: 1) соотношение ЖМ/ЧГ соответствует пропорции «золотого сечения»; 2) динамика отклонений соотношения ЖМ/ЧГ у специалистов одной профессиональной группы показывает на имеемые сложности в коллективе организации; 3) выход за нормальность распределения ЖМ/ЧГ в группе лиц, подверженных суицидальной идеации, является признаком риска девиантного поведения.

Ключевые слова: амбивалентность, жизненная мудрость, иллюзия глупости, опыт, образование, личная трансформация, человеческая глупость

Для цитирования: Булгаков А. В. Концепт «жизненная мудрость/человеческая глупость»: теория и практика // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 192–198. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-192-198>. EDN: RWHILO.

Original article

**The concept of
«life wisdom/human stupidity»:
theory and practice**

Alexander V. Bulgakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, av_bulgakow@mail.ru

Abstract. The results of the theoretical and empirical substantiation of the concept of life wisdom/human stupidity (LW/HS) are presented. A systematic analysis was used, supplemented by an ambivalent approach to the study of psychological phenomena. A technique for measuring LW/HS has been developed. There are 147 people in the sample. It has been determined that: 1) the LW/HS ratio corresponds to the proportion of the «golden section»; 2) the dynamics of deviations in the LW/HS ratio among specialists of one professional group indicates the existing difficulties in the organization's team; 3) a deviation from the normality of the distribution of LW/HS in a group of people susceptible to suicidal ideation is a sign of the risk of deviant behavior.

Keywords: ambivalence, life wisdom, illusion of stupidity, experience, education, personal transformation, human stupidity

For citation: Bulgakov A. V. The concept of «life wisdom/human stupidity»: theory and practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(6):192–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-6-192-198>. EDN: RWHILO.

© Булгаков А. В., 2024

Концепцию мудрости/глупости в психологической науке традиционно рассматривают как иллюзию дуализма¹ глупости и мудрости, бинарное явление, входящее в бинарную множественность личности, диалектическое свойство человека [15]. Бинарно множественное пространство личности определяется между добром и злом, добродетелью и грехами, красотой и безобразием, смыслом и бессмысленностью, устойчивостью и неустойчивостью развития. С таким подходом возможно согласиться, если рассматривать глупость и мудрость как две противоположности.

Термин «иллюзия глупости» описывает ситуацию, когда окружающие принимают человека за глупца из-за его поведения, недостатка образования или других факторов, которые могут искажать восприятие личности. С другой стороны, «иллюзия мудрости» возникает, когда человек считается мудрым и образованным, но на самом деле его знания ограничены, а мудрость не предполагает обязательного наличия высшего образования или иных признаков интеллектуальной развитости. В статье «Иллюзия объяснительной глубины» Rozenblit, Keil (2002) авторы раскрывают понятие «иллюзии понимания», когда люди заблуждаются в своих знаниях о вещах, которые они считают знакомыми. Т. Гранхолма («Мудрость – Концептуализация и измерение»), который развивает понятие мудрости социальных систем, а М. Моффитта («Разум и глупость») критически рассматривает категоризацию людей как глупых и умных.

Однако, исследования Weststrate & Glück (2017); Grossmann (2017); Staudinger & Glück (2011) показывают, что глупость и мудрость представляют собой более сложную систему различных аспектов когнитивных и эмоциональных процессов, включая способность к самокритичности, гибкости мышления, пониманию контекста, социальной интуиции, духовной рефлексии и другим. Согласно теории глупости/мудрости Штернберга [14], мудрость представляет собой высшую форму общей интеллектуальной способности, которая включает в себя знания, опыт, аналитические и синтетические способности, а также практические и контекстуальные знания. Эти компоненты мудрости могут проявляться в разных масштабах, от конкретных жизненных ситуаций до мировоззренческих проблем. Другие исследования, например, Staudinger & Glück (2011), указывают на то, что мудрость может быть влиятельным фактором в регулировании эмоций, суждений и поведения. Однако в условиях стресса и сложности интеллектуальной способности, включающие в себя знания, опыт, аналитические и синтетические способности, а также практические и контекстуальные знания уходят в фон, а действия и

решения будут основаны на довольно глупых и примитивных рефлексах и инстинктах.

Таким образом, иллюзия дуализма глупости/мудрости должна быть пересмотрена с учетом результатов как современных исследований, показывающих, что концепты глупости и мудрости не являются противоположностями, а представляют сложную совокупность когнитивных и эмоциональных факторов в зависимости от проживаемой ситуации, так и с позиций идей амбивалентного рассмотрения психологических явлений [3].

Считаем, что амбивалентный подход к рассмотрению мудрости/глупости усиливает системный подход, определяет рассматриваемый феномен как «жизненную мудрость/человеческую глупость» (ЖМ/ЧГ), как сочетание социальных (жизненных) факторов и индивидуальных (человеческих) особенностей в жизни людей. Изучение ЖМ/ЧГ является объемной задачей, поскольку понимание феномена может существенно повлиять на принимаемые людьми решения и поведение в обществе. Кроме того, важно понимать значение составляющих его элементов, которые помогают овладеть умением распознавать их признаки и прогнозировать дальнейшее развитие ситуации.

ЖМ/ЧГ — это понятие, которое не является статическими, а скорее подвержено непрерывному движению и изменению. Существует несколько подходов к определению границ и переходов между глупостью и мудростью. Одним из них является понимание ЧГ как негативного значения ЖМ. Согласно Сократу, глупость является неким отрицанием знания, а именно неспособностью узнавать и распознавать действительность. С другой стороны, мудрость определяется как способность узнавать и действовать в соответствии с добродетелью. Однако рамки этого определения размыты, поэтому на сегодняшний день появилось множество работ, посвященных аспектам глупости и мудрости, их границ и переходов между ними. Например, в работе «Пределы мудрости» (1960) Майкл Полани приводит ряд случаев из истории науки, когда ученые, обладающие значительным объемом знаний, встретились с проблемами, с которыми они не смогли справиться ввиду своей ограниченности. В свою очередь, Мэри Мид, в своей книге «Дураки и шуты в литературе, искусстве и истории: Библиографический справочник» (1998), определяет границу между глупостью и мудростью как тонкую черту, которая часто определяется контекстом и обстоятельствами.

В некоторых работах, посвященных организационной глупости (organizational stupidity) и бреду (bullshit), мы можем заметить краткую отсылку к центральному для институционализма понятию легитимности. Оно призвано подтвердить тезис о том, что глупые решения или лишенный смысла корпоративный жаргон существуют в организациях не просто так, а из-за способности оправдать действия организации в

¹ Dualismus (от лат. duo — «два») — сосуществование двух различных, несводимых к единству состояний, принципов, образов мыслей, мировоззрений, волеустремлений, познавательных принципов. Философский словарь // URL: //harc.ru

глазах других компаний, либо из-за того, что они одобряемы обществом [10].

Под мудростью понимается способность человека проявлять свой разум, помноженный на житейский опыт для того, чтобы сам он смог решить свои жизненные проблемы, причем осознанно и с пониманием их сути. В свою очередь глупость является субъективной оценкой, редко имеющей прямое отношение к интеллектуальным способностям человека, которого называют дураком и даже более жестко, словом, не относящимся к русскому мату [11] и означающим глупого, несообразительного человека, неприятного, подлого, ничтожество. «Мудак» сочетает в своих поступках глупость, агрессивность, неуважение к ближним и т. п. От обычного дурака отличается тем, что считает себя вправе вести себя по-дурацки и это право всячески декларирует и демонстрирует, причем меняться не желает. Важно, что для психологии не существует «глупых», в отличие, к примеру, от тревожных, мнительных или гиперактивных людей. Зато в психологической науке и практике важно определить, какие факторы «оглушают» человека. Например, «чрезмерная опека родителей тормозит развитие ребенка; растерянность подростка в сумбурном переходном возрасте вынуждает его за дурачествами прятать свои чувства; душевные сложности взрослого человека заставляют его «впадать в детство»... Так называемая глупость проявляется как результат наших бессознательных конфликтов, именно она мешает нам познавать новое, размышлять, жить и общаться с другими людьми.

В современной гуманитарной науке выявлены различные аспекты мудрости/глупости. В психологии феномен рассматривается как условие формирования эмоционального интеллекта у управленцев [13], рассмотрения коммуникации в образовательном процессе [6], одной из основ эмоционально-личностного благополучия человека [5], выбора стратегий совладания в ситуации неопределенности [8] и др. В психолингвистике названы концептуальные поля «ум/глупость» для различных лингвокультур [7; 9; 16]. Показательным является результат сравнения английской и русской лингвокультур. «Так у англичан ум определяется как определенная способность; интеллект человека оценивается по качеству и наличию ума; англичане ценят быстроту мышления; используют компонент «голова» для описания крайней степени глупости или заболевания, ведущие к частичной или полной потере умственных способностей; глупость человека определяют по его поведению. Русские рассматривают ум как способность, сознание человека (индивидуальное и общественное); оценивают интеллект человека по количеству, качеству и наличию ума; ценят выше мудрость как часть мира и культуры; ценят быстроту понимания и проницательность; предпочитают по умственным параметрам сравнивать себя с другим людьми; считают недалёковидного человека непре-

менно глупым; используют компонент «голова» для описания бестолкового человека; считают глупым безрассудного, наивного, непонятливого и ограниченного человека» [16].

Если не было практической необходимости, то Глупость определялась линейно как свойство неразумного человека, противоположность мудрости и разуму. Действительно человеческое поведение далеко не всегда отличается продуманностью и рассудочностью. Многие поступки людей, действия социальных групп и даже народов демонстрируют нелепость, абсурдность, иррациональность. Отчего же разум благословенный дар человека утрачивает свое предназначение, превращается в собственную карикатуру? Почему люди не способны использовать полный арсенал присущей им разумности? Каким образом безмозглость получает столь очевидные полномочия?

Сначала неразумие казалось многим мыслителям результатом «неполного», «частичного» использования разума, частным примером недомыслия. Считалось, что глупость зачастую заслоняет разум. В работе Эразма Роттердамского «Похвала глупости» появилось желание дистанцироваться от неразумия путем сарказма. В Новое время Ф. Бэкон внес ясность в действие «идолов сознания», определив, что глупость возникает не сама по себе, вне рамок разумности. Она коренится в самой разумности, в ее противоречиях и психологических посылках.

Ученые определили распространенность феномена глупости как очевидного, а по частотности встречаемости превышаемого встречаемость мудрости. Сделаны выводы: 1) мудрость/глупость располагается в широком диапазоне между рациональностью и бессмысленностью, внешней достоверностью и полной неадекватностью; 2) мудрость конкретной эпохи оказывается очевидной глупостью в иное время, а то, что считается абсурдом, неожиданно открывается как высокая истина.

Важными переменными в изучении ЖМ/ЧГ являются опыт, образование и личная трансформация. У глупости и мудрости много общего: в обоих случаях они связаны с умственной гибкостью, способностью к адаптации и глубоким пониманием самого себя и окружающего мира. Такое поле понятий может существенно повлиять на способность человека понимать ЖМ/ЧГ [1; 2; 14].

Изучение профессионального опыта показывает, что люди, имеющие разнообразный жизненный опыт, лучше понимают ситуации, в которых глупость и мудрость имеют определенные последствия. Это может быть объяснено тем, что опыт дает возможность видеть прошлое и настоящее, помогает прогнозировать будущее. Также, люди с опытом могут легче обращаться за помощью и наставлениями к тем, кто имеет больше опыта.

Для понимания ЖМ/ЧГ важно образование, оно

дает людям знания и навыки для анализа сложных проблем. Образованные люди имеют возможность просматривать вопросы с разных точек зрения и применять свои знания для принятия лучших решений. Исследования показали, что образованные люди имеют более сильное представление о том, что такое мудрость, чем те, кто не имеет высшего образования.

Важное значение для понимания глупости и мудрости имеет личная трансформация: она помогает людям удаляться от своих стереотипных и догматических убеждений и обретать глубокое понимание себя и окружающего мира. Исследования показали, что люди, которые посвятили время и усилия для личной трансформации, имеют более ясное представление о том, что такое мудрость и как ее можно достичь.

Таким образом, опыт, образование и личная трансформация имеют значительное влияние на способность человека понимать глупость и мудрость. Каждый из этих факторов может помочь людям развить свои способности к анализу сложных проблем и принятию ключевых решений. Изучение этих факторов может помочь в создании программах развития личности, которые способствуют более глубокому осознанию своих убеждений и ценностей.

Исследования и практическое применение ЖМ/ЧГ возникает при оценке интеллектуальных способностей людей, что важно для понимания социального взаимодействия и интерпретации оценок понятий мудрости или глупости. В свою очередь границы и переходы между глупостью и мудростью являются сложными и многогранными понятиями, подверженными субъективному толкованию и интерпретации. Однако, понимание этих границ и переходов может помочь лучше понимать себя и других, а также стать более мудрыми и проницательными в своих решениях и поступках.

ЖМ/ЧГ раскрывают аспекты мышления, приводящие к возникновению иллюзии дуализма, помогают сформулировать практические советы по нейтрализации данного когнитивного искажения. И как результат — достижение лучших решений, расширение кругозора, более объективное понимание людей и ситуаций. Феномен ЖМ/ЧГ часто создает иллюзорное представление об окружающей реальности. Однако рассмотрение их взаимосвязи и переходов может помочь нам расширить наше понимание и прийти к более гибкому и разностороннему восприятию. Исследования в области психологии, философии и познания играют важную роль в раскрытии и понимании этой иллюзии. Практическое применение такого понимания в повседневной жизни может способствовать развитию способности объективного восприятия и уменьшению предрассудков и ограничений, связанных с иллюзией дуализма глупости и мудрости.

За основу целесообразно взять модель А. С. Ахиезера [3]. Введение понятия амбивалентность позволяет

усилить структурно-функциональную модель Мудрая человечность организации, проникнуть в действие механизмов изучаемого явления, его динамику, делать научно обоснованные прогнозы поведения и состояний обследуемых. Амбивалентность понимается нами как фундаментальная логическая характеристика мышления, культуры, нравственного идеала всей человеческой жизнедеятельности, способность человека идеально и материально осваивать, осмыслять любое интересующее субъекта явление через дуальную оппозицию, искать пути формирования смысла через полюса этой оппозиции, находить смысл как фокус преодоления оппозиции, как меру снятия противоречия, соотнося их друг через друга между полюсами. Амбивалентность выступает в формах инверсии и медиации. Инверсия характеризуется абсолютизацией различных полюсов. Медиация переносит центр тяжести за рамки перехода от одного полюса сложившейся оппозиции к другому, на поиск нового сложного и противоречивого смысла.

Для определения взаимосвязи структуры баланса М/Г в личности сотрудника организации выдвинем **гипотезу** для дальнейшей ее эмпирической проверки.

Количественное соотношение в структуре личности мудрости и глупости является достаточно информативным для выявления потенциала группы, ресурсов и теневых сторон. Оно позволяет сделать ряд предположений о самой структуре конструкта жизненная мудрость/человеческая глупость; влиянии ЖМ/ЧГ на состояние социально-психологического климата в организации; прогностических возможностях по определению рисков девиантного поведения членов группы.

Для обоснования гипотезы были сформированы три разновозрастные выборки, как работающих сотрудников, так и обучающихся в различных организациях образования (вузы, общеобразовательная школа).

Общий состав выборки 149 чел. Первая выборка — 44 чел. Магистры очной формы обучения направления 37.04.01 «Психология» профиль «Психолингвистика речевого воздействия» направление 44.04.02 «Психолого-педагогическое образование» профиль «Организационно-психологические технологии в профессиональном образовании», МГПУ, все сотрудники организаций: образования — 34 %, управления — 26 %, экономической сферы — 22 % и др. — 18 %, средний возраст 30,5 лет. Вторая выборка 63 сотрудника ОВД, обучающиеся в институте Психология служебной деятельности МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, средний возраст 21,5 год. Третья выборка — 42 чел., московские школьники 9–10 классов с девиантным поведением (агрессивное поведение и имеющие признаки суицидальной идеации).

В первой и второй группе измерения проводились в ходе учебных занятий. Результаты обосновывают разрабатываемую парадигму, могут стать основой

для индивидуальной и групповой психологической работы в организациях образования и органов правопорядка. В третьей группе диагностика реализовывалась слушателями МосУ МВД России имени В. Я Кикотя, находящимися на практике уполномоченного по делам несовершеннолетних московских ОВД. Слушатели получали опыт в работе, что повлияло на изменение показателей глупости. Результаты работы с группой школьников стали основой построения Программы диагностики, профилактики и предотвращения суицидальной идеации среди детей и подростков общеобразовательных организаций столичного региона. Состав групп уравновешен по полоролевому критерию 1/3 мужчины (юноши), 2/3 женщины (девушки).

Измерения проходила в каждой группе по отдельности в 2022–2024 годах. Участников опрашивали по специально разработанной методике М/Г, включающей шкалы М — мудрость, Г — глупость. Шкала М построена на основании данных исследования Низовских; шкала Г — анализа приведенных выше источников и представляет серию из 10 вопросов, которые нужно оценить по шкале от 1 до 6 баллов.

1. Вы отстаиваете свою точку зрения до конца, до последнего

2. Вы не считаете себя виноватым во всех ситуациях
3. Вы часто подвержены панике
4. Вы используете возраст как аргумент в споре
5. Вы равнодушны к окружающим
6. Вы часто агрессивны
7. Вы зависите от мнения окружающих
8. Насколько Вы категоричны в высказываниях
9. Насколько Вы превосходите других
10. Насколько Вы эгоистичны

Если распределить вопросы по критериям и показателям, то получится следующее. Когнитивный критерий, показатели: Поверхностность, Категоричность. Вопросы 4, 8. Мотивационный критерий, показатели: Превосходство, Эгоистичность. Вопросы 9, 10. Эмоциональный критерий, показатели: Стереотипность, Страх и отрицание. Вопросы 2, 3, 5. Поведенческий критерий, показатели: Правда, Невоспитанность. Вопросы 1, 6, 7.

Результаты. Шкалы М и Г стандартизированы в соответствии со своими возрастными и профессиональными группами. Обработка данных проводилась с помощью ключей методик и помещения индивидуальных результатов с среду Excel. Результаты по группам сравнивались с использованием фи-квадрат критерия.

Сравнение жизненной мудрости и человеческой глупости
(n=149 чел., шкала от 1 до 6 баллов)

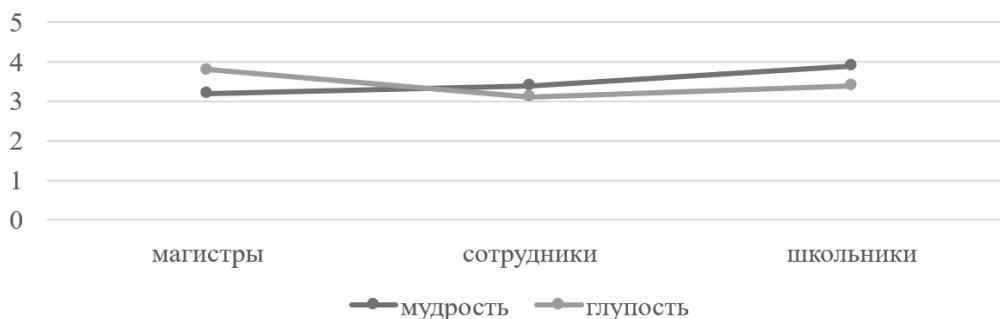

Рис. 1. Результаты сравнения интегративных показателей жизненной мудрости и человеческой глупости в 3-х несвязанных выборках, n=149 чел., шкала от 1 до 6 баллов

В итоге данные представлены на рис. 1. Для магистров мудрость: среднее 3,2 баллов, СКО 1,3 баллов; глупость: среднее 3,8 баллов, СКО 1,2 баллов. Для сотрудников ОВД мудрость среднее 3,4 баллов, СКО 1,1 баллов, глупость среднее 3,1 баллов СКО 0,8 баллов. Для школьников — мудрость: среднее 3,9 баллов СКО 1,9 баллов, глупость: среднее 3,4 баллов, СКО 2,1 баллов.

При интерпретации данных учитывалось различие процедуры замеров. В выборках магистров и сотрудников ОВД опрос проводился во время занятий в университетах бланковым методом, письменно под наблюдением преподавателя. Школьником опрашивали в формате интервью.

Обсуждение результатов, выводы, заключение. Выявлен парадоксальный результат. Получена обратная динамика общего показателя мудрости: минимальное количество баллов у магистров и максимальное у школьников. Разница в измерениях на уровне $p < 0,05-0,01$. Результат может быть объяснен завышенной самооценкой дескрипторов мудрости школьниками, находящихся в специфических обстоятельствах жизненного пути. При этом мудрость оценивалась как вполне положительное качество, глупость — как негативное.

Показатели глупости показали скошенную U-образную динамику. Минимальный уровень глупости показали сотрудники ОВД, показатели у маги-

сторов несколько выше, отличались на уровне $p < 0,05-0,01$ от остальных. Самое большое отличие было у школьников. В то же время оно не показалось нам критическим.

В сочетании с качественным анализом поведения участников обследования выявлены некоторые количественные тенденции. Так:

1) соотношение мудрости и глупости соответствует пропорции «золотого сечения» ($1=0,68+0,32$), что можно считать нормальным для 1 и 2 групп обследуемых;

2) динамика отклонений соотношения мудрости и глупости у специалистов одной профессиональной группы показывает на имеемые сложности в коллективе организации;

3) выход за нормальность распределения ЖМ/ЧГ в группе лиц подверженных суицидальной идеации (на примере подростков) является признаком риска девиантного поведения.

Для подтверждения сказанного было проведено эмпирическое исследование на выборке будущих социальных педагогов (63 курсантов 4 и 5 курсов, обучающихся в МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. Основу составил сравнительный анализ показателей ЖМ/ЧГ. Измерительным инструментом стали приведенные выше методики.

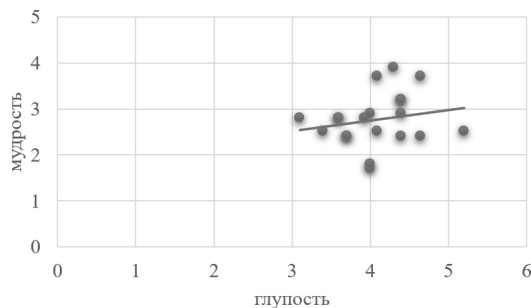

Рис. 2. Результаты измерения ЖМ/ЧГ у слушателей 5 курса

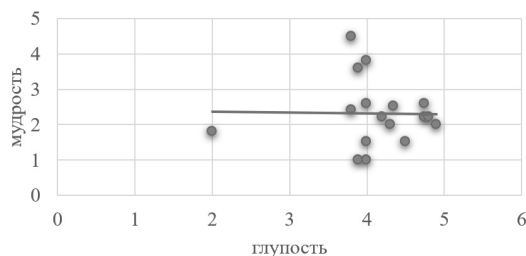

Рис. 3. Результаты измерения ЖМ/ЧГ у курсантов 4 курса

Главный вывод проведенных исследований: современная диагностика личности должна строиться на амбивалентных моделях изучаемых психологических явлений.

Направление дальнейших исследований. Представленные в статье основы Парадигмы жизненная мудрость/человеческая глупость сотрудников в организации может быть включена в концепцию Мудрая человечность организации (Булгаков, 2023), а разработанный и апробированный опросник М/Г дополнит комплекс инструментов для определения риска агрессивного поведения, суицидальной идеации среди детей и подростков общеобразовательных организаций столичного региона. Кроме того, апробированный инструмент возможен для использования в скрининг-измерениях социально-психологических состояний сотрудников организаций, включая ОВД.

Библиографический список

1. Арделт М. Мудрость как система экспертных знаний : критический обзор современной реализации древней концепции // Развитие человеческого потенциала, 2003.
2. Балтес П. Б., Штаудингер У. М. Мудрость : метаэвристический (прагматический) способ направить разум и добродетель к совершенству // Американский психолог, 2000.
3. Булгаков А. В. Мудрая человечность организации : размышления, измерения, перспективы. Монография. М. : Перспектива, 2023. 204 с.
4. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. Изд. Макмиллан, 2011.
5. Карапетян Л. В. Психологическая концепция эмоционально-личностного благополучия : автореферат дис. ... доктора псих. наук. Екатеринбург, 2019. 48 с.
6. Карнаузов Д. А. Коммуникативные аспекты ментальных карт участников образовательного процесса : дис. канд. псих. наук. 2004. 166 с.
7. Кириллова И. В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции ум-глупость в русской языковой картине мира : дис. канд. фил. наук. 2012. 168 с.
8. Львова Е. Н. Личностное опосредствование выбора стратегий совладания в ситуации неопределенности : автореферат дис. ... кандидата псих. наук. Москва, 2017. 33 с.
9. Мишин А. А. Концепты ум и глупость в немецкой и английской языковых картинах мира : дис. канд. фил. наук. 2007. 150 с.
10. Никитина Д. Бессмысленный труд, бредовая работа и организационный абсурд : новые направления для институциональной теории // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 1. С. 129–146.
11. Саттон Р. Как выжить среди мудаков. Лучшие практики. М. : «Манн, Иванов и Фербер», 2018. 219 с.
12. Спирова Э. Разум в окоме глупости // Фило-софская антропология. 2017. № 1.
13. Степанов И. С. Психологические условия

формирования эмоционального интеллекта личности : на примере лиц, занимающихся управленческой деятельностью : дис. канд. псих. наук. 2010. 197 с.

14. Стернберг Р. Дж. Синтез мудрости, интеллекта и креативности. Издательство Кембриджского университета, 2003.
15. Тетиор А. Н. Всеобщий закон бинарной множественности мира // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 2-4 (23).
16. Хахимов Х. Т. Концептуальные поля «ум» и «глупость» в русской и английской лингвокультурах : дис. канд. фил. наук. 2022. 199 с.

Bibliographic list

1. Ardelt M. Wisdom as a system of expert knowledge : a critical review of the modern implementation of an ancient concept // Human Potential Development, 2003.
2. Baltes P. B., Staudinger U. M. Wisdom : a metaheuristic (pragmatic) way to direct reason and virtue to perfection // American psychologist, 2000.
3. Bulgakov A. V. The wise humanity of the organization : reflections, measurements, perspectives. Monograph. М. : Perspektiva, 2023. 204 p.
4. Kahneman D. Think slowly, decide quickly. Ed. Macmillan, 2011.
5. Karapetyan L. V. The psychological concept of emotional and personal well-being : abstract of the dissertation... Doctor of Psychological Sciences. Yekaterinburg, 2019. 48 p.
6. Karnaukhov D. A. Communicative aspects of mental maps of participants in the educational process : dissertation of the Candidate of Psychological Sciences. 2004. 166 p.
7. Kirillova I. V. Linguocultural specificity of the cognitive opposition mind-stupidity in the Russian linguistic picture of the world : dissertation of the Candidate of Philological Sciences. 2012. 168 p.
8. Lvova E. N. Personal mediation of the choice of coping strategies in a situation of uncertainty : abstract of the dissertation of the Candidate of Psychological Sciences. Moscow, 2017. 33 p.
9. Mishin A. A. The concepts of mind and stupidity in the German and English language pictures of the world : dissertation of the Candidate of Philological Sciences. 2007. 150 p.
10. Nikitina D. Senseless work, delusional work and organizational absurdity : new directions for institutional theory// Sociological review. 2023. Vol. 22. № 1. P. 129–146.
11. Sutton R. How to survive among assholes. Best practices. М. : «Mann, Ivanov and Ferber», 2018. 219 p.
12. Spirova E. Reason in the eye of stupidity // Philosophical anthropology. 2017. № 1.
13. Stepanov I. . Psychological conditions for the formation of emotional intelligence of a personality : on the example of persons engaged in managerial activities : dissertation of the Candidate of Psychological Sciences. 2010. 197 p.
14. Sternberg R. J. Synthesis of wisdom, intelligence and creativity. Cambridge University Press, 2003.
15. Tetior A. N. The universal law of binary multiplicity of the world // Eurasian Union of Scientists. 2016. № 2-4 (23).
16. Khakimov H. T. Conceptual fields of «mind» and «stupidity» in Russian and English linguistic cultures : dissertation of the Candidate of Philological Sciences. 2022. 199 p.

Информация об авторе

А. В. Булгаков — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор.

Information about the author

A V. Bulgakov — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 13.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 13.12.2024.